ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Создайте Соціотехнику!
Творите Анархію!

Братья Гордины.

СОЦІОМАГІЯ и СОЦІОТЕХНИКА

или

ОБЩЕЗНАХАРСТВО И ОБЩЕСТРОИТЕЛЬСТВО.

62/14327

1918.

Прев 38

ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Библиотека ООН
Академии Наук

106
39

30-ая Государственная Типография

отдал себя на милость нѣмецкому побѣдителю, на попираніе кантовской пятой абстракціи и вильгельмовскаго милитаризма. Англійская культура, как эмпирическая, научно языческая, пусть она наивна, т.-е. не хитра, не утончена, как нѣмецкій трансцендентализм (горделиво называвшій себя критицизмом), но зато ближе к чувствам, к реальному, к мускулам, к техническому, имѣла право на существованіе лишь тогда, когда она твердо стояла обѣими ногами хоть на землѣ чувственнаго или опытнаго. Эта культура, по существу, должна быть плюралистической, политической, но не монистической, даже не монистически-эволюціонной. Она была таковой, и если опять не вернется к своей плюралнатуристической чистотѣ, не отвергнется от эволюціоннаго монизма она погибнет. Это смутное предчувствіе гибели англійской культурѣ чувствуется в плюрализмѣ-прагматизмѣ Америки. Впрочем ея гибель предвѣщалась еще скептизмом Юма, так что Юм и Джемс—начало и конец агоніи англійской науки.

V.

Эмпиризм и трансцедентализм.

Но смерть англійской культуры уже предначертана, гибели ей не миновать. Дѣло в том, что англійская культура, никогда не стояла на истинном эмпиризмѣ, т.-е. на отрицаніи и отбрасываніи всего надчувственнаго, а лишь наивно отожествляла чувственное с мыслимым, конкретное с абстрактным, словом являла нам такой-же догматизм, как раціонализм, но с противоположной стороны. Это именно и есть наивный эмпиризм, тающій, как туман перед кантовским солнцем сознательности, сознанія различности чувственнаго от мыслимаго. Истинный-же эмпиризм, перед которым опять-таки критицизм Канта оказывается наивностью, благоглупостью ребенка, это уже не англійскій эмпиризм и не нѣмецкій трансцедентализм, а техникализм, одинаково далекій от обоих и признающій и берущій от обоих единственное правильное, что было в них: у эмпиризма его стремленіе к *чувствам*, к *мускулам*, к *технике*, хотя неумѣлое и неудачное, но правильное, а от критицизма его отрицательное отношеніе к наивному отожествленію мыслимаго с чувством, интеллектуальнаго с сенсуальным, тѣм болѣе с *мускульно-техникальным*.

Этот техникализм, единственное правильное міровоззрѣніе, міровоззрѣніе будущаго цивилизованнаго человѣчества, міровоззрѣніе Угнетенных, далек и от бывшаго наивнаго сенсуализма, ибо он не предлагает чувствам быть *познавателями* міра, а лишь *преобразователями*. Вѣрнѣе, он и не обращается ни к разуму, ни к чувствам, а к мускулам. Техникализм означает гносеологически, точнѣе, агносеологически: *мускулизм*. Как в наивном эмпиризмѣ, так в наивном сенсуализмѣ, даже и в наивном критицизмѣ, лежит, коренится одно глубокое противорѣчіе:

желаніе быть тѣм, чѣм не может быть, не умѣет быть. Эта узурпаторская наклонность, неуваженіе к чужим правам, превышеніе своей компетенціи, характерная черта всей нашей матеріальной цивилизаціи, дает себя чувствовать и в духовной культурѣ. Бѣда в том, что пирожник всегда хочет быть сапожником, а сапожник пирожником. Раздѣленные между собою и товарищем два равных кренделя всегда кажутся неодинаковыми: в своих руках—меньшим, а в руках другого большим. В наивном эмпиризмѣ эмпирическое,—с одной стороны, хочет быть или отежествляется с раціональным, а с другой стороны, раціональное хочет быть или отожествляется с *эмпирическим*. Тут, конечно, нельзя заблужденіе, ошибка смѣшенія, недифференціація, неразбериха. Если *эмпиризм то эмпиризм, если раціонализм, то раціонализм*. Нельзя требовать от чувств, чтоб они стали разумом, а от разума, чтоб он стал чувством. Тѣм болѣе нельзя требовать от разума, чтоб он стал мускулом. И тут именно зарыта собака наивности в самом кичащемся яко-бы своей критичностью кантовском трансцедентализмѣ.

Что такое, в сущности, кантовскій критицизм, вѣрнѣе, трансцедентализм?

Присмотритись к нему, и вы найдете в нем вашего стараго знакомаго наивнаго эмпиризма, перевернутаго на изнанку. Трансцедентализм это тот же наивизм, но обратный: если в англійском эмпиризмѣ чувствам приписывалось быть разумом, эмпирикѣ—стать теоріей, то в нѣмецком трансцедентализмѣ разуму повелѣвается стать чувствами, вѣрнѣе, диктаторствовать над чувствами. Коренная ошибка, очевидно, одна и та же. Как в одном, так в другом насиліе: насиліе чувств над разумом или разума над чувствами, очувствленіе разума или оразумленіе чувств. И, как обыкновенно, при всяком насиліи и насильник насилуется, насилуется преступленіем своим, насилуется он противодѣйствіем, сопротивленіем насилуемаго, так что, по существу, глубокой разницы между обоими нѣт.

Если позволительно было бы взять примѣр с политики, то мы сравнили бы это с разыгравшейся на наших глазах сцены диктатуры пролетаріата. Что такое диктатура пролетаріата, если не перевернутая диктатура буржуазіи? Таким путем зло не уничтожается, не устраняется, а лишь мѣняется насильник. Если уж бить, то я лучше буду бить тебя—таково разсужденіе заинтересованнаго, битаго. Но об'ективно, с точки зрѣнія общества, человѣчности, справедливости, не все-ли равно, кто кого бьет, мы нѣмцев, или нѣмцы нас. С точки зрѣнія надклассовой ровно так же никакой разницы нѣт в том: господствует ли буржуазія над пролетаріатом или пролетаріат над буржуазіей. Справедливо лишь одно, чтоб никто никого не притѣснял, чтоб не было классов.

VI.

Монизм и абсолютизм.

В этом примѣрѣ из политики, как в каплѣ воды, как в лужѣ, отражается все небо зла заблужденія и несправедливости. Все это стремленіе к монизму, к насилію, к нераздѣльному господству над всѣм.

Для нас ясно, что мы имѣем дѣло тут с одним из проявленій соціоморфизма, обществоподобія. Монизм и есть политическій абсолютизм, насажденный на почвѣ интеллектуальнаго. В теоріи же познанія этот же монизм называется эмпиризмом, раціонализмом, сенсуализмом и т. д. Во многих мѣстах наших сочиненій мы неоднократно указываем, что бог и природа это соціоморфизм царя, и что царство небесное есть копія царства земного, хотя религіозные думают, что царь — подобіе бога, сын бога, а государство—подобіе небеснаго царства. Так талмуд напр., говорит: malchutha dearla kemâjchutha dischmaja, т.-е. земное царство как небесное царство. Но мы увѣрены, что не то религія, но и наука, в корнѣ своем, является соціоморфизмом, и что борьба идей и теорій, вообще научное опроверженіе, это соціоморфизм войны народов и борьба классов, как вся наша классификація, основанная на координаціи, субординаціи, суперординаціи есть соціоморфизм бюрократической іерархіи, о чем еще рѣчь будет впереди. Для нас ясно, что политеизм есть обществоподобіе маленькаго государства города или семьи и клана, как монотеизм духовный облик централизованнаго всенаціональнаго государства. Ровно так же англійскій плюралнатуризм, многоприродіе, или двуприродіе, вродѣ матеріи и силы, или научная троица: матерія, сила, дух, есть обществоподобіе англійскаго либеральнаго государства с его многовластіем, неприкосновенностью личности, свободой печати и т. д., а нѣмецкій унинатуризм, единство природы, монизм Геккеля, энергетика Оствальда, тѣм болѣе истинно-нѣмецкій, трансцедентальный монизм (хотя нѣсколько еще эмпирически-дуалистическій, по мнѣнію фанатиков Deutschtum'а) Канта и уже нечего говорить о чистокровнѣйшем явно германистическом абсолютном монизмѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля, безсомнѣнно есть обществоподобіе, фактически осуществленный или предвосхищенный, возлелѣянный в тайниках нѣмецкой души, облик національнаго единенія, облик нѣмецкаго всемогущества, т.-е. идеосоціоморфизм, иначе смѣшанный соціоморфизм нѣмецкаго государства, абсолютистически-національнаго, претворяющагося у гегелевских учеников, Маркса Энгельса, в абсолютистически-соціалистическое государство, так-называемое государство будущаго, предвосхищенным соціоморфизмом котораго является историческій матеріализм или, как его Плеханов вѣрно назвал „монизм".

Библиотека С

VII.

Нѣмецкій монархизм.

Если позволим себѣ сдѣлать маленькое политическое отступленіе то мы укажем здѣсь, что вышеразвитыя мысли могут пролить яркій свѣт на запутанную политическую ситуацію как Европы, так и Россіи. Исходя из нашей точки зрѣнія, вполнѣ понятно, почему, напримѣр, нѣмецкая монархія могла до сих пор сохраниться и обѣщает в будущем еще болѣе окрѣпнуть, если выйдет неповрежденным с нынѣшней бойни. Дѣло в том, что нѣмецкая монархія не как русская, не есть пережиток прошлаго, а, напротив, свѣжій продукт національнаго нѣмецкаго творчества, находящагося в полном соотвѣтствіи со всей нѣмецкой крайне-монистической культурой. Еще болѣе, нѣмецкая монархія находится в унисонѣ не только с національным нѣмецким міропониманіем, но и с соціалистическим, точнѣе, с соціал-демократическим. Это не случайность, что Vorwärts рука об руку идет с нѣмецким кайзером Вильгельмом, ибо нѣмецкое марксистское міропониманіе есть лишь дальнѣйшее развитіе и завершеніе нѣмецкой монархичности и монистичности. Оно быть может уродливая форма монизма, с точки зрѣнія чистой философіи, теоретико-познавательно с точки зрѣнія чистой гносеологіи, но для нѣмецкой народной души оно является как раз в пору, как нѣкогда христіанство вполнѣ отвѣчало психологіи народных масс Іудеи, так что лишь потеря государственной зависимости споспѣшествовала торжеству національно монотеистическаго начала над универсальным у іудеев. Мы поэтому и относительно Германіи не беремся предугадать, какое из двух начал, національно-монистическое или соціалистическо-монистическое, возьмет, наконец, верх. Во всяком случаѣ, одно для нас ясно, что как там, в Іудеѣ, мозаизм, іудейство было болѣе національно, т. е. соотвѣтствовало болѣе національной психологіи іудеев, в особенности интеллигенціи, а христіанство отвѣчало психологіи народных іудейских масс, так и здѣсь: кантіанство, напр., выросло из нѣдр самобытной психики нѣмецкой націи, а марксизм есть уже переломленіе той же національной психики, гегеліанства, в соціальной средь, в общих соціальных условіях пролетаріата, откуда вытекает его смѣшанный характер: національно-универсальный. Кто побѣдит у нѣмцев, их Моисей или их Христос, возьмет ли верх психологія над соціологіей или соціологія над психологіей, покажет будущее. Возможно также, что эти два міровоззрѣнія поимирятся и уживутся современем, если только Германія не станет ареной внутренней классовой ожесточенной борьбы или добычей внѣшняго разгрома. Пока не угрожает никакой опасности *), именно благодаря тому, что національное обладает достаточным благоразуміем

*) Во время печатанія сочиненія, Германія начала давать трещину за трещиной и соотвѣтственно этому, дѣлать уступки за уступкой соціализму, что означает: національный вильгельмизм все болѣе капитулирует перед соціалистическим наполеонизмом-вильгельмизмом, так называемым: „марксизм“.

подбросить время от времени кость соціалистическому, а соціалистическое, узнавая свою праматерь в національно-нѣмецкой культурѣ, чувствует и мыслит себя как плоть от плоти и кость от кости нѣмецкаго монизма, как философски-катіанскаго, так и политически-вильгельмовскаго.

VIII.

Монизм Христа и Маркса.

Остановимся нѣсколько на выясненіи истинно-нѣмецкой психологической сущности марксизма, которая проявилась и выявилась в его монистической и, слѣдовательно, по существу нѣмецки-трансцедентальной природѣ, затуманенной лишь внѣшними легковѣсными налетами и маловажными наносами англійскаго, нынѣ отмирающаго, но к этому времени еще сильнаго, эмпиризма, а, главным образом, французскаго матеріализма. Как Христос был истинным учеником Моисея и пророков, еще болѣе крайним монистом, чѣм сам Моисей, так Маркс также был истинным учеником Канта, фактическим учеником Гегеля, нѣмецким духом упоеннаго и свободнаго философа, настолько нѣмецким духом упоеннаго и свободнаго от всякаго чужеземнаго вліянія, что далеко оставил своим панлогизмом, соціоморфизирующій его пангерманизм, за собою Канта, не бывшаго свободным, по собственному признанію, от англійскаго эмпиризма и скептицизма, представленнаго Юмом (Маркс ученически был бы связан с Гегелем, если и не был бы фактическим учеником, все равно как Христос с Ісаіей). И как Христос довел монизм своих іудейских предшественников и учителей до самаго ужаснаго невозможнаго предѣла-абсурда, так и Карл Маркс.

Монизм Моисея был хотя антропоцентрическим и національно-ограниченным, но зато сравнительно *космическимъ*, монизм же Христа был космополитическим, интернаціональным, но зато, еще пуще ограниченным, *соціальнымъ*. Первый был національен, но національными крыльями Іагве все же еще сравнительно осѣнил весь мір, весь космос, другой якобы болѣе широк, но зато ударился в такую нравственную исключительность, в такой этомонотеизм или моноэтизм, что весь мір, весь космос сосредоточился у него в одном нравственном принципѣ, в одной моральной точкѣ—в любви к ближнему, т.-е. к бѣдному, и ненависти к дальнему, т.-е. богатому. Нечего говорить, что этот монизм обладает особою красотой, особой прелестью, но с точки зрѣнія об'ективной, с точки зрѣнія космической, философской, не выдерживает никакой критики. Он, может, невинно привлекателен, но он глуп как пробка, ограничен, как замкнутое пространство и фанатичен, как Ленин; он духовный урод, каким именно был его творец—Христос. С другой стороны, опять-таки ясно до очевидности, что

Христос завершил, округлял, заострил и сузил и юдаизировал тот замкнутый ограниченный круг мозаизма-израилизма, который до него *суживали, централизовали, юдаизировали-давидозировали, т.-е., мессіанизировали пророки.* Только полное преодолѣніе сепаратизма колѣн и провинцій, полное пренебреженіе всѣми народами и внѣшним міром создало, легло в основу профетизма, и только полное упраздненіе многообразія и об'ективности, воцареніе одной суб'ективной трансцедентальной, лирической однобожественности, только богоупоенность крайняго монотеизма, являющаяся, по существу, упоенностью самим собою, собственным энтузіазмом, собственной экзальтаціей,—дали нам соціальный профетизм, называемый Ісусизмом, т.-е., христіанством. Только на почвѣ такого ненормальнаго гипермонизма и суперсуб'ективизма могло произрасти такое ненормальное растеніе, вродѣ христіанства. Ровно также мы видим, что и нынѣшнее научное христіанство, марксизм, является законным дѣтищем нѣмецкаго монизма и нѣмецкой трансцедентальности, вообще нѣмецкаго научнаго профетизма, т.-е., *философизма.* Между Кантом и Марксом лежит такая же связь, как между Моисеем и Христом. Если Кант, как Моисей, отчасти еще *космичен,* то Маркс, как Христос, лишь соціален. Но космичность Канта, как Моисея, уже не физическая, а психологическая, и слѣдовательно, *психокосмичность,* перевернутость которой, в цѣлях примиренія с эволюціонизмом, является панпсихизм Геккеля и дальнѣйшим продолженіем—подражаніем которой, в цѣлях примиренія с англо-французским матеріализмом, является моносоціализм Маркса. Ясно до очевидности, что это та же одержимость, то же маніачество, тот же фанатизм. Как Христос довел Моисея-Ісаію до полнѣйшаго краха и абсурда, до сына божьяго, так Маркс—своего Канта—Гегеля. Безконечная вселенная, солнечныя системы были созданы лишь для того, чтоб на землю появился богочеловѣк, искупил бы их грѣхи своей кровью и заповѣдал им любовь к ближнему, т.-е., любовь к каким-то людишкам, бѣдным, живущим на землѣ. Вот нравственная прекрасная галиматья Христа, манящая нас своей вдохновенной всеобщественностью, всенравственностью, но на смерть запугивающая нас своей бездной глупости-тупости и смотрящим из нея на нас неизреченным ужасом наибезпардонѣйшаго суевѣрія. Посмотрим же, что выходит по Марксу. И тут то же, что у Христа. Вселенная, космос, солнечныя системы, вся жизнь человѣка, все химико-физіологическое, біологическое, психологическое сводится к одному соціальному, а из соціальнаго, и из этого многообразія, выкраивается опять одна какая-то полоска, одна какая-то сторона-экономика, а из нея опять-таки выдѣляются какія-то производительныя силы, словом экономическій Іагве, отче наше—Капитал. Не проявился ли здѣсь, самым ярким образом, нѣмецкій монизм—трансцендентализм, метафизицизм-философизм, не проявился ли он в самой уродливѣйшей формѣ, в самом смѣхотворнѣйшем видѣ! Не проглядывает ли тут утвержденіе умнаго Вольфа, что солнце создано для того, чтоб у нас была экономія в дровах лѣтом. Воистину умственный спекулятивный гокус-покус Гегеля перед нами. Конечно, логос, міровой разум создал вселенную, безконечные міры для того, чтоб на

землѣ *Добрые Естественные Процессы* привели соціализм. Не есть-ли самъ Маркс морализирующій экономическій урод, экономоманіак, как Христос—этоманіак!

Можно-ли колоссальнѣйшее міровое разнообразіе, эта безконечно большая численность вещей и явленій и безконечно-глубокая самобытность вещей и явленій свести к экономикѣ, к классовой борьбѣ. Ведут ли звѣзды классовую борьбу между собою? не явная ли это безсмыслица, бред?

Впрочем, да! закон тяготѣнія, отталкиванія и притягиванія, отталкивательныя силы и притягательныя, глупая передержка престарой ненависти и любви атомов—это именно соціоморфизм войны и міра, классовой борьбы и солидарность пролетаріата, психо- и біоморфизм ненависти и любви к женщинѣ. Но безсмыслица и бред состоит в том, что маніаки-фанатики видят в любви к женщинѣ тяготѣніе атомов, атомоморфизм. И это бред и умопомѣшательство. Но для соціал-маніаков, как для атомоманіаков бреда нѣт. Им нужна их нелѣпая глупая варварская игрушка. Как дѣти они не прочь заплакать, разсерживаясь на горячій суп, который им обжог язык, и какъ дѣти они не прочь поколотить стол или стул, потому что он не исполняет их воли. Это дѣти фетишисты; атомо-фетишисты, физо-фетишисты одни, а соціал-фетишисты другіе. Но фетишистичнѣе, бредовѣе всѣх это—моносоціал-фетишисты, соціал-монисты. В соціальной средѣ, гдѣ даже фанатики физической закономѣрности не видят никаких законов, в этом *разнообразіи* разнообразій соціал-маніаки находят абсолютное единообразіе монизма. Это их собственная манія, вышедшая из их головы и представшая пред ними!

Но реальный ясный ум должен понимать, что монизм это рѣшетка духа, заслоняющая пред человѣком великій, широкій, многоликій божій свѣт. Монизм это кастрація духа, но люди привыкают к этой аномаліи мало-по-малу, все болѣе суживая свое поле зрѣнія, пока оно не покрывается острым кончиком иголки. Монизм это духовная чахотка, доведеніе своей таліи до утонченности спички, и люди ужаснулись бы своей собственной уродливости, испугались бы своего духовнаго облика, если не привыкли бы к нему исподволь и с малолѣтства. Мог-ли бы Карл Маркс дойти до такого полнаго одуренія, если бы не был правовѣрным сыном нѣмецкой націи и не был бы воспитанником нѣмецкой философіи! Нѣт, никоим образом нѣт! Только, будучи учеником наибредовѣйшей, наиспекулятивѣйшей и наиоригинальнѣйше самобытной, наипрогерманизованнѣйшей головы нѣмецкой философіи, именно Гегеля, он мог добрести до этого абсурднѣйшаго изуродованнаго и искалѣченнаго, свободнаго от всякаго здраваго смысла, ученія, представляющаго собою интернаціонализованную нѣметчину, нѣметчину чистѣйшей трансцедентальной воды, по какой то иронія дьявола творчества, названную им *историческим матеріализмом*.

IX.

Этическій матеріализм Христа и историческій матеріализм Маркса.

Но почему именно Карлу Марксу угодно было окрестить свое истинно-нѣмецкое дѣтище, монистическій урод, чужеземным именем, да еще французским?

Как уже указали, Маркс был по духовной своей профессіи штопателем, коверкателем, переименователем, и к тому, довольно хорошим компилятором, всегда соединяющим несоединимое, чужое по духу, синкретическое. Об его штопательски-переименовательской дѣятельности рѣчь была уже у нас выше и в дальнѣйшем нам еще неоднократно придется накрыть его при этой-же благородной и благодарной велико-творческой работѣ... Впрочем, достаточно указать на его личную характеристику самого себя. Если Христос, как духовный портной (рыбаком он был лишь для ловли дураков, рыб глупости, но по философскому своему міровоззрѣнію он был портным) был главным образом, укоротителем моисеевской шубы, лицемѣрно называя себя удлинителем ея, то Маркс, живя в болѣе свободолюбивое и смѣлое время, присвоил себѣ титул и герб перворачивателя на изнанку. Маркс сам говорил, что несчастный Гегель стоял на головѣ, и вот пришел он, Маркс, и поставил его на ноги. Тут уже пахнет чуть ли не христіанским искупленіем. Так Христос избавил нашего праотца Авраама, Ісаака и проч. из пекла. Ну вот и Карл Маркс избавил Гегеля из пекла заблужденія, положив конец его мукам стоянія на головѣ. Но одно по крайней мѣрѣ, ясно: если голова у Гегеля была сумбурная, плутовато-метафизическая, то она осталась таковой и послѣ Марксова переворачиванія. Значит улучшенія во всяком случаѣ, тут никакого нѣт, а вот, видите ухудшеніе-то как раз на лицо. Для метафизических кувырканій Гегеля, этого архи-фокусника изощреннаго ума, как раз удобно было держать голову между ног внизу—так и вертишься клубком. Тут пришел наш милый умница Карл Маркс и, видя своего учителя в таком неприглядном положеніи, с сердцем обливающимся кровью, взялся за его выпрямку. Выпрямил, выпрямил философскаго шуцмана и давай кувыркать его как раньше. Тут пришлось Карлу Марксу здорово понатужиться, ибо когда голова и ноги на мѣстѣ, вот так стоймя, эдак плашмя перекувыркаться в воздухѣ довольно хитрая штука.

Вот какую аперацію совершил Карл Маркс, благодаря его бездарности, при его неумѣніи творить для своего экономизма новую философію и слишком сильном желаніи пооригинальничать над попавшимся в его неуклюжія медвѣжьи лапы Гегелем. Неумѣніе творить новую собственную гносеологію и методологію, словом новую философію, для своей экономики, заставило его прилѣпить к ней діалектику Гегеля.

Тезы, антитезы и діалектика вещи прекрасныя, но хороши лишь на своем мѣстѣ у воздушнаго Гегеля; онѣ так же милы и прекрасны

как трепещущія крылья бабочки на солнцѣ — эта діалектика и есть бабочка окрыленной метафизики на солнцѣ логоса. Но как вам нравятся эти воздушные пируеты в мужицких „ботах" англійскаго эмпиризма, в колодах французскаго матеріализма! Да, у Маркса діалектика производит впечатлѣніе черта в ризѣ или монаха в бабьей юбкѣ. Право, что-нибудь поглупѣе и поуродливѣе и сам геній глупости и уродства придумать не мог бы!

Но оставаясь вѣрными проведенной нами паралели между Марксом и Христом, вернемся опять к Христу и посмотрим, проявил ли он себя лучше в его штопательской компиляторской дѣятельности, чѣм Маркс.

На этот вопрос можем лишь отвѣтить отрицательно: нѣт, нисколько ни лучше.

И Христос оказался таким же жалким духовным уродом, как Маркс. Их синтетическая задача поразительно сходна и сводится к одному, к соединенію несоединимаго. Та же тройка, запряженная в духовную колесницу Маркса фигурирует и у Христа: лебедь, рак да щука. Лебедь у Маркса, это легкокрылая метафизическая субъективная философія нѣмцев, завершенная и главоувѣнчанная Гегелем; у Христа же—трансцедентальный лирическій субъективный монотеизм іудеев. Так у Маркса—англійскій тяжеловѣсный эмпиризм и реакціонная и безнравственная ея политическая экономія; у Христа же—языческій, греческій эпическій грубый и прочный эллинизм с его рабством и безнравственностью. Щука у Маркса—компромиссный, посредническій французскій матеріализм, трансцедентально-эмпирическій. Идея-Исторія, матеріализованная в экономокѣ, и экономика, конструирующая Исторію Идею, словом историческій матеріализм; у Христа же—филонская, александрійская теософія, филонизм, іудеоэллинизм, бого-человѣк, как воплощенный Теос-*Логос-Этос*, словом, *этическій матеріализм*..

Но сопрягаема-ли трепетная лань Іудеи с солидным деревянным конем Трои, соединимы ли эти элементы—об этом Іисус так мало думал, как Карл. Будучи крайними фанатиками, огражденными от соблазнов и совращеній грѣшнаго, разбросаннаго, безсистемнаго, безпринципнаго внѣшняго міра, чуждыми по существу, по національной своей психологіи, чужевліяніям и чужевѣяніям, они и не могли задать себѣ такого рода вопроса. Исторія человѣчества знает мало примѣров такого безудержнаго, не знающаго никаких предѣлов фанатизма, каковой совмѣщали в себѣ эти двое влюбленных в себя, до умопомѣшательства ограниченных, до навязчивости моноидеистичных, ругающих всѣх и все, каждаго, и всякаго, несогласнаго с ними, непризнающаго их химеры, фарисеем или язычником (Христос), метафизиком-идеалистом или буржуа (Маркс). Слово „фарисей", служившее почетным именем у іудеев, названіем чисто-нравственнаго и чисто-надчувственнаго теченія в іудействѣ, служило Христу ругательством, обращаясь тогда спиною к своему народу и лицом к языческому міру, подло льстя ему, поддакивая ему и заискивая пред ним. Так и видим пред глазами то злорадное ликованіе, ту поощряющую улыбку, сіявшую на лицѣ безнравственнаго языческаго міра, в возмездіе Христу за его

разгром ненавистних фарисеев. Ибо что такое означает фарисей? фарисей означает по древне-еврейски: отшельник (от глагола parosch удалиться, уйти). Он ушел от сует міра сего к своей нравственной идеѣ, ушел и в жизни и в мыслях к своему надчувственному (трансцедентальному) богу. Слово „parusch“ обозначает и нынѣ у ортодоксальных евреев человѣка, отказавшагося хоть на время от семейной жизни—живущаго холостяком, занимаясь цѣлый день исключительно изученіем торой. Имѣл ли Христос—сам фарисей, безумный фанатик фарисейства, т.-е. эксцентрической морали, абсолютнаго воздержанія и отреченія от соблазнов міра сего,—имѣл ли он хоть малѣйшее право сдѣлать это слово, в угоду безнравственному языческому міру, ругательством?! Он имѣл на это такое же право, как Маркс на то, чтоб дѣлать слово „метафизик“, „идеалист“, „утопист“ посмѣшищем, притчей во языцѣх в угоду реальной, трезвой англійской и французской буржуазіи. Сам же Маркс, вѣдь, был фанатичнѣйшим идеалистом, неимовѣрным невиданным извращеннѣйшим в мірѣ монистом, слѣдовательно, метафизиком. Но как совмѣстил в себѣ Маркс такое вопіющее противорѣчіе, как наикрайнѣйшій монизм, идущій к лицу лишь нѣмецкому трансцедентализму, сочетающійся лишь с необыкновенным идеализмом, являя собою кульминаціонную его точку, спаривался у него с матеріализмом, с реализмом—остается для нас тайной постольку, поскольку на это не проливает нам нѣкотораго свѣта извращенная, непослѣдовательная, антифилософская скачкообразная, с бухты—барахты, ни с того ни с сего и ни к селу ни к городу, капризно-своевольная природа его монизма. Для воспитанника Гегеля, всосавшаго с молоком діалектики правило; „тѣм хуже для фактов!“, никакіе законы здраваго смысла простых смертных не писаны. Для него невозможнаго, недопустимаго не существует. Изощренный крючкотворством софистической діалектики ум легко, без всякаго труда, может перерѣзать послѣдній оставшійся волос здраваго смысла на плутоватой увѣнчанной дурацко-умным метафизическим колпачком головѣ. Он может бракосочетать сѣверный и южный полюс, соорудить маслобойню для козлинаго молока, гонять водку из стѣны, выстроить печь из масла и затопить ее лѣтом на солнцепекѣ... Проходя эту софистическую школу Гегеля, будучи удвоенным монистом, монистом ативистическим, потомком гипермонистических іудейских пророков, и к тому еще, вдобавок, к довершенію нѣмцем, он был вполнѣ способен и призван стать изобрѣтателем той огненной воды, носящей громкое имя: историческій матеріализм, который, в сущности, и должен был называться: идеалистическим матеріализмом, еще вѣрнѣе: матеріалистическим идеализмом.

Сродни-ли эти два элемента, которые Маркс спаривал, это для него было безразлично. Он знал прекрасно, что бог діаклектики и софистики, которому он служил вѣрою и правдой, как древній іудей и современный нѣмец, не оставит его. И вот он взялся за алхимію матеріализма с соціализмом... дѣлать один состав из верха идеализма (соціализма,—утопизма) и самаго грубаго матеріализма. И состряпав нам это прелестное блюдо, дивный венигрет англійской эмпирической мякины и французской матеріалистической крапивы на эеирѣ гегель-

гельянской діалектики, он с увѣренностью и апломбом преподнес его глупому міру. А глупый мір расхлебывал и расхлебывает, смаковал и смакует: нѣмец обомлѣл, тая от сладострастнаго упоенія своим ультра-идеалистическим эѳиром; француз нашел грубо-тонкую элегантную свою матеріалистическую крапиву, а англичанин, англійская корова, свою эмпирическую мякину. Словом, всѣ в восхищеніи от чудесной маркситской похлебки... Но кто не склонен вкушать райскую сладость в этой отвратительнѣйшей смѣси, кто не питает особой слабости к ублюдкам, кто любит чистую породистость, кто любит мякину или хлѣб эмпиризма на своем мѣстѣ, за Темзой, кто любит упиваться нѣмецким эѳиром лишь в Кенигсбергѣ, Берлинѣ и Магбургѣ, и любоваться французским разгульным матеріализмом-сенсуализмом в парижских салонах, опять на своем родном мѣстѣ,—тот объявляется преврѣнным идеалистом, буржуа или мелко-буржуа, т.-е. фарисеем или язычником, мытарем, и т. п.

Но, скажите, нам, если мы матеріалисты, неидеалисты, реалисты, то что постыдное, ругательное для нас в кличкѣ „буржуа". Кажется, что лучшаго экономическаго матеріалиста, чѣм типичный англійскій буржуа, никакой наигегельянской діалектикой не отыщешь. Кажется, никто не менѣе мелко-буржуазно идеалистичен, чѣм скрудж. Развѣ мальтусовскіе совѣты не жениться и сдѣлать сбереженія—не самое анти-идеалистическое, самое трезвое, самое экономически-матеріалистическое, что можно было бы предложить рабочему. Это полное подчиненіе всего хозяйственным интересам, подавленіе инстинкта самосохраненія, упраздненія, с одной стороны, всего ниже-экономическаго, т.-е. біологическаго, и, с другой стороны—подавленіе всего экономическаго, вродѣ влеченія к идеализированной семейной жизни, все это нам так прекрасно обрисовал Диккенс в своем Christmas Carol—и развѣ этот скруджизм не торжество экономическаго матеріализма?

Спрашивается, слѣдовательно, можно ни сдѣлать ругательством в одно и тоже время и слово „буржуа" и слово „идеалист"?

Отвѣт на это прост и ясен: когда Маркс ругался „буржуа", он снова обернулся, спиною к тому буржуазному міру, перед которым он недавно заискивал усердно, развѣнчивая фантазеров-идеалистов-утопистов, и который неистово рукоплескал ему в отвѣт на его любезности,—и лицом к тѣм же идеалистически-настроенным людям, которые всегда томились и томятся нынѣ душою, тосковали и тоскуют по лучшему будущему. Как ловкій политическій парламентскій жонглер, он пожинает аплодисменты, то справа, то слѣва.

Таков был Карл Маркс, таким изворотливым дипломатом, он был лавирователем между Сциллой эмпирически-буржуазнаго англійскаго міра и Харибдой нѣмецки-идеалистическаго этическаго (этическаго, право, лишь в философіи, в абстракціи, и разбойничьяго, во всяком случаѣ, не менѣе англіскаго в жизни, в практикѣ) міра в челнокѣ французскаго матеріализма, украшенном тремя національными флагами: англійскаго тредіюніонизма, французскаго утопизма (соціализма-коммунизма) и нѣмецкаго мессіанства (идеализма, фихтіанства—гегельянства, словом, пангерманистическаго націонал соціализма). Эта перетасовка флагов, это кровосмѣ-

шеніе трех *національныхъ* культур произвело на свѣт божій марксистскій ублюдок, в основной сущности своей, все-таки оставшійся нѣмцем, как христіанскій троичный ублюдок—іудеем. Сколько Христос ни ругал іудеев, ни ругал фарисеев, и сколько он не натерпѣлся от них, все-же сам был и всегда остался іудейским фарисеем, іюдейским монахом-отшельником. Так и Карл Маркс, сколько он ни бичевал нѣмецкаго идеализма, нѣмецкую метафизическую философію, сам послѣ всѣх его скиганій и мытарств, послѣ стольких лѣт эммиграціи, послѣ проведенной жизни в Парижѣ и Лондонѣ, все-же остался в корнѣ нѣмецким идеалистом, нѣмецким метафизиком, только с французскими налетами и англійскими наносами.

X.

Мнимый интернаціональный характер и значеніе христіанства и марксизма.

Как христіанство, так и марксизм превозносится своими послѣдователями, как ученіе не только проповѣдующее, вѣрнѣе, проповѣдовавшее (ибо, как укажем дальше, это—одно из противорѣчій марксизма; пережиток утопизма, что опять лишній раз показывает нам винегретный его характер) космополитизм, но являющееся космополитичным и по существу, по духу своему, по самой сущности своей. Мы, однако, истинной космополитичности и общечеловѣчности здѣсь не видим, а видим лишь вавилонское столпотвореніе, священную научную троицу, принимаемую за весь мір. Внѣшнее трехличіе, напяленныя французское и англійское липа на верху и вверх истинно-нѣмецкаго лица, объявляется безличной всемірностью. Уже не говоря о том, что если бы даже эта мнимая, искусственно-грубо, бѣлыми нитками сшитая, триединость была бы не насильственным механическим соединеніем, не была бы спариваніем лани, змѣи и кита, то она все же глупо-ограничена, дѣтски-наивна по одному тому, что Англія, Франція и Германія еще далеко не весь мір. Тут бьет в глаза характерная черта европейской культуры, мнящей себя, по примѣру ея предшественницы,—азіатской культуры,—быть всемірной, провозглашая свою гегемонію и культурное избранничество, несмотря на то, что поучительный урок трагической кончины всяких таких избранничеств, вродѣ избранничества еврейской націи, китайской и т. п., должен был, кажется, нѣсколько отрезвить гегемонистов—монистов культуры.

Характерно, что всѣ такого рода разсужденія глупо-ограничены, дышат субъективной самонадѣянностью, и дѣтски-наивны, и варварски-дики в одно и то же время. Этот монокультуризм (культурная монополія и миссія) достоин Европы и Европа достойна его. Этот

варварскій фанатичный монизм, господствует во всѣх уголках европейской жизни, во всей европейской культурѣ, им пропитана вся европейская наука, он вѣнец всѣх европейских помышленій и устремленій, он является краеугольным камнем и послѣдней цѣлью всей европейской политической борьбы. *Одно государство, одно хозяйство, одна культура должны быть насильственно навязаны всему міру, всѣм народам.* Весь земной шар должен быть охвачен одним желѣзным обручем единой европейской культуры, скован единой нашей волей, проявляемой в нашем государствѣ, сцѣплен мертвящими клещами единаго рабскаго нашего хозяйства, словом, поклоняться нашим Ньютонам и Спенсерам или Кантам и Марксам, исполнять волю наших Биконсфильдов и Ллойд-Джорджов, Бисмарков и Вильгельмов и работать по нашей указкѣ, по установленному нами тарифу и опредѣленному нами рабочему времени—в одной всемірной удушливой фабрикѣ.

Вот идеал европейской культуры, — и англійской, и нѣмецкой, и французской, он же идеал марксизма: едино хозяйство и един хозяин—государство,—простое переложеніе монистически-абсолютистическаго: „Едино стадо и един пастырь“ христіанства.

Вот истинное лицо, истинное значеніе интернаціональности марксизма. В самом лучшем случаѣ, это—триединый бог, властвующій над всѣм міром. В самом идеальнѣйшем видѣ марксизм был бы союзом Англіи, Франціи и Германіи для подавленія, истребленія всѣх мелких народов, для разоренія всего міра, для уничтоженія всѣх других культур и маленьких цивилизацій и пусть во имя соціализма. Истинный марксист и радуется потому всяким міровым бойням, росту имперіализма, ибо от них он ожидает единственно представляемое его монистическому, эгоцентрическому, европогегемонистическому варварскому, фанатичному и ограниченному уму спасеніе міра и человѣчества. Так мыслил спасеніе человѣчества дикій фанатик, изступленный, бѣшеный и тупой изувѣр, азіатско-іудейскій варвар—Христос. Едино стадо и един пастырь, что означает: дайте мнѣ міровую палку и буду капралом человѣчества!

Ровно так же, не отступая от него ни на іоту, мыслил спасеніе пролетаріата и чрез него и всего человѣчества, неменьшій изувѣр, фанатик, бѣшеный и тупой европейско-нѣмецкій варвар—Маркс. Один большой капитал должен поглотить всѣ маленькіе капиталы, одно большое государство должно поглотить всѣ государства—вот идеал марксизма. Оба эти варвары ждали міровых боен, міровых катастроф. Изувѣры-мессіанисты всѣх времен, от Даніила до Іоанна, от Бар-Кохбы до Сабатай-Цеви усматривали во всякой большой войнѣ послѣднія судороги умирающаго міра, толкуя их по видѣніям Даніила (евреи) или Іоанна (христіане).

Дальше еще придется нам остановиться на этой связи между бойнями и еврейским мессіанством, который толковал их, как бой Гог с Магогом, а голод и мученія—как страсти Мессіи (?!). Тут мы лишь укажем на варваризм, монизм и наивизм, лежащіе в основѣ лжекосмополитизма марксизма и христіанства и совпадающіе всегда, без всякаго исключенія, даже дѣйствуя иногда заодно, объединенно

в христіанском, как и в марксистском лжекосмополитизмѣ, грубое варварство всегда совпадает с дѣтской наивностью. Марксисты, как христіане-іезуиты, стремятся, в сущности, осчастливить весь мір, облагодѣтельствовать всѣх, всю Европу, весь земной шар. Марксизм русских коммунистов, в сущности, должен был бы назваться уже не марксизмом, а, на манер іезуитов, карлизмом, ибо он уже представляет собою реализацію и, слѣдовательно, доведеніе марксизма до абсурда, до фактическаго абсурда, до ужаса. Этот карлизм, иначе—ленинизм, представил нам образчик мертвящаго ужаса марксистскаго безобразія, как іезуитизм, являющій собою лишь реализацію христіанства, извергает нас в такое же оцѣпенѣніе и омерзѣніе. Іезуитизм нам показал, что христіанская любовь, раз она желает спасти все человѣчество, навязывать свою любовь всему міру, стать царством, и пусть даже божьим, то ея любовь—любовь обезьяны: это удушеніе человѣчества, всѣх народов в любовных объятіях Христа. Таков и большевистскій коммунизм, провозглашающій міровую революцію, т.-е. желающій удушить весь мір в марксистских об'ятіях.

Но истинный интернаціонализм и космополитизм значит предоставить всѣм право устроить себѣ жизнь по-своему. Истинный космополитизм это—не устройство одного всемірнаго кулака-государства. Истинный интернаціонализм это безгосударственное свободное общество, будет ли оно всемірным или невсемірным—это зависитъ от доброй волн міра человѣчества и от роста соціальной техники, от умѣнія руководить колоссальными соціальными механизмами вольным образом. Главное и первостепенное это, чтоб общество было безгосударственным, а остальное уже приложится. Истинный космополитизм только и начинается с отрицаніем государства, ибо он отрицает національное государство, основу всякой государственности; смѣшно потому звучат рѣчи о космополитизмѣ в устах тѣх, которые апоеозируют государство!

Мыслимо-ли примиреніе государственной идеи, в какой-бы формѣ она и ни была облечена: в монархической, демократической или совѣтской,—с истинным космополитизмом?

Безсомнѣнно, нѣт! Государственный космополитизм означает поглощеніе всего міра одним народом, все равно воображает-ли он себя носителем монархически-государственной идеи или совѣтско-государственной. Так или иначе, а при побѣдѣ той государственной формы, которую этот народ носительствует, он станет міровым кулаком, всемірным заправилом и насильником. Иначе быть не может, раз только принудительность остается в силѣ, как постоянная форма управленія обществом. И суть дѣла не измѣнится от названія. Назовете-ли эту принудительность демократизмом или совѣтизмом—все равно.

Что такое, при таких условіях, космополитизм?

Космополитизм—это идеологія—маскировка имперіализма. Космополитизм—это міровой имперіализм.

Космополитизм—это вселенческій, всеміровой разбой и грабеж.

Что за разница между ним и патріотизмом, конкретнѣе, что за разница между этим *космосом* и *отечеством*?

А вот какая:

Космополитизм означает: весь мір будет моим отечеством, т. е. весь мір будет в моих цѣпких лапах, весь мір будет изнывать под моим игом. Космополитизм, таким образом, есть самый высшій тип имперіализма. Это стремленіе одного народа-разбойника захватить весь космос в свои руки.

Гдѣ и когда и для чего рождается космополитизм?

Он рождается, обыкновенно, вездѣ, гдѣ требуется, чтоб волк мірового имперіализма выступил под овечьей шкурой человѣчественности. Послѣдней его маскировкой был наполеонизм.

Чѣм был этот Наполеон?

Не ясно-ли, что этот звѣрь, во французском лже-революціонном образѣ, был одним из самых кровожадньйших хищников в мірѣ. Не этому хищнику нужна была дымка, нужны были шелковыя перчатки на когтях. И вот для этого появился космополитизм. Простой національный звѣрь, звѣрь національных дико-патріотическихъ темных лѣсов, об'явил себя *всемірным?* Стал ли он лучше, благороднѣе, менѣе кровожадным от этого? Нѣт, наоборот. Он стал угрозой міра, вмѣсто пугала одной націи—пугалом всѣх націй, вмѣсто бичом одной часта свѣта—бичом всего земного шара, всего человѣчества. Вампир стал всемірным, когти его стали всемірными, конзаются они поочередно или зараз в искалѣченное, истерзанное и изчасилованное им тѣло всего человѣчества. Возрадуйтесь, человѣчество-любители: его огненный язык лижет кровь всего человѣчества...

Все человѣчество распятое, все человѣчество в крови — вот вам космополитизм

Лучше-ли этот хищник, чѣм открытый имперіализм. Наполеон или Вильгельм, кто из них хуже?

Мы увѣрены: Наполеон. Уже не говоря о том, что первый вызвал и породил второго, что французскій имперіализм, именовавшій себя космополитизмом, явился отцом нѣмецкаго шовинизма, что французское избранничество — предшественник нѣмецкаго избранничества, и, слѣдовательно, уже одним этим наполеонизм нам ненавистнѣе вильгельмизма, но пойдем далѣе: и сам по себѣ, об'ективно разсмотрѣнный, как тип, как личность-урод, как воплощеніе и сосредоточеніе всего ему современнаго насилія в одном лицѣ-чучелѣ, нам Наполеон противнѣе, возмутительнѣе, страшнѣе, чѣм Вильгельм.

Вильгельм это вѣнценосный монарх, вѣнценосная сволочь, которому истребленіе человѣчества и своего народа принадлежит по праву наслѣдства. Такіе, обыкновенно, и не бывают особенно злы, особенно узурпаторски, особенно тираничны. Их кровожадность естественна, как кровожадность піявки, которая пьет кровь без жестокости, даже с благородством, божіей милостью. Таков и помѣщик стараго знатнаго рода. Это развратники, сохраняющіе свою дѣвственную невинность, непорочность, не вѣдая, не сознавая своего грѣха. Они суб'ективно безгрѣшны, дѣтски-наивны — словом, вампиры с женственными сердцами и дѣтскими душами.

Мы не думаем, чтоб таковым был Вильгельм. Всего, что угодно, но, во всяком случаѣ, не женственность. Нѣмецкому типу, вообще чужда женственность. Но мы говорим не о біологически-психологической женственности, а о нравственной. Мы имѣем в виду нравственную нетронутость, а таковая вполнѣ *допустима* у всѣх коронованных разбойников, но *необходима* она и, безсомнѣнно, имѣет мѣсто у нѣмецкаго коронованнаго разбойника, ибо нѣмецкій разбой всегда шел и идет рука об руку с императивом Канта и с абсолютной гегемоніей этики Гербарта, как у іудеев он параллелизировал с мозаизмом и даже с профетизмом.

Вильгельм, безсомнѣнно, является благородным разбойником, этическим разбойником. Но Наполеон?

Наполеон это—выскочка-кулак. Вильгельм это—символ юнкерства, а Наполеон—буржуазіи. Кто хуже: дворянство или буржуазія?

Нѣт сомнѣнія, что буржуазія. Выскочка-хам, когда он становится господином, взбунтовавшійся раб, не в прекрасно-величественный момент его возставанія, освобожденія и творчества, а послѣ побѣды, у власти, на тронѣ, в качествѣ тирана, диктатора,—не в примѣр хуже, чѣм наслѣдственный монарх. Из исторіи нам извѣстно много таких примѣров, между которыми имя: „Ирод“ занимает первое мѣсто, став нарицательным.

Царственный раб страшно обидчив, подозрителен. Не умѣя внушить к себѣ уваженія, тѣм болѣе, благоговѣнія, он старается окружить себя черным ореолом ужаса. Он и чужд всякой, хоть маломальской деликатности, сердечности, благовоспитанности, всегда искусно прикрывавшей и смягчавшей общественное зло своей индивидуальной добродѣтелью. Буржуазные эксплуататоры, денежные кулаки, американскіе милліардеры всегда хуже „благородных“ англійских лордов.

По той-же причинѣ нѣмецкій имперіализм, как указываем дальше, задорнѣе и драчливѣе англійскаго, и гораздо опаснѣе, как для маленьких государств, так и для своих угнетенных національностей, как и *диктатура пролетаріата внушаетъ люмпенпролетаріату болѣе серьезныя опасенія, чѣмъ диктатура буржуазіи.*

Диктатура пролетаріата, не по отношенію к буржуазіи, а по отношенію к бывшему своему брату, люмпенпролетаріату, это иродово царство, как диктатура буржуазіи была таковой по отношенію к пролетаріату. Послѣдняя, предательская диктатура буржуазіи была для него хуже, чѣм диктатура дворянства.

Буржуазія измѣнила пролетаріату, пролившему свою кровь за утвержденіе ея господства. Послѣ ея побѣды она, оплевывая, хлестала его кнутом гораздо усерднѣе, наго-наглѣе, проституточно-циничнѣе, чѣм бывшее дворянство.

Так нынѣ пролетаріат или лже-пролетаріат, предводительствуемый большевиками, круто расправляется с люмпенпролетаріатом, руководимым анархистами, еще наго-наглѣе и проституточно-циничнѣе, издѣваясь над ним и над анархистами, пролившими свою кровь во время октябрьскаго переворота за установленіе их же диктатуры.

Но нѣт худа без добра. Диктатура „пролетаріата" зато окончательно дискредитирует идею государства и диктатуры, авторитет котораго уже раньше подорван и ореол котораго уже раньше помрачен диктатурой буржуазіи.

Если взять иллюстрацію из еврейской исторіи, то диктатура дворянства это давидово царство, а диктатура буржуазіи, еще больше, пролетаріата это иродово царство. И трон давидов тонул в океанѣ крови, как трон Ирода, и вокруг перваго бушевали волны крови, как вокруг второго, но в то время, что в первом к дикому реву примѣшивалось ангельское псалмопѣніе, ко второму прибрался грубый хохот сатаны, а иногда еще и хрюканье...

Диктатура пролетаріата есть окончательное попираніе хамской пятой остатков лицемѣрной гуманности, уцѣлѣвшей от алчной и наглой диктатуры буржуазіи.

Таким же двухступенным паденіем характеризуется и нынѣшній марксистскій космополитизм. Буржуазный космополитизм был первым паденіем, извращеніем космополитизма. Захватить весь мір в свои руки, всемірная эксплуатація, всемірная гегемонія буржуазіи—вот, что было завѣтной, затаенной мечтой этого космополитизма. *Всемірное властвованіе, всемірное государство, всемірная диктатура, всемірная расправа, всемірная чрезвычайка*—вот, что значит марксистскій космополитизм.

XI.

Колоссализація и конверсализація, как соціомагія.

„Космополитизм"—раскроем это обманчивое магическое слово.

Космополитизм,—прекрасно,—не один народ, а всѣ народы, не одна страна, а всѣ страны, словом,—*космос*. Но что будет с космосом?! Будет ли этот космос свободным? На это отвѣчает другая половина: *политизм*. Политизм означает, что будет государство. Итак, весь космос будет в одном рабствѣ, весь космос будет одной чрезвычайкой,—вот почти буквальный перевод слова „космополитизм". Будет всемірное государство, всемірное насиліе, всемірная диктатура, всемірное разстрѣливаніе голодных, всемірное декретомарательство, всемірныя тюрьмы. Но, если государство есть насиліе, отечество—грабеж, то что такое всемірное государство, если не всемірное насиліе, и что такое всемірное отечество, если не всемірный грабеж. Если тюрьмы есть ужас, цѣпи—вопіеніе к небу, то что такое всемірная тюрьма, всемірныя цѣпи? Всемірный ужас, всемірное вопіеніе к небу. Лучше ли это или хуже? Очевидно, хуже. Это ясно для каждаго. От увеличенія зло увеличивается, ухудшается. Но соціал-демократы, марксисты, имѣют тут свою особую точку зрѣнія, которую и нужно назвать *магіей увеличенія, колоссализаіей*.

Капиталы в руках отдѣльних буржуа нехороши, скверны, но если их сложить, увеличить, превращая всѣ отдѣльные мелкіе капитальцы в один колоссальный капитал, то это—уже не капитализм, а соціализм. *Складывая отдѣльныя маленькія зла, мы магически получаем одно большое добро.*

Концентрація капитала не ведет к его усиленію, а к ослабленію, к уничтоженію, к превращенію в свою противоположность. Путем увеличенія число превращается в ничто, в нуль. Математика ли это?

Нѣт, это—магія, это—магическая метаморфоза.

У них—и магическая математика, и магическая логика.

Логическая алхимія, логомагія (логическая магія) Гегеля перешла у Маркса в соціомагію (соціальную магію).

Как логическая діалектика магически-софистически превращает „да" в „нѣт", а „нѣт" в „да", так соціальная діалектика магически превращает зло в добро, по мановенію волшебной марксистской палочки.

Как много капиталов—зло, а один большой, колоссал,—добро, много буржуа—зло, а один буржуа, большой,—добро, много хозяев—зло, а один хозяин, государство,—добро, так, много государств—зло, а одно большое государство, всемірное,—добро, много отечеств—зло, а одно отечество, всемірное, колоссал,—добро, много тюрем—зло, а одна большая, всемірная,—добро.

Маленькій мелкій патріотизм это—зло, с которым нужно бороться, крупный патріотизм, всемірный патріотизм, это—добро, это—космополитизм. Очевидно, собственность, капитал, государство, насиліе, отечество *магически* превращаются в свое противорѣчіе путем колоссализаціи.

Патріотизм *магически* становится космополитизмом, капитализм—соціализмом,—все путем колоссализаціи.

И война, ужас цивилизаціи, путем колоссализаціи, т.-е. становясь всемірной, *магически* превращается в міровую революцію.

И охранное отдѣленіе, путем колоссализаціи и интенсификаціи, вырастает, превращается в чрезвычайку, становится благодѣтельницей рабочаго класса, разсадницей міровой революціи.

Но эта магія, в сущности, является удѣлом не одного только марксизма, но и христіанства, в котором, как уже указали, царство дьявола *магически*, также путем колоссализаціи превращается в царство Божіе. Мелкіе рабовладѣльцы и мелкія государства это—царство дьявола, а крупный вассал,—папа, это—царство божіе.

И тут колоссализація означает также и монизацію. Зло стад и пастырей, христіанство, ровно так же, как марксизм, мечтало магически превратить в добро, путем устройства одного громаднаго всемірнаго стада, во главѣ котораго будет стоять один великій пастырь, в наивности и слѣпотѣ своей нисколько не подозрѣвая, что и зло стада и зло пастыря от такого пріема не то что не устранится, улучшится, а ухудшится, усугубится.

Папизм и католицизм исторически воочію показывали нам, до чего доводит соціомагія, до чего довела их соціомагическая тактика, в своем слѣпом стремленіи к монизму-абсолютизму, к единому стаду и единому пастырю.

Мы видим прекрасные плоды колоссализаціи и монизаціи. Мы видѣли, что случилось то, что должно было случиться, чего не могло не случиться: маленькое національное чудище юдейской стадности и пастырства стало гигантским чудовищем, колоссальным кошмаром безпримѣрнаго насилія и мрака, давившаго Европу на протяженіи всего средневѣковья.

Мы видѣли, что чудо не совершилось, что соціомагія стала соціокакіей (соціальным злом), что религіозная соціомагія дала не спасеніе человѣчества, а гибель, не искупленіе, а новое предательство. Колоссализація-монизація дала колоссализацію зла, насилія, мрака, мерзости и ужаса. Нынѣ колоссализація-монизація научнаго соціализма (соціологизма) дает еще худшіе результаты, чѣм конверсализація (переворачиваніе)-монизація психологизма — своим миссіонизмом—централизмом—абсолютизмом.

И не даром. Космополитизм буржуазный, еще хуже, соціалистическій, страшнѣе всякаго національнаго, патріотизма и шовинизма.

Ибо, что такое этот космополитизм, если не шовинистическая отечественная мерзость, произвол, жажда власти и насилія, распространяющіе свои грязныя удушливыя крылія на весь мір!

Соціомагія лопается, как мыльный пузырь, остается не мечта, не вымысел, а реальность,—реальность еще болѣе усиленной жажды насилія, повышенный, дотолѣ невиданный разгул дикихъ инстинктов власти и подчиненія.

Почему?

Потому что и простая конверсализація физическаго в психическое.—обычный пріем полосы психологизма—національнаго, всегда сопровождается *интенсификаціей* (усиленіем интенсивности). Зло, таким образом, не уменьшается, а возрастает.

О колоссализаціи же и говорить нечего. Колоссализація означает максимализацію, крайность, большевизм во всѣх отношеніях. Как мы выразились в одном мѣстѣ в „Буревѣстникѣ“: „...за то и большевики, чтобы побольше разстрѣливали“.

Никакая власть в мірѣ не могла бы насаждать всю страну чрезвычайками, так издѣваться над свободой личностью, как „коммунистическая“.

Марксистская инквизиція, чрезвычайка, оставит за собою репутацію в исторіи еще *болѣе* ужасную, чѣм христіанская инквизиція, она еще максималистичнѣе.

Мір будет помнить этот космополитизм, этот максимализм ужаса долго-предолго. И мы увѣрены в том, что, как іезуитизм стал пугалом не только вновѣрцев и еретиков, но и самих христіан, самих набожных, так и этот нывѣшній карлизм-ленинизм с его разстрѣлами рабочих, с его коммунистической инквизиціей, останется позором вѣков, за который будут краснѣть и сами карлисты-ленинцы в будущем.

XII.

Ленинизм, іезуитизм, или кто виноват?

Был ли виноват в инквизиціи один Торквемадо, как извратитель ученія Христа? Виноват ли в чрезвычайках один Ленин или его сподручники, опять-таки, как „исковеркатель“ (по мнѣнію меньшевиков) идей Маркса?

Нѣт, виноват сам Христос и виноват Маркс. Виноват Христос, отвергшій сравнительную религіозную терпимость язычников, признававших многобожіе и, слѣдовательно, терпѣвших много стад и много пастырей. Виноват Христос тѣм, что он был государственником, имперіалистом и не національным, а всемірным, и, что еще хуже, не просто насильническим, а божье-насильническим, т.-е., насилующим во имя бога. Виноват Христос за его соединеніе—сліяніе церкви с государством, которому он дал названіе: *Βασιλεια τῶν Οὐρανῶν* (Царство Небесное), или *Βασιλεια τοῦ Θεοῦ* (Царство Божіе). Виноват Карл Маркс, завѣщавшій диктатуру пролетаріата и осмѣявшій и смѣшавшій с грязью либерализм, стремленіе к ограниченію прав государства. Виноваты, безгранично виноваты оба эти ультра-государственники.

Но ограниченные люди этого не замѣчают. Их склонность к обожанію предшественников и маранію современников, обѣлить „великих“ и очернить маленьких, надѣлить божественными качествами умерших вождей даже своих врагов, обыкновенно усматривает во всѣх кознях инквизиціи, в безпросвѣтной тьмѣ средневѣковья, в неслыханных звѣрствах крестовых походов, в сожиганіи еретиков, в папизмѣ, в намѣстничествѣ Христа, в христіанском абсолютизмѣ,—во всем этом люди ограниченные усматривали яко бы искаженіе идеи Христа, клеймили презрѣніем его вѣрных учеников. Так они и нынѣ, по глупости или злому намѣренію, примѣняют такой же двойственный метод—отношеніе к Марксу и Ленину. Если современем и Ленин будет причислен к лику святых, как Маркс, то корень зла будет отыскиваться в нечистивых его помощниках, споспѣшниках, в нерадивых исполнителях Ленинской воли. Так, уважающіе царей, деспотов, считающіе их помазанниками божіими, никогда не берут себѣ смѣлости развѣнчать их самих, а своей уничтожающей критикой обрушиваются всегда на тѣх, которые имѣли несчастіе быть послушным, ничтожным орудіем в их руках.

Нѣт, мы не можем раздѣлить взгляда тѣх недоумок, благоговѣющих перед Христом и клеймящих позором и презрѣніем Торквемадо. Мы, как раз наоборот, сожалѣем послѣдняго как наивнаго человѣка, возымѣвшаго смѣлость и мужество не только словесить о христіанской добродѣтели, о христіанской любви к ближнему, о царствіи божіем, но и пробовать осуществлять их, реализовать их на дѣлѣ. Каждый человѣк имѣет право на осуществленіе своего идеала. В каждом человѣкѣ таится, живет законное стремленіе перейти от слов к дѣлу. В каждом живет свобода дѣйствія, дѣйствія по убѣжденіям. А если у Торквемадо получилось также безобразіе, такой ужас вѣков, ввергшій

своих мягкосердечных современников и ввергающій свободомыслящих всѣх времен в оцѣпененіе, то виноват в этом, чѣм меньше он, безобидный человѣк, единственный грѣх котораго состоит в том, что он возжелал воистину жить во Христѣ, жить по евангелію. Его винить нельзя, во всяком случаѣ, его нужно винить меньше, чѣм Христа, ибо кого нужно больше порицать деспота, какого-то Ирода, Нерона, Ивана Грознаго, или бывших у них придворных палачей. Так, виноват больше начальник или тюремный инспектор, чѣм надзиратель или, еще меньше, рабочій, строившій каменныя стѣны тюрьмы. Ровно так же нельзя порицать инквизиторов и іезуитов, отвернувшихся от всей толпы лживых половинчатых людей, исповѣдовавших Христа устами, а сердцем и дѣлом далеких от него. Виноваты ли они, что не были такими мѣщанами, виноваты ли они, что были цѣльными натурами, что сердце их обливалось кровью, когда видѣли кругом жалкую несчастную жизнь еретиков и евреев, обреченных на будущія вѣчныя муки в аду за безвѣріе в Христа. Могли-ли эти люди мириться с той свѣтской мудростью, которая узаконила противохристіанскую жизнь поговоркой: никто не живет по евангелію. Не тяготѣніе-ли это к добру, не самопожертвованіе ли во имя любви к ближнему. Это самопожертвованіе, ибо ты жертвуешь всѣми твоими человѣческими слабостями, состраданіем, во имя конечной цѣли, во имя будущаго торжества, во имя идеала. Ты совершаешь подвиг христіанскій, как Христос, шедшій на Голгоѳу, ты идешь на духовную Голгоѳу *). Развѣ чѣм могут еретики искупить свои грѣхи, если не своей смертью... и потому смерть им хороша, необходима, она полезна, необходима для спасенія их грѣшной души. Цѣль—спасеніе души оправдывает средство, умерщвленіе плоти... Это психо-хирургія. Скажите сами, умѣстна ли тут духовная дряхлость, маразм. Умѣстно ли миндальничаніе, кисельность, когда рѣчь идет о великих идеалах. Можно ли сказать, что тут что нибудь неправильно, что это звѣрство, дикость. Нѣт, наоборот, все здѣсь дышет истинной христіанской любовью, любовью к душѣ и ненавистью к тѣлу. Развѣ Торквемадо, любвеобильная душа котораго не могла мириться с тѣм, что души еретиков будут вѣчно мучиться—жариться в аду, не должен был как хорошій хирург, хладнокровно ампутирующій негодный член для спасенія тѣла, сжечь бренное тѣло ради спасенія души. Что значит минутная боль против вѣчнаго блаженства во Христѣ, в царствѣ небесном.

Очевидно, виноват не Торквемадо, а Христос, утвердившій, что внѣ христіанства нѣт спасенія, что всякій, кто не увѣрует в него, не спасется, погибнет в день страшнаго суда. Виноват Христос своим фанатическим ученіем, доведшим честных идеальных людей до такого безобразія. Виноват Христос, виноваты апостолы. Виноват идеал Христа, осуществленіе котораго требует сожиганіе еретиков. Виновато ученіе его, его теорія, виновата его тактика, т.-е. завѣщанный им образ дѣйствія и поведенія, проповѣдуемый им захват государства церковью,

*) И такія слова вродѣ того: нам тяжелѣе убивать, чѣм жертвам нашим умереть—такую исповѣдь мы слышали от Луначарскаго на религіозном диспутѣ. Что нибудь такое мы бы слышали и от инквизиторов.

Виновато начальное христіанство, виновато евангельство и апостольство, задавшееся такой химерической идеей как единостадостью и единопастырством, устройством всемірнаго церкви-государства. Для единаго стада и единаго пастыря, очевидно, потребуется единый грандіозный колоссальнѣйшій бич, всемірное кнутище, значит церковный централизм, папизм. Для того, чтоб осуществить фанатическое безсмысленно-дикое и нелѣпое желаніе апостолов, чтобы всѣ, весь мір увѣровал и нашел свое спасеніе во Христѣ, нужно было заранѣе знать, понимать, не быть слѣпцом, юродивым полуумным идіотом, отшельником, а вникнуть в жизнь об'ективно и увидѣть, что для этого потребуется перерѣзать, по крайней мѣрѣ, полчеловѣчества, не способнаго не только уразумѣть, с гласиться, но даже не заинтересоваться Христом, ибо у них другія стремленія, другія пожеланія, другая, совсѣм другая жизнь и другая душа Для того, чтоб обратить всѣх к Христу микроцефалам апостолизма, нужно было понимать, что им придется превратить добрую половину, если не 80% человѣчества в трупы, если обратить весь мір, всю землю, то раньше придется превратить ее в пустыню. Нужно было уразумѣть, что прежде чѣм христіанство обойдет всѣ моря и земли, само христіанство давно сгинет. Нужно было предвидѣть, что прежде чѣм христіанство охватит весь земной шар, то, быть может, от религіи самой слѣда не останется. Нужно было предугадать, смутно, по крайней мѣрѣ, почуять, что для этого потребуется такое большое время, в теченіе котораго люди настолько измѣнятся, что не только не пожелают вѣрить в божественность какого-то умнаго или полуумнаго Христа, не только не пожелают вѣрить в кого-бы то ни было вообще, что в теченіе такого времени может не только зародиться новая безбожная цивилизація, но что уже передовые люди могут успѣть даже разочароваться и в ней и перейти к третьей совершенно иной цивилизаціи. И, посмотрим фактически вѣдь так оно и есть. Передовые умы человѣчества, за то время, что христіанство подвизалось по Европѣ и переползло в Америку и в другія части свѣта, успѣли создать науку, и уже разочароваться в ней, а нынѣ в Америкѣ и в других странах для пытлаго глаза уже вырисовываются, хотя слабыя еще, водянисто красочныя контуры новой технической цивилизаціи. Все это нѣкоторые великіе мыслители смутно, инстинктивно предчуяли в глубинах своей души, за порогом своего ума, во мракѣ своего скепси а, на дали тысячелѣтій. Но гдѣ-же суевѣрным маніакам, одержимым и бѣсноватым апостолам подняться до такой высоты, замораживающей об'ективности. Они, эти недоросли духа, знали одно, что всякій, кто их не послушает, будет срублен и брошен в огонь (Матѳ. VII, 19), что огонь и сѣра будет его пищей, что „отраднѣе будет землѣ Содомской и Гоморрской в день суда, нежели тому городу (ibid. X, 15), который смѣл остаться при своем особом мнѣніи насчет спасенія своей коллективной души. Этим маніакам вѣчно звенили в ушах хохот сатаны и скрежет зубовный, перед глазами у них мелькали языки огненной геенны, носом они вдыхали запах сѣры и жаренаго человѣческаго мяса, быть может, их уже преслѣдовал даже запах опаленных краев своей собственной одежды.

Такой фанатизм, разумѣется, ничего добраго и породить не мог Но случаен-ли он, каприз-ли разных личностей, прилѣпшій-ли придаток, искаженіе ли?!

Нѣт! Этот фанатизм есть порожденіе, неот'емлемое свойство всякаго монизма. Этот фанатизм коренится в самом ученіи Христа и Маркса, в монистическом их характерѣ, в монистической основѣ их ученій и сверх того в фанатизмѣ их жизни, не только ученія, в той ненависти их к всякому инакомыслящему, в их монополіи спасенія, в их тупой увѣренности, что, кто не признает их ученія, тот фарисей, книжник и проч. и проч., а главное, обреченный, не-спасенный, гиблый...

По отношенію к Марксу никто, может, оспаривать этого не станет. Он слишком близок к нам, и потому лгунья-исторія не успѣла еще соткать вокруг него свои сказочные прихотливые узоры. Она не успѣла еще сглаживать углы его характера, пересоздать его произвольно по желанному произвольному образу и подобію. Слишком памятны нам его ссоры с Бакуниным, его оклеветаніе послѣдняго, и, вообще, его безпримѣрная ненависть и презрѣніе ко всѣм тѣм, которые имѣли несчастіе дерзнуть разойтись с ним в своих взглядах. Но мы уже и нынѣ замѣчаем и чувствуем сказочную руку, вплетающую вѣнки деликатных цвѣтков в жесткій терновник его характера. Изданныя нынѣ Совѣтом біографіи-панегирики представляют Маркса в совершенно ином свѣтѣ, чѣм он был на самом дѣлѣ. Все-же, очевидно, еще не наступило время для превращенія его в невиннаго агнца... Притом жестокости, совершаемыя нынѣ во имя его, слишком связаны с его ученіем, и многим видно, что онѣ вытекают из самых его нѣдр. Классовая борьба еще только что начинает выродиться в партійную борьбу и преобладаніе, дѣлѣе, принципа классовой борьбы над принципом солидарности пролетаріата, т.-е. главенствованіе ненависти над любовью, также еще не стушевано разными лицемѣрами и ханжами. Все это по отношенію к Марксу. Но по отношенію к Христу дѣло обстоит совершенно иначе. По вымыслу ханжей и лицемѣров он, вопреки евангельской (не говорим: „исторической“, ибо исторіи в евангеліи почти что нѣт, а есть лишь „теорія“, религіозная) правдѣ, изображается каким-то тихоней, молчальником, непротивленцем. Дальше всѣх в этой фальсификаціи личности Христа и текстов евангелій пошел Толстой, постоянныя жалобы котораго на фальсификацію церкви не помѣшали ему самому далеко оставить ее за собою, так что, к удивленію многих, нам еще не один раз придется указать, что наибольшим фальсификатором христіанства, из всѣх бывших до него, на всем протяженіи исторіи, является никто иной как Толстой.

И самый страшный предразсудок и абсурд это-го, что люди смѣют утверждать, что Христос был анархистом. Человѣк, который вѣчно твердил о царствах, который вѣчно тянул одну и ту же пѣсенку, пѣсенку крайнѣйшей государственности и воображал себя царем іудейским, помазанником (maschiach), Христом об'является всѣми анархистом.

Мы вполнѣ сознаем всю трудность искорененія такого, так утвердившагося предразсудка изображенія Христа кротким агнцем, антигосударственником. Но все-же не можем не выразить нашего крайняго

удивленія по поводу него: право, он опирается на два-три непонятых или четыре-пять лжеистолкованных евангельских мѣст, но зато все евангеліе, все в цѣлом, сначала до конца идет в разрѣз с этой чисто-агнцовской тенденціей.

Уже на самом порогѣ евангелія стоит дух необычайнаго еврейскаго монистическаго фанатизма: через чуть открытую дверь евангелія уже носится запах сѣры, а кругом клокочет ненависть, скрежещет зубами злоба... а из глубин, из полутемок исторіи видны нам костры ауто-дафе и меж строк уже слышим стоны мучеников инквизиціи, алѣют потоки крови крестовых походов...

Уже Іоанн Креститель (этот Илія Христа по одному мѣсту из евангелія), мечет громы и молніи на головы фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься. Словами: „порожденія ехидны" начинается проповѣдь любви... и кого он так ругает? и фарисеев и саддукеев, значит членов обѣих главных сект среди іудеев, сами-же враждовавших меж собою; не ясно-ли до очевидности, что всякій человѣк, не пришедшій к Іоанну с безусловной вѣрой в него, как глашатая идущаго за ним Мессіи, им-же об'явился порожденіем ехидным. А если таков христіанскій Илья-миротворец, который, по словам пророка Малахіи, должен обратить сердца отцов к дѣтям и сердца дѣтей к отцам их (Малахія 4, 5), каков-же сам Мессія, который сам говорит о себѣ, что не мир принес он, а меч! Право, *γεννήματα ἐχιδνῶν*, порожденія ненависти, суть сами евангелія, открывающіяся грозным предсказаніем о близком наступленіи страшнаго суда.

„Ἤδη δὲ καὶ ἡ ἀξινη πρός τὴν ῥιζαν τῶν δένδρων κεῖται; ἂν οὖν δένδρον μὴ ποιοῦν καρπὸν καλὸν, ἐκκόπτεται, καὶ εἰς πῦρ βάλλεται".

Уже и сѣкира при корнѣ дерев лежит: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубают и бросают в огонь (Матѳ. III, 10).

Не убивает ли в корнѣ это ученіе о близости страшнаго суда, олицетворяющаго собою *этическую катастрофу, вообще, и крах рабовладѣльческаго міра в частности*, всю благоглупость о смиренности и непротивленчествѣ христіанства.

Право, эта *этическая катастрофа* по Христу должна наступить так же неизбѣжно, роковым образом, как *экономическая катастрофа* по Марксу, как крах буржуазнаго строя по марксизму. Но, если Христос был бы лишь проповѣдником любви, если в основу христіанства легла бы одна любовь, смиренность и непротивленчество, одно этическое самоусовершенствованіе, то *суда вовее* и не должно и не могло бы быть, как Христос говорит в другом мѣстѣ: „Не судите и не судимы будете", тѣм болѣе суд нисколько не был бы страшен. Итак, если одна любовь, то к чему всѣ эти застращиванія, всѣ эти рубки, бросанія в огонь и ввержения в огненныя геенны!

Очевидно, как у Маркса технический и экономическій переворот неизбѣжен, с одной стороны, и все же он произвольно совершается людьми, с другой, так и у Христа: этическій внутренній переворот, крах царства дьявола и наступленіе царства божія неминуем, с одной стороны, и все же он находится в зависимости от свободной воли, от *покаянія*. И как марксизм не может справиться с внутренним своим

коренным противорѣчіем, состоящим в сочетаніи самаго строгаго, доселѣ в области соціальнаго непримѣнявшагося, *детерминизма* с самой вольной, произвольной, усердной и усиленной партійной работой, вдобавок еще с экономической, а главное политической борьбой, так и христіанство не могло примирить божественнаго предопредѣленія, в данном случаѣ, наступленія страшнаго суда и царства божія, с покаяніем и свободой воли.

Это противорѣчіе придает, как марксизму, так и христіанству, характер двойственности, двуличія, которое безусловно лишает марксизма и христіанства обаянія цѣльности и выдержанности; но не в том еще бѣда: вреднѣе всего это—вытекающее отсюда противорѣчіе *двоедѣйствія*, вреднѣе всего это—порожденіе им *двух тактик*, которыя в марксизмѣ привели к колоссальному, исторически еще не оцѣненному, расколу на меньшевизм и большевизм.

Этим самым понятным образом раз'ясняется тот факт, что и меньшевизм и большевизм считает себя истинным марксизмом, ибо каждый по своему старался устранить вышеуказанное противорѣчіе, установив еще большее единство вмѣсто стараго сравнительнаго дуализма. Меньшевизм остался при марксистском детерминизмѣ, который, право, и не мог не породить соціалистическую, меньшевистскую *смиренность*, т.-е. выжидательство (эволюціонность) и, слѣдовательно, соглашательство с буржуазіей, примиренчество, и налеганіе, говоря христіанской, т.-е. религіозно-соціалистической терминологіей, не на ненависти, а на любви, что значит в переводѣ на марксистскій язык: не на классовой борьбѣ с буржуазіей, а на солидарности пролетаріата и сотрудничества классов. Большевизм же поставил во главу угла не детерминизм, не акушерствованіе естественных процессов, а насильственный переворот, т.-е. политическую борьбу, точнѣе, захват власти, диктатуру пролетаріата. Большевизм потому, как католицизм, т.-е. как христіанскій максимализм, отрекся от смиренности выжидательства, налегая не столько на солидарность пролетаріата внесеніем раздора и братовраждебность в самую рабочую среду, сколько на классовую борьбу, иначе, больше на ненависть к буржуазіи, чѣм на любовь к пролетаріату.

XIII.

Папизм, іезуитизм, большевизм.

Если вникнуть глубже, то противорѣчіе между детерминизмом и свободой дѣйствія, что в марксизмѣ и в христіанствѣ, сводится к раз'ѣдающему несоотвѣтствію, что между ученіем и поведеніем в христіанствѣ и между теоріей-программой и тактикой в марксизмѣ. Теорія или ученіе, как что-то научное или религіозное, всегда реакціоннѣе, консервативнѣе, чѣм соціомагія, как религіозная, так и научная, которая, хотя уснащена разными мнѣически-религіозными или

научными элементами, все же всегда болѣе реальна, болѣе прогрессивна, болѣе революціонна и болѣе свободна, чѣм первыя. Предпосылкой соціомагіи является *свобода дѣйствія*, возможность вліянія и пересозданія, ибо соціомагія, хотя она псевдотехника, все же она техника, во всяком случаѣ, близко подходит к послѣдней. Всякая прикладная наука постольку, поскольку она прикладная, основана на индетерминизмѣ или на смягченном детерминизмѣ, в отличіе от теоретической науки, всегда базирующей на крайнем исключительном детерминизмѣ. Марксизм спаян из противорѣчивых элементов: *из марксистской теоріи*, реакціонной и консервативной по одному тому, что она научна, детерминистична и буржуазна, с одной стороны, и из анархо-бакунинской, *индетерминистичной*, свободной, революціонной, антинаучной тактики, с другой стороны. Это противорѣчіе, хотя оно вѣчно существовало с незапамятных первобытных времен, проявлялось в антагонизмѣ между фатальным роковым мифом (из котораго выросла трагедія) и свободно творческой магіей, между религіей (промыслъ божій) и культом (жертвоприношеніе, молитва, добродѣтель, акаты свободной воли) и, наконец, между теоріей и практикой, между наукой и приложеніем, нигдѣ, однако, не выступило так рѣзко, как в христіанствѣ и марксизмѣ. Царство божіе, т.-е. христіанское государство, которое лишь близится, которое наступит лишь послѣ суда, послѣ „конца вѣка", послѣ міровой катастрофы и которое наступит фатально, по божіему предопредѣленію, и царство божіе, т.-е. церковное государство, которое уже сейчас внутри у каждаго по его признанію христіанства, по увѣрованіи в Христа, и которое подготовительно вводится в жизнь путем об'единенія вѣрующих, спасенных в одной церкви и сразу утверждается путем захвата государства христіанской церковью, другими, марксистскими словами, царство божіе, как „историческій идеал", как „программа-максимум", и царство божіе, которое сейчас же должно быть утверждено на землѣ как идеал неисторическій, как программа-минимум, как диктатура пролетаріата,—вот основное противорѣчіе христіанства, вносящее такую путаницу в умах, которую мы никогда не распутали бы, если бы не имѣли пред собою современный образчик научнаго христіанства (марксизма) перед глазами с тѣм же противорѣчіем—противорѣчіем между теоріей и тактикой. Развитіе капитализма, естественный процесс не клеится с основаніем политической партіи, с признаніем соціализма, с соціалистическим государством внутри нас и с захватом власти и утвержденіем соціалистическаго государства сейчас же. И в христіанствѣ (в раннем, конечно) было это противорѣчіе, противорѣчіе между теоріей и практикой, ибо Христос сам, как и первые христіане, действовали, жили или старались жить так, как-будто царство божіе уже наступило, как будто Мессія уже пришел и конец вѣка давно наступил, т.-е. они дѣлали всѣ приготовленія, учили, проповѣдывали-агитировали тѣ идеи, которыя впоследствіи, при возрастаніи числа их адептов, служили руководящими началами для захвата власти церковью, что означало на религіозно-христіанском языкѣ, по терминологіи Христа: наступленіе царства небеснаго или царства божія. Тактика пер-

воначальной церкви была революціонной, не только противленческой, но и сверх-противленческой, большевистской. Отсюда их фанатизм, как и фанатизм Христа, их и его крайне полемическій ругательскій тон, как тот же вызывающій, бичующе-хлещущій язык апостолов. И вправду смѣшно говорить о непротивленчествѣ католической церкви, которая всегда была или у власти, или перед властью, т.-е. помышляла о захватѣ власти. Но все же на ряду с архи-революціонными словами и дѣйствіями Христа и Маркса мы находим и успокоительныя ученія о непротивленчествѣ и детерминизмѣ, т.-е. о наступленіи царства божія и соціалистическаго государства самим-собою, в силу божьей воли и предопредѣленія (у Христа) и непреложных законов соціальной природы, т.-е. развитія капитализма (у Маркса).

Откуда берется это противорѣчіе, гдѣ ея источник?

Отвѣт прост: в двоерольности Христа и Маркса, в их желаніи соединить в себѣ несоединимое. Но в чем оно заключалось. Это нам выяснится, как только постараемся дать отвѣт на вопрос: чѣм был Христос и Маркс? Начнем с Маркса, ибо на Марксѣ это яснѣе. Противорѣчіе между теоріей и практикой, разстояніе между первой и послѣдней в наукѣ гораздо больше, чѣм в религіи, и еще больше тот разлад, разъединяющій жизнь Маркса от его ученія.

Был ли Маркс простым ученым, обыкновенным, сравнительно об'ективным, безпристрастным, чисто-спекулятивным?

Нѣт, Маркс был раньше всего революціонером, политиком, практиком. *Остался ли* он таким и послѣ того, как на него наскочила марксистская дурь это—другой вопрос. Во всяком случаѣ—он не задался изученіем политической экономіи из-за одной любви к этой наукѣ. Он в молодости даже не знал про существованіе этой науки: как всякій нѣмец, он занимался національной своей наукой—философіей. Но революціонная его дѣятельность оттолкнула его от философіи к политической экономіи. Его занятіе политической экономіей не было никогда чисто-научно, нетенденціозно. А если его „Капитал" написан научно, так это—лишь маневр, один из пріемов борьбы, желаніе побить и на научном поприщѣ ненавистную буржуазію, в лицѣ своих идеологов, которых, кстати, он и там, несмотря на чисто-научность, нерѣдко ругает по-базарному, чистит.

Имѣл ли Маркс раньше „свою" политическую экономію, благодаря которой он стал революціонером, политиком, соціалистом?

Нѣт. Он не имѣл. Только, будучи революціонером, политиком, уже и соціалистом, он знакомится с буржуазной политической экономіей, на которую он рѣшил устроить духовный соціалистическій поход. Как достовѣрно извѣстно, Маркс не потому стал соціалистом, для того, чтобы найти приверженцев и носителей его экономическаго ученія, а наоборот: его „Капитал" был лишь написан для подкрѣпленія „Коммунистическаго манифеста". В нем, слѣдовательно, вѣчно боролись свой собственный Бакунин, революціонер-практик, с его Марксом-теоретиком. Первый был старше в нем, как соціалистѣ, а второй был старше перваго в нем, как нѣмцѣ, как ученикѣ Гегеля. И что вышло? Кто кого побѣдил? На это отвѣчает біографія: смотря

по времени. Чѣм моложе был Маркс и чѣм невѣжественнѣе, тѣм революціоннѣе он был, чѣм старше, ученѣе, тѣм реакціоннѣе.

А вот из этого основного разлада между жизнью и ученіем Маркса получилась страшная несуразность, родился ранне-марксистскій урод: ученіе наиреакціоннѣйшее и тактика сравнительно все же революціонная.

Конечно, эта аномалія вполнѣ нормальна. Иначе быть и не могло. Наука причинна, детерминистична и, слѣдовательно, реакціонна, контрреволюціонна, антигуманистична (противочеловѣчна, потому что лишает человѣка свободы воли, дѣйствія и творчества) и анти-соціальна (мѣшая свободному соціальному строительству, соціотехникѣ). Притом наука, по существу, буржуазна, и одним переименованіем она не может *магически* быть превращена в науку пролетаріата, в культуру угнетенных. Во всяком случаѣ, угнетенные современнаго общества, между которыми приходится считать и по душѣ и по всему противонаучно-настроенные: люмпенпролетаріат и итерриторіаліат (угнетенныя національности) и женщину, коллективы ничего общаго с наукой никогда не имѣвшіе, да к тому еще дѣтство и молодежь, вѣчныя жертвы науки — не могут смотрѣть на науку, как на свою культуру, как на свою освободительницу.

XIV.

Деноминализація, как один из видов марксистской и христіанской соціомагіи.

Если мы спросим, мимоходом, на каком основаніи Маркс считал свою науку новой, не буржуазной, то правильный отвѣт будет отвѣт— данный нами уже выше *на основаніи магіи переименованія, на основаніи деноминализаціи.*

Слово и имя играют в магіи колоссальную роль. Для того, чтобы спасти опасно-больного от смерти его переименовывают. Так принято у евреев. Это называется schinui haschem. Путем этой-же каббалистически-магической деноминализаціи (переименованія) Маркс получил свое „новое" (по существу смитовски-тюрговски-рикардовски-сисмондовски и т. д. старое) твореніе, новую соціальную алкимію, которая в состояніи превратить, опять-таки чисто-магически буржуазный строй в соціалистическій...

Но сам Маркс своей жизнью, как сам выразился, не был *марксистом*, а *бакунинцем*, не был чисто-научником, а революціонером, практиком. Отсюда получилась реакціоннѣйшая его теорія, а все-же сравнительно прогрессивныя жизнь и завѣщанная тактика. Отсюда и противорѣчіе между экономическим ученіем и политической тактикой, между гегемоніей экономики в теоріи и политики в тактикѣ, противо-

рѣчіе выдвиганія на первый планъ теоріи — производительныхъ силъ на авансцену практики-тактики—политической борьбы.

Все это противорѣчія между наукой и жизнью Маркса, все это соціоморфизмы самой частной жизни Маркса, т.-е. біографоморфизмы. Тактика марксизма, какъ и теорія марксизма есть отображеніе его собственной жизни.

И такъ какъ Маркс самъ, въ его жизни, былъ теоретикомъ и политическимъ дѣятелемъ, поэтому марксизмъ представляетъ собою не чистую науку (не только не космически-физическую и не психологически-національную, но даже не чисто соціальную), а скорѣе, *соціомагію*, во всякомъ случаѣ, смѣсь соціологіи, т.-е. соціальной науки, съ соціальной практикой. Его характерная черта это-недеффиренцированность, во всякомъ случаѣ не достаточная дифференцированность между теоретической наукой и прикладной, словомъ, то, что характеризуетъ магію. *Марксизмъ, такимъ образомъ, и есть тенденціозная наука: наука о превращеніи буржуазнаго* (не говорим: капиталистическаго, потому что и соціалистическій строй есть капиталистическій: *монокапиталистическій строя въ соціалистическій* и, главнымъ образомъ, *наука о способахъ этого превращенія.*

Итакъ, *марксизмъ* въ цѣлом, т.-е. его теорія и практика, взятыя вмѣстѣ синтезированными, *является соціомагіей*, но и отсюда не только его логичность, но и его противорѣчивость, смѣсеобразность и путанность.

Могъ-ли марксизмъ не быть соціомагіей, не прибѣгнуть къ такимъ магическимъ пріемамъ, какъ деноминализаціи, колоссализаціи, монизаціи, и конверсализаціи?

Очевидно, нѣт. Марксистская наука, теорія, какъ грузъ, какъ контрреволюціонный балластъ тянетъ его внизъ, въ бездну реакціи. Наука инертна, детерминистична и потому пригвождаетъ человѣка къ старому, къ существующему, не давая ему измѣнить, строить, творить новое. Уже не говоря о классической англійской наукѣ, основанной на одномъ принципѣ: на неподвижности матеріи, на инерціи. Ньютоновская физика такъ же реакціонна, консервативна, какъ англійская жизнь, соціоморфизмомъ которой она является. Но и болѣе подвижная, реформированная, и отчасти вырождающаяся англійская наука, уже не ньютоновская, а дарвино-спенсеровская, уже не физическая, а біологически-соціальная, стоящая подъ знакомъ дематеріализаціи и символизаціи (т.-е. матеріальной, физической формальности, отъ которой не такъ уже далеко до нѣмецкой формальности, т.-е. формальной формальности, иначе трансцедентальной формальности), и она достаточна еще реакціонна, чтоб мѣшать коренным переворотам, поощряя, правда, реформы. Такова въ основѣ своей и нѣмецкая трансцедентальная философія и наука, хотя послѣдняя, нужно ей отдать справедливость, немножко еще болѣе подвижна. Нѣмецкій энергетизм и феноменализм, еще далѣе прагматизма уходящій въ своей реформѣ науки, представляетъ собою, внѣ сомнѣнія, послѣднія потуги науки спасти себя отъ гибели, представляя собою типичнѣйшее реформаторство, соотвѣтствующее какъ разъ такому же стремленію въ соціологіи. Нѣмецкое научное рефор-

маторство Майера и Оствальда, Авенаріуса и Маха, являет собою вторую стадію, лежащую за англійским эволюціонизмом. Тѣм не менѣе реакціонность Германіи, германской философіи, науки и общественной жизни, еще болѣе опасна, чѣм англійская, и именно своей мнимой прогрессивностью. По той же причинѣ опасность марксистской науки и реакція, представляющая собою синкретизм англійскаго эволюціонизма и нѣмецкой діалектики, еще болѣе велика, чѣм сами основныя формы. Для глубокаго и аналитическаго ума он, право, полезен как квинт-эссенція абсурдности, как катехизис научных заблужденій, давая нам одновременно и англійскій эволюціонизм, французскій матеріализм и нѣмецкій трансцеденгализм идіалектикѣ. Он и показателен, с одной стороны, как наидегенеративный тип науки, соединяя в себѣ дегенерацію англійской науки в лицѣ эволюціи, и дегенерацію нѣмецкой науки в лицѣ діалекгики, и дегенерацію французской науки—ублюдок в лицѣ историческаго матеріализма; он и показателен, с другой стороны, своей смѣсеобразной природой, как предвѣстник уживанія всѣх антагонизирующих культур и систем в Искусствѣ Умнаго. Но все это для глубокомыслящих и тонкоаналитических умов. Для слабых поверхностных соціалистических догматиков-фанатиков он обѣщает стать в союзѣ с Спенсером, новым средневѣковым Аристотелем. Чистому марксизму, т.-е. чисто-теоретическому марксизму и суждено потому сыграть роковую роль послѣдняго могикана науки, послѣдним жандармом. Наитщательно и наидобросовѣстно эту роль, очевидно, исполнят, главным образом, меньшевики, как хранители чистоты марксистской теоріи.

На крайне интересный вопрос, интересующій многих: что такое меньшевики и что такое большевики? Мы, таким образом, даем простой правильный отвѣт:

Меньшевик—это марксист теоріи, большевик—это марксист тактики. Первый *учит* по Марксу, а второй живет по Марксу (во Марксѣ—значило бы по христіанской терминологіи).

При неизбѣжном разложеніи марксизма, неизбѣжном вслѣдствіе противорѣчивости теоріи и тактики послѣдняго, меньшевики ухватились за теорію, за марксистское теоретическое непротивленіе, смиренность и выжидательство, за Естественный Процесс, за Концентрацію Капитала, и т. п., а большевики выбрали себѣ марксистскую, вѣрнѣе, не марксистскую, а марксову, т.-е. не по марксистскому ученію, а по жизни Маркса, по жизни его, главным образом, до его наукопаденія.

Добродѣтельны ли меньшевики своим сравнительным непротивленчеством, смиренностью?

Они так же добродѣтельны, как тот судья в баснѣ Крылова, которому присуждается вѣчная жизнь за ничегонедѣланіе.

Не грѣшить, ничего не дѣлая, уходя в монастырь — развѣ это добродѣтель. Развѣ это значит перестраивать мір? Развѣ это спасает человѣчество?

Это спасеніе лишь самого себя. Это линія наименьшаго сопротивленія, и потому излюбленный путь всѣх разочарованных неудачников, чѣм являются всѣ эти непротивленцы, в самом лучшем возвышенном, случаѣ, т.-е, когда они *для себя* рѣшают всѣ вопросы *радикально*, не-

реходя сразу к будущим формам жизни, но лишь чисто-индивидуальнс для себя, не-соціотехнически.

Но меньшевики и этого не дѣлают. Они не индивидуал-максималисты. Они меньшевики и для себя, и для общества. Их непротивленчество не добродѣтель, а преступленіе, измѣна самим себѣ, если они принадлежат к Угнетенным, измѣна человѣчеству. Это пресмыканіе пред сильными міра сего, это приспособленіе к міру зла, это поддержка, поддакиваніе всѣм мерзостям современности. Это, в самом лучшем случаѣ, преступная лѣнь, преступное нежеланіе устроить новую лучшую жизнь.

Если это Угнетенный, то это трус, суб'ект, испорченный наукой, лже-интеллигент, злоупотребляющій, прикрывающій свою трусость, убогость, симпатіи к сильным фиговым листом эволюціи, концентраціи капитала и т. д.

Далѣе интеллигенція, как представительница науки, именно потому и держится так цѣпко за марксистскую теорію, что однозначуще с меньшевизмом. Теоретики, интеллигенты, как фарисеи и книжники времен Христа, не могут не быть реакціонерами.

Так обстоит дѣло с меньшевиками. Но лучше ли у большевиков?

Большевики это, по большей части, анти-теоретики, рабочіе, не крѣпкіе в марксистском ученіи, да, вообще, в наукѣ и культурѣ. Если же есть среди них интеллигенты или теоретики, так это или люди переросшіе теорію, т.-е. такіе, которые несмотря на то, что на словах клянутся именем Маркса, на дѣлѣ не вѣрят в него, считая, быть может, себя, не ниже его самого... Это типы в родѣ Ленина, вообще, зараженные безвѣріем в науку, как всякіе реформаторы, что не мѣшает им, однако, быть буквально людоѣдскими фанатиками своего реформаторства. В тезисах Ленина вы всегда найдете элементы жизни и выпады против марксистской догмы. И хотя Ленин считает себя ультра марксистом, лучшим марксистом, чѣм Маркс, он, однако, нисколько не марксист. Как уж сказал, он марксист тактики, а не теоріи; он, как сам говорит, марксист жизни, а это значит не марксист, т.-е. не марксист по ученію. Собственно таким был и сам Маркс, (прежде чѣм его окончательно погубила наука): поговаривая: я не марксист.

Еще одна причина, очень глубокая и важная, толкавшая и понынѣ еще толкающая нѣкоторых интеллигентов, не хотим сказать самого Ленина, в сторону непринципіальнаго максималізма — это *демагогія*, желаніе нравиться массам вначалѣ перед захватом власти, как средство достиженія власти, и боязнь перед массами, *демофобія*, страх, чтоб эта власть не ускользала из рук чрез увлеченіе масс другими демагогами.

Но оставим тайники душ. Не будем копаться в „психологіях", будем смотрѣть внѣшне.

Большевики отступили от марксистскаго ученія, т.-е. от тѣх детерминистических, эволюціонных, чисто-научных его основ, которыя осуждают пролетаріат, на совершенное или сравнительное бездѣйствіе или полудѣйствіе, т.-е. дѣйствіе детерминизованное пронизанное фатализмом естественно-исторической необходимости, что означает

свобода воли, распятая предопредѣленіем. В марксизмѣ, как смѣси теоріи и практики, есть, право, и другіе элементы, предпосылки, напирающія, хотя слабо, на какую-то свободу воли, свободу дѣйствія... Но первыя основы, как начальныя, как истинно-научныя, берут верх в марксистском ученіи. Марксистское ученіе становится оплотом міровой реакціи, порабощая человѣка, лишая его свободы воли, как почти никакое ученіе до него, порабощая пролетаріат, лишая его *свободы соціальной воли*, сознанія возможности произвольнаго перестроительства общества, проповѣдуя развитіе, его бывшій космополитизм (хотя лживый) вырождается в новый соціалистическій патріотизм. Марксизм, очевидно, погибает.

Но тут на сцену появляются большевики. При разложеніи марксизм распадается на его главные составные элементы: на *теорію* и *тактику*. Большевики ухватились за тактику. Они могли спасти марксизм. Но...

У большевиков, у ленинцев, как у самих Лениных, Либкнехтов и т. д. не хватало смѣлости вышвырнуть вон, окончательно сдать в архив марксистское ученіе. И вот, плывя на поверхности революціоннаго моря, держась на гребнѣ его воли, они тащат с собою тяжелый грузный труп марксизма, т.-е. марксистскаго ученія. И тащат они его со всей его ношей, с обвѣшанными вокруг его шеи камнями, которые тянут его и их в темную бездну научной реакціи, в мрачную пасть детерминизма, фатализма, порабощенія человѣка.

Большевики пробовали отступить от марксизма, но всегда пятятся обратно к нему, к своему идолу. Как трусливый ребенок, большевизм бросается ежели нужно к переднику матери своей, марксистской догмы, укрывая им свое смѣлое лицо.

Нѣт смѣлости порвать с марксистским ученіем. И вот один шаг вперед, десять шагов назад.

Вот, вот большевики подаются вперед, подталкиваемые *жизнью, революціей, массами*, тремя факторами, которые два из них жизнь и революція - вѣчно были и вѣчно будут анти-научными, а третій *пока* антинаучен, пока его не исковеркали Луначарскіе и Пролеткульты своей пролетарской наукой.

Жизнь, Революція и Массы тянут вперед, марксистское ученіе, марксистская догма, так называемая пролетарская наука тянет назад, и вот ублюдком этих двухъ антагонизирующих міров, по тусторонняго научно-теоретическаго и по-сю-сторонняго практически-тактическаго, ублюдкомъ отмирающей смерти и зарождающейся жизни рождается — большевистская соціомагія, урод, полу-наука и полутехника, псевдотехника с его Петроградской коммуной и проч. и проч.

Этот урод кинетавр имѣет ноги научнаго слова или бегемота и три магических крыла.

Имя им: деноминализація, колоссализація-монизація и конверсализація.

Нам остается перейти опять к Христу, указывать на тѣ же противорѣчія его ученія, на ту же раздвоенность его жизни, на ту же трагедію его жизни и трагедію его ученія, на то же разложеніе на

два элемента вродѣ меньшевизма и большевизма, на захват власти церковью (христіанскими большевиками католиками) как нынѣ партіей коммунистической, но так как это будет простым повтореніем сказаннаго, то просим читателя все сказанное про Маркса отнести и к Христу, чѣм избавит нас от лишняго труда об'ясненія понятнаго.

XV.

Заклинаніе и запугиваніе, как виды соціомагіи, фобомагіи.

Соціомагія, примѣняя свои вышеупомянутые пріемы, свои магическія формулы, свои гокусы-покусы, ждет от них, реальных результатов. Но эти реальные результаты могут притти лишь за реальными дѣйствіями. Царство божіе может притти лишь с реальным богом, если-бы бог воистину сошел с неба на землю, но тогда, кстати, „царство“ не будет, ибо истинному реальному богу не нужны комиссаріаты, суды и тюрьмы, всѣ бы его признали, и сбылось бы „реченное“: velo jelammedu od isch eth reehu veisch eth achiv lemor: deu eth adonai! ki chulam jedeu othi lemiktanom vead gedolam neum adonai. И уже не будут учить друг друга, брат брата, говоря: „познайте господа“: ибо всѣ сами будут знать меня, от малаго до большаго, говорит господь (Іеремія, 31, 34). Но истиннаго реальнаго бога нѣт, он не появляется. Его замѣняет новый идол, новый фетиш, новое воплощеніе магіи. Этот фетиш, который представляет собою простое полѣно, самую обыкновенную дубину, должен почитаться намѣстником, замѣстителем того великаго безсмертнаго бога, долженствующаго дать счастье всѣм, долженствующаго установить высшую справедливость на землѣ, чтоб не было богатых, не было бѣдных и т. д.

Но может-ли это простой чурбан-идол, нареченный только-что господом богом, может-ли простая дубина, еще вчера, гулявшая по спинам Угнетенных магически стать жезлом освобожденія Угнетенных, почитаться истинным богом любви, освобождающим и осчастливляющим всѣх, без исключенія.

Очевидно, нѣт. И вот эта дубина, разсерженная за непризнаніе, приходя в ярость, вымещая свою злобу на всѣх за свое собственное безсиліе и неумѣніе быть богом, дать счастье всѣм. Не щадя никого, не разбирая между виновными и невиновными, она одинаково лупит всѣх, не исключая и своих служителей, и тѣх, которые сами опредѣлили ее в боги, помазали ее, своим елеем льстиваго слова, царем іудейским, мессіей, Христом, коммуной, парством свободы.

Новоявленный кумир, кумир-выскочка, церковная власть, царство божіе, или совѣтская-коммунистическая, царство свободы, хочет внушить к себѣ уваженіе, которое он не заслуживает и на которую он бы не претендовал, если бы он мог дать реальное счастье людям,—путем неимовѣрнаго насилія сверх-насилія.

Соціомагія, исчерпывая все свое кудесничество, всѣ свои соціальныя чары, прибѣгает к послѣднему, вѣрнѣе, к первому своему пріему, к самому сильному, самому острому — к заклинанію.

Что такое заклинаніе?

Заклинаніе это запугиваніе, застращиваніе злого духа.

Двумя путями, двумя методами первобытный человѣк старается воздѣйствовать на физическую среду: путем заклинанія и благословенія. В основѣ обоих пріемов, очевидно, лежит вѣра в магическую силу слова и вѣра в баснословную легкоизмѣняемость физической среды.

Магія, таким образом, является діаметральной противоположностью современной науки, основанной на детерминизмѣ. В магіи лежит, очевидно, момент технический, т.-е. псевдотехническій.

Чѣм магія отличается от техники?

Основная предпосылка магіи—абсолютная свобода, абсолютный индетерменизм таится во всякой техникѣ, несмотря даже на ея порабощеніе наукой.

Это положительное, присущее обѣим. Но магія наивна своими пріемами, наивна своими мнимыми легкими достиженіями. Магія наивна своим допущеніем воздѣйствія на среду путем слова, заклинанія, угрозы, наказанія, с одной стороны, и благословенія, мольбы, лести, хвалы и вознагражденія, с другой.

На чем была основана эта вѣра?

На соціоморфизмѣ. *Вначалѣ была одна соціальная среда.* Вселенная и все что в ней представилось первобытному человѣку „порядком" (космосом), обществом, царством. Довольно указать на то, что у нас еще сохранилось слово царство природы в популярно-научной литературѣ. В обществѣ были цари-боги герои, эти-же боги герои-цари управляли міром, как и обществом, ибо оба понятія во взглядах первобытнаго человѣка, покрывали друг друга. С нашим обществом мір начинается, с нашим обществом мір кончается—таков кругозор этого человѣка. Совпаденіе общества с міром ясно видно в русском народном языкѣ, в котором мір означает и сходку-общество и вселенную. Царство земное было тогда царством небесным, законы государства законами неба, законами бога, законами природы. Магія, власть слова, управлявшая обществом, распространилась и на вселенную. Но какая магія раньше, положительная или отрицательная?

Безсомнѣнно, отрицательная. Несчастія, болѣзни и смерть, преслѣдовавшіе человѣка в видѣ злых духов (как ему казалось) были для него ощутительнѣе, чѣм то добро, которое он получил и за которое впослѣдствіи, став болѣе положительным, вздумал отблагодарить. Первоначальный вид религіи—это магія, да к тому еще отрицательная. Не жертвы, подарки и не молитва, и не даже благословеніе, а заклинанія. Отрицательная догомагія—вот первый вид воздѣйствія человѣка на физическую среду. За нею, т.-е. за отрицательной только и идет положительная, благословенія. Первоначальный вид молитвы это благословеніе духа, бога.

1. Моисеев закон, как магія проклятія и благословенія.

В нашем трудѣ Schein und Wirklichkeit мы приводим много фактов в доказательство этих наших взглядов. Нам тут важно лишь указать, что эта отрицательная логомагія также является соціоморфизмом: в первобытном обществѣ всякіе приказы-законы выражались в видѣ проклятій и благословеній. Так мы видим, напр., и в пятикнижіи Моисея.

„И заповѣдал Моисей народу в день тот, говоря: Сіи должны стать на горѣ Гаризим, чтобы благословлять народ, когда перейдете Іордан: Симеон и т. д.

А сіи должны стать на горѣ Гевал, чтобы произносить проклятіе: Рувим и т. д. Левиты возгласят и скажут всѣм израильтянам громким голосом: „Проклят, кто сдѣлает изваянный или литый кумир, мерзость пред господом, произведеніе рук художника, и поставит его в тайном мѣстѣ!“ Весь народ возгласит и скажет: „аминь!“ Проклят злословящій отца своего или матерь свою!“ И весь народ скажет: „аминь!“ „Проклят нарушающій межы ближняго своего!“ И весь народ скажет: „аминь!“ „Проклят, кто слѣпого сбивает с пути!“ И весь народ скажет: „аминь“. „Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!“ И весь народ скажет: „аминь!“ и т. д. и т. д. „Проклят, кто ляжет с сестрою своей, с дочерью отца своего или дочерью матери своей!“ И весь народ скажет: „аминь!“ „Проклят, кто ляжет с тещею своею!“ И весь народ скажет: „аминь!“ и т. д. „Проклят, кто тайно убивает ближняго своего!“ И весь народ скажет: „аминь!“ „Проклят, кто берет подкуп, чтобы убить душу и пролить кровь невинную!“ И весь народ скажет: „аминь!“

А вот и финал, обобщеніе.

„Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!“ И весь народ скажет: „аминь!“ (второзаконіе, 27, 11—26).

Вот пред нами первообраз всякаго закона, который всегда был формулирован в видѣ краткаго проклятія, начинаясь с „arur“.

Это, впрочем, не мѣшало бы принимать во вниманіе нашим новым соціалистически-„коммунистическим“ законодателям Ленинскому декрету как раз подобало бы, ему бы очень шло проклятная формулировка arur.

Но как бы то ни было одно безсомнѣнно, что моисеевскіе законы были основаны на магіи запугиванія и были написаны краткими формулами заклинаній—аруристически.

Мы имѣем еще одно мѣсто, гдѣ всѣ законы называются „пѣсней“, совсѣм как бы в Ведах: браман.

„Итак напишите слова пѣсни сей, и научи ей сынов Израилевых, и вложи ее в уста их, чтоб пѣснь сія была мнѣ свидѣтельством на сынов израилевых“ (ibid. 31, с. 19).

Schira (пѣсня) означает тут, очевидно, магическую формулу проклятій, которая достигает своего апогея там же в главѣ 28, а бо лѣе кратко она находится и в Левит, 26.

Но благословенія и проклятія второзаконія, очевидно, болѣе ранняго древняго происхожденія. Нѣкоторыя из них, и как видно, самыя древнія формулированы очень кратко и характерны тѣм, что всякое благословеніе начинается магическим baruch (благословен) и всякое проклятіе—arur (проклят).

Насколько сильно было вліяніе этого arur видно и из приведеннаго ниже разсказа о заклятіи Саула, начинавшемся так же, как обыкновенно, магическим: ahrur, который чуть было не стоил жизни Іонафану. Этот arur был послѣ и формулой отлученія от синагоги. Ассоціируясь со смертью в рядѣ поколѣній, наблюдавших всегда смертную казнь, слѣдовавшую за ним, он должен был, по психологической ассоціативной причинности, считающей всякое „за“ за вслѣдствіе, пріобрѣсть огромную магическую силу. По всей вѣроятности, вначалѣ у царей-героев — богов-деспотов этот „arur“ означал смертную казнь, был смертным приговором. Мы и видим, поэтому, что пятикнижіе просто разсматривает благословеніе, как жизнь и проклятіе, как смерть, hachaim mehamaveth nathathi lephanecha: habrachah vehaklalah ubacharthabechaim lemaan thichjeh atha vesarecha.

Жизнь и смерть предложил я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое (Второзаконіе, 30, 19).

И что это проклятіе (arur) имѣло, по вѣрованіям евреев, разрушительное дѣйствіе на тѣло, мы видим из закона о ревнованіи, гдѣ проклятыя воды наводят проклятіе на согрѣшившихъ о женѣ. Для усиленія эффекта с фономагіей соединяется графомагія: написанное на свиткѣ заклинаніе смывается в горькую воду, которая послѣ дается взятой под сомнѣніе женѣ. Тут самое интересное это полная увѣренность библіи в неотразимости воздѣйствія заклинанія.

Vehischkah eth hamaim vehajetha im nitmeah vathimeol maal beischah ubau bah hamaim hameerrim lemarim vezabetha bitnoh venaphlah jerechah vehajetha hhaischa lealah bekereb amah: veim lo nitmaah haischa utehorah hi venkeha venisreah sarah:

„И когда напоит ее водою, тогда, если она нечиста и сдѣлала преступленіе против мужа своего, горькая вода, наводящая проклятіе, войдет в нее, ко вреду ея, и опухнет чрево ея и опадет лоно ея, и будет эта жена проклятой в народѣ своем. Если же жена не осквернилась и была чиста, то останется невредимою и будет оплодотворяема сѣменем“ (Числа, V, 27, 28).

Очевидно, соціальный закон считается и физіологическим.

В библіи имѣются разсказы о вліяніи и случайных проклятій. Дѣти прозвали Елисея плѣшивым, за что он их проклял. В наказаніе вышли двѣ медвѣдицы из лѣса, и растерзали из них *сорок два ребенка* (4-я книга Царств, гл. II).

Но значенію проклятія посвящено в пятикнижіи цѣлых нѣсколько глав, повѣствовавших о похожденіях Валаама, приглашеннаго Валаком, царем Моавитян, чтоб проклинать Израиля. Это один из самых интереснѣйших библейских эпизодов, и самое пикантное в нем, конечно, это то, что ослица вдруг заговорила человѣческим языком.

Но для нас он характерен, насколько могущественна была вѣра в проклятіе у Израиля. Послы Валаку говорят Валааму:

„Итак приди, прокляни мнѣ народ сей, ибо он сильнѣе меня: может быть, я тогда буду в состояніи поразить его и выгнать его из земли. Я знаю, что, когда ты благословишь, тот благословен, и кого ты проклянешь, тот проклят“ (Числа, 22. 6).

Послѣднія слова: ki jadaathi eth ascher thebarechm eborach veascher thaer juar (Я знаю, что, когда ты и т. д.) характерна тѣм, что они напоминают слова бога к Аврааму:

Vaavarechah mebarechecha umekalelcha aor.

„Я благословлю благословляющих тебя, и проклинающих тебя — я прокляну“ (Бытіе, 12, 3).

Это опять-таки показывает нам всю важность благословенія и проклятія, как основу іудейскаго закона и обѣтованія Палестины. Не даром библія сразу же указывает на благословеніе, как на источник жизни и на проклятіе, как на смерть. Размноженіе, корень жизни ставится в зависимость от благословенія богом Адама: peru urebu, что означает: плодитесь и размножайтесь. Смерть же и всякія страданія, в особенности тяжелый труд мужчины, главный фактор сокращающій его жизнь, и муки родов женщины, нерѣдко приносящія собою смерть, берут начало в божьем проклятіи. Словом, все положительное, доброе, это от благословенія, а все отрицательное, недоброе — от проклятія.

Мы, таким образом, видим, что жизнь по библіи основана на благословеніи, на законѣ размноженія. Талмуд и еврейскій кодекс считает благословеніе peru urebu законом: *каждый еврей обязан жениться*, чтоб исполнить заповѣдь о размноженіи. Слѣдовательно, біологическій закон у евреев считается соціальным законом, и соціальный закон — біологическим. Закон же есть благословеніе, так что подтверждается, сказанное нами, что еврейскіе законы как всякіе древніе законы были основаны на магіи благословенія и проклятія, и что юридическій закон был и законом природы, т.-е. считался обязательным и для физической среды. Потому бог, наказывая, проклиная Адама, проклинает и землю за то, что она дала ему запретный плод. Бог говорил: arurah haarez baavurecha, что значит „проклята земля за тебя“ (ibid, 3, 17), т.-е. за твой грѣх.

В основѣ закона лежит благословеніе и проклятіе, дать закон значило благословить, ибо закон был формулирован в видѣ благословенія за исполненіе и проклятіе за неисполненіе. Біологическій закон о размноженіи был поэтому благословеніем, ибо его исполнили. Соціальный же закон о трудѣ считался проклятіем и человѣка и земли, ибо его не исполнили. Быть может, эта мысль лежит в основѣ разсказа о Каинѣ и Авелѣ. Дѣла Авеля, основанныя на размноженіи, процвѣтали: скот размножался и тучнѣл. Дѣла же Каина-земледѣльца, основанныя на законѣ труда, на проклятіи, были скверны, до тѣх пор, пока не были найдены способы облегченія работы, которые символизирует Ной, по древне-еврейски: утѣшитель, как библія сама и говорит:

Vaikra eth schemo noah lemor: se jenachmenu mimaashenu umeizebon jadenu min haadamah ascher erarah adonai.

И нарек ему имя Ной, сказав: он утѣшит нас в работѣ нашей и в трудах рук наших при воздѣлываніи земли, которую проклял Господь (Бытіе, 5, 29).

Тут опять-таки библія открывает нам магическую подкладку наименованій. Вѣдь, конечно, Ной рождаясь не мог-же быть утѣшителем, усовершенствователем. Имя это, очевидно, имѣет магическій характер, т.-е. нарекая ребенка Ноем, они думали воздѣйствовать этим на земледѣліе. Наименованіе есть своего рода благословеніе. Вѣрующіе в магію слова должны были думать, что посредством названія, именованія или переименованія, они измѣняют предмет. Мы уже выше указали, что к стыду эта магія деноминализаціи практикуется и нынѣ в очень широком размѣрѣ—коммунистами.

В наших философских трудах мы указываем, что всѣ имена в древнем мірѣ были предметом магіи. Это нам показывает библія своими именами: Авраам—означает по древне-еврейски: высокій отец, т.-е высоко-чтимый патріарх. Имя Ева обладало магическим свойством поощренія плодовитости, имя Адама служило споспѣшествованію земледѣлію. Но библія, желая использовать эти имена для своей филогеніи, толкует их post factum. Она говорит, что Адам нарек имя женѣ своей Ева, ибо она стала матерью всѣх живущих (Бытіе 3, 20). Так толкует библія. Мы же понимаем здѣсь не „ибо она стала“... а для того, чтоб она стала, так как нѣт сомнѣнія, что женщины в древности назывались Евами для пріобрѣтенія или повышенія—если онѣ переименовались — своей плодовитости. И нынѣ еще у евреев слабыя дѣти или дѣти матерей, у которых умерло нѣсколько дѣтей, называются chaim, что означает „жизнь“. Так и имя Каин, образованное от древне-еврейскаго корня kanoh, означающаго „купить“, должно было имѣть магическое вліяніе на сохраненіе ребенка, в особенности первенца, за который у евреев и слѣдовал выкуп, называемый pidejon haben (выкуп сына), обычай, существующій еще и по-нынѣ среди ортодоксальнаго еврейства. Библія нам так и говорит, вкладывая в уста Евы слова об'ясненія именованія kanithi isch eth jehova, что означает по русски: пріобрѣла я человѣка от бога (Бытіе, 4, 1). Она пріобрѣла его от бога, ибо всякое зачатіе считалось у древних іудеев зачатіем от бога, от божьяго благословенія: peru urebu Ene и талмуд говорит: scheloscha schuthaphim beadam aviv veimo vehakadosch baruch hu, что значит: три участника в человѣкѣ: отец, мать и бог. Что всякое зачатіе, по библіи, есть зачатіе непосредственно от бога показывают слова bahova pakad eth sarah... vathar vatheled sarah leabraham ben lisekunav, что означает: И бог посѣтил Сарру... Сарра зачала и родила Аврааму сына в старости его (Бытіе, 21. 1). Право, в церковном переводѣ написано: „И призрѣл бог на Сарру“, но это простая фальсификація, ибо pakod означает посѣтить, как напр. pokad eth navehu означает посѣтил свое жилище, т.-е жену. Это деликатное выраженіе для обозначенія полового сношенія Мы и видим, что сам церковный перевод знает истинное значеніе слова: pakod, как только ему не нужно

фальсифицировать. Когда Іосиф говорит братьям перед смертью: pakod pkod elohim ethchem, то в том же церковном переводѣ значится: богъ посѣтитъ васъ (Бытіе, 50, 25). Это божье посѣщеніе Сарры, отъ котораго она зачала, есть дѣйствіе божьяго благословенія — заповѣди-закона: peru urebu (плодитесь и размножайтесь), олицетворенняго в сексуальномъ снѣ.

Мы, такимъ образомъ, видимъ, что первый основной законъ библіи,— заповѣдь о размноженіи,—есть благословеніе в видѣ повелительнаго, т. е. в видѣ приказа, закона. Этотъ законъ-благословеніе представляет ту антропологически-расовую канву, на которой вышивались весь юдаизмъ, вся національная культура. Такъ с этимъ закономъ-благословеніемъ связано еврейское избранничество, имѣвшее в основѣ своей обрядъ обрѣзанія. Разъ человѣкъ рождается отъ Бога, то онъ принадлежитъ Богу, слѣдовательно, онъ долженъ быть принесенъ в жертву Богу. Что такое воззрѣніе было у древнихъ іудеевъ видно изъ разсказа о принесеніи Авраамомъ Исаака в жертву. Обрѣзаніе и было такой магической жертвой, искупленіемъ себя своей крайней плотью. Разъ половой актъ есть божественный актъ, то органъ размноженія есть божественный органъ и нужно отдать божье Богу. Но законъ об обрѣзаніи, в свою очередь, особо является благословеніемъ, благословеніемъ племеннымъ. На немъ и основано еврейское избранничество, какъ народъ божій, народъ-первенецъ, какъ говоритъ библія: ko amar jehovah beni bechori israel: vaomar elecha schalach eth beni vejaabedeni yatemaen leschalecho hine anochi horeg eth bincha bechorecha. Такъ говорилъ Господь: Израиль есть сынъ Мой, первенецъ Мой. Я говорю тебѣ: отпусти сына моего, чтобы онъ совершилъ мнѣ служеніе; а если не отпустишь его, то вотъ, я убью сына твоего, первенца твоего (Исход. 4, 23). И для объясненія и подтвержденія этой идеологіи избранничества тутъ же помѣщенъ разсказъ, какъ Богъ хотѣлъ умертвить первенца Моисея. „Тогда Сепфора, взявши каменный ножъ, обрѣзала крайнюю плоть сына своего, и, бросивъ к ногамъ его, сказала: ты женихъ крови у меня. И отошелъ отъ него господь. Тогда сказала она: женихъ крови—по обрѣзанію (Исход. 4, 26). Тутъ мы имѣемъ и магическую формулу, произносившуюся в древности при обрѣзаніи: chathan damim lamuloth, это значитъ, что Богъ, соучастникъ в зачатіи получилъ свою долю крови. Изъ этого видно, что искупленіемъ считалось не только крайняя плоть, но и кровь, ибо кровь это душа ki hadam hu hanaphesch), по библіи (Второзак. 12, 23).

Итакъ, и второй основной законъ библіи опять-таки является магическимъ, и основанъ онъ на благословеніи и проклятіи, о чемъ свидѣтельствуетъ вся семнадцатая глава книги бытія, гдѣ кромѣ магіи благословенія и проклятія имѣется еще и магія деноминализаціи. Аврамъ переименовывается Богомъ в Авраамъ.

Velo ikare od schimcha abram vehaja schimca abraham ki ab hamon goim nethathicha.

И не будешь ты больше называться Аврамомъ; но будетъ тебѣ имя Авраамъ; ибо я сдѣлаю тебя отцомъ множества народовъ (Бытіе, 12)".

Какъ видимъ, человѣчество не далеко ушло отъ этой біосоціомагіи, с такимъ „успѣхомъ" примѣняющейся нынѣ в совнаркомскихъ декретахъ

основанных всѣ, как весь октябрьскій переворот, на деноминализаціи. Как только министерства переименовались секретаріатами, то они стали „отцами коммунистических народов".

Только обряду обрѣзанія коммунистическому большевики себя не подвергают: обрѣзать хоть крайнюю буржуазную плоть, обрѣзать хоть кое-сколько капитализм—вещь пріятная и трудная, легче, конечно, христіанское крещеніе: окунуться в поток водянистой агитаціи или же еще лучше—вот сразу записаться в единственную душеспасающую партію коммунистов, т. е. переименоваться—раз, два, три—и готово.

Это вполнѣ достаточно для евангелистов и коммунистов, стоящих на точкѣ зрѣнія одного слова, одного вербализма, одной *проповѣди* и *агитаціи*, несчастному же Аврааму с его антропологизмом пришлось туговато—пришлось и переименоваться и обрѣзаться для того, чтобы вступить в новый завѣт со своим богом. Одна только Сарра обошлась одним переименованіем и благословеніем, ибо проклятія особаго не нужно было для женщины, она его имѣет в муках родов; Авраам же, будучи богатым, не трудился, притом, очевидно, для завѣта мало было пота, нужна была и кровь, как частичная смерть.

Итак, второй закон, закон обрѣзанія, на котором был основан завѣт Авраама—Израиля с Богом, основан был на трех видах магіи: на переименованіи, благословеніи, проклятіи-заклятіи. Послѣднее, заклятіе-проклинаніе, которое есть символ смерти, сама смерть или замѣна смерти-жертвы и есть главное начало завѣта-закона. Ибо всякій соціальный закон основан больше на наказаніи, чѣм на вознагражденіи, на пользѣ. Исполненіе его, даже по словам его приверженцев, дает пустяк, щепоть горькаго, купленнаго насиліем, проклятіем, обрѣзаніем себя, своей души, своей воли, счастья, но его неисполненіе нерѣдко угрожает *смертью*. В законѣ, слѣдовательно, преобладает смерть над жизнью, проклятіе над благословеніем, наказаніе-вред над вознагражденіем-пользой. В библіи потому так много страшнѣйших, леденящих кровь проклятій и так мало, сравнительно ничтожно мало благословеній. В Левитѣ, глава XXVI всего 13 стихов благословеній и 29 стихов проклятій, а в Второзаконіи еще больше: всего 14 стихов благословеній и цѣлых 54 стиха проклятій. Такое же приблизительное соотношеніе между благословеніем и проклятіем в приведенном ниже сборникѣ законов Хаммураби. Государственный закон, который вначалѣ был и божьим, основан на проклятіи, на запугиваніи и травли человѣка. Он убивает в человѣкѣ всякую иниціативу, дѣйственность, активность, содѣйствуя его отупѣнію, вырожденію и одряхлѣнію. Наказанія и угрозы признаны новой педагогикой отрицательными вредными факторами, уродующими, щемящими личность.

Государственно-божескій іудейскій закон называется завѣтом, т. е. зарѣзом, заклятіем, он весь основан на божьей клятвѣ с одной стороны и обрѣзаніи—заклятіи—проклятіи человѣка с другой. Закон часто пречасто называется завѣтом, завѣтно-древне-еврейски это berith berith означает рѣзать, от глагола baroh или baroth, что доказывает названіе berith ben habetharim (завѣт разсѣченных животных), которым

обыкновенно обозначается завѣт, о котором повѣствует вся 15-я глава Бытія, в особенности стих. 10. Животная жертва, разсѣченныя животныя, и человѣческая жертва, „обрѣзанный“ человѣк—вот основа berith—завѣта. Berith соотвѣтствует арамейскому ban, сын и внѣ (как еврейскій „бен“—между и сын) и beratha, дочь. Что berith означает зарѣз, обрѣзаніе, доказывает и то, что евреи до сих пор на разговорно-еврейском языкѣ называют обряд обрѣзанія beris, т. е. berith. Кромѣ того неопровержимым доказательством, что berith это—жертва, зарѣз, служит разбросанное по всей библіи выраженіе: karath berith, переводится: заключил союз, но буквально означающее: зарѣзал, зарѣз, т. е. зарѣзал животных или человѣка в знак союза. И уж относительно глагола karoth никакого сомнѣнія нѣт, что он означает: рѣзать, истребить. А это обыкновенная формула угрозы—запугиванія—проклятія, столь обычная в библіи, имѣется и здѣсь, в этой же заповѣдающей обрѣзаніе 17-й главѣ, стих 14. Vearel sachar ascher lo imol eth beshar arlatho venichretha hanephesch hahi meameha eth berithi hephar—„Необрѣзанный же мужскаго пола, который не обрѣжет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего; ибо он нарушил завѣт мой“.

И мы прекрасно знаем, что означает это эзоповско-эпическое: истребится, буквальнѣе.—зарѣжется,—эта душа не зарѣжется сама, а ее раньше заклали в жертву, а послѣ только, когда человѣческія жертвы стали почитаться неблагоухающими божьим ноздрям, то попросту истребили. Но, во всяком случаѣ, душа сама не истребилась. Но законодатели всѣх времен, которые всегда любили, любят и будут любить человѣческое мясо, имѣют обыкновеніе писать безлично: предать разстрѣлу, или разстрѣливаются на мѣстѣ—магическая безличная фатально-детерминистическая формула, краса и гордость совнаркомских декретов. Этим внушается нам идея, что люди любят, чтобы их разстрѣливали, внушается нам, что разстрѣл произойдет чисто механически магически, как-будто никто их не разстрѣляет, а сами себя разстрѣляют своим грѣхом, нависшим над ними роком, проклятіем, которых никто предотвратить не в состояніи.

Закон карает сам, декрет сам разстрѣливает, сам сажает в тюрьму. Тут нѣт смертной казни—душа сама истребляется, приносится в жертву закону-богу. По-древне-еврейски, поэтому, слово kalel, проклинать образуется от слова kal, легкій. Человѣк застигнутый проклятіем становится легким, ничтожным, бѣдным, по-библейски nikleh (см. Исаія 3, 5 vehanikleh banichbad), а по-талмудически rekeh (см. Матѳ. 5, 22), а богатый называется nichbad, почтенный, т. е. тяжелый, от слова kabod, почет, и kabed, тяжелый. И поэтому библія говорит: Veabram kabed meod bamikneh bakesheph ubasahab, что значит буквально: и был Аврам *тяжел* скотом, и серебром, и золотом. „Тяжел“ значит было у него много и потому и был почитаем. Как *проклятіе* самим собою, магически-фатально, влекло за собою бѣдность, так благословеніе магически-неизбѣжно приносило богатство, множество, „все“, „отягченность“ золотом и проч. Благословлять по-древне-еврейски означает baroch, от слова berech, колѣно, ибо богатый имѣл верблюдов, которые он поставил на колѣни, чтобы нагрузить и разгрузить. Так написано

Vajaberech eth hagemalim, что значит поставил верблюдов на колѣни (Бытіе 24, 11) и у Іосифа vaikra lephanav abrech, и провозглашали пред ними: преклоняйтесь! (ibed. 41, 43). Само благословеніе дѣлает человѣка богатым, сильным, владѣтельным. Значеніе благословенія так важно в еврейской религіи, что каждая краткая молитва непремѣнно начинается словом baruch, благословен. Этот baruch имѣл магическое вліяніе на Бога, усиливая его. У евреев впослѣдствіи имя Бога так слилось со словом baruch, что в Талмудѣ Бог, по большей части, называется не иначе, как hakadosch baruch hu, „святой, благословен он!“ Вѣру в неотразимости проклятія мы видѣли выше и в законѣ о ревнованіи. Ее мы видим и в каранія смертью за проклинаніе Бога (Левит, 24), отца (Исход, 21, 17), судей и начальника (ibid. 22, 27)*). Наивная вѣра в магію проклятія показывает нам и совѣт жены Іову: barech elohim vamuth, похули бога и умри (Іов, 2, 9). Гибель несущую магію проклятія мы находим и в стихѣ (Бытіе, 8, 21): Vajomer jehove el libo lo osiph lekalel eth haedamah baabur haadam, „и сказал господь в сердцѣ своем: не буду больше *проклинать* землю за человѣка“.

Заканчивая укажем лишь на то, что важнѣйшій из законов библіи, основа юдаизма—субботній отдых также основан на благословеніи. И весьма понятно: раз труд—проклятіе, то отдых—благословеніе

Эта благословенность субботняго отдыха написана еще в Бытіи (2—3 и повторяется Исход, 20—1).

Раз в субботѣ лежит магическая сила, то ничего удивительнаго нѣт, что закон этот—не только для соціальной среды, но и для физической

Закон Моисеев—закон не только еврейской націи, но и еврейской земли. По терминологіи Талмуда эти заповѣди, касающіеся земли, называются mizevoth hathelujath baarez, что значит заповѣди, зависимыя от земли. Однако, это названіе совершенно неправильное, ибо оно стушевывает магическую обязательность этих законов не только для евреев на палестинской землѣ, но и для самой земли.

Что скрывает или не понимает и Талмуд нам ясно говорит сама Библія:

As thirzeh haarez eth schabethotheha kol jeme haschama veathem beerez ojebechem as thischbath haarez vehirzath eth schabethotheha: kol jeme haschama thischeboth eth ascher lo schabetha beschabethothechem beschibthechem aleha.

Тогда удовлетворит себя земля за субботы свои во всѣ дни запустѣнія своего; когда вы будете в землѣ врагов ваших, тогда будет покоиться земля и удовлетворит себя за субботы свои. Во всѣ дни запустѣнія своего *будет она покоиться, сколько не покоилась* в субботы ваши, когда вы жили на ней (Левит, 26, 34)“.

Эта же мысль, в виду важности ея, повторяется и в стихѣ 43.

Соціально-національный закон является и законом агрикультуры, законом геологическим.

---

*) Церковный перевод слово mekalel не правилен. Mekalel вездѣ означает: проклинающія, и тѣм болѣе такой перевод недопустим для стиха Исход, 22, 27, гдѣ написано и lo thaor, вездѣ означающій проклятіе.

Так же мы видим, что *національный законъ обрѣзанія переносится и на деревья.*

„Когда придете в землю и посадите какое либо плодовитое дерево, то плоды его почитайте за необрѣзанные; три года должно почитать их за необрѣзанные; не должно ѣсть их; а в четвертый год всѣ плоды его должны быть посвящены для празднеств господних. В пятый же год вы можете ѣсть плоды его и собирать себѣ всѣ произведенія его. Я—господь, Бог ваш (Левит, 19, 23—25)".

Вот вам обрѣзаніе и необрѣзаніе для деревьев! И характерно тут выраженіе древне-еврейскаго текста: Vat. ralthem.eth arlatho, и как комично звучит кличка arelim, ставшая у ортодоксальных евреев презрительным прозвищем не евреев, по отношенію к плодам.

Далѣе, мы находим одинаковое магическое отношеніе к растительности на головѣ и растительности на полѣ. И как ни странно, что и тут мы наталкиваемся опять на обрѣзаніе, только обратное, т. е. на необрѣзаніе, на оставленіе края.

Если крайняя плоть полового органа магически символизировала всего человѣка, то край волос головы (peoth, пейсы) и край бороды, как край вторичных половых органов, также считались священными. Как же их можно было выдвинуть, отличить эти края из всего остальнаго? Конечно, не обрѣзаніем, а не-обрѣзаніем. Раз все стрижется, то их как раз, в знак отличія, нужно оставить. И поэтому, как это поверхностно ни различно, по существу же это отрицательное обрѣзаніе и, слѣдовательно, половое, антропологически-національное жертвоприношеніе.

Вот что значит библейскій законъ: lo thakiphu peath roschchem vela taschchith peath sekanecha, не стригите края вашей головы, и не порти края бороды твоей (Левит 19, 17). Эти пейсы, как китайская коса, это жертвоприношеніе, отрицательное это обрѣзаніе волос, которое перешло иногда в положительное, напр., у назарея.

Это же магическое пожертвованіе края, магія крайней части как цѣлое, проявляется и в заповѣ: „Когда будете жать жатву на землѣ вашей, не доживай до края поля твоего, и оставшагося от жатвы не подбирай (ibid. 19, 9)".

И тут, очевидно, имѣет мѣсто обратное обрѣзаніе: раз пожинается, то жертва, разумѣется, должна не пожинаться, остаться. Со временем, когда магическое начало ослабло, евреи начали смотрѣть на это, как на простой законъ обезпеченія сѣдых.

Всѣ эти законы, резюмируем—как им—подобные, имѣли цѣлью поощреніе плодородія, а в основѣ их лежало благословеніе: „peru urebu"!

Содержаніе этих законов—біомагія жертвы: богу посвящается (первое или послѣднее) край плоти (milah), волос (peah) бороды, головы—макушки (totaphot. thephilinschel roschi, одежды (кисти, zizith), руки (thephilin scehl jad, филактерии), мѣста (chslah, лепешка), квашни (mazoth, опрѣсноки) дома (mesusah, косяк), первенцы человѣка (bechor), скота (peter rechem), первый сноп (omer), первые плоды некислые: опрѣсноки (mazoth), кислоиспеченные хлѣба (bikurim), плоды деревьев: (arlah)

и т. д., всѣ законы о жертвоприношеніяхъ, прощающихъ грѣхъ, т. е. предотвращающихъ болѣзни и смерть,—все это біомагія, отчасти и физомагія, выступающая въ соціальной одеждѣ. Тут и магія числа, праздники, седьмое число, почему-то считавшееся краем чисел (субботы, седьмой день), первый мѣсяц (пасха) и седьмой мѣсяц (rosch haschana, новый год, jom kipurim, очищеніе и sukoth, кущи), суббот земли schabathot haarez, schemitah и jobel седьмой год и пятьдесятый,—тут магія времени, кронофизомагіей, астромагіей астрологіей и геомагіей, кладутся в основу соціомагіи, цѣлаго законодательства и государственности. Избранное время, избранная земля и избранный народ образуют один союз в Моисеевом законодательствѣ. Три рода магіи с преобладаніем третьей, избранничества народа, антропоэтномагіи, которая впослѣдствіи у пророков из антропологически-расоваго переходит в чисто-національно-культурное, в психомагію. Но, в сущности, трудно сказать, кто из этих трех основ преобладает: время ли, земля ли, или народ; вѣрнѣе будет, если скажем, что всѣ трое преобладают, т.-е. никто не преобладает, образуя одно тѣсное единство, тысячью нитями переплетаясь и незамѣтно переходя друг в друга. Ибо, что такое избранничество, если не святость, а что такое святость, если не благословеніе. Так Библія часто повторяет: goi kadosch, святой народ (Исход, 19, 7) и segulah mikol haamim, удѣл из всѣх народов (ibid. 5), праздники святы, mikra kodesch (Левит, 23, во всей главѣ повторяется слово kodesch), всѣ законы основаны на святости (см. Левит, 19—23, во многих других мѣстах, почти по всему пятикнижію). Святость означает по древне-еврейски избранность, посвященность, она же— благословенность, ибо всякая вещь становится избранным, святым посредством слова, благословенія berachah. Бог потому и приказывал, чтобы священники благословляли народ, ибо чрез магію слова Израиль становится святым, избранным. Это благословеніе священников совершается в еврейских синагогах и понынѣ по праздникам. Текст благословенія библейскій:

Jebarechecha jehova veischmerecha: jaer jehova panav elecha vichuneka: isha jehova panav elecha vejaschem lecha schalom:

Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь свѣтлым лицем своим и помилует тебя! Да обратит Господь свое лицо на тебя и даст тебѣ мир! (Числа, 6, 24—26).

Но суббота также становится святой посредством благословенія. Евреи в своих молитвах благословляют субботу. И Библія нам разсказывает, что суббота стала святой—божьим благословеніем. Vajebarech elohim eth jom haschebii Vajekadesch otho,—и благословил Бог седьмый день и освятил его (Бытіе, 2, 3).

Седьмое число святое, благословенное, по-древне-еврейски—schebi (седьмый), schibuh, этим же словом обозначается клятва: schebuah. Если принимать во вниманіе, что по-древне-еврейски из-за отсутствія гласных оба слова пишутся одинаково: sch, b, a и h, то ясно, что различное чтеніе является продуктом болѣе позднаго періода, когда ассирійская магія числа потеряла в глазах еврея всякое значеніе. Но вначалѣ, очевидно, семь и клятва означало одно и то же и, слѣдовательно, все избранничество евреев (этномагія) и избранничество Палести-

ны (геомагія) находят свою первоначальную основу в магіи числа, в магіи времени (хрономагіи), в слове: sch b a h, которое, вслѣдствіе отсутствія гласных в древне-еврейском письменном языкѣ, как во всѣх семитских языках, одинаково можно читать и клятву (schebuah) и schibah (в библейском текстѣ пунктація введена за послѣднее время, в свитках же торы, которые не печатаются, а пишутся особыми спеціалистами писцами, называемыми sophrim— их и нынѣ нѣт). Таким образом, все пятикнижіе стоит под знаком *благословенности* числа: семь, и всѣ библейскіе законы сливаются в одном магическом законѣ о субботѣ, которая вначалѣ была не отдыхом, а жертвой, ибо хрономагія (магія времени) была и физомагіей и біомагі-й. И человѣк, и скот отдыхает, т. е. приносит себя в жертву богу, уподобляясь мертвому, отдыхая—умирая на день. Отдых означает отдать дух. На всѣх языках у всѣх народов умереть означает отдыхать, почить. Vajonach bajom haschebii al ken berach eth jom haschabath vajekadeschehu, а в день седьмый *почил*. Посему благословил Господь день субботній и освятил его (Исход, 20, 11). Но по-древнееврейски vajanach означает умереть, так еврейская панихида гласит: janiach beschalom al mischkabo (и пусть почіет миром на ложѣ его), manoach означает усопшій, а буквально—отдыхающій. Всѣ должны отдыхать за этот день, значит все должно „умереть“ за этот день. Поэтому никакой работы нельзя было дѣлать, ибо тогда не смотришь мертвым,— *смерти не обманешь*.

Суббота, таким образом, есть не болѣе или менѣе как „игра в смерть“, инсценированная смерть для обмана злого духа, для обмана смерти. Как в том разсказѣ о невѣрном другѣ, гдѣ человѣк спасается от медвѣдя, прикидываясь мертвым. Суббота есть своего рода мимикрія смерти. И неудивительно, что человѣк попал на такое ухищреніе. Он кругом это видѣл у животных, которыя сплошь да рядом прикидываются мертвыми, чтобы избѣжать смерти. Человѣк дѣлал то же самое. Он играл в смерть, чтобы не умереть на дѣлѣ. И вполнѣ естественно, что и бога своего послѣ сотворенія міра, отвоеванія его от смерти, от тьмы, он изображает умирающим на время, засыпающим, отдыхающим, святым, блаженным, благословенным. Раз Бог видѣл, что все хорошо (ki tob), значит это нужно сохранить от исчезновенія, от завистливых глаз смерти, от „смерти, что над бездной“, от этого choschech'a, и заповѣдал-изобрѣл он магію смерти, игру в мнимую смерть, смерть-жертву, жертву одного дня для спасенія живущаго.

Въ нашем философском трудѣ „Призраки и дѣйствительность“ мы приводим много фактов из жизни первобытных и диких народов, в подтвержденіе тезиса, что игра была когда-то магіей, была не „игрою“, а серьезным дѣлом, именно—лже-дѣлом, обманным дѣлом, псевдо-техникой. Если весь культ шаманизма основан на игрѣ, если всѣ празднества основаны на игрѣ, как, напримѣр, праздничныя игры у всѣх диких народов, олимпійскія игры у греков, то нѣт сомнѣнія, что суббота это—„игра в смерть“. Нужно сидѣть тихо, спокойно, не двигаться, затаив дыханіе, в темнотѣ, чтобы смерть не замѣтила тебя. Мы знаем, что дикари так и борются с эпидеміями. Очевидно, так и боролись

евреи со смертью, изобрѣтая субботу и другія жертвоприношенія, как псевдобіотехнику, как спасеніе от смерти. Слово schabath проиходит от schebeth, сидѣть, сидѣть или januach, лежать означало и умереть. Так и слово schibeah (семь) и schebuah (клятва) не даром содержит корень scheb, сидѣть, ибо всякое заклятіе было заклятіем смертью.

Только такое толкованіе субботы объясняет, почему нельзя было зажечь огня или варить. Кажется ясно, что если бы Моисей был филантропом, гуманистом и дал субботу именно для отдыха, то он должен был жалѣть и голодающих. Быть может суббота была постом? но в субботу же ѣли, как показывает разсказ о маннѣ (Исход, 16). Очевидно, суббота не есть праздник радости, не дан для увеселенія,—он—пост, он—„табу“ не-дѣланія, сидѣнія на мѣстѣ, смерти. Моисей потому приказывает буквально сидѣть на мѣстѣ: schebu isch thachtav, это означает: сидите на мѣстѣ! вродѣ: приказ учителя сидѣть смирно, неподвижно. Движеніе в субботу навлекло на себя смерть. Когда один человѣк смѣл собирать дрова в субботу, то против него ополчилось все общество и под конец побили его каменьями, по приказу Моисея (Числа, 15, 32—36). Если мы находим также заповѣдь сидѣть в темнотѣ, то уже не остается никакого сомнѣнія насчет истиннаго первоначальнаго значенія субботы, как суррогата смерти, как біомагіи. И если Библія во многих мѣстах подчеркивает, что отдыхать должен всякій—и раб и пришлец, и осел, так это показывает нам строгость и общеобязательность этого поста дѣйствія, этого обмана смерти. Иначе и это необъяснимо, почему Библія стала здѣсь такой суровой, и за малѣйшее отступленіе угрожает смертной казнью. Предположить такого гуманизма у древняго законодателя было бы очень глупо, уже не говоря о том, что вся эта теорія о субботнем отдыхѣ является сплошным вымыслом, ибо совершенно непонятно, чтобы людям требовалось насильственно навязывать отдых. Но то, что не ясно в одном мѣстѣ, болѣе понятно в другом. Там уже и мнимой, ограниченными людьми предполагаемой, тѣни гуманизма нѣт. Библія и говорит там языком смерти:

„Uschemarthem eth haschabath ki kodesch hi lochem mechaleleha moth jumath ki kol haoshe bo melachah venichretha hanephesch bahi meameha“.

И соблюдайте субботу, ибо она свята для вас: кто осквернит ее, тот да будет предан смерти. Кто станет в оную дѣлать дѣло, та душа истребится из среды народа своего (Исход, 31, 14). Oshe melacha значит дѣлающій дѣло, значит сам работающій, а не заставляющій когонибудь работать. Отсюда видна вся абсурдность того толкованія, которое хочет вкладывать в субботу-жертву соціальное реформаторство, в обрѣзаніе-жертву—гигіеническій смысл. Так люди всегда умудряют глупость, ухищряют тупость. Если бы дѣло было в эксплуатаціи, то было бы достаточно запретить работу раба, рабыни и, если законъ имѣл бы в виду и защиту животных, то он запретил бы труд вола, осла и т. д. Но почему запрещено самому работать, да прямо—соломинки поднять. Талмуд, который ближе всѣх к библейскому закону, запрещает буквально все. И напрасно тут жаловаться на фанатичность Талмуда, ибо Талмуд, напротив, уже ввел нѣкоторыя льготы.

Так как первоначальный магическій характер субботы—имитація смерти—стушевывался, то Талмуд установил предѣл thechum, отмѣняя первоначальное буквальное сидѣніе на мѣстѣ. Талмуду пришлось дѣлать особое постановленіе, что пред лицом опасности разрѣшено поступиться субботой, говоря: pikuach nephesch doche schabath, т.-е. спасеніе жизни упраздняет субботу. Из этого, как из извѣстнаго разсказа, что набожные евреи во время маккавейских войн, предпочли умереть, нежели защищаться в субботу, видно, что суббота не была раціональным закономъ. Притом люди вовсе не так прилежны, чтобы пришлось их насилу оторвать от работы. С другой стороны, совершенно необъяснимо, почему человѣк, совершивший какую-то пустячную работу, вродѣ того, который собирал дрова, должен быть побитъ камнями.

Очевидно, суббота это—не отдых, а жертва, искупленіе смерти. Поэтому она и поставлена во главу угла, за размноженіем, за peru urebu; вслѣд за первым благословеніем идет другое благословеніе, благословеніе субботы, как біомагія, как спасеніе человѣка от смерти, как псевдо-біотехника. Библія, как продолженіе ассирійской культуры, главным образом, своей заимствованной у ассирян космогоніей, поставила выше всего время, в чем берег начало восточная трансцедентальность (сверхчувственность). Космогонія Библіи, именно, этим и отличается от греческой, что выдвигает на первом планѣ момент времени: она распредѣлена на дни. Счет, число дней доминирует над всѣм. Жизнь человѣка коротка, протекает во времени. Смерть представилась іудею как дѣйствіе времени. Как міровое начало она ему представилась тьмой. Что свѣт в физическом мірѣ, то жизнь в біологическом мірѣ; что тьма в физическом, то смерть в біологическом. Проблема свѣта и тьмы поставлена сразу при входѣ в Библію; свѣт и тьма это—два вида времени: Vajehi ereb vajehi boker jom echad,—и был вечер, и было утро: день один. Начало всего это—тьма, тьма физическая, біологически означает смерть. Тьма была искони, Бог же создал свѣт, который біологически означает жизнь. И Бог видѣл, что свѣт хорош, ki tob. Этот ki t b уже означает божья благодать, магическое благословеніе. Но это—не благословеніе слова, а божьих очей, благословеніе *зрѣніем*. Что этот ki tob имѣет магическій характер, чувствуется во всей космогонической главѣ. Бог только благословляет человѣка и субботній день. Остальное он лишь удостаивает магіи зрѣнія. Но сразу уже идет магія названія. Бог уже отдѣляет свѣт от тьмы, давая им особыя названія. Тут уже проявляется магическая сила номинализма. Сразу все измѣнилось, все вышло из тьмы thohu vabohu, из пустоты, из смерти в жизнь. Получился день, который господствует над всѣм.

Так из проблемы тьмы и свѣта Библія переходит к жизни, в другой проблемѣ, к проблемѣ смерти и жизни. И Библія, как антропоцентрическое ученіе, с самаго начала, из котораго впослѣдствіи развивается антоцентризм и психологизм, стоит с первых шагов под знаком біологизма. Проблема жизни для нея выше, чѣм проблема міра, біологія заслонила физику, как впослѣдствіи эта біологія всѣ

больше вытѣсняется, вѣрнѣе, переходит в психологію и, наконец, в Евангеліи—в соціологію.

Этим вопросом будем заниматься дальше, для проведенія параллели между еврейским антропологизмом психологизмом (трансцедентализмом) и нѣмецкими. Тут нам важно лишь указать, что все в Библіи сводится уже с первых строк к вопросу смерти. Борьба со смертью, arichath jamim (долголѣтіе)—задача Библіи. Ея соціомагія переплетается с біомагіей. Благословеніе размноженія ставится на первом планѣ. „Размножайтесь!"—вот ключ всего пятикнижія. Это—ея лейтмотив, она обрабатывает его самым тщательным образом, перепѣвает на всевозможные лады, варьирует до безконечности. В особенности на этом, так сказать, помѣшана первая книга Моисея. И если нѣкоторые думают, что эта книга позднѣя, то они ошибаются: ея біологическій характер свидѣтельствует о ветхости. Этот біологизм, эту біологическую пѣль преслѣдует и суббота. Если размноженіе это положительное, прямое достиженіе жизни, то суббота предупредительная жизнь, т.-е. предупрежденіе смерти. Это—два основных начала первой книги, рѣшеніе проблемы идет, таким образом, перед ея постановкой, как обыкновенно бывает у всѣх авторов, дающих в введеніи или в первых главах то, чего добились в самый конец, и что, если выдержать строгую педагогическую послѣдовательность, должно было пойти под конец. Но автор нетерпѣлив, он спѣшит дѣлиться с читателями своими послѣдними, самыми новыми и живоинтересующими его достиженіями, рѣшеніями. Библія дает нам сразу свой отвѣт на проблему смерти, которая поставлена ею ребром лишь с третьей главы. Но во всяком случаѣ одно нам выясняется, что суббота это—такая же біомагія, как другія жертвы, образующія основу Моисеева закона, во главѣ котораго стоит за субботой-жертвой—обрѣзаніе-жертва. Мы поэтому видим, что и по отношенію к субботѣ Библія употребляет (bid. 19, 16, 17) человѣкожертвенныя выраженія oth (знаменіе) и berith (завѣт), которыя говорят о принесеніи себя в жертву. И тут (стих 17) имѣется слово, дающее нам большую поддержку и подтвержденіе, это—vainaphesch. К обыкновенным schabath и vajanach, почил и покоился, здѣсь, гдѣ нам открывается истинное значеніе субботы, еще прибавляется столь поучительное слово: Vainaphesch, Бог, schabath, почил и vainaphesch, отдыхал, что буквально означает отдал дыханіе, точнѣе—душу. Нѣт сомнѣнія, что древніе, вѣруя в то, что человѣческая душа оставляет тѣло во время сна, придали нѣкоторое такое значеніе и полусну, отдыху. Библейское слово naphosch, отдыхать, образуется от nephesch, душа, как русское от „дыхать". Vainophasch означает потому „отдать душу", дыханіе, которые вначалѣ отожествлялись, ибо дыханіе вначалѣ считалось душой, как показывает стих: и вдунул в ноздри его дыханіе жизни, и стал человѣк душою живою, Vajpach beapav nischmath chaim vajehi haadan lenephesch chaja (Bereschith, II, 7), а лишь впослѣдствіи пришли к заключенію, что душа — в крови. Когда господствовало убѣжденіе, что дыханіе это—жизнь, что, несомнѣнно, предшествовало взгляду, что душа в крови не только потому, что первое в Библіи встрѣчается раньше второго, но и вслѣдствіе того, что дыханіе есть признак болѣе

внѣшній, болѣе замѣтный, чѣм кровообращеніе,—в этот період жертвы, по всей вѣроятности, не заклали, а *придушили*. Мы поэтому читаем, что Каин и Авель принесли не жертву, а minchah, т.-е. мертвое, неживое, задушенное. Уж выше мы указали, что manorch по-еврейски это покойник; menucha это—покой; minchah, таким образом, означает покойное, покойная жертва, а это могло быть или неодушевленное, или удушенное. В „Левит“ названіем minchah, именно, обозначается жертва из муки, значит жертва без крови: ее сожигают. Другія же жертвы—их Библія приписывает заколоть и кровью их покропить на жертвенник или перед завѣсой и т. п. Кто вникнет в эту книгу, то увидит, что она стоит уже на той точкѣ зрѣнія, что душа это—кровь. Во всяком случаѣ, жертву одушевленную эта книга, как вся Библія, кромѣ древняго разсказа о Каинѣ и Авелѣ, не называет minchah. А между тѣм в разсказѣ о Каинѣ и Авелѣ слово minchah употребляется не только для обозначенія неодушевленнаго приношенія Каина, но и для первородных стада Авеля, как сказано: Vaischa jehova el hebel veel minchatho,—и призрѣл Господь на Авеля и дар его. Как это живое обозначается словом mincha? Мы здѣсь не находим и намека на закланіе, на кровь, даже на благоуханіе. Очевидно, жертва была ни заклана, ни сожжена, а лишь удушена. Но не только здѣсь, но и дальше, у Ноя, мы не находим ни единаго намека о закланіи и о жертвоприношеніи крови. У Ноя, впрочем, встрѣчаемся в первый раз с сожиганіем, с употребленіем огня, как посредника между людьми и Богом, между землей и небом. Воспѣваніем этой роли огня, бога Агни, занята добрая часть гимнов Вед, о чем мы подробно останавливаемся в нашем трудѣ „Призраки и дѣйствительность, или магія и техника“. Употребленіе огня является величайшимъ изобрѣтеніем біомагіи, служащим поворотным пунктом. При первоначальном удушеніи жертва осталась на мѣстѣ, но это хорошо было для земного бога, для бога-героя, перед которым кладут дары mincha или *γερας*. Он тут на землѣ, а жертва—дар, суррогат провинившагося, магическая его замѣна, олицетворяющая его смерть, тут же разгнѣванный повелитель, герой-бог принимает этот дар, мнимую смерть провинившагося за дѣйствительную, принимает игру за серьез—и удовлетворяется. Вначалѣ при людоѣдствѣ это был, именно, простой выкуп собственной головы, которая должна была быть смакуемой, как вынѣ этот дар. Впослѣдствіе дѣло принимает болѣе тонкій оборот, как, напр., в исторіи с Исаавом. Но во всяком случаѣ для трансцедентальнаго бога, бога неба, дар совершенно непріемлем. Этот дар не может потому быть неодушевленным предметом, а воодушевленным, ибо тогда он душится и дух-душа возносится к богу. Это нам разсказывает Библія о Каинѣ и Авелѣ. Поведеніе Авеля, младшаго сына, является біомагическим изобрѣтеніем удушенія, привести живое существо, живую жертву в состояніе mincha, в состояніе покойнаго. Бог потому призрѣл на Авеля и „покойный дар“ его: дух вознесся к верху, покинул тѣло. Дар же Каина состоял из плодов, он был истинной mincha,—как же мог бог, уже не собрат по оружію, бог-герой, а бог, начавшій уже прятаться, который

уже только говорит, но котораго уже не видно, как же мог он призрѣть на такой дар?

У Ноя же мы находим второе изобрѣтеніе біомагіи—сожженіе, а, именно, всесожженіе: жертва вся, не только ея дух, но и ея тѣло возносится к богу. Поучительно потому древне-еврейское слово olah для обозначенія „всесожженіе", буквальный перевод котораго это—„вознесеніе", от глагола aloh, вознестись. Так написано vajaal malach jehova belahab hamisbeach, ангел Господень поднялся в пламени жертвенника (Судей, 13, 20). Сожженіе имѣло преимущество перед удушеніем: оно дало „благоуханіе" вмѣсто стараго смрада от разложенія при удушеніи. И это опять таки подтверждает наше предположеніе о первоначальном періодѣ удушенія, ибо иначе совершенно непонятне восхищеніе библіи от этого „благоуханія" при сожиганіи. Это благоуханіе встрѣчается, именно, в первый раз в Библіи у Ноя. И Библія страшно смакует этот запах: ей мало благоуханіе, она еще прибавляет reach nichoach (пріятное благоуханіе).

Итак, первая стадія біомагіи это—стадія minchah, т.-е. удушенія. Вторая стадія біомагіи это стадія olah, т.-е. вознесенія Только при завѣтѣ (Бытіе, 15) мы уже находим разсѣченіе, vajeb-ther, но о крови, как о жертвѣ еще ни слова. И только при исторіи с Исааком (ibid. 22) в первый раз вспоминается слово lischchoth, заколоть. Но о крови библія все же нигдѣ не заикается, хотя говорится о возліяніи елеем (ibid. 28, 18), до вышеприведеннаго жениха крови. Настоящее же употребленіе крови мы находим лишь при Пасхѣ (Исход, 12).

Но, как бы то ни было, жертвоприношенія вначалѣ были лишь удушеніем, жертвою души, жертвой дыханія, которое является самым простым, примитивным, не требующим никаких орудій способом умерщвленій. К этим же жертвам дыханія, жертвам жизни для пріобрѣтенія жизни принадлежит и суббота.

Суббота, как мірове начало, как начало космическое, начало времени, начало неба, господствует над землею, ибо Бог в твореніе неба предшествует землѣ, хотя во второй главѣ земля упоминается перед небом (ibid, 2, 4). И свѣт есть начало небесное, задача неба отдѣлить свѣт от тьмы и установить времена посредством свѣтил. Земля—начало тьмы, смерти. Она освѣщается свѣтилами небесными. Бог из нея берет тѣло, прах, но оно не живет без духа. И земля потому должна подчиняться суботѣ, началу времени, началу жизни, началу благословенія, ибо благословеніе это небо, birkath schamaim meol, благословеніе это жизнь, birkoth schaadaim varachem, благословеніе творит жизнь, благословеніе это—размноженіе, (Berschith, 49, 25), благословеніе же—дыханіе, это же—дух Божій, который был до начала міра. Это—вѣчный закон, вѣчное время, вѣчная мудрость, которая была до сотворенія міра, как свидѣтельствуют притчи.

Господь имѣл меня началом пути своего, прежде созданій своих искона. От вѣка я помазана, от начала, прежде бытія земли (8 22, 23). Но она была и перед небом. Когда он уготовлял небеса, там и я (ibid. 27). Тогда я была при нем *воспитательницей* (ibid. 30).

Мы не думаем, чтоб это было вымыслом послѣдняго времени, подъ наитіем греческаго логоса. Напротив, это вначалѣ было слово, есть чисто-восточное убѣжденіе, которое было еще до библіи, у ассирян. Это начало времени, начало трансцедентальности, которое им, однако, не мѣшало мыслить бога конкретно путем воплощенія, как у христіан, точнѣе, не как у христіан, а путем отожествленія. Задача юдаизма, как восточное ученіе, была—не отвлекать бога, а не дать ему матеріализоваться, оставляя его в словѣ, именно, в звукѣ, проповѣдуя *теофонетизм*, именно kol, который был воплощеніем духа, дыханіем вѣтра ruach. Вѣтер, его звук — вот трансцедентальный бог евреев. Этому соотвѣтствует еврейское kal, легкій, и koloth, громы, которые разсматривались как божій глагол.

Вѣчный закон, тора, и был потому высшим началом всего, Словом, Духом Божіим, Благословеніем, жизнью.

Но и это начало, начало благословенія-закона было извѣстно всему востоку. Особенность юдаизма состояла опять-таки лишь в его патріаршеском біологизмѣ, моисеевском біопсихологизмѣ, и пророческом психологизмѣ, о котором рѣчь еще будет впереди. Вначалѣ всего стояло потому благословеніе: Размножайтесь! суббота и обрѣзаніе: первое — расовая жизнь, вторыя индивидуальная и расовая жизнь, как предотвращеніе смерти, как игра в смерть.

Содержаніем и формой еврейскаго закона, который отожествлял, слил воедино, вѣрнѣе, не различал chok от mischpat, это магія. Чисто-юридическій закон (mischpat) был chukath olam, вѣчным законом, законом физобіомагическим, и наоборот: физобіомагическое всегда приняло характер юридическаго закона. Техника была порабощена религіей и регулировалась юридическим законом, ashoth melachah, совершить какую-нибудь работу, дѣлать *техническое* дѣло, значило совершить религіозное дѣло, т.-е. религіозно магическое дѣло. Юридическій закон, царскій закон, совпадая с божеским—все умертвил в своих желѣзных смертоносных лапах: за техническую погрѣшность, за совершеніе работы не по его регламенту, он казнил смертью.

Он дал всегда смерть. Как современный закон или декрет он приносил разореніе, ужас, голод, и смерть-разстрѣл, но мнил себя быть *благословеніем, жизнью, вѣчным законом*, т.-е. законом, дарующим вѣчность, и потому назывался chukath olam, и всегда твердил, что он ledorothechem, для всѣх вѣков, обманывая, обѣщая, суля, таким путем, жизнь и благосостояніе всѣм поколеніям, „в роды“.

Божье слово на устах, и смерть-сабля в руках—вот характеристика закона, который не перестал быть на всем протяженіи исторіи тѣм же разбойником и тѣм же обманщиком благословителем. Мѣняются языки, народы, расы, мѣняются эпохи, „культуры“ (sic!), цивилизаціи (sic!), уходят религіи приходят науки,—но закон остается тѣм же хулиганом-насильником, тѣм же душителем.

Он был вначалѣ жертвой—*удушеніем*, он остается удушеніем.

Он был запугивателем, побивателем камнями, вѣшателем — он остается тѣм же.

Он лишь перемѣнил саблю на винтовку.

Он душит как было, душит—убивает без крови, приносит

жертвы и *удушенія* в тюрьмах, гдѣ между его каменными стѣнами—современными жертвенниками удушенія—душится всякая жизнь. Но говорит он о жизни, да еще о новой жизни, о блаженной жизни, о соціализмѣ.

Все осталось по старому:

Соціалистическая фраза на устах, а винтовка-разстрѣл в руках.

Возрадуйся человѣк, возрадуйся вселенная, возрадуйся Европа, возрадуйся Россія, вмѣсто моисеевской петли, от которой ты напрасно мнил себя освобожденным, тебѣ натянут марксово-ленинскую петлю!

Вмѣсто моисеевской субботы, суббота во всѣ роды и во всѣх жилищах—будет один коммунистическій, отборный человѣкозаводскій род и одна большая суббота в одном жилищѣ—одна коммунистическая грандіозная тюрьма, храм культа удушенія—и одна казарма, один дом рабства, один Египет, называемый соціалистическим государством.

Закон вышел из удушенія жизни-труда и вернулся к удушенію жизни и труда.

Закон вышел из запугиванія, и вернулся к запугиванію, к проклятію, к „террору“ власти.

2. Закон Хамурраби и магія запугиванія.

Но не слѣдует думать, что магія проклятія (arur) и запугиванія свойственна лишь Моисееву закону.

Берите, напр., самый древній сборник законов, законы Хаммураби, и вы там так же ясно увидите, что он основан на благословеніи и проклятіи, и слѣдовательно, на магіи.

Сборник распадается на три части: введеніе, статьи законодательства и заключеніе. Введеніе, как заключеніе представляют собою чистѣйшую магію, так что *магическая принудительная сила*, легшая в основу всѣх законов, выступает здѣсь болѣе рельефно, чѣм в Моисеевом законѣ, гдѣ она оттѣснена и затуманена новообразованіями и добавленіями поздняго происхожденія. Для нас ясно, что Моисеевы законы имѣли сзади них вплотную тѣ проклятія и благословенія, которыя мы только что привели и которыя неразумными составителями, уже не цѣнившими магической силы таких пріемов, отодвинуты на задній план, на самый конец пятикнижія, во Второзаконіе. Тѣм не менѣе по всему видно, что законы, изложенные во главѣ veeleh hamischpatim и вот законы (Исход. 21), когда-то были связаны с этими проклятіями, которыя служили заключительным сильным магическим аккордом сборника законов Моисея, в котором, по всей вѣроятности, ничего религіозно-повѣствовательнаго, т.-е. говоря на нашем языкѣ, ничего теоретическаго описательнаго-об'яснительнаго не было. Это был сборник не теоретическій, а практическій, словом не экспликативный, а нормативный; но его нормативность конечно, не была нормативностью, идущей за экспликативностью (об'ясните ьностью), а спереди нея, словом, *нормативность магіи*. Впослѣдствіи чѣм дальше евреи удалились от истиннаго источника всѣх законов, от соціомагіи, которая одновременно была и физомагіей, от государства, которое одновременно было

тѣм, что мы называем нынѣ—царством природы, им потребовалось „обоснованіе“, конечно, не интеллектуально-научное, а религіозно-фантастическое. Впрочем, и в этом „обоснованіи“, и в этих повѣстях преобладает, если не чистая соціомагія, то религіозно-фантастическая соціологія, принятая и за физику, за космологію; точнѣе, это исторія человѣка, считавшаяся за исторію земли и неба, исторія племени или націи, отожествленная с исторіей космоса. И разсказы библіи — лишь національные миѳы, имѣвшіе магическое значеніе. Еще древняя еврейская традиція, приводимая комментатором Раши, как введеніе в пятикнижіе, гласит, что всѣ повѣсти библіи до „законов“, служат лишь обоснованіем претензій евреев на Палестину, чтоб umoth haolam (народы міра, т.-е. не евреи) не говорили: земля не ваша, вы ее взяли насиліем у туземцев. И поэтому весьма возможно, что это миѳы не чисто-теоретическаго, а магически-практическаго характера, т.-е. что они были составлены в цѣлях магической стратегіи, для достиженія болѣе успѣшной и болѣе легкой поѣды над туземцами Палестины.

Но как бы то ни было, то, что так тщательно старались прикрыть и закрыть от нас послѣдователи Моисея, лежит на ладони у его предшественника Хаммураби, магизм сборника, котораго не успѣли исковеркать. Магія в Вавилоніи была и осталась господствующей формой культа, и потому передѣлать, исправлять, и редактировать не приходилось. У евреев же этот магическій сборник, заимствованный у Вавилонян, или принадлежавшій им сообща, общим предкам, был *національно* переработан в критически-трансцедентальный мозаизм. Мы потому напрасно будем искать магическую чистоту *закона* у евреев, гдѣ „закон“, вообще, был стушеван и оттѣснен сначала пророками и затѣм профильтрован — проредактирован софрим (лѣтописцами). Если все же, несмотря на всѣ эти чистки, и Моисеев закон сохранил свою первоначальную магическую основу, так это одно уж опять-таки свидѣтельствует нам о тѣснѣйшей связи, что между „законом“ и магіей, нарушить которой не удалось и мозаизму, так жестоко преслѣдовавшему и искоренившему всякую магію. Но каким образом она все-таки сохранилась в магіененавистническом пятикнижіи?

Отвѣт прост: всякую магію Моисеев закон запретил, кромѣ магіи слова, т.-е. кромѣ той магіи, которая была ему необходима для соблюденія его же закона. Против логомагіи (магіи слова) Моисей - же не мог возстать: он бы подрубил сук, на котором сидѣл. Его закон сам лишился бы необходимаго основанія, жизни его, обаянія, вліянія, чѣм он обязан, именно, магіи. И, в сущности, чѣм был Моисей, если не *магом!* Уж не говоря о том противорѣчіи, что в библіи, рисующей нам самого Моисея, как мага в Египтѣ и как запретителя магіи в пустынѣ. Вѣроятнѣе всего это было что-то вродѣ монополизаціи магіи государством, жречеством, за нарушеніе которой Моисеев закон угрожает смертной казнью. Во всяком случаѣ, Моисей как трансцеденталист, именно, был больше всего логомагом или графомагом, волхвом слова. Весь *трансцедентализм* Моисея основан был на словѣ. В его лицѣ магія перешла к почти исключительной логомагіи. Вся теогностика (теорія познанія бога) Моисея сводится к одному:

kol debarim athem schomeim uthemuna enchen roim sulathi kol.

Глас слов его вы слышали, но образа не видѣли, а только глас (Второзаконіе 4, 11). Бог говорит из огня. Огонь символ гнѣва (ibid. 24). Бог не может быть тѣлом, ибо он сгорѣл-бы. Мы не видим потому ни тѣла, ни образа, только глас божій. Глас божій у пророков назывался ruach adonai, вѣтром божьим, но мозаическая теорія познанія бога основана на „гласѣ“ и мы видим, что уже в самом началѣ библіи редактор проводит эту тенденцію, давая в 3-ьей главѣ бытія мѣсто таким словам, как vaischmeu eth kol elohim mithalech bagan leruach hajom. И услышали *голос* Господа Бога, ходящаго в раю и т. д. (Быт. 3, 8). Таким образом, верх мозаической гносеологіи, который нужно назвать фонетизмом, теофонетизмом, нам преподносится уже в древнем мнѣ о грѣхопаденіи Адама.

Моисей, слѣдовательно, забросив всякую конкретную магію, оставил одну *фонетомагію* (звуковолшебство) и графомагію (письмоволшебство). Конкретную магію, не через слово, а посредством жезла и дѣла, он употребил в первый період его дѣятельности, в Египтѣ. Тогда он был еще простым обыкновенным магом, палкой он бил, ударял по предметам, чтоб заставить их слушаться его. Umatecha ascher hikitha bo eth hajeor (Schemoth, 17, 5). Vajah, и „ударил“ написано 8, 13. Когда же он послѣ не говорил камню, а ударил—это было смертным грѣхом, возврат к старой конкретной магіи язычества. По талмуду Моисей из-за этого не вошел в Палестину, умер в пустынѣ. Своей графомагіей он стал отцом „закона“ у евреев. Что этот „закон“ основан на магіи ясно видно из того, что библія говорит vehaluchoth maashe elohim hema vehamichthav michthav elohim hu charuth al haluchot, что означает в переводѣ: „Скрижали были дѣло божіе, и письмена, начертанія на скрижалях, были письмена божіи (Исход, 32, 16).

Письмо имѣло магическій таинственный характер, считалось священным не только у египтян, но и у всѣх восточных народов. Писаный закон имѣл потому еще удвоенную силу и фонетомагіи (божескаго слова, самого бога) и графомагіи vaithen jehova elaj eth schene luchot haabanim kethubim beezba elohim „И дал мнѣ Господь двѣ скрижали каменныя, написанныя перстом божіим (Второзаконіе, 9, 10)“.

Эта графомагія сохранилась у евреев до поздняго времени мишны. Мишна Юма разсказывает, что священники не хотѣли открыть тайны писанія слово: „Іегова“, всѣ буквы котораго вывелись зараз одновременно lo razu lelamed melecheth haketab.

Эту графомагію напрасно старались подорвать пророки, видѣвшіе в ней соперницу их фонетомагіи, т. е. пророчеству. Выдвиганіем фонетомагіи Моисей стал отцом и пророчества, но так как он оказал предпочтеніе графомагіи, то против него возстали всѣ пророки. Фонетомагія впослѣдствіи опредѣлилась как *логомагія*, которая в евангеліи уже открыто борется с мозаизмом, с *графомагіей*, с книжничеством, с писаным законом.

Но оставим борьбу фонетомагіи с графомагіей, к которой мы еще вернемся, и перейдем к сборнику.

Уже введеніе вскрывает нам магическую основу закона: запугиваніе. Но это не простое запугиваніе посредством страха, посредством кнута, а болѣе тонкое. Всѣ цари всѣх времен знали силу этого

магіи, которую, в отличіе от простого наведенія страха, назовем магіей благоговѣнія.

Всѣ законодатели властители, правители всѣх времен никогда не показались перед своими подданными просто, как обыкновенные смертные, а окружили себя ореолом, шиком—на эту магію благоговѣнія разсчитывают всѣ церемоніалы двора, вся эта роскошь. порфиры, жезлы и проч. и проч Жезл-скипетр был именно магической палкой власти. Вначалѣ этот жезл, эта магическая палка соединила в себѣ и *благоговѣніе и страх*, можно сказать, что страх даже преобладал. Царь называется пастырем народов roeh haamim, в библіи и у Гомера, его палка—это бич пастуха. Вначалѣ царь тут же на мѣстѣ наказывал, бил ослушавшагося этим скипетром. Так дѣлает Одиссей в Иліадѣ. Скипетр был вродѣ линейки у учителя. Магія страха покрыла тогда магію благоговѣнія.

Закон совпал с наказаніем. Закон был тогда *реальностью*, произволом деспота, его воля и его палка. Но со временем, при удаленіи обоих моментов, магія благоговѣнія берет верх над магіей страха. Закон вначалѣ и не был особенно божествен, ибо он был простой грубой палкой. Собственно, он был тогда божественно-героичен. Корона на головѣ была тогда сильным магическим шлемом. Порфира служила также запугиванію, внушенію страху, благоговѣнію, а лишь впослѣдствіи она выродилась в символ вина... Трон служил вначалѣ башней, высоким мѣстом, чтоб оттуда властелин мог слѣдить за всѣми его рабами, и тут же жезлом в рукѣ наказывать. Эта магія почти что совпала с реальностью,—увы!—с отрицательной реальной біотехникой. Характерная черта этой примитивной соціомагіи, именно то, что она всегда совпадает с слишком „реальной“ біотехникой, которая и придает ей характер не то что реальности, но и сверх-реальности.

Так и нынѣ, замѣтим мимоходом, Ленин прикрывает свою соціомагію ультра-реальной біотехникой Джерзинскаго, великій біотехническій геній котораго сообщает и первой, ленинской соціомагіи, довольно внушительный оттѣнок реальности...

Мы можем, таким образом, формулировать, перейдя от смѣшного-печальнаго к серьезному, очень важный „закон“, что соціомагія находится в прямой пропорціи с отрицательно-разрушительной біотехникой, а именно: чѣм больше соціомагіи, тѣм больше отрицательной біотехники, и наоборот.

В началѣ сравнительно мало соціомагіи и сравнительно мало убійств. Наказаніе на лицо, оно связано с проступком. Между преступленіем или пред-преступленіем и наказаніем очень тонкое звено соціомагіи. Но с каждым днем соціомагія все растет, а отрицательная біотехника все от нея удаляется: маленькое магическое звено выростает в цѣлую цѣпь юриспруденціи, парламентаризма, в гигантскую магическую цѣпь государства. Законодательная власть соціомагіи совершенно отдѣляется от исполнительной, от реальной—увы! слишком реальной и слишком ничтожной соціотехники, которую, в сущности, нужно назвать не-соціотехникой, так как она представляет собою лишь отрицательную, разрушительную соціотехнику, вродѣ разрушительной біотехники, убійства.

И вот соціомагія все растет да растет. Выростает іерархія такая длинная, предлинная. Царь сам не наказывает, сам он—выродок, жалкій остаток былого величія, величія его предков-разбойников, т.-е. крупных отрицательных біотехников. Что такое царь, президент, дипломат, политик, парламентскій дѣятель, оратор, если не соціомаги. Фактической силы у них никакой нѣт. Фактическая сила в руках арміи, у военных, у техников смерти, у абіотехников, танатотехников.

У всей этой своры паразитов, ничтожеств, маго-фабрикантов, резолюціе-дѣлателей, законоштопателей, чиновников, министров, комиссаров, царей и совнаркомов никакой силы и никакого умѣнія нѣт. У этих магов ни на грош техники, соціотехники нѣт, как нѣт и не может быть педагогики у того „педагога“, который позволяет себѣ бить своего ученика. Тѣм болѣе не может быть никакой педагогики, когда учителям разрѣшено и они позволяют себѣ убивать учеников. На какой черт, и как возможна тогда какая-нибудь педагогика!

Соціотехники нѣт и быть не может у всѣх этих соціомагов, соціальных педагогов, ставящих в угол или на колѣни, сѣкущих своих учеников до крови, когда они сами, т.-е. сами педагоги, не знают урока. Для чего педагогика, когда можно в зубы... когда жизнь ученика—бездѣлушка.

Для чего соціомагам, Вильгельмам и Лениным — соціотехника, когда можно к стѣнкѣ, когда жизнь подданных (у Вильгельма) и „товарищей“ (у Ленина)—грош ей цѣна...

Раз эти соціомаги ничего дѣлать не могут, ничего и не дѣлают: даже разстрѣливать не разстрѣливают сами... а сидят себѣ и занимаются магіей, то, очевидно, для внушенія уваженія, страха и благоговѣнія пред ними, преклоненія пред их трудоспособностью и их геніем — им крайне нужны титулы. Ясновельможный пан, ето сіятельство и т. д., знаки отличія, ордена,—все это имѣет магическое значеніе, а, главное, способно прикрыть безсиліе, пустоту, ничего-недѣланіе и безрезультатность.

Но начало титула это простое благословеніе. Воспѣваніе героев это не простое восхваленіе, благодарность или стремленіе воодушевить вызвать подражаніе. Это так, но этого мало. Важнѣе, чѣм вліяніе соціомагіи на соціальную среду—это вліяніе той-же соціомагіи на физическую среду. Титул может дать долголѣтіе, жизнь, силу, побѣду. Если кого-то называли „непобѣдимым“, тѣм самым он стал неприступен ни для кого. Если кого-то называли львом, то он стал страшен для врагов как лев. Имена звѣрей, употребляемыя у многих народов имѣют магическое значеніе. Одежда, волосы, прическа, доспѣхи, вид, пѣсня, голос, крик—все имѣет в глазах древних магическую силу, жалким остатком чего является современное шарлатанизированіе каким-то личным магнетизмом.

Вот почему в сборникѣ Хаммураби почти все введеніе посвящено титулам. Это не пустое бахвальство, это соціомагія, и физомагія, эти титулы равносильны тѣм проклятіям, которыя идут за законами. Эти титулы преслѣдуют цѣль запугиванія как соціальной среды, так и физической среды. Они служат как бы проклятіями, угрозами, предостереженіями тѣм, которые ослушаются законов; они служат и

просто благословеніем составителя законов, самого Хаммураби, что должно было увеличить и умножить его мощь, богатство и счастье.

„Когда великій Ану,—этими словами начинается сборник,—царь аннунаков, и Энлиль, владыка небес и земли, опредѣляющій судьбы земли, вручил Мардуку, первородному сыну Эа, господство над всѣми людьми и возвеличил его среди игигов, когда они назвали Вавилон его великим именем, сдѣлали его могущественным среди стран вселенной и основали в нем вѣчное царство, основы котораго прочны подобны небесам и землѣ, тогда Ану и Энлиль призвали меня, Хаммураби, славнаго, богобоязненнаго князя, для водворенія в странѣ справедливости и истребленія беззаконных и злых, чтобы сильный не притѣснял слабаго, так, чтобы я, подобно Шамашу, восходил над черноголовыми и освѣщал страну, для благосостоянія народа (И. М. Волков. Законы Вавилонскаго царя Хаммураби. М. 1914, стр. 19).

Тут что слово, то магія. И возвеличеніе Вавилона преслѣдует магическую цѣль, укрѣпить его этими словами, на страх врагам. И сравненіе с небесами и землею не просто фраза, а как всякое сравненіе в древних письменах оно обладает магической силой. Это сравненіе должно было, по древним понятіям, сообщить Вавилону нѣкоторую часть силы, мощи и прочности, свойственныя небесам и землѣ.

И в нашем трудѣ „Призраки и дѣйствительность“ мы доказываем, что поэтическое сравненіе берет свое начало в магіи аналогіи, и что так часто употребляемое в библіи сравненіе „как звѣзды небесныя и как песок на берегу моря“ имѣло не поэтическое, а магическое значеніе. Тѣм болѣе это имѣет такое значеніе здѣсь, гдѣ каждое слово разсчитано на внушеніе человѣку, богам и міру важность этих законов, законов соціальных и тѣм не менѣе и физически-космических.

Послушаем дальше этот интереснѣйшій документ, раскрывающій нам всю магическую природу наших законов и показывающій нам их начало, источник, происхожденіе.

„Я, Хаммураби пастырь, избранный Энлилем, сулившій богатство и изобиліе, снабдившій всѣм Ниппур, связь небес и земли, славный покровитель Э. Кур, могучій царь, возстановившій Эриду, очистившій Э. Апсу, покоритель четырех стран вселенной, возвеличившій имя Вавилона, возрадовавшій сердце Мардука, своего владыки, всѣ свои дни ходившій на поклоненіе в Э. Сагаиль, царственный отпрыск, созданный Сином, обогатившій Ур, смиренный богомолец, снабжающій изобиліем Кишширгал.

Мудрый царь, послушный слуга Шамаша, сильный, укрѣпившій основаніе Сиппара, одѣвшій зеленью могилы Айи, возвеличившій Баббар, подобно небесному жилищу, воитель, помиловавшій Ларсу, возобновившій Баббар для Шамаша, своего помощника, владыки, давшій жизнь Эреху, в изобиліи снабдившій водою его жителей, возвысившій Э. Анна, излившій богатство на Ану и Иннанну, защитник страны, собравшій во-едино разсѣянных жителей Исина, излившій богатство на Э. Галмых.

Полновластный царь царей, брат бога Іамамы (бога войны) и т. д., и т. д., сильный телец, ниспровергающій врагов и т. д.

Божественный царь царей, мудрый и т. д. могучій владыка которому по праву принадлежит скипетр и корона, которыми снабдила его мудрая богиня Мамы и т. д. и т. д.

Владыка царей, неодолимый воитель и т. д. и т. д., длинно предлинно тянутся титулы.

Но вот уж и конец.

„Я—высокій, молящійся великим богам, потомок Сумулаилу, могучій наслѣдник Синмубаллита, вѣчный царственный отпрыск, могущественный царь, солнце Вавилона, ниспосылающее свѣт на страну Сумер и Аккад, царь, покорившій четыре страны вселенной, любимец Иннанны. Когда Мардук призвал меня управлять народом и доставлять странѣ благополучіе, даровал право и законы на языкѣ страны, создав этим благосостояніе народа. В это самое время я дал слѣдующіе законы".

Этот древній документ разоблачает всѣ законы, когда-либо изданные. Ясно до очевидности, что закон от Хаммураби до Ленина основав лишь на одной магіи. И декреты Ленинскіе носят такой же характер, как хаммурабское введеніе. Простая бумажка, клочек бумаги, магически превращается в что-то рѣшающее судьбы милліонов людей, лишающее жизни (часто) и дарующее (зесьма редко) жизнь сотням или тысячам,—как только она носит на себѣ надпись: Россійская Совѣтская Федеративная Республика, и внизу имѣются какія-то подписи самых обыкновенных смертных, все-же одаренных сверх-силой из-за одного магическаго названія: „Совнарком". И хотя и в этой бумажкѣ абсолютно ничего не содержится или содержится много глупаго, все же она умерщвляет и воскрешает... И хотя Ленин, быть может, раньше писал болѣе важныя вещи, чѣм его декреты, все же эти декреты заслоняют собою все и заслоняют они одним магическим словом Совнарком. Эта магическая бумажка может дать счастье людям, она в силах накормить всѣх голодных, обуть всѣх босых, словом, она декрет, она *магичка*.

Ничего абсолютно не измѣнилось от Хаммураби до соціалистическаго владыки Ленина. И послѣдній призван каким-то Мардуком-Марксом „для водворенія, своими декретами, в странѣ справедливости и истребленія беззаконных и злых", что он исполняет самым прекрасным образом, может еще лучше Хаммураби, ибо послѣдній не имѣл Чрезвычайки, а Ленин имѣет ее. И Ленин, конечно, бодрствует над тѣм, чтоб „сильный" Анархист не притѣснял слабаго буржуа и т. д.

Эти совпаденія чрез тысячелѣтія безсомнѣнно чрезвычайно интересны и знаменательны.

Но характернѣе всего и послѣднее совпаденіе. Как Хаммубари, не довольствуясь сплошной смертной казнью, красной нитью проходящей чрез весь сборник, не удовлетворяясь тѣм, что за каждый пустяк отрубается голова, отсѣкается рука, и т. д. считает нужным разразиться под конец, ужаснѣйшими проклятіями насчет ослушников, так и Ленин, всякій декрет и послан[illegible] помимо штрафов, угроз и наказаній, снабжает их изрядным ко[illegible] проклятій и ругань, посланных на голову меньшевиков, [illegible] вдобавок, лѣвых с.-р. и анархистов.

А вот и конец, заключеніе сборника декретов Хаммураби.

Опять идет безконечно-длинное самохвальство, в родѣ „Хаммураби—владыка“ „для своего народа как бы отец по плоти“ (ibid, стр. 49) или же: „мои слова превосходны, мои дѣла безподобны, они—возвышены, великолѣпны“, и т. д. и т. д. (ibid, стр. 50).

Но все это одни пустяки. За ними идет настоящая тяжелая артиллерія. Идут проклятія ужасныя, от прочтенія которых волосы дыбом становятся, вродѣ того; да раздробит Нергал его тѣло, как глиняное изваяніе“.

И мы видим, что сам Хаммураби ясно представил себѣ тот ужас, который обнимет всѣх от его проклятій. Он говорит о том человѣкѣ, который не обратит вниманія на мое проклятіе, на проклятіе богов, исказит его слова, измѣнит его начертаніе или выскоблит его имя или из страха пред этим проклятіем побудит другого сдѣлать (ibid).

Длинный мучительный перечень проклятій заканчивается сильным аккордом призывом ко всѣм богам послѣдовать примѣру Хаммураби и проклинать того законоотступника.

„Великіе боги небес и земли, всѣ аннунаки, бог—хранитель храма и стѣн Баббара да проклянут страшным проклятіем его самого, его потомство, его страну, его постоянное войско, его народ и его временное войско. Энлиль да проклянет его непреложным изреченіем своих уст, и пусть проклятія немедленно обрушатся на него (ibid, 52)

Итак, и в сборникѣ законов Хаммураби, мы находим потвержденіе наших слов о проклятіи, вообще, о магическом запугиваніи, лежащем в основѣ всѣх законов.

Есть ли в этом что-нибудь удивительнаго? Нѣт. Нисколько. Всякій закон есть *фикція*, которая хочет стать *реальностью*, *постоянное насиліе*, которое хочет метаморфизировать в *вѣчную справедливость* Каким путем это возможно? Очевидно, ему приходится прибѣгнуть к магіи, к внушенію, к запугиванію, к огорошиванію людей.

3. Насиліе закона над техникой и убиваніе в корнѣ соціотехнику законом.

Закон есть псевдосоціотехника, он соціальная лже-техника, он лже-обществостроитель, он лже-обществоизмѣненіе, лже-обществорегулированіе. Он, кромѣ религіи и науки, самый страшный врат настоящей соціотехники. В дѣйствительности закон хуже религіи и науки, как городовой хуже царя. Царь гдѣ-то в замкѣ, его именем нас притѣсняют. Но кто притѣсняет? Городовой. Религія и наука губят, мучают, терзают, кабалят технику.—Но кто исполнитель их злой воли? Закон. Закон—государство—это исполнительная власть религіи и науки. Закон—это прикладная религія и наука, нормативная соціальная наука. Это юридическая религія и наука. Она прикладная—но к чему она прикладывается? Она прикладывается к техникѣ, т. е. душит технику. Слѣдовательно закон-государство хуже для техники, чѣм сама религія и наука, ибо прикладная наука это желѣзные тиски, острые когти вампира—муміи религіи и науки, вонзенныя в живое тѣло техники.

Мы уже говорили, что вначалѣ человѣк воображал все обществом, звѣзды были обществом. Звѣзды по-библейски называются

zaba haschamaim, войско, воинство, буквально, общество неба, ибо zaba по-библейски означает собираться, hanaschim hazobeoth (schemuel, I, 2, 22). Весь мір, вселенная, вся физическая среда регулировалась магіей, которая, именно, была соціомагіей. *Физическое с соціальным* слилось вмѣстѣ. Соціальное-юридическое поглотило все. Мір мыслился как государство, как царство. Государство регулировало все, по его законам текли воды в рѣках, шел дождь, дули вѣтры. Государство указывало, когда солнцу вставать, оно регулировало, установило времена года, праздники.

Od kol iema haarez sera vekazir vekor vachom vekaiz vahhoreph vejom valailah lo ischbothu.

„Впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холод и зной, лѣто и зима, день и ночь не прекратятся" (Бытіе, 8, 22.).

Это библійскій соціальный закон установленіе времен года. Очевидно, соціальный закон был законом природы и закон природы считался соціальным законом. Тут полная идентификація. Это совпаденіе и индентификація законов соціальных и физических сохранилось и в еврейской народной легендѣ о рѣкѣ Самбатіон, которая соблюдает субботу. Нѣт сомнѣнія, что евреи вѣровали, что природа отдыхает в субботу и что их закон о субботнем отдыхѣ был издан не только для соціальной среды, но и для физической. Народная легенда и рисует ту дивную страну, гдѣ за рѣкою Самбатіон живут Сыны Моисея, bene mosche, в которой и природа живет по Моисееву закону.

Но обязательность соціальнаго закона для физической среды не ограничилась только словами. Если среда ослушалась, то ее наказывали. Это нам разсказывает легенда о том, как Ксеркс бичевал волны моря. Мы и знаем, что дикари наказывают своих богов, идолов, искусственно созданных им олицетвореній физической среды. Но нѣт сомнѣнія, что раньше наказывали не дух предмета, котораго заставили переселиться, именно, ради удобства слѣжки за ним и возможности наказыванія его, в „фетиш", — а сам предмет. Слѣды этих наказаній природы мы находим у дѣтей, которые бьют стол. Память о них сохранилась в библіи в видѣ разсказа, как Моисей бил камень. За грѣх Адама Бог проклинает землю (arurah haadamah), за грѣх Каина опять проклятіе землѣ, значит и для нея существовал законзаклятіе: „не убій!" Закон-проклятіе-наказаніе совпали. Так царь приказал, проклял и тут же убил на мѣстѣ.

В этом отношеніи интересен разсказ библіи о том, как Саул приказал-заклял народ, что нам показывает, что строгій закон и тогда еще был заклятіем. Обыкновенный закон, быть может, уже формулировался просто, но, когда нужна была особая строгость, когда особенно было трудно устоять против соблазна, тогда возвращались к старым пріемам, к магіи застращиванія. И мы видим, что деспот отец Саул не прочь был убить своего сына Іонаеана, который дотронулся до меда в лѣсу по невѣдѣнію. Мы и видим какую магическую силу имѣло это заклинаніе. Из разсказа библіи явствует, что народ убоялся, именно, заклятія.

Vajoel schaul eth haam lemor: arur haisch ascher jochal lechem ad haerev venikamthi meejebaj velo taam kol haam lechem. Vekal haarez baa bajaar vajehi debasch al pene hashade. Vajabo haam el hajaar vehine heleck devasch veen mashig jado el piv ki jare haam eth haschebuah. Vejonathan lo schama hehaschbia abiv et haam vaischlach eth kezeh, hamateh ascher bejado vaitbol otha bejaarath hadebasch vajascheh jado el piv vathaovnab enav.

Саул заклял народ, сказав: проклят, кто вкусит хлѣба до вечера, доколѣ я не отомщу врагам моим. И никто из народа не вкусил пищи. И пошел весь народ в лѣс, и был там на полянѣ мед. И вошел народ в лѣс, говоря: вот течет мед. Но никто не протянул руки своей ко рту своему; ибо народ боялся заклятія. Іонаѳан же не слышал когда отец его заклинал народ, и, протянув конец палки, которая была в рукѣ его, обмакнул ее в сот медовый и обратил рукою к устам своим, и просвѣтлѣли глаза его (Царств 14, 24—27).

А за этот пустяк Іонаѳан чуть было не поплатился жизнью, ибо Саул говорил:

ko jaashe elohmim vekoh josiph ki moth thamuth jonathan.

Пусть то и то сдѣлает мнѣ бог, и еще больше сдѣлает; ты, Іонаѳан, должен сегодня умереть! (ibid, 44).

Народ чуть ли не насилу спас Іонаѳана.

Вот вам образец царскаго закона, первообраз всѣх законов

Тут и корень ленинских декретов: и их слабость эта та же соціомагія—совнаркомская. Но характерно, что на этом образчикѣ выявляется вся глупость и безсмысленность закона, который держался и держится на суевѣріи его фанатиков. Саул, видно, вѣрил в магію закона-заклятія. Мы не знаем, кстати, вѣрит ли так глубоко Ленин в свои декреты, и дал бы он убить из-за них своего сына. Но Саул был готов на это. Спрашивается только, если так сильна магія заклятія-закона, то к чему наказаніе, т.-е. к чему его привести нам в исполненіе. Если закон так силен, то пусть сам убьет Іонаѳана. Если декреты всесильны, дают хлѣба, магически превращают капиталистическій строй в коммунистическій, пусть они и сами разстрѣливают. Не правильно ли говорил Іоас, отец Гедеона: haathem theribun labaal, im elohim thoschiun otho im elohim hujarib lo ki nothaz eth misbecho.

Вам ли вступаться за Ваала, вам ли защищать его? Если он бог, то пусть сам вступится за себя, потому что он разрушил его жертвенник (Судей, 6, 31).

Но деспоты цари и совнаркомскіе диктаторы пролетаріата до этой простой элементарной истины не додумались и никогда не додумаются. Им не выгодно задать себѣ вопрос: если декрет бог, то пусть вступится за себя, если декрет сила, то пусть сам разстрѣливает!

Но этому варварству порки, сѣченія розгами волн соціальнаго моря, скоро наступит конец. Люди поймут, что нельзя сѣчь розгами соціальную среду, как нельзя сѣчь розгами физическую среду, поймут и то, что первое так же безполезно как второе, ибо соціотехника должна раньше изобрѣтать новый строй, а послѣ его умѣло провести, но от порки ничего не получится, как не получилось знаніе урока оттого, что педагогомаг раньше стращал, а, под конец, приходя в

ярость, высѣкъ весь классъ, который долженъ былъ стоять предъ нимъ, всѣ съ опущенными штанами... „Классъ“, загнанный и запуганный,—оробѣвъ и отупѣвъ, совершенно сбился съ толку и ничего уже не зналъ и не разбиралъ...

С опущенными штанами высѣченная стоитъ нынѣ Россія передъ Ленинымъ: она не знаетъ коммунистическаго урока...

Стечь, разстрѣливать—но получится ли знаніе коммунистическаго урока, педагогомаги большевизма!

Объ этомъ они мало заботятся, главное, это „чтоб они запомнили эти корниловцы, бѣлогвардейцы и проч. и проч., чтоб они заказали десятому... еще разъ не вникать въ декретъ—въ могущественный, всесильный“...

И что „декретъ“ всесиленъ, они вѣруютъ, очевидно, не на шутку, не менѣе чѣмъ Моисей въ свой декретъ... Они имъ приказываютъ и вре жени итти впередъ или назадъ, переводя стрѣлки до туда, то сюда...

Словомъ „декретъ“ скоро станетъ въ Совѣтской Федеративной Республикѣ, какъ по ту сторону Самбатіона, „закономъ природы“. Соціальное поглотитъ физическое спять какъ въ старину. Ленинъ будетъ писать декреты для красной арміи небесныхъ свѣтилъ: Ленинъ графомагіей чарами декрета, а Троцкій фономагіей, чарами рѣчи. Все вернется къ старому, къ азіатчинѣ—къ диктатурѣ. Все будетъ регулировано декретомъ, и восходъ, и закатъ, всѣ будутъ ему подвластны, съ травки до кедра ливанскаго, съ одноклѣточнаго до слона, все подъ луной и надъ луной, на землѣ и въ землѣ, подъ солнцемъ, на солнцѣ и надъ солнцемъ. Какъ въ древности былъ одинъ соціальный законъ, такъ и нынѣ будетъ одинъ ленинскій декретъ.

Какъ въ старину были лишь одни соціальные законы, которые одинаково были и законами для людей и для боговъ—героевъ, одинаково для земли и неба, такъ и нынѣ. По этимъ магическимъ законамъ шелъ дождь, свѣтило солнце,—такъ будетъ и нынѣ, „все по диктатурѣ пролетаріата“. Законъ Торы, законъ Моисея, въ основѣ своей—законъ соціальный—былъ закономъ вселенной. Такъ и въ Ведахъ: пѣсня, по существу соціальная, является основой космоса; она регулируетъ хлѣбопашество, скотоводство и т. д. Почему Ленину не стать Моисеемъ, гимнопѣвцемъ Ведъ?

Законъ соціальный, законъ Моисеевъ, Хаммураби и т. д., былъ, т.-е считался (ибо физическихъ законовъ нѣтъ: физическій законъ это миѳъ, послѣдній желѣзное щупальце соціомагіи, цѣпляющееся за освободившуюся технику) и закономъ агрикультуры (седьмой годъ непосѣва и юбилей, schemitah jobel) и закономъ скотоводства (приношеніе, десятина,—первенецъ, необрѣзаніе, maasher, therumah, bechor, arlah и т. п.).

Такъ и нынѣ государственный законъ, „декретъ“ въ предсмертныхъ судорогахъ своихъ, еще хватается за все, въ сущности, ничего не умѣя дѣлать, а все портя, никому не помогая, а всѣмъ мѣшая. Но чѣмъ слабѣе, чѣмъ ничтожнѣе законъ—декретъ въ своемъ истинномъ неумѣніи, истинномъ убожествѣ, тѣмъ болѣе онъ горазъ на угрозы, на запугиванія, на разстрѣлы.

Старчески дряхлѣя, „декретъ“ возвращается къ своему дѣтству, къ заклинанію-запугиванію. Вначалѣ всякій законъ былъ заклинаніемъ, одинаковымъ для людей и міра, заклинаніемъ неба дать въ надлежащее

время дождь, заклинаніем солнца свѣтить, грѣть и заклинаніем пахаря исполнить извѣстныя обязанности, физическія: пахать в установленное время, и соціальныя: платить податей, т.-е. десятину.

Все было основано на страхѣ, на запугиваніи, на законѣ, на проклятіи и наказаніи. Первые законы всегда были формулированы в видѣ *проклятія*. За ними, за *законами-проклятіями* появились законы-благословенія. Так в библіи к болѣе ранним законам всегда прибавлены проклятія ...„душа та истребится из народа своего; venichrethа hanephesch hahi meameha. Это законы отрицательные, законы воздержанія, называемые талмудом scheb weal thaashe (садись, т.-е. воздержись, и не дѣлай). Законы же положительные, законы дѣйствія, kum waashe (встань, т.-е. возьмись, и дѣлай) имѣют благословеніе на концѣ, чтоб благо тебѣ было и чтоб долголѣтен был, lemaan itablecha vhaarachtha jamim), которое ненужно понимать не как вознагражденіе богом, а как магическій результат. Вознагражденіе и наказаніе, как волевые акты божества, лишь впослѣдствіи развились из магическаго проклятія, которое влекло за собою наказаніе, и благословеніе, которое влекло за собою вознагражденіе.

Нынѣ эта магія окончательно выродилась, сузилась. Техника, область за областью вырвалась, высвободилась из желѣзных тисков государства, государственнаго закона. Техника освободилась из удушливых объятій колец государства, заколдованнаго круга принудительности.

Физотехника стоит под знаком Анархіи. Вольному воля ѣздить на автомобилѣ, на извозчикѣ или совсѣм ходить пѣшком. Примѣнить ли эту машину или другую, изобрѣсти ли этот аппарат или другой—предоставляется каждому рѣшить по желанію, т.-е. анархически. Но магія еще не умерла. Если нѣкоторыя области освободились от магіи de jure, то онѣ порабощены ею de facto, посредством теоріи, посредством науки. Но раз там юридической, т.-е. насильственной принудительности, нѣт, как она была в сѣдую старину, то это одно облегчает нам задачу освобожденія физотехники, которая заключится лишь в мирном фактическом освобожденіи ея от науки.

Но главная бастилія реакціи, міровой глупости и міровой мерзости это соціомагія. Огрубая у этой гидры голову за голову, у нее все же уцѣлѣла главная основная голова с колоссальной пастью—государство. Пока уцѣлѣл этот дракон соціомагіи мы рискуем ежеминутно опять быть поглощены им. Мы и видим, что в последнем своем отпрыскѣ, в коммунистическом государствѣ, в совнаркомских декретах, дракон государства пытается отнять всѣ завоеванія либерализма обратно, поглотить, захватить опять всѣ области жизни, и біотехнику и физотехнику и т. д.

Но социалистическое государство является послѣдними судорогами соціомагіи с ея главной вѣтвью: *фобомагіей*, основывающейся на страхѣ, на запугиваніи.

Крѣпнет человѣческая личность, о сталь которой разобьются всѣ стеклянные дурацкіе, колпачки, называемые декретами, которыми государство хочет засолить, замариновать его волю. Растет его смѣлость, которую нельзя будет запугивать медвѣдями законов. Растет мощь человѣка, его желаніе, воля, его умѣніе. На сцену выступает соціотех-

ника, которая сметет соціомагію, вздунет ноздрями—и ея нѣт. Не ужиться реальности с миѳом, свѣтлому дню бок о бок с темной ночью. сну с явью, туману с солнцем.

Соціотехника не может мириться с соціомагіей, с ея главным представителем, с государством, с его главными орудіями запугиванія, законами. Непримиримая вражда и борьба между техникой и магіей на всем протяженіи человеческой исторіи.

Техника искоренит и магію теоріи, магію абстракціи, которыя соціально проявляются в агитаціи, и ея главном институтѣ партіи.

Соціотехника искоренит партію, как главный институт теоретической магіи.

Соціотехника искоренит государство, как главный институт практической магіи.

Соціотехника не может мириться никакими государственными, принудительными институтами.

Соціотехника разрушит всѣ эти храмины соціомагіи. На их мѣсто будут воздвигнуты Соціотехникумы, которые одни только будут управлять обществом чисто-технически, вольно-технически.

Или соціотехника или соціомагія—средины нѣт.

Или свободная анархическая соціотехника, которой всѣ добровольно подчиняются, слушаются в виду ея очевидной полезности, или принудительная, насильническая, наказывающая, тиранящая соціомагія, которой никто не слушается, законы которой всегда обходятся, извѣка обходились и во-вѣки обойдутся, которая всѣх запугивает, тѣм не менѣе всѣ ее призирают, попирают на дѣлѣ, на практикѣ, если не и в теоріи.

Соціотехника не только не нуждается в принудительности, не только не нуждается в бумажном законѣ, в соціомагіи, но и в простом реальном насиліи. Она не нуждается в оружіи, в разстрѣлах. Ея польза так очевидна, ея спасительность так налицо, что лишь сумасшедшій может отказаться от нея. Имѣет ли смысл бить ребенка для того, чтоб он кушал сласти? Имѣет ли смысл заставить человѣка не ходить пѣшком, а лучше кататься в автомобилѣ? Имѣет ли смысл заставить человѣка пользоваться лифтом, телефоном?

Если даже и это имѣло бы в глазах кого-то смысл, то принудить какое-то общество пользоваться соціотехническими изобрѣтеніями все-же не будет имѣть смысла ни для кого: слишком очевидны будут ея блага.

Нужно-ли сагитировать кого нибудь, изнасиловать кого-то, заставить кого-то не пожелать быть разстрѣляннымъ чрезвычайкой—вот так нужно будет сагитировать, тѣм болѣе заставить кого-то жить соціотехнически, руководствоваться указаніями спеціалистов-соціотехников.

Не жить по-собачьи, в обществѣ, растерзаемом грызней классов, полов, возрастов, групп (угнетенных національностей с господствующей), не быть подвергнутым опасностям войны, экспропріаціи, террора, нищеты, голода, холода, изнуренія, вырожденія, проституціи, преждевременной смерти и т. д. и т. д., а жить в обществѣ всеобщаго довольства, без бремени домашняго хозяйства, без бремени домашняго воспитанія, без всякаго стѣсненія законами, при полной абсолютной

свободѣ и равенствѣ націй, женщин, дѣтей, личностей и рабочих, в избыткѣ технических усовершенствованій, при воздушном сообщеніи (или переселеніи в воздух, при больших успѣхах авіаціи), уменьшеніе, если не сведеніе до минимума или на нѣт, болѣзней, физических и психических, удлиненіе человѣческой жизни и т. д. и т. д.—развѣ для такой жизни требуется даже агитація, духовное насиліе, уж не говорим о физическом, государственном насиліи!

4. Христос и Маркс, как государственники, т.-е. как соціомаги.

Все это, всѣ эти блага, лживо обѣщало когда-то христіанство, а нынѣ большевизм-коммунизм-соціализм.

Все это лежало когда-то в словѣ „божіе“ для христіанина, все это так недавно еще лежало в словѣ „соціалистическое“ или „свободы“, для соціалиста-коммуниста и т. д.

Но — увы! — нынѣ разбита эта мечта, разбита в послѣдній раз; разсѣян послѣдній обман, а его обломки стараются слѣпить застывшей кровью.

Гдѣ царство божіе, когда кругом потоки крови крестовых походов и инквизицій! гдѣ царство свободы, когда кругом горы трупов, разстрѣлянных чрезвычайками!

Гдѣ корень этого небовопіющаго зла, этой величайшей трагедіи обмана Угнетенных во второй раз!

А вот гдѣ. В соединеніи несоединимаго.

Несоединимо, абсолютно несоединимо „царство“ с „божіим“, „царство“ со „свободой“, соціализм с государством.

Но Христос и Маркс лжецы, соціальные шантажисты.

Они обѣщали: один царство божіе, а другой — царство свободы. Это значит: адскій рай.

Но если ад, то не рай, а если рай, то не ад. Если царство, если там кулак, законы, власть и тюрьмы, то как же там будет свобода?!

Ты лгал, лже-соціалист, Карл Маркс!

Если царство, то не божье, а если божье, то не царство. Это же тепленькій мороз, огненная водица!

Ты лгал лже-спаситель, Іисус Назарянин!

Вы, быть может, или даже, навѣрное, честные обманщики, а потому вас не презирать надо, а сожалѣть.

Вы трагичны, трагична ваша жизнь, трагично ваше ученіе.

Да, трагедія ваша жизнь, трагедія ваше ученіе.

Но комично ваше посмертіе, комичны-ничтожны и презрѣнны ваши мнимые легкіе успѣхи.

Вы соединились с діаволом—для борьбы с діаволом. Легко, очень легко вы побѣдили.

Раз, два, три—и ты взял Рим, ты, презрѣнный нищій из Галилеи!

И ты, Карл Маркс, скоро, безсомнѣнно, возьмешь новый „Рим“.

Но ты ли, это Іисус, ты ли это Карл — смотрите! рабовладѣльческій и буржуазный лукавый шел по вашим стопам, он помог вам, он с вами.

Против кого-же вы боролись, несчастные, безумные?!

Если ваша цѣль была добиться власти, вы легко ее достигли.

Смотри — вот Ленин сидит на твоем тронѣ, вот твой намѣстник Карл Маркс!

Слишком легко! Слишком легко вы достигли побѣд, Христос и Маркс! Вы были *демагоги*, а если не вы, то ваши сообщники, ваши апостолы.

Назарянин, лживо обѣщал уничтоженіе власти посредством власти божьей, т.-е. власти церкви.

И ты Маркс, устами Энгельса, обѣщал упраздненіе государства самим государством, самим собою.

Вам или вашим ученикам легко было увлечь массы за собой.

Вы совѣтовали захватить власть діавола, власть римской и наречь ее „божіей", „іерусалимской". Развѣ это трудно?

Власть вы захватили, ваша магія была пущена в ход, но оказалась пустомолотьбой.

Царство оказалось в руках твоих учеников, Іисус, но „божьим" оно не стало.

Царство оказалось и в руках твоих учеников, Карл Маркс, но — увы!—от „свободы" оно далеко, как сѣверный полюс от южнаго.

Мы этого ожидали, нас это не смущает, мы это всегда предсказывали.

Для нас царство хорошо сочетается с божьим, государство с соціалистическим, царство со лже-свободой.

Мы знали, мы, анархисты. Для нас бог такой-же тиран, развратник, кровопійца, властолюбец, сластолюбец и корыстолюбец, что царь.

Даже наш Бакунин уже это знал.

Он это, навѣрное, говорил тебѣ, кичливый твоей невѣжественной ученостью, Карл Маркс.

Христос этого, может, не мог знать. Он и поплатился за это незнаніе своей головой. Если бы он это знал, он бы не мнил себя быть ни богом, ни царем, ни деспотом небесным, ни деспотом земным.

Ты себя не назвал бы ни царем іудейским, ни помазанником — Христом — мессіей, ни сыном божіим. Ты бы не хотѣл даже быть у него, у стараго тирана не то, что сыном, но даже собакой. Ты бы уж выбрал быть собакой у Ирода...

Всего вѣроятнѣе, что ты, если бы знал, то выбрал бы быть собакой какого то слѣпого нищаго из Галилеи, о, ты, трагичнѣйшій из нищих галилейских!

Но для тебя, Карл Маркс, и для перваго твоего апостола, мастера на всѣ руки, Энгельса—для вас оправданія у нас нѣт.

Грозен и безпощаден булет суд історіи над вами!

5. Инквизиція как царство божіе Христа, и чрезвычайка как царство свободы Маркса.

Однако, оставим історію для історіи: соціализм стоит Маркса и Ленина, а Маркс Ленин стоит соціализма.

Но несчастны обманутыя массы.

Вот онѣ стоят на перепутьи.

Разочарованы, разбиты и — разстрѣливаемы. Соціализм был их богом, соціалистическое государство их новым царством божьим. И вот их бог поруган, в прахѣ у ног своих...

И исторія, странно, повторяется, как бы копію пишет.

Лжецы-жрецы, политикмахеры, захватчики власти, утвердители церковной власти, называемой царством божьим, и партійно-коммунистической власти, называемой царством свободы, увидя неминуемый духовный (не фактическій, матеріальный, ибо фактически замѣна бога діаволом должна увѣнчаться успѣхом) крах и, провал и опасаясь разочарованія масс и их мести за профанацію идеала, за обман, за пустоту, за жертвы, за разбитыя жизни и надежды — они окружают себя желѣзным кольцом броневиков.

Нагромождая преступленіе на преступленіе, ужасы на ужасы, они надѣются претворить их в добродѣтели.

Они хотят стать пугалом масс. Проповѣдуя раньше любовь к угнетенным, а ненависть к угнетателям, нынѣ стараются стать ужасом всѣх слоев населенія, и ужасом ужасов — для угнетенных, для бѣднѣйших и слабѣйших, для люмпенпролетаріата (босяцкаго пролетаріата).

Раз рѣшено соединить несоединимое, и божеским способом нельзя, то нужно діавольским, сверх-діавольским. Раз естественно „царство“ и „божіе“ не клеится, не спаивается, то нужно употреблять сверхестественную, т.-е. сверх-разбойничью силу для этой спайки.

Раз нельзя дать счастье, то дают смерть. Раз нельзя стать „божіей милостію“, то нужно стать „божіей грозой“, „божіим ужасом“.

Если нельзя дать соціалистическаго рая в союзѣ с государством, то вполнѣ можно дать *соціалистическій ад.*

Это как раз удачно. „Царство“ один ад, божіе—другой ад. Один да один—вот два ада.

Два христіанских ада это были „крестовые“ походы и инквизиція. Но послѣдняя превзошла первые.

Два соціалистических ада—это „красные“ походы на анархистов, красные походы на чехо-словаков.

Так и христіане рубили и слѣва, и справа: и еретиков-изобрѣтателей (лѣвѣе христіан) и евреев (правѣе христіан, вродѣ меньшевиков) [1]).

Еретики-изобрѣтатели были сожигаемы как колдуны. Анархисты-изобрѣтатели соціотехники об'явлены преступниками, бандитами.

Но вот и чрезвычайка — уѣма ужасов, она перещеголяла свою старшую сестру, инквизицію. *Вот она—марксово царство свободы!..*

Все это безумно, дико, нелѣпо, но таков уже мертвый характер исторіи: и у вея бы хоть волосы дыбом стали, да она лысая, как и подобает профессору исторіи...

Послѣ ограниченные люди и лысые профессора скажут это два соціализма: один Карла Маркса, а другой Левина-Джерзинскаго. Так они нынѣ толкуют о двух христіанствах.

---

[1]) С точки зрѣнія чистой религіозности, а не съ точки зрѣнія угнетенной національности.

Но профессорское тупоголовіе не понимает, что эти два соціализма содержатся в терминѣ „царство свободы“ (или царство будущаго или соціалистическое государство), как два христіанства живут в терминѣ „царство божіе“ (или царство небесное).

Другая поверхностная голова скажет: это-же только фраза, красное словцо.

Нѣт — отвѣчаем мы — кто думает, что эти два термина лишь красное слово, то никогда не понял ни Христа, ни Маркса. Это не слово, а термин, квинт-эссентирующій все их ученіе. Это вродѣ кантовскаго: Die Welt ist meine Vorstellung или вродѣ „монада“ Лейбница, „діалектика“ у Гегеля, и „эволюція“ у Спенсера. Кто говорит это фразы — ни черта не понимает, не вник в ученіе вышеназванных философов.

В христіанском словѣ „царство небесное“ или „царство божіе“, как в марксистском: „царство свободы“ или „царство будущаго“ лежит вся душа христіанства и соціализма. Но вѣрнѣе будет, если скажем не душа, а двоедушіе. Одно единое это слово уже может сказать с Фаустом: двѣ души живут в моей груди, и одна не может разстаться от другой!

Это двоедушіе, эти двѣ души так не родственныя между собою, так рвущіяся, так стремящіяся друг от друга обусловливают тот „божій ужас“, то государственное сверх насиліе, ту антигосударственную государственность, что водворило на землѣ христіанство и марксизм.

6.

Государство или соціотехника.

Но будем ли мы винить людей за эти ужасы? Мы уж видѣли, что, во всяком случаѣ, не папу и Ленина, не Торквемадо и Урицко-Джерджинскаго. Мы виним систему.

Мы виним современную магію, плод человѣческой глупости, отравившую всю культуру на протяженіи всей исторіи, превращая культуру в не-культуру и исторію в не-исторію. Виновницей всего это— прикладная соціальная наука, т.-е. неомагія.

Мы виним теорію, науку и ея высшую и худшую форму—монизм.

Мы виним соціомагію, и главную ея вѣтвь *полито-магію*, т.-е. государственное знахарство и волшебство.

Мы виним партію, как новую научную церковь, как институт неосоціомагіи, как институт прикладной соціальной науки, как подготовка к государству.

И потому *условіем существованія*, быть может, и зарожденія, но уж нечего говорить о процвѣтаніи, *соціотехники это—уничтоженіе государства и партіи.*

И потому новой заутреней и вечерней молитвой каждаго свободомыслящаго, свободолюбиваго и счастья для всѣх желающаго, счастья для всѣх и во всем, во всѣх сторонах жизни,—должна стать формула:

Государство должно быть разрушено!
Партія должна быть уничтожена!

Соціотехника не может зародиться прежде, нежели чѣм упадет первая крѣпость политомагіи: *это—современное государственное рабство.* Пока нѣт права выступленія из государства не может быть и рѣчи для какой-бы то ни было созидательной положительной работы. Раб должен бунтовать, возмущаться, сокрушать, разрушать все вокруг него. Раб не может и не должен мириться со своим рабством. Никакого мира, никакого соглашательства, никакого отдыха — недолжна знать душа человѣка жаждущаго свободы!

Не может гордый человѣк преклонить голову и колѣна прад всеобщим одуреніем и всеобщим хамством государства.

Его гордый мощный дух не может усмириться пред магіей запугиванія.

Чѣм больше *запугивают*, тѣм больше накипает у него злобы и возмущенія. Чѣм больше *кар*, тѣм больше *мести*.

Чѣм сознательнѣе человѣк, чѣм мощнѣе дух его, чѣм тверже воля, тѣм менѣе дѣйствует запугиваніе, фобомагія. Соціалистическая политомагія еще менѣе дѣйствительна, ибо соціалистическіе монархи властелины—выскочки. Они и не могут пока, и не желают, окружить себя такой помпой, такой магической сакральностью, как родовые владѣтели.

Это опять служит новым стимулом к *запугиванію*, к государственной фобомагіи (мы не можем согласиться с названіем „красный террор", ибо „террор" есть акт революціонный и как всякій революціонный акт неизбежно антигосударственен, а если так, то термин „террор" неумѣстен для обозначенія запугиванія населенія со стороны власти). Государство, власть похожа тогда на заклинателя, постоянно посылающаго проклятіе, с той только разницей, что государство — увы! — переходит вдруг для наказанія от магіи, от слов к дѣлу.

Ох, если бы государство удовольствовалось бы одной магіею как нынѣ обезвреженная церковь, у которой вырваны ядовитые зубы. и вот она шипит-шипит магическія запугивающія формулы, называемыя анаѳемы на потѣху еретикам!

Пусть себѣ государство держит власть раз она вѣрит в номомагію, в знахарство декретов, пишет декреты, сколько душѣ угодно, — и вот увидим, на кого бы это повліяло: кто вѣрит в магію закона, подчинился бы кто не вѣрит, не подчинился. Государство, приходя в ярость, закусило' бы губы и написало бы страшнѣйшую магическую формулу государственной анаѳемы. Не вѣрно ли была бы потѣха...

Так и нынѣ еще поступает не только церковь,—т.-е. религіозная партія, отмирающая и отстраненная от власти, но и политическія партіи, т.-е. научныя церкви, еще не бывшія у власти, т.-е. не выросшія и не успѣвшія захватить власть.

Политомагія партіи с.-р., меньшевиков нынѣ не страшна, онѣ не у власти. Но „коммунистов?"

Теперь их программа, их теоретическая магія обязательна для всѣх людей, живущих на территоріи „россійской федеративной рес-

публики". Но и она не страшна. Главное их—практическая магія: законы, декреты. И это не очень страшно, пусть сыплется гороховое шутовство декретов—но горох пулеметов, разстрѣлы...

Кажется, что каждый разумный человѣк согласится с нами, что эта практическая политомагія безсмысленна, лишня. Если эта магія дѣйствительна, то к чему разстрѣлы, тюрьмы? Как Руссо и Спенсер, в научном своем суевѣріи, вѣрующіе в физическіе законы, в естественныя реакціи, говорят по отношенію к ребенку: к чему насиловать ребенка? дайте ему испытать силу законов на себѣ, так скажем и мы по отношенію к взрослым: к чему *разстрѣлы, тюрьмы и наказанія*, которыя, к сожалѣнію, представляют собою единственно реальное, что творит государство. Одно из двух: если магическіе декреты всесильны, то пусть дѣйствуют, наказывают, если же они силы не имѣют, то к чему они,—бросьте уж лучше эту магію запугиванія, всю эту театральность и сакральность, будьте откровенны, и откройте государственныя карты. Оставьте лучше *одни разстрѣлы, одни наказанія, одну тюрьмы*. Будьте как хорошіе педагоги старых времен: чтоб, напугать класс, стоило схватить двух, трех или четырех учеников, и всыпать им порядочное число розг. Вѣрьте, всѣ уж будут знать без декретов, без законов, т.-е. без магіи.

Но в том-то и дѣло, что государство всегда боится открыть свое истинное насильническое лицо, вот оно припудривается магіей: в старину религіозной, а нынѣ научной магіей.

Но государство знает, конечно, что грош цѣна этой магіи, что одной магіей далеко не уйдешь, что магія нужна лишь проформу, что главное не магія, не декрет, а разстрѣл.

Может ли при таких условіях существовать соціотехника?

Очевидно, нѣт. Когда можно разстрѣливать направо и налѣво, пока существует война, значит международная смертная казнь, пока существует смертная казнь внутри государства—может ли быть рѣчь о *соціотехникѣ*, первой главной задачей которой есть изобрѣтенія и усовершенствованія в области *политотехники*, в основѣ которой лежит цѣнность свободы, цѣнность личности.

Но к чему копья ломать, к чему разныя сложныя махинаціи выдумывать, для какой-то политотехники; на какой черт всего этого, когда можно попросту разстрѣливать. Вѣдь, это и легче, и освящено традиціей. К чему голову ломать над лучшим болѣе гуманным управленіем обществом, когда можно попросту, не церемонясь, отрубить всякую строптивую голову.

К чему нам ваша хитрая штука, ваша политотехника, когда мы легко и просто умѣем приказывать, приставить к стѣнкѣ — скажут всѣ государственные мужи разных народов, Вильсоны и Ллойд-Джорджи, Ленины и Троцкіе.

Уже не говоря о том, что *никакая соціотехника* абсолютно невозможна, пока не будет отвоевано право выступленія из государства, или как мы это называем, пока государство не перейдет из стадіи *рабства* в болѣе смягченную форму, в так называемое нами государственное *крѣпостничество*.

Это означает, что должны быть первым дѣлом легализованы анархическія организаціи, *с признаніем за ними права абсолютной экстерриторіальности.* Сами же государства должны основать соціотехникумы, надѣляя их правом экстерриторіальности. Соціотехникумы—это, в сущности, антигосударство, самое меньшее, безгосударство в государствѣ, это строители вольности.

С этой точки зрѣнія трудно, право, предположить, чтоб государство, даже самое „либеральное", а о соціалистической дикой диктатурѣ уж говорить не приходится — взяло бы на себя иниціативу устройства этих соціотехникумов.

Во всяком случаѣ, каждая анархическая ячейка и группа должна выдѣлить из себя спеціально соціотехническую группу, если не может основать настоящій соціотехникум.

Эти соціотехникумы, насажденные во всякой мѣстности, служащіе дополненіем к Политехникумам, должны будут управлять обществом. Им и предстоит руководить будущим анархическим переворотом, который может совершиться совсѣм мирно, и может еще насильственно. Во всяком случаѣ, это будет послѣднее насиліе, и сам переворот, если будет насильственным, еще подойдет под понятіе, період и полосу отрицательной соціотехники, т.-е. разрушительной.

Итак, до періода отвоеванія *экстерриторіальности* соціотехническаго опыта настоящей соціотехники быть не может, как не было настоящей техники в то отдаленное время, когда техника была регулирована государственными законами, т.-е. когда над ней господствовала магія.

Пока *абсолютистически* господствует *политомагія*, теоретическая в видѣ теоріи и агитаціи пропаганды и практическая в видѣ партійно-государственной дѣятельности: резолюціедѣлательство и декретодѣлательство, без признанія свободы соціотехники, т.-е. экстерриторіальности соціотехникумов, — то люди с открытыми глазами, желающіе заниматься соціотехникой, вынуждены до поры до времени, посвятить себя не политикѣ, т.-е. политомагіи, как не теоретической, так и непрактической, не создать новых политических теорій, не придать самостоятельно положительнаго значенія агитаціи, а заниматься ею лишь как контр-агитаціей, т.-е. лишь доказательством ложности науки и всяких теорій, не помочь изданію новых декретов и законов, а творить анархію, т.-е. реальную, настоящую, но отрицательную, т.-е. разрушительную соціотехнику.

Ибо нужно помнить, что, если еще быть может отчасти возможна, хотя и она тормозится государством, соціотехника усовершенствованія, то абсолютно невозможна *изобрѣтательная соціотехника,* первѣйшим условіем работы которой это полнѣйшій выход из современных условій, что никак невозможно без экстерриторіальности.

Но и с экстерриторіальностью лишь восходит первый луч соціотехники, ибо и тогда соціотехника имѣет лишь свободу de jure, но не de facto. Она лишена возможности распространенія внѣ стѣн соціотехникумов. Она лишена стимула, двигателя, так как пока в управленіи обществом допускается такой примитивный способ, как простое наси-

лие, вродѣ заключенія в тюрьму, и такая глупая магія, как декретомарательство — невозможна никакая высоко-усовершенствованная политотехника. Во всяком случаѣ, при существованіи смертной казни, в видѣ внутригосударственнаго закона или междугосударственнаго закона или не-закона, невозможна положительно-созидательная соціотехника, а лишь разрушительная. И поэтому анархисты на такие акты должны отвѣтить *контр-разрушительной техникой.*

Мы уже указали, что, к сожалѣнію, государство не довольствуется одной политомагіей, вообще соціомагіей, а вдруг переходит к разрушительной біомагіи, к абіотехникѣ: она убивает на дѣлѣ, технически, а не научно-технически-магически.

За это, а главным образом за войну, которая должна быть разсмотрѣна, как *колоссальная разрушительная біотехника*, человѣк, достойный имени человѣка, не презрѣнный раб, не ханжа, а истинно-этическая личность должен отвѣтить индивидуально-разрушительной біотехникой, т.-е. уничтожить тѣх негодяев, виновников боен, позволяющих себѣ *примѣнить разрушительную біотехнику* в то время, когда у нас нѣт еще положительной біотехники, и мы даже не знаем, сколько нам придется ее ждать.

Воскресить, создать одну человѣческую жизнь искусственно технически всѣ государства міра сего не умѣют. Характерны слова талмуда: ilmale mithkansin kol malchе misrach umaarab wehaju rozim libero aphilo ithosch echad lo haju jecholim, „если бы собрались всѣ цари востока и запада и пожелали создать хоть бы одну мушку—и то не могли бы". Но за то эти цари-совнаркомы горазды убивать, присуждать к смертной казни, развивать до послѣдняго предѣла абіотехнику, технику смерти, технику убійства.

В основѣ государства лежит смерть, moth jamuth, проклятіе, запугиваніе, тѣлесное убійство и духовное убійство, отупѣніе, *идіотизація*, абулизація (обезволиваніе).

В основѣ ея лежит смерть, если не сразу, то агонія, прозябаніе, медленная тягучая смерть. Основа жизни это дѣйствіе; государство, лишающее человѣка *свободы дѣйствія*, осуждает человѣка и на физіологическую смерть. Хуже біологической смерти это физіологическая смерть, вѣчная суббота государства, вѣчное принесеніе себя в жертву Молоху, себя—свою жизнь, свое дыханіе, свою энергію, свои импульсы, свою волю, свои мускулы, свои дѣйствія.

Она и есть психическая смерть. Новая психологія, кладущая в основу психики волю, не может не разсмотрѣть государства, как один институт психической смерти, удушенія воли, и потому волюнтаристы, как реформаторы науки, должны требовать свободы воли, как раціоналисты-интеликтуалисты средневѣковья, вродѣ Спинозы, требовали и ратовали за свободу совѣсти.

Государство—это смерть, это покой. Оно находится в унисон с инерціей, но идет в разрѣз с энергетикой, тѣм болѣе с біоэнергетикой, сводящей анатомію к физіологіи (см. наш труд „Зоопедія, как біоэнергетика"), еще больше, с психоэнергетикой, т.-е, с волюнтаризмом.

С государством—закономъ не должна была умѣть мириться не только соціотехника, по существу любящая свободу, условіемъ рожденія которой есть свобода дѣйствій, но и реформированная наука, нѣмецкая: энергетика, какъ и реформированная наука англійская, замѣнившая инерцію Ньютона эволюціей.

И не даромъ такой консерваторъ, какъ Спенсеръ, не могъ мириться с государствомъ, эволюція и государство-законъ, не совмѣстимы!

Законъ это Gesetz, Satz, декретъ, постановленіе раз навсегда навѣки „в роды ваши", ledorothechem, законъ это chukath olam, онъ олицетвореніе застывшаго времени, застывшаго навѣки вѣчные,—какъ онъ клеится с эволюціей!

Какъ клеится смерть с жизнью.

Эволюція, энергетика, біогнергетика, волюнтаризмъ—все это смягченіе реакціи науки, ея переходныя дегенеративныя ступени. Это ея стремленіе к техникѣ, замаскироваться техникой, изъ которой фонтаномъ бьетъ дѣйство, которая вся брызжетъ энергіей, трудомъ, работой, непокойностью.

Новая культура, зародыша которой мы видимъ в Америкѣ—эта культура техники, подвижности, непокойности. Она не вяжется с мертвящей государственностью.

Но нѣмецкая культура заковала свою энергетику в желѣзныхъ тискахъ Gesetz—роковымъ образомъ для себя и для культуры. Это дѣло нѣмецкаго деспота духа — *монизма*, его диктатора — *аподиктичности*. Единство мысли, монизмъ, и единство закона; насиліе духа (монизмъ) и насиліе общества (абсолютизмъ). Монизмъ в теоріи ведетъ к магіи на практикѣ.

Но и нѣмецкій духъ рветъ свои духовныя и политическія оковы. Гегель упраздняетъ логическій законъ, а Штирнеръ и Ницше—и государственный.

Растетъ человѣкъ, крѣпнетъ его воля—его объективированная воля—это техника.

Всѣ дряхлые законы государства, законы смерти, законы отдыха разобьются о желѣзную волю человѣка, об одинъ величайшій не-законъ: жить, дѣйствовать, выявлять себя, проявить энергію, проявить панэнергію в пантехникѣ, в панмеханикѣ, в панпрагматикѣ.

Законы царя бога природы—это законы Смерти. Боги, цари и природы—это олицетвореніе, начала Смерти, оправданіе Смерти.

Лишь техника, біотехника, кристаллизованныя желанія человѣка—это жизнь.

Тупицы и сумасшедшіе, любители смерти и покоя, к чему лишаете человѣка жизни, дѣйства, дыхания, обрекая его на могилу, на гробовое бездѣйствие, на кладбищное покойство!

Убійцы—это называется на вашемъ языкѣ: регулировка труда.

Тираны, деспоты, и вы тираны и деспоты духа: вамъ нужно смиренное, покорное стадо, щиплющее свою траву на лугу вашей государственности и государственной мудрости!

Цари, вамъ нужны не люди, а овцы, чтоб легко было вамъ стричь их!

И вы цари духа, и вамъ нужны овцы смиренности. Вамъ нужно едино стадо и единъ пастырь.

Ты хотѣл быть пастырем, Христос, вот и нужно было тебѣ царство божіе, кладбище, на котором почивают трупы.

Ты был царем божьим, но всѣ цари были божьими, всѣ они убивали во имя бога.

Ты являешься деспотом соціалистическим, Карл Маркс, но развѣ не всѣ цари испокон вѣков царствуют во имя соціализма, во имя блага общества. Уже законодатель Хаммураби знал силу революціонной фразы: и он уже писал, что законы его даны для защиты слабых от сильных...

Но, вѣдь, для слабаго нѣт закона, он не может пользоваться законом. А для того, чтоб имѣть закон для себя, нужно быть сильным, а сильному наплевать на закон, ему закон не нужен.

Но нѣт! сильному нужен закон для обмана слабаго, уговорить его, что его защищают, отговорить его от самозащиты, от дѣйства, обрекав и без того слабаго бездѣятельнаго на полное прозябаніе и вырожденіе.

Но кромѣ убійства физіологическаго и волюнтаристическаго, закон и государство еще спеціально убивают мораль, так что государство и закон носят в себѣ и с собою и моральную смерть.

Как мог Христос, проповѣдовавшій яко-бы чистую мораль: не убій, и проч., как он мог быть за убійство государством, за духовное убійство его же стадом, т.-е. церковью?

На это есть один отвѣт: опять магія. Магія колоссализаціи и деноминализаціи.

Не убій—это лишь когда убиваешь одного человѣка, но многих, истребить, перерѣзать цѣлые народы, полчеловѣчества — это можно. Колоссализуясь, это становится величественным, моральным, божьим, ибо в нем выражается стремленіе к единству, как в восклицаніи Калигулы; „О, как хорошо было бы, если все человѣчество имѣло бы одну голову, и я бы ее одним маком отрубил!“.

Это уже не разбой, это уже пахнет царством божіем,—это *революціонно*, антипатріотично, космополитично.

Этим объясняется и то благоговѣніе, которое испытывал Маркс, а нынѣ Ленин, перед міровым имперіализмом, перед Вильгельмом-Наполеоном.

Помилуйте, это уже не тот бандит, котораго мы разстрѣливаем. Этого не разстрѣлишь—он же міровой. С ним нужно и помириться—он подготовляет соціализм.

Так думает Ленин и Маркс, так и разсуждал Христос.

Вор это лишь тот, который крадет ночью; грабитель это лишь тот, который просто грабит, но не тот который обирает всех податями. Нѣт, это может вполнѣ ужиться бок о бок с божьим: кесарево—кесарю, а божье — божьим. Это я с ним, с Римом, передышку устраиваю, а послѣ, скоро, когда подоспѣет міровая стадность, міровая революція, то и кесарево станет божьим. Как? мы его переименуем. Кесарскія подати мы назовем церковными податями, церковным грабежом, и он сразу перестанет быть грабежом, ибо он станет *божьим*. Государственныя войны наречем крестовыми—и сразу

перестанут быть *безнравственными*, ибо они убьют лишь грѣшную плоть, и воскресят зато вѣчный дух. Государственные законы, мерзкіе языческіе, насильническіе *законы мести*, законы зла, переименуем в законы любви, и они станут божескими и добродѣтельными.

Но как может быть *закон любви*? Как *может любовь стать законом обязательным*, правовой нормой, вѣдь, если любовь, то не закон, а если закон-то не любовь—на все это имѣл Христос один отвѣт: деноминализація.

Всѣ эти вопросы не существуют для соціомага.

Так и нынѣ не существует для соціомага Ленина вопрос: как может быть революціонный декрет. Сущность закона это же инерція, консервація, рутина, установленность на вѣки застывшее начало времени, как она может примириться с революціей, с началом измѣненія, творчества, текучести?

Как может революція, которая по существу есть антигосударственность, противозаконность, противодекретность, ибо она покушается на государство и на закон, как она может стать правовым порядком, диктатурой, государством, совнаркомским, совѣтским, не перестав быть революціей.

Но что не может никто в мірѣ, может соціомаг, путем переименованія.

Он называет декрет, простой, насильственный, государственный закон—*революціонным*. И ничего не подѣлаешь: всѣ с ним согласятся, ибо он соціомаг, а соціомаг должен же умѣть внушить массам рѣшительно все, что ему вздумается, как обыкновенный маг умѣет, если только захочет, внушить публикѣ, что его золотая цѣпочка—индюк.

Так умѣл. искусный соціомаг Христос, внушить своим ученикам, что царство божіе морально, что церковь.—переименованный міровой имперіализм, есть божья благодать—*χαρίσμα*, что цезаріопапизм, синтез римскаго цезаризма с еврейским синагогизмом в экклезизмѣ (церковности), спасет человѣчество, чѣм? законом любви, т.-е. *церковным правом*.

XVI.

Безнравственность христіанства.

Но виновником всѣх сотворенных во имя его звѣрств является Христос еще и потому или уже по одному тому, что он повѣдал любить лишь душу ближняго, а не тѣло. И это вполнѣ понятно, тѣло Христос ненавидѣл, ненавидѣл и „свое“, а так как он исповѣдал принцип „люби ближняго, как самого себя“, то было бы совершенно безнравственно, если бы он любил тѣло ближняго. Любить тѣло ближняго значило бы, что он ближняго вовсе не любит, а ненавидит. При той крайней противоположности тѣла и духа, при том противопоставленіи пѐрваго, как абсолютно-дьявольскаго, второму, как абсолютно-божьему, любить тѣло ближняго означало бы измѣнить богу, возлюбить дьявола и, слѣдовательно, ненавидѣть бога, что в ближнем,

ненавидѣть дух. И вот мы вторично разоблачили волка ненависти в христіанствѣ под овечьей шкурой любви.

Смертельная ненависть Христа и его учеников ко всѣм тѣм смѣющим не признать его спасителем имѣет гораздо болѣе глубокіе корни. Спеціальная ненависть к нехристу имѣет болѣе глубокую основу в общем человѣконенавистничествѣ, — в тѣлонавистничествѣ. Христос, постольку он был эсхатологом, предвозвѣстником Страшного суда, конца вѣка, он был мизантропом, пессимистом, вообще тѣм, что Ницше называет проповѣдником смерти. В этом проповѣдничествѣ смерти и заключается истинный смысл его страданій, его креста и его Голгоѳа. Раннее христіанство с его ученіем о страшном судѣ, дикія, нелѣпыя, мрачныя видѣнія Іоанна—это патологическое явленіе, симптом вырожденія, соціоморфизм великих войн, великих сотрясеній, великих страданій Іудеи. Это не христіанство, разбойничье-захватническое, избыточествующее энергіей, насилующее, но творящее жизнь, наложившее руку на ход исторіи, т.-е. не большевистское христіанство: папизм-іезуитизм, а меньшевистское христіанство, пессимистическое, бездѣятельное, мрачное, непротивленчески-смиренное, выжидательное, угнетенно-настроенное, неудачниковское-некудышническое, усыпляющее и убаюкивающее—это христіанство, совершенно не клеящееся с первым и тѣм не менѣе спаянное искусственным образом одним общим евангелизмом и апостолизмом; оно крест не только одного Христа, а всѣх его исповѣдующих, оно Голгоѳа всѣх его приверженцев. Счастье, что никто не жил по этому евангелію, а не то человѣчество или прекратило бы свое существованіе по рецепту максималистическаго меньшевизма-пессимизма Толстого, или оно выродилось бы как истинное меньшевистское іудейство.

Вспоминается нам характерная талмудическая агада (легенда) о том, как мір не может существовать без злого духа, без сатаны, без грѣха (beli jezer hara, буквально без злого помысла). Однажды синедріон словил злого духа и закупорил его в коробку. Три дня его держал, в мірѣ воцарилось абсолютное добро: всѣ бросили свои грязныя дѣлишки, свои грѣшныя дѣла. Но вот на третій день какому-то больному нужно было яйцо, чтоб подкрѣпиться, а яйца не оказалось нигдѣ, ибо пѣтухи не дотронулись до куриц. Мір невозможен без грѣха заключает оттуда оптимистическій талмуд.

Так іудаизм, меньшевистское мессіанство, сочеталось с оптимистически-примиренчески-соглашательским реализмом, благодаря которому он, пассивно выжидая конца вѣка и пришествія мессіи, приспособился, ужился с этим міром зла, насилія и спекуляціи.

Как-бы то ни было, в приведенной талмудической легендѣ проглядывает оптимизм, инстинкт самосохраненія, совершенно отсутствующій в христіанской эсхатологіи, вся пропитанная насквозь духом смерти, самоубійством, словом, индусско-буддистским пессимизмом.

Таким образом, ко многим причинам, мѣшавшим еврейскому народу в цѣлом воспринять христіанство, можно причислить и эту. Національному еврейству невозможно было перейти к оптимистическому христіанскому максимализму, захватившему мірову̀ю власть, по при-

чинѣ своего національнзма, но ему и нельзя было примкнуть к христіанскому меньшевизму смиренности, из-за пессимистичности послѣдняго. Еврейская нація в цѣлом, высоко культурная, высоко-нравственная (*к тому времени*, т.-е. в состояніи полубезгосударственности или полной безгосударственности), разоренная и обездоленная, но высоко-жизненная, никак не могла мириться с жизнью—нежизнью, с ученіем—проповѣдью самоупраздненія и самоуничтоженія Христа, которая, несмотря на то, что она шла вразрѣз со всей церковной тактикой, видѣвшей начало и конец всего, как нынѣ марксистко-партійная тактика, во власти. И потому христіанство перекочевало к диким варварским племенам Европы, которыя были слишком грубы, малокультурны и кровожадны, чтоб эта проповѣдь могла их свести на нѣт, могла-бы повредить им. Эти народы, с одной стороны, не могли принять теоріи христіанства в серьез, ни его умерщвленія плоти, ни его умерщвленія національной плоти, а, с другой стороны, оказывались, в виду отсутствія у них хорошо выработанных форм государственности, прекрасным объектом для христіанских захватов власти, для церковно-государственных опытов, для утвержденя zivitas dei на землѣ, каковой мнила себя быть папская власть. Таким образом, народы Европы, в виду их варварства, как раз подходили, как нынѣ Россія (пусть простят нам, и по той же причинѣ), и для максималистской тактики-практики христіанства, нашедшей свое лучшее выраженіе в католицизмѣ-папизмѣ, и для минималистической теоріи-проповѣди христіанства. Эта проповѣдь—теорія была как раз для этих народов, слишком варварских, слишком эвдомонистичных, слишком воинственных, чтоб теорія умерщвленія плоти и непротивленчества могли бы им помѣшать. Христіанская теорія—проповѣдь, уж по одному тому, что находилась в полном противорѣчіи, как нынѣ у большевиков, с тактикой церкви, осталась благим пожеланіем, принялась не к руководству, а так в проформу, почиталась и призналась устами, а не сердцем, была мертвым словом, а не живым дѣлом. А если и случались иногда чудаки-смѣльчаки, возымѣвшіе смѣлое незаконное желаніе осуществить христіанскій идеал ва дѣлѣ, теорію-проповѣдь претворить в практику-дѣло, то они опять-таки, как варвары, любящіе себя и свою жизнь, были достаточно благоразумны, чтоб опыты умерщвленія плоти и національнаго самоупраздненія начать с других, а не с самого себя. Они не шли сами на Голгоѳу, а лучше—отправили туда других. Себя-то немножко, игры ради, побичевали (бичевальщики), как фанатик-еврей подвергает себя легкой символической поркѣ (malkoth) наканунѣ суднаго дня, а других, еретиков и евреев, жгли на кострах в серьез...

Такова антинравственная сущность христіанства. И характерно, что мы здѣсь имѣем один из самых интереснѣйших курьезов самоупраздненія монизма, перехожденія каждаго его вида в собственное противорѣчіе.

Но говорит ли это в пользу діалектики? Нѣт. Нисколько. Діалектика Гегеля—это собственное развитіе в противорѣчіе самого монизма, принимаемое Гегелем, в наивности своей, за міровой процесс. Мы уже во многих мѣстах наших сочиненій указали (см. „Бесѣды с анархистом-философом"), что мы то создаем бога по образу и подобію своему, а

то или, вѣрнѣе, послѣ мы создаем или пересоздаем себя по образу и подобію этого же, нами созданнаго бога.

Діалектика Гегеля не міровое начало, тѣм болѣе оно не пригодно быть логическим началом, а скорѣе „концом", крахом логики, вообще, *крахом,-финалом* всей нѣмецкой науки, т.-е. философіи, как эволюція, по нашему указанію выше, является крахом англійской науки.

Діалектическое развитіе Гегеля это—антропоморфизм насыщенности надоѣданія, словом, психоморфизм. Как говорит афоризм: Nichts ist chwieriger zu ertragen als eine reihe von guten Tagen. Конечно, гегельянец скажет, наоборот, что нам надоѣдает сладкое и мы берем что-нибудь горькое, потому что в космосѣ господствует діалектика. Мы же, разумѣется, склонны думать, что своеобразная діалектика брюха и неба возведены Гегелем в космическое начало, в діалектическій логос,—прекрасный плод гегелевской интеллектуальной фантазіи.

Но нас тут не интересует ни вселенческая діалектика Моисея, по которой бог создал мір из ничего (но, конечно, только, немножко позже начала міра, приблизительно в средніе вѣка), а, наконец, самто превратился в ничто, по винѣ атеистов... или, сочетая истинный библейскій мозаизм с евангелизмом, бог рѣял, как антитеза, над водой, но, наконец, все-таки окунулся в Іордан, как синтеза. Нас также тут не занимает гегельянская космическая діалектика. Наше вниманіе печаль и слезы мы посвящаем лишь горькой участи бѣдной діалектикѣ Христа, выродившейся, и так безжалостно перешедшей, самым крутым образом, в свое противорѣчіе.

Чего добивался Христос, „агнец", шедшій на Голгоѳу? Он домогался нравственнаго абсолютизма, восторжествованіе одной идеи нравственности; но сведя все на нравственность, он потерял незамѣтно для себя и саму нравственность, подготовляя почву, сѣя и пожиная самую ужаснѣйшую безнравственность разбоя и разврата. У агнца выросли вдруг самые страшные рога, которых ни у одного быка не найдешь, самые острые когти, которых ни у одного тигра не найдешь. Сведя все космическое к соціальному, а все соціальное к одному нравственному, и все тѣлесное к одному духовному—нравственность сама зачахла, испарилась, улетучилась, и, наконец, предстала пред нами в самом разнузданном развратѣ, в самой ужаснѣйшей безнравственности. Нравственный абсолютизм, нравственный монизм существовать не может. С отреченіем от тѣла умерла всякая нравственность, ибо для чистаго духа, для ангела нѣт ни нравственности, ни безнравственности, а есть лишь грѣхопаденіе. Ангелы христіанства и оказались почти всегда падшими. *Чистый дух не может грѣшить* и потому всякій грѣх может отпускаться чистым духом, обитающим в папѣ и нисходящим и исходящим из него, чрез рукоположеніе, на других священников. *Грѣхоотпусканіе это прямой вывод из нравственнаго абсолютизма Христа.* Этот этомонизм создал нам абдульгенцію—верх безнравственности. И вот разврату и разбою не было конца. *Чистый дух сдѣлал папу и чрез него все духовенство, а чрез послѣднее всѣх христіан, безгрѣшными.* Болѣе антинравственнаго ученія, кажется, сам грѣх, сам діавол и придумать не мог!

XVII.

Монизм и его практическое противорѣчіе.

Христіанскій нравственный монизм выродился в самый разнузданный разврат, это монизм—в полный аэтизм. Монизм на верху ведет к усиленной магіи внизу, в данном случаѣ, он привел обратно к древней біомагіи культа половых излишеств и извращеній, остатка древняго біомагическаго культа половых органов, культа біологизма.

Крайній монизм в теоріи всегда ведет к усиленному возврату к магіи в практикѣ. Монистическая теорія или религіозное ученіе, в отличіе от наивной плюралистической или политеистической, мнящей себя реальной и находящейся в тѣсной связи с самой ширью, практикой-бытіем, сознает себя, в виду своей критистичности и велѣдствіе своей трансцедентальности и очевидной отдаленности от практики и бытія, разъединенной и оторванной от послѣдней, словом, сознает себя как таковая, и потому к завершенію своей нелѣпости еще гнет яко-бы практическую линію Это псевдопрактика и означает усиленіе соціомагіи. Отсюда вытекает нѣмецкая „практичность". Это смутное, находящееся за порогом принципіально, сти сознаніе суетности всѣх теорій, с одной стороны, уснащенное само-изрядным количеством спрактизированных интеллектуализмов, с другой. Словом, это смѣсь безвѣрія с усиленным суевѣріем, с магіей.

Из этого источника вытекает и марксистская *псевдопрактичность*, также означающая наряду со своей положительностью и отрицательный усиленный возврат к соціомагіи.

И марксизм повторяет христіанство почти во всѣх своих деталях.

Будучи крайне монистическим ученіем, он также переходит в свое противорѣчіе, т.-е. попросту практика его опровергает и отвергает его теорію.

Марксизм в теоріи проповѣдует экономомонизм, как христіанство это монизм, но в своей тактикѣ и практикѣ представляет собою полное пренебреженіе экономикой, разрушеніе профессіональнаго движенія. и полнѣйшій разгул политикмахерства.

Так экономизм марксизма вырождается в аэкономизм диктатуры пролетаріата, в полнѣйшую экономическую разруху и голод.

И для марксизма это вполнѣ естественно: он же должен оправдать діалектику Гегеля о переходѣ всего в свое противорѣчіе, а так как буржуазный строй туповат для діалектических тонкостей и туго поддается подталкиванію его в свое противорѣчіе, в коммуну, то марксизм идет по линіи наименьшаго сопротивленія, перейдя сам в свое противорѣчіе, что, впрочем, гораздо легче.

По этой же причинѣ отрицаніе значенія личности в исторіи переходит в противорѣчіе боготворенія не только Маркса, но и всѣх вождей. И вот бываем свидѣтелями новаго курьеза исторіи: ни у одной партіи в мірѣ нѣт такого культа вождей и вождиков, как у большевиков.

Большевики, очевидно, ставили себѣ цѣлью оправданіе нашего культурно-сравнительнаго метода и усердно копируют католицизм. Культ святых, угожденіе всякаго ничтожества чуть ли не в божество, переряжен в культ вождей, разных кумиров-богов соціализма. Портреты Маркса, Ленина, Троцкаго, Луначарскаго и т. д., украшают „совѣтскія“ стѣны. Число портретов растет с каждым днем. Соціалистическій иконизм угрожает потопом. Его искусство, его портреты и памятники, запружывающіе улицы, и такіе же безвкусные и убогіе, как католическія распятія, также грубо, „демагогично“ и противорѣчиво, и идет в разрѣз с марксизмом.

Равенство перед богом, соціомагическое равенство, создало самую страшную іерархію католической церкви. Ученіе, клавшее в свою основу *смиренность*, перешло в свое противорѣчіе, в *гордыню* непогрѣшимости папы.

Иначе и не могло быть. Таковы неизбѣжные пути соціомагіи. Чтоб спасти свои иллюзіи, безпочвенныя и безплотныя, она вынуждена прибѣгнуть к сверх-реальностям, но отрицательнаго порядка, она вынуждена прикрыть свое безсиліе и несостоятельность и нецѣлесообразность дикими нелѣпостями, возвращаясь к пріемам сѣдой старины, к самой разнузданной соціомагіи, вызывая тѣни химеры уже давно заглохших цивилизацій. Этими своими пріемами христіанство-католицизм, как нынѣ марксизм, принесло нам самую чудовищную реакцію.

XVIII.

Безцерковность и безпартійность.

Толстой и другіе любят взваливать все на церковь, единственный грѣх которой лишь то, что она смѣла дѣлать надлежащіе выводы из предпосылок христіанства, не останавливаясь ни перед какими мѣрами, жестокостями, не взирая на протесты мягких сердец, свободомыслящих, вѣротерпимых и еретиков. Такіе же наивные люди любят обвинять большевиков, ленинцев, современных іезуитов, іезуитов соціальной марксистской науки, в жестокости, в искаженіи марксизма. Маркс прав, но „коммунистическая“ партія виновата, Христос прав, но церковь виновата,—так разсуждают ограниченные слабезькіе умы, боящіеся затрогать авторитеты, и Толстой, который страдал той же болѣзнью, что Христос, т.-е. этоманіей, этомонизмом. Мы же видѣли ясно, как безнравственность церкви вытекает из самих основ христіанства. Так мы дальше покажем, что всѣ грѣхи *партіи* коренятся в самом марксизмѣ, были заложены в нем самим Марксом, и замеченныя противорѣчія являются слѣдствіем смѣсеобразной природы самого ученія и самого міровоззрѣнія Маркса, который валил в одну кучу три культуры, не приведя их в порядок, в систему, нисколько не заботясь об их несогласованности, об их несовмѣстимости, уж по одному тому, что по существу он не переваривал хорошо ни одной из них, и тѣм

болѣе он был далек от двух из них, чуждых ему, от французской и, еще больше, от англійской.

Обвинять потому „партію“, вообще, партію, как таковую, видя в ней все зло, и проповѣдывать безпартійность, безпартійное рабочее движеніе имѣет такой же смысл, как проповѣдь Толстого о безцерковной религіи. Дѣло в том, что религія не может быть без церкви, а рабочее движеніе, раз оно соціально-научно, а ненаучным оно не может быть, раз оно не стало на точку зрѣнія отрицанія науки, на точку зрѣнія соціотехники, то оно вынуждено вылиться в партію. Или Соціотехникум или партія—средины нѣт. Религія может быть не церковной, но тогда она будет жреческой, т.-е. храминско-языческой. Будучи не церковно-христіанской и не храминско-языческой, она, вообще, висит в воздухѣ, без всякой почвы под ногами. Это—религія Толстого, религія без богослуженія, и, в сущности, без бога, ибо его бог есть лишь олицетворенный, но максималистки - минималистическій анархизм, Он лишь символ, абстракція абсолютной идеальной соціальной справедливости Толстого. Против такого божества, против такой религіозности, очистившей христіанство от всѣх языческих элементов, отбросившей всякую обрядность и какую бы то ни было церковность, почти что возражать нечего. Она крайне безвредная. Это своего рода безалкогольный кофе. А если можно что-либо ставить в вину этой религіозности, так это ея совершенная лишнесть. Для чего же такой странный бог, для чего же обман перенесенія нашего субъективнаго чувства и сознанія соціальной справедливости и несправедливости—во вселенную! К чему этот антропоморфизм и соціоморфизм?! Безобидный толстовскій бог к тому еще ложен, а всякая ложь, уж по одному тому, что она ложна, вредна. Далѣе, этомонизм опасен и обнаруживает тенденцію выродиться в безнравственность.

XIX.

Магія реакціи.

Но вопрос о безцерковности религіи и безпартійности науки важен и по той особенной тенденціи, которая проявляется в нем. О том, что здѣсь проглядывает магія переименованія, воображеніе, что религія переименуясь в безцерковную, а науку в безпартійную волшебным путем превратится из зла в добро,—говорить не приходится. Но тут проявляется новый вид магіи, которому нам еще придется удѣлить особое вниманіе, посвящая ему особую часть нашей книги,—это магія реакціи, которая разъѣдает почти всѣ анархическія системы, страдающія как раз обратной противоположной христіанству и марксизму болѣзнью. Если христіанство, как нынѣ марксизм, принял все зло языческаго міра, думая превратить его в добро в „божье“ одним тѣм, что окропил его святой водицей, то реакціонный анархизм, в своих двух основных проявленіях „выливает ребенка“ всей цивилизаціи с

мутной водой буржуазнаго строя и міра. Этот реакціонный анархизм проповѣдует и сѣет смерть и уничтоженіе всего, как безумный монашескій аскетизм и буддизм. Он весь отравлен ядом и отравляет всѣх соприкасающихся с ним. Его приверженцы это—ходячія, и бродячія смерти.

Этот реакціонный анархизм, подробная критика и разбор всѣх теченій котораго еще будет впереди, характерен двумя новыми видами магіи, проявляющимися в нем самым рельефным образом. Имя одного мы уже упомянули. Это—магія реакціи. А имя другого: магія креаціи.

Главные основные виды этого реакціоннаго анархизма это: анархизм - терроризм и толстовство. Толстовство реакціонно своим идеалом: возвращаясь назад, оно думает двигаться и двинуть человѣчество вперед. Но истинно-старыя формы, невоображаемыя и прикрашенныя романтикой, еще хуже современных, и, во всяком случаѣ, не лучше, да и при том неизбѣжно приведут опять к современному злу, которое есть лишь умноженное и усиленное старое зло, усиленное одним своим увеличеніем, ростом. Возврат к безцерковности религіи еще не гарантирует человѣка от суевѣрія. Безцерковность может лишь быть использована как агитаціонное средство и подготовка ума к атеизму, ибо в безцерковности всегда уже лежит скрытый атеизм, как в безпартійности, проповѣдуемой многими анархистами и в особенности анархо - синдикалистами, уже скрыто безвѣріе в теорію, в соціальную науку. Но если был бы истинный настоящій бог, долженствующій регулировать все, всю жизнь человѣка, его житье-бытье, всѣ его виды и роды дѣятельности, то должен же он имѣть свою церковь. Так и по отношенію к партіи. Если наука была бы вѣрной, то и соціальная наука должна была руководить нашими соціальными дѣлами, и руководить планомѣрно; для этого нужна партія, с опредѣленной программой, основанной на какой-нибудь научной теоріи. Возврат к безцерковности или к безпартійности есть лишь скрытое отрицаніе религіи и науки, самое меньшее, обыкновенно, первый этап на пути к ереси, к которому приводит нерѣдко сама жизнь своими бьющими в глаза фактами. Безсмысленныя раздоры сект всегда подрывали вѣру в религію, как нынѣ эту же роль, роль наводителей на сомнѣніе и ересь исполняют не знающіе никакого предѣла, со здраваго смысла и элементарной человѣческой нравственности, безконечные, нерѣдко кровопролитные партійные раздоры. Безсомнѣнно, что проповѣдь безцерковности и безпартійности, проникнутая человѣколюбивыми моральными тенденціями вѣротерпимости и наукотерпимости, есть хорошее средство для охлажденія страстей безумных фанатиков. Но сама по себѣ, безцерковность, как и безпартійность, есть реакціонное явленіе; оно означает или безпринципность, мѣщанское отсутствіе интереса к переустройству общества, и нерѣдко прикрывает тупость, эгоизм и безсмысленную, несознательную, слѣпо-инстинктивную, шаблонно-подражательную жизнь. Безпартійность, переросшая партію, это та, которая лежит за отрицаніем науки. Я сознательно отрицаю партію, как институт теоритической и прикладной соціальной науки. Но быть без-

партійным можно и потому, что у меня не хватает соціальнаго интереса. Это значит не дорасти до партіи. Так и по отношенію к религіи и наукѣ. Мы можем и должны отрицать религію и науку как лжецивилизацію, и проповѣдывать, и признать одну технику, но путь к не-наукѣ не означает возврата к до-наукѣ, к варварству, а наоборот, шаг вперед к за-наукѣ, к Пантехникѣ, как и наш путь к нерелигіи не есть состояніе до-религіи.

Итак, мы выяснили, что безцерковность и безпартійность сами по себѣ—реакціонные факторы. Это антисоціальность и возврат к варварству. Человѣк, свободомыслящій антирелигіозный должен принадлежать к научной, т.-е. соціалистической партіи. Если же он отрицает и науку, то он должен принадлежать Соціотехникуму. Иначе он, вообще, антисоціальный элемент. А антисоціальность, даже мирная, вовсе не есть добродѣтель, а возврат к дикому первобытному одиноко бродячему состоянію, если таковой когда-либо был.

Но вопрос о безцерковности и безпартійности показал нам как реакція маскируется в прогресс, и как люди по слабости характера, увидя зло, удирают обратно, хотя, как говорится, из огня в полымя, в еще худшее зло. Это магія реакціи всѣх этих диких и полудиких коммун, гдѣ люди, отказываясь от всей технической цивилизаціи, возвращаются, в той или иной степени, к первобытному состоянію.

Магія креаціи является еще болѣе опасной и болѣе безсмысленной. Она не тащит общество обратно, а задается химерою—уничтожить его. Вмѣсто техническаго пересозданія общества рекомендуется полное разрушеніе. И тут с перваго виду будто и магіи совсѣм нѣт: бомбы вещи реальныя, террор и экспропріаціи—также не иллюзіи, не фантомы-теоріи; это реальности, мускульно-дѣйствительное дѣйство.

Но глубже вникая, мы видим, что и тут перед нами тот же соціалистическій маг, только другого вида. Если бы эти люди преслѣдовали бы только разрушеніе—разрушеніе ради разрушенія, то они не были бы соціомагами, а лишь отрицательными соціотехниками, асоціотехниками. Но вѣдь эти люди воображают себя спасителями человѣчества, Угнетенных, значит строителями. Каким путем из разрушенія получается созданіе? Как это на оголенной землѣ вдруг появятся ангелы добродѣтели и всѣ блага высокоцивилизованной жизни? Это тайна. Это тайна той соціомагіи, которая сдѣлала своей священной формулой фразу, брошенную Бакуниным: дух разрушающій—дух созидающій.

И слова эти, примѣненныя кстати, весьма правильны. Техника нерѣдко разрушает, чтоб создать. Но само разрушеніе не может магически превратиться в созданіе. Тѣм болѣе это изреченіе превращается в абсурд, когда оно сводится в систему, в высшій принцип, в монизм. А тогда эти довольно умныя слова превращаются в нелѣпый бред маніаков разрушенія ради разрушенія, затравленных душ, видящих единственный исход из соціальнаго тупика во взрывѣ космоса динамитом.

Но это мнимо-реальная ассоціотехника, являющаяся магіей креаціи, магіи „создавія из ничего" на манер іудейскаго бога, создавшаго

вселенную из ничего — есть и магія реакціи. Методы борьбы вродѣ экспропріаціи и террора дают обратные результаты, как всякая магія, и тѣм болѣе магія реакціи. Грабежи и разбои извѣстны всему варварскому старому міру. Это вовсе не новое соціотехническое изобрѣтеніе. Безсмысленными кровопролитіями наполнена вся человѣческая безчеловѣчная исторія. Экспропріаціи и террор это — возврат к до-государственному строю, когда люди постоянно охотились друг на друга и гдѣ обычной формой общежитія было кулачное право, самосуды, месть и прочія блага. Но эти же самосуды, грабежи и тому подобныя прелести создали государство, которое и понынѣ лишь питается из этого мутнаго источника. Всякія экспропріаціи и тому подобныя дѣйствія лишь укрѣпляют государство, так что эти „анархисты" не анархисты, а государственники, защитники государства, борцы за государство, его тѣлохранители. Они тѣ же соціомаги, примѣняют ту же соціомагію, да еще худшую, что государство.

Но всѣ эти чрезвычайно важные вопросы мы разсмотрим особо. Тут нам лишь нужно было указать на них, потому что, в сущности, почти во всѣх других соціальных системах заложены элементы этой соціомагіи реакціи, соціомагіи креаціи. Дѣло в том, что эти реакціонные и отрицательные соціомагическіе пріемы вовсе не являются монополіей анархистов и соціалистов. Великим дѣлом разрушенія испокон вѣков занимались всѣ мірозые разбойнички, всѣ цари, полководцы. Войны и грабежи вовсе не являются новым изобрѣтеніем, так что и старый мір и новый мір очень богат разрушительными тенденціями. Изобрѣтеній, новосозданій в области соціальном так мало, их так ничтожно мало и они так незначительны, так медленно распространяются и примѣняется, что, правда, малѣйшее твореніе тут имѣет громадное значеніе. Но разрушенія? для этой цѣли всегда работали великіе изобрѣтатели... Так много орудій смерти, орудій разрушенія. Но созданія, ни біологическаго, ни соціальнаго почти что нѣт. Колонизація, кооперації, церковныя общины, партіи, опытныя колоніи и коммуны — и перечень закончен.

Всегда и вездѣ с незапамятных варварских времен люди занимались всеразрушеніем: рѣзнею нападеніями, войнами, заговорами и бунтами. Но строительство, да еще не мѣщанское, топчущееся на мѣстѣ, а изобрѣтательное, с творческим размахом, почти что не было и нѣт.

И ничѣ все еще всѣ ожидают спасеніе от старых и новых богов, от диктатур и наддиктатур пролетаріата, от добрых Естественных Процессов, от Новых Мессій, от конца времен, от мірових боен крахов, от новой эсхатологіи и новаго мессіанизма, называемаго мірової революціей и т. д., и т. д.

Все жгут откуда-то с гор, с небес, с Европы, с Азіи, от богатых дядюшек, пролетаріатов, от Марксов и Анти-Марксов,—но от себя самого, от реальнаго творчества, от истинных изобрѣтеній и благоустройств, от реальной положительной и созидательной работы, от соціальной техники—от нея никто ничего не ждет, ибо она не шарлатанит, не колдует партійными теоріями, совѣтскими рѣчами и резолюціями.

Почему же мы не обращаемся к истинному реальному смыслу человѣчества, общества?

Потому что слѣпы, одурманены, отуманены. Потому что мы живем в эпоху соціальных психозов, соціальнаго дурмана, соціальнаго аскетизма.

Как в христіанствѣ, так и в марксизмѣ внутри глубоко сочат его почернѣвшія раны, сочат ядом, отравой мрачнаго пессимизма эсхатологическихъ мірових крахов и катастроф, которыя берут свое начало, свой первоисточник, черпают свою силу в нездоровом весь изрѣченном, изъязвленном, зачумленном диким, нелѣпым варварским міром тѣлѣ реакціоннаго анархизма.

Правда, уже зарождается новый анархизм, положительный, творческій, здоровый. Но ему тяжело дышать, кругом отравленные газы соціализма и реакціоннаго анархизма, представляющіе собою буржуазную угнетательскую заразу на пролетарской улицѣ, на улицѣ Пяти Угнетенных.

И больше вреда принес угнетательскій мір своей религіей и наукой, своим духовным угнетеніем, своими духовными тюрьмами, чѣм физическими. И больше, чѣм религія и наука, несет гибель Угнетенным пессимистическая зараза, соціальный аскетизм.

Смерть смертей—это соціальный аскетизм. Голод, разруха, болѣзни—а народ кормят небылицами о міровой революціи. Народ пухнет и дохнет, дохнет как скот—его кормят соломой, приправленной эсхатологіей Карла Маркса и Ленина...

Эта смерть, это медленное вымираніе, этот соціальный аскетизм марксизма-ленинизма есть лишь одна колодезь отравы, которий несет нам соціальный пессимизм, реакціонний анархизм.

Эта смерть лежит в средневѣковом аскетизмѣ. Эта смерть говорит к нам языком любви, ангельскими языками о спасеніи из Евангелія. Эта смерть манит нас к себѣ своими обманными обѣщаніями счастья, нирваны, біологической и соціальной, из монашества, из буддизма, из шопенгауэризма, из реакціоннаго анархизма, из толстовства, из толстовскаго отрицанія жизни и техники. Эта мрачная бездна небытія, исчезновенія зовет нас к себѣ, предлагает свое небытіе, свое умерщвленіе цивилизаціи, как отвѣт на всѣ проблемы жизни. Эта смерть говорит языком вѣчной жизни, манит нас, тянет непреодолимым образом из произведеній Толстого.

Он самый опасний для нас из проповѣдников смерти, смерти цивилизаціи, ибо он говорит языком будущей жизни, языком Анархіи. Но он дает Анархію в смерти, а нам нужна *Анархія в жизни для жизни.*

Не мы для Анархіи, а Анархія для нас. Анархія, кот рая возвращает нас к соціальному небытію или простому толстовско-буддистскому бытію, нам не нужна.

Мы строители жизни, а не смерти! Мертвецы Толстого и терроризма! хороните ваших мертвых—а нам нужна сверх-жизнь, біологическая и соціальная!

XX.

Впередъ и назадъ.

Основная характерная ошибка Толстого, присущая обыкновенно всѣм слабым смертным, разочаровавшимся в настоящем, это возврат к прошлому. Этот шаг лежит по линіи наименьшаго сопротивленія. Узрѣв мерзость и пошлость современной дѣйствительности, они удирают к прошлому, ударяясь в романтику. Когда они убѣждаются в негодности новозаведеннаго, они не пробуют перейти, перекинуть мост к новѣйшему. Добредя с большим трудом и опасностями до новаго края, и находя его непривлекательным, они охая и кряхтя, со всѣм скарбом пускаются сразу разочарованными в обратный путь, не желая испытать свое счастье дальше, не давая себѣ и труда забраться поглубже в эту новую страну, и нечего говорить о том, чтоб перебраться через нее в еще болѣе вдалилежащій край, который, быть может, и таит в себѣ вождѣленныя прелести путешественника. Это слабость Толстого, романтика религіи. Разочаровываясь в наукѣ, Толстой не смѣл помышлять о новой занаучной цивилизаціи, а сразу повернул на стезю праотцов, на стезю Христову. Так дѣлают русскіе люди, среди которых так много юродивых религіи. Они напоминают только что вырвавшихся из Египта іудеев, бѣгущих, при всякой неудачѣ в пустынѣ, обратно в египетскій дом рабства.

XXI.

Толстой и техника.

Толстой видѣл, что современная наука и угнетательна и ложна, и он вернулся к суевѣрію христіанства. Но с Христом его сродняет лишь одна черта, нравственный монизм и отсутствіе философско-космическаго взгляда. Толстой замѣтил злоупотребленіе современной техникой и недостатки ея, и он махнул рукою на нее, на истинную благодѣтельницу человѣческаго рода, на истинную выразительницу мощи, воли и творчества человѣка, на подлинную освободительницу угнетенных, призванную освободить их и от предразсудков и суевѣрія религіи, и от предразсудков и суевѣрія науки, и от всѣх соціальных зол, от всѣх пяти угнетеній современнаго общества, и от зла и угнетенія, что в себѣ, т.-е. от безнравственности, от разврата, алкоголизма и проч. Человѣчество должно не остановиться на мѣстѣ и не пятиться назад к могилам прошлой глупости, варварства и преступности, поклоничать к гробам господним, к старым обманщикам и шантажистам, уже столько тысячелѣтій одурачивавшим его, кормя его иллюзіями, призраками неба или призраками земли, а итти вперед по пути реальнаго, свободнаго от всякаго нытья и романтики

творчества и созидательства новой жизни, новаго общества, новой цивилизаціи, новаго міра, новаго тѣла и новаго духа.

Если современная техника нас не удовлетворяет, она дала копоть и грязь современной фабрики, то нужно перейти к новой технике, к чистой технике, к сверхтехнике, к Пантехнике. Если паръ закоптилъ намъ наши города, загрязнилъ намъ нашу жизнь, то нужно послать его къ черту, замѣняя электричествомъ, что отчасти и происходитъ. Желѣзныя дороги должны перестать пользоваться паромъ, а электричествомъ. Но и на электричествѣ не слѣдуетъ остановиться, а нужно перейти къ еще лучшимъ средствамъ, къ *болѣе полезнымъ и болѣе гигіеничнымъ.* В том-то и все благо техники, что она не знаетъ *кумировъ, классиковъ*, божковъ, она вѣчно свободна, вѣчно революціонна, свободна и отъ собственныхъ божковъ. У нея нѣтъ своего Аристотеля, который написалъ бы свою логику—и баста, и кто не согласится с нимъ долженъ быть сожигаемъ на кострѣ, какъ это практиковалось въ средневѣковье. У нея нѣтъ и своего модернаго англійскаго Аристотеля, Ньютона, который бы начепухилъ о какомъ-то законѣ тяготѣнія, о какой-то инерціи, и кто не соглашается с его сумбуромъ рискуетъ попасть въ сумасшедшій домъ, какъ это былъ случай с нѣмцемъ Майеромъ. У нея нѣтъ и своихъ Моисеевъ, которые бы написали какую-то библію, с которой начинается (какъ вѣруютъ ея фанатики) культура и которой кончается, и что бы не писалось, не творилось послѣ, все равно в пятикнижіе, в библію не попадетъ, какъ бы хорошо, какъ бы геніально оно и ни было. Все, что за нею, не можетъ сравниться с нею, оно клеймится, какъ отбросы, какъ лишнее, какъ апокрифы. У нея нѣтъ и своихъ Христовъ, которые раз спасли человѣчество и для того, чтоб его вторично спасти (ибо оно все равно осталось несчастнымъ и послѣ мнимаго искупленія и спасенія) онъ долженъ непремѣнно появиться еще разъ, украсть у заснувшаго ангела пару штановъ (ибо Христосъ какъ богъ, да к тому отчасти еще языческій навѣрное наг) придти на грѣшную землю, чтоб быть опять распятымъ, какъ Христосъ, или распинать другихъ, какъ дѣлали наилучшіе и правовѣрнѣйшіе его ученики в родѣ Торквемадо. У Пантехники нѣтъ и ея Кантовъ, которые бы раз, живя в каком-то захолустьѣ вродѣ Кенигсберга, осчастливили бы, изъ своей берлоги, все человѣчество на всѣ времена своей „Критикой чистаго разума“, послѣ чего все должно выйти изъ Канта и вернуться к Канту. У нея нѣтъ и своихъ Марксовъ—Энгельсовъ со своими апостолами, вродѣ Каутскаго и друг., непризнаніе которыхъ угрожаетъ вѣчными муками в аду мелкой—буржуазности, т.-е. мытарства. У нея нѣтъ ни инквизиторовъ, ни Торквемадо, ни Ленины. Она не нуждается в насиліи, какъ религія и наука, ибо ея плоды слишкомъ очевидны. Она даетъ такой чудный рай на землѣ, какъ нѣкогда, в самой ранней своей молодости, обѣщала его религія и наука, и потому никого не насилуетъ, ибо никто не намѣренъ удрать изъ ея рая. Насиліе и принужденіе, ангелы религіи и науки с саблями в рукахъ, нынѣ охраняютъ ея ворота, но лишь для того, чтоб бѣдный людской родъ не попалъ туда, не кушалъ бы отъ плодовъ ея, не отвѣдалъ бы отъ плодовъ ея истиннаго древа знанія, отъ древа дѣла, чтоб онъ не узналъ ту великую истину жизни, которая еще современемъ уничтожитъ, побѣдитъ смерть,— что истинное знаніе—это дѣло, что

истинная религія и наука одна—техника, а главное, чего испокон вѣковъ опасались всѣ мракобѣсы религіи и науки, это то: чтоб человѣкъ, отвѣдавъ отъ него, не издѣвался надъ богами и природами...

XXII.

Освобожденіе техники.

Техника, предоставленная самому себѣ, не закабаленная религіей или наукой, не можетъ знать и не будетъ знать никакого застоя, никакого классицизма, тѣмъ болѣе псевдоклассицизма. У техники нѣтъ никакого тяготѣнія къ старинѣ, она не льнетъ къ шаблонамъ, не застываетъ, окоченѣваетъ на авторитетахъ. Она не знаетъ никакихъ проторенныхъ дорожекъ, ибо ея геній, ея символъ и гербъ—это молнія творчества съ его причудливо-прихотливыми, произвольно-капризными зигзагами. Ея девизъ: „вѣчно впередъ, вѣчно ввысь! только не стой, только не покой, только не прямолинейно, только не по одному направленію". Такъ она есть. Она движется по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ измѣреніямъ. Она вѣчно недовольна прошлымъ, для нея не существуетъ никакого отдыха въ настоящемъ, а творитъ она новое, будущее, не мессіанское, не лживое, игривое, не обманное, туманное, а реальное, дѣйствительное, практическое, чувственно-мускульное. Ея основа, начало и не конецъ (ибо конца у нея нѣтъ) это *изобрѣтеніе*, а что такое изобрѣтеніе, если не созиданіе новаго, небывалаго!

Революціонность, вѣчное созиданіе, вѣчное творчество—это ея стихія, ея нутро, ея сущность, ея душа. Ея дыханіе—аромат революціи. Она вѣчно-непокорная, вѣчный бунтарь, возставшій противъ всѣхъ боговъ и природъ. Она и только она на зарѣ исторіи похитила огонь у неба, а нынѣ пытается отдать намъ само небо—воздухоплаваніемъ. Она отвоевывала раньше землю отъ боговъ агрикультурой и промышленностью, а нынѣ отвоевываетъ землю и небо отъ природъ, создавая намъ истинное царство небесное въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ. *Но не черезъ гробъ Христа мы попадаемъ на небо блаженства и счастья, не обратно внизъ въ гробъ религіи, а вверхъ въ вольный Воздушный Городъ пантехники.* Не одурманить себя кокаиномъ вымысла, а освѣжить себя живой реальной водою техники. Не убаюкивать себя, утѣшить себя обманомъ, прикрыть свое ничтожество и безсиліе вымышленной религіей загробной жизнью, а создать себѣ вѣчную негробную — надгробную жизнь. Замѣнить туманно-призрачную, блѣдно-чахлую *надземность* религіи, истинной *реальной надземностью* техники, не фиктивнымъ переселеніемъ душъ, а *дѣйствительнымъ переселеніемъ и душъ, и тѣлъ, въ воздушное пространство.* Мы не должны и удовлетвориться новымъ обманомъ, обманомъ науки, мошеннически замѣнившей загробную вѣчную жизнь новымъ призракомъ: жизнью въ будущемъ, въ будущихъ поколѣніяхъ, въ видѣ, въ человѣчествѣ, въ неумирающемъ космосѣ, въ вымышленныхъ атомахъ, эѳирахъ и проч., и проч.

И счастье, и бессмертіе, и здоровье, и радость мы должны имѣть в настоящем, в реальном, в дѣйствительном, и не только в человѣчествѣ, не только в потомствѣ, а в нас самих. Нам нужна вѣчная жизнь и царство (вѣрнѣе, безцарствіе, Анархія) небесное. К обоим мы тяготѣем вот столько тысячелѣтій. Но кто его нам даст, воистину даст?

Его может дать и даст одна лишь Пантехника.

Біотехника (техника живых организмов) должна и даст нам, наконец, *бессмертіе*, как ея сестра физотехника уже начинает давать нам *царство небесное*, вѣрнѣе, анархію небесную, не на фантастических крыльях муз, а на могучих воздухопокорителей-аэропланов.

А если царство (sic!) небесное Христа нам уже отчасти дает воздухоплаваніе и окончательно даст в конец вѣка, в „конец дней" наших на землѣ, т.-е., когда совершится великое переселеніе наше в воздух, то кто же (не его противорѣчивость, а его, должен нам дарить царство (sic) будущаго Маркса, вѣрнѣе анархію будущаго, если не ея сестра—Соціотехника, великая ковательница соціальнаго счастья!

Но „дарить" у Техники означает творить. Никакой любвеобильный бог нас не избавит, не искупит наших соціальных грѣхов, ибо сам он наш вымысел, никакая природа никакими естественными процессами нас не приведет в царство будущаго, ибо сама она наша выдумка. Все это лишь сдѣлаем сами, но не религіозным фанатизмом и партійными дрязгами и научным крючкотворством, а революціонным строительством, Соціотехникой, и соорудим мы не противорѣчивое царство будущаго, а безцарствіе, Анархію настоящаго.

И потому наш девиз: *не на мѣстѣ с наукой и не назад к религіи, а вперед к соціотехникѣ*, к изобрѣтенію и созданію новаго общества, лучшаго, болѣе совершеннаго, совершенно новаго, которое ничего общаго, никаких точек соприкосновенія со старым не будет имѣть.

XXIII.

Пренебреженіе техникой-соціотехникой.

Однако, мы забѣжали немножко или много вперед. Нам тут не важно сказать, *что* нужно дѣлать, а *чего* не нужно дѣлать, не утвержденіе наших взглядов, а раскрытіе тяжеловѣсно-научных обманов и разбитіе тонко-хрупких иллюзій, сбивших и себя и других с пути реальности, с толку дѣйствительности, не знавших стези соціотехники.

А это совершенно нетехническое отношеніе к обществу у Карла Маркса или полное пренебреженіе техникой у Толстого, помыканіе ею, практикуемое всѣми мыслителями всѣх времен и народов и недопѣненіе ея даже самими ея профессіоналами-техниками, есть величайшее зло всей нашей культуры, которое превращает ее в некультуру, обусловливает торжество суевѣрія и варварства в нашем якобы цивилизованном обществѣ. Широкая свободная техника уже давно могла бы превратить наше жалкое существованіе и прозябаніе в

блаженство, искоренить болѣзни, и если неокончательно упразднить смерть, то, по крайней мѣрѣ, удлинить нашу жизнь до невѣроятности. Но что же говорить об удлиненіи нашей біологической жизни, когда мы живем в юдоли плача из-за несовершенства нашей соціальной жизни. Это вѣчная грызня, грызня всѣх со всѣми — развѣ это жизнь, настоящая, счастливая, манящая; это же одно пребываніе в сумасшедшем домѣ!

Неудивительно послѣ этого, что люди чувствительные, с высокоразвитым нравственным чувством, впадают в какой-то жуткій фанатизм, производят над нашей жизнью, над собою, страшное безпощадное самоискалеченіе, самоотсѣченіе, доведя себя чуть-ли не до умопомѣшательства, до моноидеизма, кастрируя и космос, и себя, воплощая, вкладывая многогранную, безконечнѣйшую нашу жизнь в одну точку, низведя весь океан на одну волну, на одну каплю.

Эта капля у Христа называлась церковно-государственной магіей, нравственностью, у Толстого—анти-церковной и анти-государственной нравственностью, а у Маркса — политической экономией, моно-экономизмом, у Бакунина—политикой, моно-политизмом, у Штирнера—Единственным.

Непониманіе духа жизни, духа дѣйствительнаго, истиннаго „духа земли“, духа техники, практической, фактической, безконечно-образной, безконечно-сторонней, безконечно-гранней, безконечно-волнистой *), сдѣлало из всѣх этих людей, стремившихся быть революціонерами, догматиками-фанатиками, мономанами, и, наконец, еще вдобавок, реакціонерами (исключая одного лишь Бакунина; но то, что не проявилось в Бакунинѣ, проявляется в бакунинцах).

Архи-революціонность Бакунина вытекает из его политизма (см. ст. „Уроки революціи“, в которой указываем, что всякая революціонность есть заимствованіе и подражаніе политической революціонности. Революціонность есть анти-политизм, как революціонность духа есть анти-логизм. Послѣднее объясняет нам и то, почему Бакунин был *реакціонером духа*, еще худшаго, чѣм Маркс. *Мнимая-же революціонность духа Толстого есть реакція*: отрицаніе науки ради возврата к религіи. Большим революціонером духа был Ницше, но и он попал *не в анти-логизм*, а чрез него—в сверх-логизм, в сверх-разум, а в *алогизм*, а чрез него в *под-логизм*, в сниз-разум и в потемки разума, в мистику. И потому его сверх-человѣк *стал сниз-человѣком духа*.

Они стремились к вѣчно-катящимся волнам океана революціи, и попали в стоячее болото эволюціи и реакціи.

---

*) Замѣч. Считаем нужным замѣтить, что всѣ эти выраженія нужно понять лишь фигурально, ибо наша теорія познанія, становясь на точку зрѣнія „міра в себѣ“ не признает никакого монизма и никакого плюрализма, так что „мір“ не один и не множествен. См: „Первый Цэнтральный Соціотехникум“, стр. 9. „Мір и число несоотносительны“). Тут мы лишь пользуемся языческим психическим мірозоззрѣніем для лучшаго оттѣненія абсурдности монизма, как и наоборот, для доказательства наивности язычества мы пользуемся, обыкновенно, іудейскими и нѣмецкими методами, чѣм думаем провалить оба мірозоззрѣнія, одинаково ложных, по нашему.

Маркс думал быть революціонером, и оказался самым заядлым эволюціонистом, топтателем на мѣстѣ, консерватором.

Толстой думал пойти впередъ, и раком пошел назад. И этот колосс всеотрицанія, в сравненіи с которым Маркс смотрит жалким пигмеем обывательщины и мѣщанства, попал втупик своей непротивленческой тактикой, неклеящейся с его всеотрицаніем.

XXIV.

Трагизм Толстого.

И еще трагичнѣе положеніе великих революціонеров, искавших, но не находивших, желавших вырваться из тисков современщины и рабства, но не умѣвших. Прикованным Прометеем был Толстой. Его грудь расклевал хищный орел науки, он знал, он чуял в нем врага, он видѣл в нем свою духовную смерть, но сознавая свое безсиліе, свою немощь, он пал в обморок религіи, в цѣпенящія мертвыя объятія Христа, опустился в темную бездну мистицизма и юродивости.

Воистину во всемірной исторіи нѣт болѣе трагической фигуры, чѣм Толстой. Он трагичен, он также жаждет освобожденія от всѣх тисков, от всех пут, как русскій народ, и также безсилен реализовать свою волю к полной свободѣ, как он.

Толстой мученик, мученик своей великой нравственной идеи. Он болѣе жалок Христа, ибо Христос был физически распят, он же духовно-идейно распят, и кѣм? — Христом. Может-ли быть участь болѣе суровая, болѣе жалкая, болѣе трагичная этого умнаго, с необычайным мужицким здравым смыслом, отдавшим себя, всю свою культурность, европеизм, весь его разсудок, при полном сознаніи, на съѣденіе суевѣрію, мраку, сумбуру, умопомраченію, изступленію—все во имя его великой нравственности!

Если Христос был распят в один пріем, но Толстой подверг себя духовному самоумерщвленію, тяжелому медленному духоугашенію. Его крест был потому тяжелѣе креста Христа, ибо у Христа убили плоть, а Толстой сам убил свой дух, совершив духовное самоубійство. Его дух умер медленной неописуемо-мучительной смертью. Он мученик, великій мученик неурядиц нашей соціальной жизни, наших соціальных безобразій и мерзостей.

Он отдал свой дух на съѣденіе гнилым червям, он живьем похоронил себя в Ясной-Полянѣ, уподобив ее гробу господню. Это его своеобразная Голгоеа.

Мартирологія разсказывает, что мучители клали снѣг на тѣло, на грудь сожигаемых ими жертв, мучеников. Толстой сам себя осудил на эти вѣчныя муки: сам поджигая себя огнем мракобѣсія, устраивая для себя костер, сам и клал себѣ на грудь или на мозг снѣг русскаго, просто-мужицкаго здравомыслія. Трезвыя, хладно-разсудительныя, почти льдяныя нити, мѣстами растаявшія от адскаго огня

приступов безумія и образовавшія мокрыя полоски, лужицы мути, покрываютъ все тѣло его духа, который весь горитъ бѣлымъ огнемъ. „Исполнить волю Того, который послалъ тебя туда“—умопомѣшательски шипятъ огненные языки, лижущіе сугробы снѣга русскихъ тревныхъ полей.

Мы не намѣрены бить лежачаго, осмѣивать великую трагедію Россіи, отшатнувшейся отъ Европы, отъ ея мнимой культуры разбоя и мерзости, но которая не была въ состояніи, изъ-за нехватки силъ и творческой смѣлости, создать или, по крайней мѣрѣ, провозгласить *начало новой цивилизаціи*, въ лицѣ Толстого.

Толстой великій трагикъ, онъ побѣжденъ, какъ нынѣ Россія, но онъ войдетъ въ пантеонъ будущаго человѣчества, какъ непростительная жертва европейскаго варварства.

Онъ жертвою палъ, жертвой европейской преступности и глупости!

XXV.

Отказъ отъ европейской цивилизаціи.

Многіе въ Европѣ пробовали стряхнуть съ себя подлую европейскую лжецивилизацію, но не могли. Молніеобразные умы, львиныя сердца пытались прорубить ледъ европейской тупости, прорубить окошко въ ея китайщинѣ, просѣкать гущу мрака ея науки, сорвать корону съ головы ея лжецивилизаціи и одѣть на нее дурацкій колпачекъ, потушить звѣзду истины, лживогорящую на ея мѣдномъ лбу и заклеймить его черной каиновой печатью—эта попытка была сдѣлана нѣсколько разъ, но неудачно. Тутъ славные имена Руссо, Штирнера, Ницше и Толстого. Это великіе бунтари культуры, возставшіе противъ европейской цивилизаціи всей своей невиданной неустрашимостью и неслыханной рѣшимостью. Грандіозный былъ бой, поединокъ на смерть; смертоносное оружіе было въ рукахъ великихъ бойцовъ, но лютая европейская цивилизація, вертлявая колдунья, отпарировала всѣ ихъ удары. Отъ тяжелаго боя герои духа вышли духовно-искалѣченными, изуродованными. Слишкомъ засѣла эта цивилизація въ нихъ самихъ, и дѣлая тяжелую операцію надъ самимъ собою, надъ собственнымъ мозгомъ, они его повредили. Ницше дошелъ до полнаго упомѣшательства, взявъ на себя самую трудную задачу—культурное освобожденіе, освобожденіе отъ науки. Недаромъ мракобѣсы науки говорятъ объ основахъ науки, о причинности, о природѣ, какъ о постулатахъ, какъ объ инаконемыслимостяхъ. Такъ, очевидно, боролись когда-то люди недюжиннаго ума съ религіей, съ богомъ и не могли ихъ превозмочь. Въ талмудѣ по поводу этого сохранилось нѣсколько легендъ, повѣствовавшихъ о трехъ вошедшихъ въ виноградникъ (виноградникъ высшей тайной божественной мудрости): одинъ именемъ Бенъ-Зома съ ума сошелъ, второй—испортился (hezi veniphga), т.-е. сталъ эпикурейцемъ (талмудъ его обыкновенно не называетъ по его имени Элиша бенъ Абуя, а позорной кличкой: acher, означающій буквально

другой, т. е. отщепенец), а лишь третій вошел цѣлым и невредимым и вышел цѣлым и невредимым.

Толстой, возставшій не столько против культурных начал европеизма, как против его соціальных основ, и, к тому, не бывшій так тѣсно неразрывно связан с европейской наукой ни душою, ни глубоким знаніем ея, не с ума сошел в буквальном смыслѣ, а в переносном, дегенерируя на степень юродиваго, мистика, проявляя всѣ симптомы болѣзни религіознаго атавизма, страдая той же болѣзнью, а именно этомоманіей, что у Христа, только с анархизмом вдобавок.

XXVI.

Аскетизм и монизм.

Аскетизм, умерщвленіе тѣла, отвращеніе к чувствам, к этим проводникам грѣха, посредникам распутности, как их называет талмуд, пригвоздившій к позорному столбу глаз и сердце — „двух маклеров грѣха, schene sarsure dechet, ибо глаз видит и сердце желает“, что находится в полном согласіи с евангельским совѣтом, вырвать соблазнившій глаз,—прямо ведет к монизму. Высшая добродѣтель монотеистической морали это теоморфизм, богоуподобленіе. „Будьте святы, ибо свят ваш бог,“—говорит Моисей. „Будьте совершенны, как совершенен ваш отец небесный,“ — перефразировал его по-своему Христос. Но у обоих было одинаковое стремленіе, у обоих было одинаково стремленіе к единству, которое у Христа ушло, еще гораздо дальше, чѣм у Моисея и приняло самыя уродливѣйшія абсурдныя формы, какія только можно было бы себѣ представить. И моисеевская святость, и христосовское совершенство сводилось к единству. Содержаніе и сокровенный смысл обоих призывов свелся к одному: *будьте едины, как един ваш бог!* Правда, единство моисеевскаго іудея стояло под большим вопросительным знаком, слишком много соблазнов еще было для него во внѣшнем мірѣ, которые совратили частехонько с божьей стези, с пути истины, со тропы единства. Но іудей, аскет послѣдних дней іудеи, уже достиг почти совершенства в дѣлѣ умерщвленія своей плоти, своих чувств, своего многообразія и сведенія их к единому святому духу. Моисеевское сведеніе многообразія внѣшняго міра к единому уже было для него пройденной ступенью, анахронизмом. Христосовскій іудей работал уже над другой задачей; давно справляясь со внѣшним міром, давно пріучая себя удостоить его презрительнаго, субъективнаго, лирическаго плевка, он работал над задачей сведенія многообразія своего тѣла к единому духу, а единый дух— к единой добродѣтели—любви к ближнему. И напрасно думают нѣкоторые, что христіанство есть возврат к язычеству, к многобожію, к политеизму и множеству, полизму вообще. Мы же видим, как раз наоборот, что монизм христіанства гораздо безудержнѣе, крайнѣе и

всеуродѣе монизма іудейства. Христіанство есть монизм, граничащий с полным умопомѣшательством или, вѣрнѣе, и есть умопомѣшательство. Больные и тѣлом и духом, юродивые, экзальтированные, маніаки, страдавшіе от навязчивой идеи, люди, находившіеся в ненормальном состоніи, в экстазѣ, созерцавшіе тріединаго бога и слившіеся с ним, одержимые, буквально жившіе во Христѣ, вѣрнѣе, обитаемые Христом, т.-е. святым духом, конечно, а не отцом и матерью. Умерщвленіе тѣла, аскетизм был слѣдствіем стремленія к единству, к совершенству (ибо единое цѣло и совершенно) и служило надежным средством достиженія послѣдняго. Калѣча тѣло, бичуя и мучая себя, умерщвляя грѣх, эти безумцы незамѣтно для себя умертвили и свой дух, и свою добродѣтель. И не даром дух буддизма, дух пессимизма, рѣет над христіанством, его ангел-хранитель—это ангел смерти: чуткое ухо всегда слышит в шелестѣ его крыльев мертвое дуновеніе смерти. Самоубійство, буддійское самоупраздненіе,—вот что замаскированно выступает пред нами в христіанствѣ, так же как шопенгауэровскій пессимизм говорит нам устами толстовскаго непротивленія. Мы дальше укажем, что истинное непротивленіе, т.-е. мирное строительство без грызни классов, полов, поколѣній, групп, націй и индивида с обществом дает лишь соціотехника, и дает она не чрез смерть, чрез самоупраздненіе, а чрез самовозвышеніе или самовновьтвореніе, чрез жизнь, словом чрез положительное, а не отрицательное. Толстовское непротивленчество, не изобрѣтающее, не создающее ни новаго человѣка и ни новаго общества, а умерщвляющее старое общество и стараго человѣка есть простое самоубійство—убійство тѣла и убійство духа. Так что завѣтная мечта Толстого, о которой он разсказывает нам в его исповѣди, сбылась, — он себѣ дѣлал духовное харикири, посредством возврата к суевѣрію, к мракобѣсію и нравственной мономаніи. Он старался убить и свое тѣло, но здоровое его тѣло не далось. Толстовство, таким образом, есть лишь нравственный штирнеризм — марксизм — монизм — бакунинизм, как послѣдній есть лишь шопенгауэровскій политизм, иначе—политическій шопенгауэризм.

XXVII.

Соціальный аскетизм или соціомагическій революціонизм.

Как аскетизм был отличительной чертою христіанскаго средневѣковья, так и нынѣшнее или наступающее марксистское средневѣковье стоит под знаком соціальнаго аскетизма, умерщвленія соціальной плоти. И, в сущности, прилагательное „соціальный" здѣсь лишне, ибо и в христіанствѣ аскетизм не был чисто біологическим, как и нынѣ соціальный аскетизм ведет и к біологическому аскетизму, к голоду, разрухѣ, к замѣнѣ хлѣба овсом, явленія, имѣющія и непосредственную связь со смертью, с тифом. Мы являемся нынѣ свидѣтелями всеобщаго массоваго психоза, одурманиванія себя соціомагическими химерами,

который, безсомнѣнно, будет имѣть пагубныя послѣдствія не только своими безсмысленно и безполезно унесенными в могилу жертвами, но и тѣм разочарованіем и реакціей, которые он влечет за собою. Нужно во время принять мѣры к предупрежденію этого зла, худшаго чѣм смерть, ибо оно испортит нам жизнь, не извлекая даже необходимой пользы из принесенных жертв, не получая необходимаго нам на благо, для жизни урока. Нужно раз навсегда заявить и дѣлать это убѣжденіе необходимым достояніем всякаго культурнаго человѣка, что средніе вѣка были нам опаснѣе вызванной ими реакціей, тѣм разнузданным разгулом, который послѣ выступил под маской „возстановленія прав плоти".

Европа нынѣ находится в полосѣ соціологизма, практическим слѣдствіем котораго являются соціальныя сотрясенія. Разрушительный психоз охватил цѣлыя страны, чуть ли не части свѣта. Так называемая міровая бойня унесла в могилу милліоны людей, ожидавших от нея, в своем европейском мессіанском суевѣріи, избавленіе человѣчества. Несмотря на то, что это нелѣпо, что это безсмысленно, так как всѣм должно было быть ясно, что от смерти жизни не получится, все-таки люди продолжают вѣрить в мессіанство и спасительство міровых боен, вѣруют в соціомагію, умѣющую кудеснически превратить несчастье в счастье, смерть—в жизнь, отрицательное—в положительное.

Мы не можем здѣсь остановиться подробно на этом интересном вопросѣ: гдѣ источник этого заблужденія? Все же не преминем указать вскользь, что тѣ, которые знакомы с нашим взглядом на магію, как на соціомагію, т.-е., что всякая магія основана на отожествленіи соціальнаго и физических міров, так что всякая магія являетея соціомагіей, сразу найдут в этом взглядѣ ключ на всѣ прихотливыя странности магіи. Магія, как всѣм извѣстно, основана на *аналогіи* и на *контрастѣ*. Что оба руководящія начала магіи являются и простыми психоморфизмами, т.-е., отожествленіем своего психическаго (ассоціацій по сходству и по контрасту) с космическим, физическим, для нас общепонятно. Но мы хотим указать, что эта магія имѣет и соціоморфическій характер, в солидарности (кооперації) и антагонизмѣ соціальных интересов. Волшебная магія, являющаяся в основѣ своей соціомагіей, и могла потому смѣло создать такое, кажущееся нам таким странным міровозрѣніе о кудесническом превращеніи несчастья в счастье, отрицательнаго в положительное и т. д. Он видѣл, что смерть своего врага означает его жизнь. Как обыкновенно говорится в библіи и во всѣх древних книгах: kaascher samam, что означает, что он думал дѣлать мнѣ, я дѣлаю ему. (Ср. Синукет, стр. 25).

Значит тут разницы по существу нѣт, а лишь, так сказать, в направленіи, что мы называем отрицательным и что положительным. Этот соціомагическій принцип принимает этомагическій характер в извѣстной поговоркѣ готтентота: „если кто-то отнимает у меня жену, то это—зло, а если я отнимаю у другого, то это—добро". И напрасно, обыкновенно, так насмѣхались над этой наивной этикой, которая есть лишь приложеніе начала магіи в области нравственности, начала, являющагося руководящим и для всей нашей цивилизованной Европы и понынѣ в

области соціальном. Вся современная соціальная жизнь основана на этой магіи превращенія зла в добро тѣм, что зло постигает другого и тѣм становится для меня добром.

Как древній дикарь—маг не хотѣл трудиться, работать, создать *механически* новыя богатства, а лучше *магически* их пріобрѣсть, т.-е. путем магическаго превращенія *чужого в свое*. Он и ружье да стрѣлы полѣнивался дѣлать, а лучше подстерег кого-то, схватил его и, таким образом, магически, сразу стал героем, великим кудесником, превратившим *смерть*, оружіе вражеское, в *жизнь*, в оружіе для своей защиты.

Так нынѣ европейскіе дикари, соціомаги, народы и классы, вмѣсто того, чтоб видѣть свое счастье в созданіи богатств, в реальном созидательствѣ, в техникѣ, они лучше прибѣгают к легкой наживѣ соціомагіи, мигом превращающей, без особых усилій и труда, а лишь подверженіем себя минутной опасности, возможности смерти, народ угнетенный, бѣдный, мелкій в господствующій, владѣтельный и класс бѣдных—в диктаторов. Есть ли разница между первым дикарем и вторым? Никакой. Мѣсто человѣка и племени занимает нынѣ нація и класс.

Но как первый дикарь—маг, так и второй дикарь—маг не видит и не замѣчает, что сумма благ, сумма накопленнаго труда посредством этих магических превращеній все уменьшается, израсходуется. И если бы им было израсходовано столько энергіи на мирную технику, чѣм на воинственную магію, если бы он лучше дѣлал лук сам и пошел бы на охоту, то увеличил бы общую сумму благ и подвергся бы меньшей опасности. Но как нельзя было вразумить древняго соціомага, так и нынѣшняго. Его манит издали красивый пучек волос на головѣ врага... Он бросается на него, забывая опасность. Стоит ли это? Вѣдь, он может быть убитым. Потерять все? Но в этом вся суть магіи, которая и лежит в азартной игрѣ: выиграть все, или, потерять все! Да при том еще убитый, конечно, больше не воевал, а воевал побѣдитель, т.-е. соціомаг, умѣющій превратить зло, отрицательное имущество—в добро. Он воевал, пока не пал. Тогда, конечно, перестал...

И нынѣ все обстоит так же. Стоило ли не то что Германіи, но даже Франціи, и даже Великобританіи и, быть может, Америкѣ устроить эту бойню? В конечном счетѣ, всѣ проиграли, и та и другая сторона. И нѣт сомнѣнія, что если бы не соціомагія, если бы эти народы занимались бы лучше положительным созиданіем, техникой, обѣ стороны были бы и счастливѣе и богаче.

И сказанное оправдается не только по отношенію к войнѣ, но и по отношенію к революціи. Поставьте класс на мѣсто націи и выйдет то же самое. Как не стоило устроить бойни, как послѣ всякой такой драки, обѣ стороны и побѣжденный и мнимый побѣдитель выходят с потертыми боками, так и послѣ революціи (не соціогенетической, мирной). Столько жертв, обѣ стороны изнурены, обезкровлены! голод, разруха, тиф, очереди на кладбищах...

Все это плод соціомагіи, желанія превратить разрушеніе в созданіе, *захват* в *пріобрѣтеніе*.

Реакціонный анархизм—спасибо ему за то!—доводит все это до абсурда, т.-е. до логически послѣдовательных предѣлов. Но напрасно

он мнит себя монополизатором или открывателем этих благ. Этот мнимый анархизм не видит, что он кость от кости буржуазнаго міра зла, міра отрицательнаго, разрушительнаго. Начало разрушенія и есть начало всей варварской цивилизаціи от первобытных времен до наших дней. Это начало дикости, начало Смерти.

Эта смерть имѣет два вида, оба вредных, оба одинаково предосудительных, одинаково антиморальных, хотя один обыкновенно выступает в моральном облаченіи, именно, в сверх-морали, в непротивленчествѣ.

Тут предтобою альтернатива разрушенія: *или разрушь других* (анархизм-терроризм, бунтарство) *или разрушь* себя (толстовство).

Но оба одинаково основаны на соціальном аскетизмѣ, на отказѣ, на разрушеніи. И им обоим должна быть противоставлена обратная не-альтернатива:

И не разрушеніе других, и не разрушеніе себя!

Вмѣсто „или" „или" человѣчество, раньше или позже, поставит положительное, пантехническое созиданіе: *Не аскетизм тѣла, и не аскетизм духа, и не аскетизм соціальный*, а созиданіе, и пересозданіе, и тѣла, и духа, и общества, и міра Пантехникой.

Послѣ краха и разочарованія в соціомагіи, в панмагіи, мы должны стараться, чтоб человѣчество не перешло к новому язычеству, к возстановленію прав плоти, к обновленному старому разврату, к старому буржуазному злу в новом видѣ, а к новому положительному созиданію.

От соціальнаго аскетизма и убійства к Соціотехникѣ, к строительной положительной морали,—от онесчастливленія себя или других к осчастливленію себя и других!

Что лежит в основѣ всякаго аскетизма?

Магія, гегемонія отвлеченной идеи, теоріи, ученія, которыя не умѣют подчинить себѣ жизнь, пересоздавая ее, они идут на послѣднее: на умерщвленіе жизни. Это моральная смертная казнь, подписанная монизмом непослушному, антиморальному, многособлазняющему міру.

Эта смертная казнь не сила, а слабость. Это аттестат бѣдности.

Соціотехника и Пантехника, великіе пересоздатели и тѣла и духа и общества не убивают, не казнят, а воззышают, воскрешают,—они не убивают стараго тѣла, духа, общества, міра, а, сознавая свою мощь, не магически, а реально-надежно, творят и новое тѣло, и новый дух, и новое общество, и новый мір.

XXVIII.

Монизм и пессимизм.

Итак мы видим, что всякій монизм означает смерть, от него отдается кладбищем, и как буддизм, есть вѣнец азіатскаго монизма, означающаго и смерть человѣка и смерть бога, упразднение не только земли, но и неба, не только тѣла, но и духа и таким образом его аскетизм переходит в полный атеизм, апсихизм и проч., так вѣнец

нѣмецкой культуры, европейскаго монизма это —шопенгауэризм, как Іов и Екклезіаст—вѣнец іудейской культуры. Этот шопенгауэризм—пессимизм, эта смерть или полусмерть, живет скрыто во всѣх монистических системах. Обѣщая вѣчную жизнь христіанство сѣяло смерть, обѣщая высшее моральное блаженство и счатье, толстовство сѣет смерть, марксизм постольку, поскольку он вѣрен своему царству будущаго, т.-е. жертвует настоящим, давая голод и разруху, сѣет смерть. Словом всякій монизм стремится к смерти, и постольку поскольку политеизм есть лишь несовершенный монизм, он тоже стремится к смерти. Рок и трагедія греческаго міра, „конец времен", предвѣщанная міровая бойня Гог-Магога, вѣра в Страшный суд, катастрофа у Карла Маркса, его теорія обнищанія, всеобщее, всемірное вооруженное возстаніе, міровая бойня и міровая революція,— все это проявленія пессимизма, навѣянности смерти, слѣдующей по пятам монизма. Буддизм был гораздо послѣдовательнѣе, *еще монистичнѣе,* проповѣдуя вѣчную смерть. Но противорѣчивые монисты христіанства говорят о новой жизни за смертью, жизнь чрез смерть, новое небо и новая земля чрез гибели стараго, торжество духа посредством убіенія тѣла, созданіе чрез разрушеніе. За страшным судом воцарится справедливость на землѣ, придет мессія. Созданіе грядет за разрушеніем, в смерти лежит жизнь. Таким противорѣчивым политическим шопенгауэристом-монистом был и Бакунин. Мы и видим, что нѣкоторые молодые анархисты (Куклярскій, проповѣдуя смерть, и Андрей, неонигилист, проповѣдуя вѣчное разрушеніе, как самоцѣль) стараются исправить Бакунина, быть паничнѣе папы. Но соціотехническій взгляд и в этом остается вѣрным самому себѣ, своей плюральности. Он проповѣдует и пананархію, и пантехнику, и всеразрушеніе, и всесозданіе. Но его главная цѣль—это созданіе, он оптимистичен: разрушить нужно и можно лишь постольку, поскольку это нужно для возможности попытки строительства, возможности созданія и постольку, поскольку пустое мѣсто уже можно наполнить созиданіем.

Ясно до очевидности, что монизм или приводит к смерти, или стремясь к смерти, дѣлая смерть своим идеалом или своим средством, он мирится с рабской похабной жизнью. Монизм или вырождается в вандализм, в разрушеніе ради разрушенія, в смерть ради смерти, в буддизм или в ультрабакунинизм или в полусмерть, в прозябаніе, в мѣщанство, отсылая его идеал, его оптимизм, за пессимизмом, его революцію за эволюціей, его жизнь за смертью—это христіанство и марксизм, которыя собственно и слѣдует наречь: первое—религіозным христіанством, а послѣдній—научным христіанством или наоборот: первое—религіозным марксизмом, а послѣдній—научным марксизмом, как буддизм и бакунинизм нужно назвать: первый—религіозным буддизмом, а второй—научным буддизмом или наоборот: первый—религіозным бакунинизмом-анархизмом, а второй—научным бакунинизмом-анархизмом (в сущности лже-анархизмом, реакціонным анархизмом, ибо истинный анархизм это отрицаніе науки).

XXIX.

Умерщвленіе духа—единство*) духа—Христа и Маркса.

Христіанство, конечно, никогда не достигло идеала полнаго умерщвленія плоти, чистаго индусскаго аскетизма, как марксизм, европейскій соціализм никогда не сможет возвыситься до русскаго анархизма, по русскаго революціоннаго экстаза и соціальнаго аскетизма, до бунтарства, до полнаго умерщвленія соціальной плоти, отчасти уже практикуемаго нынѣ Россіею, провозгласившей всемірную соціальную революцію, т.-е. наступленіе страшнаго суда и второе пришествіе научнаго Христа, наступленіе научнаго „конца времен“ и приближеніе царства будущаго Маркса. Россія внѣшне, „в теоріи“, идет за Марксом, а на практикѣ, в душѣ, живет по Бакунину. Но оставим пока этот вопрос, к которому нам еще придется вернуться дальше. Тут нас занимает не высшій монизм буддизма и анархизма, у котораго нѣт никакой разницы между тѣлом и духом (буддизм) и между соціальным тѣлом экономики-хозяйства, фабрики, и соціальным духом-политики, права, государства, а христіанскій монизм с его дуализмом тѣла и духа. Мы видѣли, что в христіанствѣ это единство не совершенно, по сравненію с буддизмом, тѣм не менѣе его монизм гораздо выше монизма юдаизма, как монизм юдаизма, в свою очередь, выше языческаго. И вот на этом слѣдовало бы остановиться, так как общепринятое мнѣніе таково, что юдаизм выше христіанства по своей чистой монистичности. Это мнѣніе, хотя оно господствует повсюду, не только среди евреев, но и среди христіан, тѣм не менѣе кажется нам совершенно ошибочным. Дѣло в том, что почти всѣ заблужденія, обыкновенно создают кажущуюся правильность, которая, при болѣе внимательном и болѣе глубоком разсмотрѣніи и изслѣдованіи, оказывается несостоятельной; ходячія истины, во многих случаях, оказываются совершенно ложными, теряя свой вѣс и кредит по мѣрѣ болѣе добросовѣстнаго и тщательнаго знакомства с предметом. Очень важное, почти никогда не отсутствующее условіе торжества лжи и предразсудков—это частичная их истинность и правильность. Фабриканты всякой лжи и суевѣрія умѣют всегда примѣшивать крупицу истины к своим фальсифицированным товарам. Эта крупица служит червячком на удочкѣ глупости. Так оно всегда, так обстоит и в данном вопросѣ. Для нетребовательнаго вкуса ложки меду истины хватает на цѣлую бочку лжи.

Такой крупицей истины для утвержденія ошибочнаго взгляда о монистическом будто бы паденіи христіанства, в то время что, в сущности, оно, т.-е. христіанство, служит второй ступенью монизма, подготовившей третью ступень и (или же третьей, подготовившею четвертую, если считать и стадію монистическаго политеизма) лежащею между юдаизмом и буддизмом,—является ея національная разнородность, гибридическое содержаніе. Конгломерат христіанства, внутрен-

*) Замѣч. Плюрализм по настоящему есть такая же иллюзія, что монизм. Он лишь дѣйствительно подобнѣе, т.-е реально-иллюзорнѣе. Но монизм тут нужно понять как насильственный или иллюзорный, не реально-технический.

няя противорѣчивость его составных элементов, несводимость и непримиримость его частей создают впечатлѣніе разброда, расхлябанности и отсутствіе единства. Так оно и есть, объективно взято. Но тѣм болѣе мы поражены субъективной фанатической монистичностью Христа, доходящей до полной слѣпоты и пренебреженія внѣшним міром, пренебреженія собственным своим строительным матеріалом, неотъемлемыми качествами его. Христос—это одержимый монизмом, у которого окончательно выродилось чувство множества, неспособный больше ни видѣть, ни слышать ничего в мірѣ, кромѣ своей навязчивой идеи. Это полная атрофія духа, своего рода духовный столбняк: всѣ помыслы, всѣ чувства, вся жизнь сосредоточены на одном, воплощены в едином, застыли, замерли в одном стремленіи, в одном созерцаніи, в одном слияніи с единым Соціальнонравственным богом, с его единой заповѣдью—любовь к ближнему! Все, половой инстинкт, всѣ страсти, вся земная жизнь, все тѣло приносится в жертву этому единому святому духу. Чувственно-множественное тѣло приносится в жертву единому духу, а весь дух, все разнообразіе душевной жизни, мысль, воля и чувствованіе опять-таки приносятся в жертву одному. Безбрежное, полистическое, вѣчномѣняющееся, вѣчноиграющее своими волнами море сознанія сводится к одному валу, а вал сводится к одной каплѣ; вѣчно колышущееся море колосьев поля сознанія сводится к одному колосу. Может ли быть монизма выше этого? Этот монизм, скорѣе, уже черезчур монистичен, он уродлив, он простое самоубійство, он кастрація, он вивисекція духа, он самоотсѣченіе. Этот монизм—дикая расправа со своим тѣлом и дикая расправа со своим духом, это—полное самоизуродованіе человѣка, отрѣзавшаго себѣ всѣ члены и оставившаго себѣ только один пальчик или ноготь. Может ли быть рѣчи о том, кто большій монист Моисей или Христос: Моисей, давшій десять заповѣдей или Христос, заповѣдавшій только одну; Моисей, написавшій цѣлый, хотя необъемистый свод законов или Христос, написавшій лишь один. Если вы спросите нас, кто был реальнѣе, ближе к дѣйствительности, то отвѣтим: конечно, Моисей. Кто был обширнѣе, разностороннѣе и глубже?—Конечно, Моисей.—Кто был большим, лучшим мыслителем?—Конечно, Моисей, ибо философія Христа, как марксова философія—кисель, смѣсь, и вообще, водяниста. Кто был цѣльнѣе, національнѣе, хотя не чужд чужих вліяній?—Конечно, Моисей.—Но кто был соціально-нравственнѣе? На этот вопрос придется отвѣтить без всяких обиняков: конечно, Христос, ибо Моисей, хотя был величайшей нравственной личностью его времени, но в этом уступает Христу; его нравственныя нормы безукоризненны для своего времени: не лгать, не убить, не прелюбодѣйствовать,—все это легло в основу и морали Христа, но послѣдняя довела их до самых крайних предѣлов, до полнаго единства, т.-е. до полнаго умерщвленія духа.

Кто был оригинальнѣе, геніальнѣе? На этот вопрос мы опять вынуждены будем отвѣтить без всяких обиняков: конечно, Моисей, ибо в сущности, их и сравнить нельзя. Один колосс, геній, а другой жалкій компилятор. Насколько Христос выше нравственно, настолько Моисей выше философски.

Сколько ассирологія тенденціозно ни старалась бы обезличить, обездѣнить творчество Моисея—она этого не в состояніи дѣлать. Эти Деличи и др. показывают нам лишь свое философское убожество, нищету своего духа. Не может быть и сомнѣнія насчет того, что Моисей получил толчек от Хаммураби и др. Но это умаляет геніальность Моисея так же мало, как геніальность Канта теряет от того, что, по его собственному признанію и указанію, Юм оказал на него большое вліяніе и служил ему основной точкой исхода для созданія его критицистической системы. Юм лишь расчистил пред ним дорогу, освободил его от пут религіи и отчасти от грубо-наивнаго, англійско-языческаго эмпиризма. Скептицизм Юма Кант сравнивает потому с вандализмом, огнем и мечем расчищающим дорогу перед нарождающейся новой цивилизаціей. Естественно, что с паденіем религіи и науки вообще, слѣдовательно, и их монотеистических и единоприродных, т.-е. монистических систем, положительное значеніе и Моисея и Канта значительно или совершенно теряется, обезпѣнивается, так как мы нынѣ признаем за ними лишь одну заслугу, а именно, разгром грубо-наивных форм язычества, религіознаго или научнаго, разбиваніе иллюзій реальности послѣдних; тѣм не менѣе, хотя к тому еще само выдвиганіе и выработка новых форм религіи и науки, трансцедентально-идеалистических, мы считаем еще большим злом и заблужденіем,— все же разрушительно-отрицательная дѣятельность Моисея и Канта, и тѣм самым геніальность, остается непоколебимой. Дѣло в том, что с ослабленіем положительной части мозаизма и кантіанства равномѣрно усиливается отрицательная их часть, ибо, чѣм больше мы проникаемся идеей ложности всякой какой-бы то ни было религіи и науки, с тѣм большим движеніем, поклоненіем и даже благоговѣніем мы относимся к тѣм первым великим оригинальным и смѣлым разрушителям—отрицателям, к великим анархистам язычества, освободившим человѣчество из рабства язычества, от дикаго суевѣрія и деморализаціи, от разврата, разбоя и произвола, хотя, право, создавая ему новую кабалу, новую деморализацію, новый разврат, новый разбой и новый произвол, новыя болѣе утонченныя формы стараго зла. Мы лично не сомнѣваемся, что Моисей и Кант принесли большій вред, чѣм пользу: наивный эмпиризм религіознаго и научнаго язычества, без их критики, продолжался бы дольше, но зато с его крахом и паденіем умерла бы всякая вѣра в религію и науку. Мы видѣли, как в Греціи, в языческом мірѣ с крушеніем язычества умирала религія, и если бы ей не подоспѣл на помощь утонченный, еще болѣе лживый, и болѣе обманчивый юдаизм, обман котораго не так очевиден, не так легко уловим, не так осязателен, то мы бы имѣли полный переход, по крайней мѣрѣ, к наукѣ, сразу прямо с язычества, т.-е. прямой переход с религіознаго язычества к научному язычеству, каковой намѣчался уже в Греціи, мы бы были свидѣтелями перехода от многобожія к многоприродію. Но так как на смѣну язычества пришли изуродовавшій язычество юдаизм и изуродовавшее юдаизм христіанство, то этот процесс задержался до средних вѣков. Ровно также в наше время, если бы не этот изуродовавшій науку, но тѣм и спасавшій ее навремя, трансцедента-

лизм Канта и изуродовавшій кантіанство-гегельянство, вообще, германизм, но тѣм и спасавшій его—марксизм, то от науки быть может, давно остались бы однѣ развалины. Кто не вѣрит этому пусть посмотрит, гдѣ находятся самые ярые фанатики науки—не в Германіи-ли! а в Германіи самой, кто является самыми страшными юродивыми науки,—не марксисты-ли! Вѣдь, многіе у буржуазных ученых до сих пор не признают соціальной науки, а марксист, наоборот, ставит во главу угла соціологію—экономическій базис; еще больше, как истый монист он даже утверждает: и нѣт больше него, и нѣт кромѣ него, так что на наших глазах вторично разыгрывается старый курьез: фанатичнѣйшее абсолютное признаніе борется с полным абсолютным отрицаніем. Так язычник абсолютно отрицал Іагве, а фанатик іудей в изступленіи и экстазѣ твердил: и нѣт кромѣ него. Так и многіе буржуа отрицают понынѣ всякую экономическую науку, многіе буржуазные ученые оспаривают, вообще, у соціальной науки право на существованіе, а фанатики марксизма вѣруют, что почти нѣт другой науки, что политическая экономія выше всѣх наук, что экономизм управляет обществом, міром.

Как бы то ни было, но одно ясно, что и признающіе соціальную науку буржуазные ученые ставят ее ниже естественных наук, считают ее неточной, несовершенной, недостаточно научной, марксист-же, наоборот, провозглашает гегемонію соціальной науки, ставит ее выше всѣх, считает ее конкретнѣе, реальнѣе, важнѣе и даже точнѣе других наук. Марксизм—и по этому видно—вѣрный сын нѣмецкой науки. Сравните марксистское утвержденіе о большей реальности и вѣрности соціальной науки с вундтовским аналогичным провозглашеніем первенства наук о духѣ, которыя, по его мнѣнію, наиболѣе точны, полны, конкретны, совершенны, ибо онѣ не отвлекаются, как естественныя науки, от субъекта. Марксист становится на эту точку зрѣнія, продолжая ее дальше: естественныя науки отвлекаются от общества, и потому онѣ неточны, общественныя же науки разсматривают все с точки зрѣнія общества и в обществѣ, слѣдовательно, не в абстракціи, а как есть, т.-е. вѣрнѣе и полнѣе.

Вѣрнѣе ли это и полнѣе ли это, на самом дѣлѣ, этот вопрос нас здѣсь не интересует, ему посвятим наше вниманіе дальше. Нам важно, главным образом, указать, что христіанство и марксизм, вопреки общепринятому мнѣнію, наиболѣе монистичны, и если монизм уродство, то это они наиболѣе уродливы, т.-е. их монизм, представляет собою монизм, наиболѣе уродующій многообразіе жизни, множество окружающаго. Так же нам важно тут указать на связь между гегемоніей соціально-экономическаго в марксизмѣ и гегемоніей духа, гегемоніей психологическаго в кантіанствѣ гегельянствѣ, вообще, в германизмѣ, и что послѣдняя является лишь послѣдствіем и завершеніем первой, так что марксизм, в сущности, является такой же побѣдой нѣмецкаго над англійским с помощью французскаго, как христіанство знаменует собою полное подчиненіе эллинскаго іудейскому с помощью египетско-александрійскаго.

XXX.

Наша культурно-сравнительная схема.

Но для пониманія сказаннаго нам слѣдует еще углубить и разъяснить проведенную нами параллель между Моисеем и Христом, с одной стороны, и Кантом и Марксом, с другой стороны, как и разграниченіе, внутри каждой из двух параллелей, его двух отрѣзков. Наши задачи и преслѣдуемая нами цѣль станут еще яснѣе и точнѣе, если вмѣсто геометрической иллюстраціи возьмем алгебраическую. Мы строим не параллелей, а доказываем и раскрываем историческую, точнѣе культурно-сравнительную формулу. Мы имѣем пред собою основное философски-историческое или культурно-сравнительное уравненіе с четырьмя членами.

Моисей + Христос = Кант + Маркс.

Раскрытіе этой формулы мы, главным образом, и преслѣдуем пока. Но уже и раньше мы не могли обойти другого одночленнаго уравненія.

Эллинизм = Англо-саксонизм.

И с доказательством послѣдняго первое уравненіе расширяется таким образом.

Эллинизм + Юдаизм + христіанство = англо-саксонизм + германизм + марксизм, или сокращенно.

Наука = религіи.

Расширяя нашу формулу еще на один член, она охватывает всю нашу культуру с особым расчлененіем и оттѣненіем основных религіозных и научных соціальных школ: церквей и партій.

Эллинизм + юдаизм + христіанство + буддизм = Англо - саксонизм + германизм + марксизм + научный анархизм (штирнеризм, бакунинизм, кропоткинизм).

Очевидно, в круг нашего разсмотрѣнія входит вся человѣческая культура, но так как данная наша работа посвящена исключительно соціальным проблемам и то лишь как *культурным проблемам*, то, естественно, главная наша критика потому направлена против, Маркса и Христа, поразительно сходных между собою и в том, что один давно уже побѣдил, а другой обнаруживает тенденцію стать побѣдителем, занять мѣсто Христа в научной цивилизаціи. Мы, однако, отнюдь не

думаем совершенно умалчивать здѣсь про эллинскую и англійскую культуру, тѣм болѣе про Моисея и Канта, без которых нельзя понимать Христа и Маркса. Но первым удѣлим лишь мѣсто постольку, поскольку они проливают свѣт на послѣдних. Таково же будет наше отношеніе и к англійской и греческой культурѣ.

XXXI.

Точка исхода Моисея и Канта.

Главной ошибкой археологов, низводящих Моисея с пьедестала, является то, что они почему-то считают главную заслугу Моисея идею объ единствѣ бога. Это заблужденіе настолько укоренилось, распространилось, что оно стало общим мѣстом. Неудивительно поэтому, что, когда археологія раскрыла, что монотеизм существовал еще до Моисея, то это произвело ошеломляющее впечатлѣніе и послужило поводом к переоценкѣ роли и значенія Моисея. Но тут, именно, оказалось, что они развѣнчали не библейскаго Моисея, а их Моисея. Дѣло в том, что суть мозаизма вовсе не в том, что бог един. Источником этого заблужденія является та ожесточенная борьба, что велась между христіанами и евреями. Будучи сначала всѣ мозаистами, христіане откололись от іудеев, и образовали новую религію, новую церковь. Когда христіане, сначала преслѣдуемые, стали под конец у власти, то они, захватив власть, безпощадно преслѣдовали своих же бывших братьев по богу, евреев. Евреи же ожесточенные, мучимые, терзаемые, распинаемые, сожигаемые, еще пуще старались отмежевываться от христіанства, и основным символом вѣры іудейства стало—единобожіе. „Слушай Израиль бог наш, бог единый — schema israel jehova elohen jehova echad (Второзаконіе, 6, 4) только впослѣдствіи стал основным лозунгом еврейства. Между десятью заповѣдями мы его не находим.

Там лишь значится: lo iheju lecha elohim acherim al panai, „Да не будет у тебя других богов перед лицом моим (Исход 20, 3)“. Очевидно, бог лишь ревнует другим богам, національный бог, „бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства (ibid. 2)“, возстает против чужаков. Тут чисто географическій бог, бог мѣстности, становится богом національным, но еще не чисто психологическим, а территориально-національным, богом избраннаго народа и избранной земли. Но национальный бог, не претендующий на всемірность, не может же быть единым, ибо он сознает, что другим народам нужны другіе боги. Іегова лишь бог освободитель, бог угнетенной іудейской національности.

Но еще большее значеніе для выясненія сущности іудейскаго бога имѣет заповѣдь: „Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что в водѣ ниже земли (ibid. 4)“. Тут провозглашается начало трансцедентальности, которое для юдаизма гораздо характернѣе, чѣм начало единства (как, в свою

очередь, и начало трансцедентализма отступает в юдаизмѣ перед началом априоризма, о которомъ рѣчь будет во второй части, в Социофилософіи). Мы потому находим, что с самаго начала знакомства Моисея с богом, послѣдній фигурирует как что-то безтѣлесное, как огонь или слово или дух (ruach), которые считались тождественными. Безтѣлесность, духовность бога видна и из того убѣжденія, что человѣк, узрѣвшій бога, должен непремѣнно умереть, т.-е. превратиться в дух. Так Моисей закрывает лицо свое, „потому что боялся воззрѣть на бога (ibid. 3, 6)*. Этот страх мы находим и у Гедеона (Судей, 6, 22), у Маноя (ibid. 13, 22) и во многих других мѣстах. Эта „боязнь воззрѣть“ перешла от бога и на человѣка, находящагося в общеніи с богом. Так разсказывается, что Моисей наложил на лицо покрывало, ибо лицо его лучеиспускало (karan or pene mosche. Исход. 34, 35)“. Это лучеиспусканіе, очевидно, есть диск солнца, которым египтяне украшали изображенія своих царей. И что „невозможность воззрѣть на бога“ берет начало в ослѣпительности солнца, видно из того разсказа в талмудѣ, в котором извѣстный танаит поставил языческаго царя, просившаго его дать ему воззрѣть на израильскаго бога, перед солнцем, чѣм и доказал ему тщетность и предосудительность его пожеланія.

Как бы то ни было, вслѣдствіе солнечности, огненности бога, с одной стороны, и его появленія в сновидѣніях, с другой стороны, бог у іудеев очень рано стал полусверх-чувственным, чѣм почитался в их глазах огонь, солнце по древне-еврейски schemesch, от schama и esch „там огонь“, на что и намекает названіе moscheh, бывшаго сам, как царь, олицетвореніем солнца, огня, esch, что вполнѣ правдоподобно, хотя библія толкует это названіе иначе), и, главным образом, вѣтер, ruach, дух. „И дух божій носился над водою—говорится в первой главѣ бытія (3). Там же (3, 8) бог фигурирует как „голос“.

1. Постепенная трансцедентализація бога.

И, право, бог в раю еще как бы на землѣ, он ходит во время прохлады дня, хотя только одним „голосом“. Каин уходит от лица господня (ibid. 4, 16) и Енох ходит еще с богом (eth означает с, а не перед, как переводит церковь) (ibid. 5 24) как и Ной (ibid. 6, 9). А сыны божьи еще были вхожими у дочерей человѣческих и послѣднія рождали им славных героев, giborim ansche haschem (ibid. 6, 4). Это древніе цари, соціомаги, рожденные от духа святого, от сексуальнаго божественнаго сна. Это первообразы богов—героев; это праотцы богов, являющихся лишь их *отображеніем* и *удаленіем*. Но впослѣдствіи эти сами боги стали лишь сынами божьими, ушедшими с неба, как греческій Гефест, соціомаг и техномаг, и назывались они потому nephilim (ibid. 6, 4), т.-е. падшими, упавшими, как сказано: „И были в то время упавшіе (naphol по-древне-еврейски: упасть)“. Они были учителями ремесл, кузнецами и т. п.

Так или иначе, но боги еще имѣли тѣсное общеніе с людьми.

Но вот потоп. Это—демаркаціонная линія.

Цари, родоначальники, соціомаги умерли, ушли на небо, слились с солнцем. Небо стало обителью соціомагов, а земля грѣшная—мѣстожительством ничтожных потомков великих отцев соціомагов.

Потоп—это кризис божества, уход бога на небо. Характерно, что еврейскія легенды так это и толкуют. Люди на землѣ забыли о богѣ, потому что богъ болѣе не показался на землѣ, вот они взбунтовались и отложились.

Нѣт сомнѣнія, что в землетрясеніи и вулканических изверженіях древній, предревній іудей усматривал борьбы неба—бога с землею. Вода, как обитательница неба возстала против земли, по повеленію бога. Что вода тѣсно связана с небом, в понятіях древняго іудея, видно уже по одному тому, что небо schamaim буквально означает: там вода (scham=там и maim=вода), чѣм и объясняется, почему небо по-древнееврейски множественнаго числа, хотя евреи считали небо единым, и легенда о семи неоесах встрѣчается лишь в талмудѣ. Что это была война против земли видно даже с „завязки".

„И увидѣл господь, что велико извращеніе человѣков на землѣ (ibid. 6, 5)". „И раскаялся господь: что создал человѣка на землѣ (ibid. 6)". „И сказал господь: истреблю с лица земли человѣков (ibid. 7)".

Тут явно слышны упреки землѣ, укоры ей, намеки насчет ея грѣшной природы, и бог рѣшил стереть человѣка с лица земли. Человѣк грѣшен. Человѣк же создан из земли.

Человѣк называется adam, а земля adamah. Земля мыслится как сообщница человѣка, как соучастница в его бунтѣ против бога, ибо земля имѣет лицо, является личностью.

И все это, построенное нами в видѣ предположенія, ясно написано в той же главѣ в слѣдующих стихах.

„Но земля растлилась перед лицом божіим и наполнилась земля злодѣяніями. И воззрѣл бог на землю: и вот, она растлѣнна: ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ (ibid. 11, 12)".

Смысл, вѣроятно, таков: если бы один человѣк согрѣшил бы, значит он виноват, но раз все живое на землѣ, то, очевидно, дѣло не в человѣкѣ, а в землѣ. и потому он заключает:

„И сказал elohim Ною: конец всякой плоти пришел перед лицом моим; ибо земля наполнилась злодѣяніями. И вот, я истреблю их с землею (eth haarez означает с землею, т.-е. вмѣстѣ с землею, а не „с земли", как переводит церковь) (ibid. 13)".

И, под конец, когда Ной принес богу жертву по выходѣ из ковчега, бог, вдыхая пріятный запах жертвы, рѣшил, что, по существу, вовсе не стоит губить землю из-за человѣка, понимая, что гораздо разумнѣе и пріятнѣе было бы ему, если всѣ истребленныя животныя были бы принесены ему в жертву. Так, земля наконец догадалась, как и чѣм умилостивить небо. Средство найдено: жертва, всесожженіе. И тут в первый раз находим в библіи жертвоприношеніе на алтарѣ. В разсказѣ о Каинѣ и Авелѣ жертва еще называется подарком, тут же—всесожженіем, (I, 8, 20).

Второе же возстаніе против Бога, против неба, связано с изобрѣтеніем кирпича, который дал возможность выстроить башню. Башня

правильно разсматривается как покушеніе на небо. Это бунт зарождающейся техники против бога, окончившійся плачевно: слишком слабы были ея силы.

Но важна тут не неудача, а попытка, важно дерзновеніе. Важно и то, что устройство ковчега Ноем приписывается богу. Там Бог еще является богом ремесел, магом, мастером. Ной, как показывает его имя был мастером; noach означает „отдыхать", утѣшитель, учитель ремесл и искусств, дарующих человѣку отдых, вродѣ Гайваты. Его отец так и говорит: „он утѣшит нас в работѣ нашей и в трудах рук наших при *воздѣлываніи* земли, которую проклял господь (ibid. 5, 29)". Очевидно, Ной сам был когда-то богом, соціомагом, царем, мастером. Но библія с его трансцедентальными тенденціями низвела его на степень человѣка, обрѣтающаго благодать в очах Іеговы (ibid. 6, 8). Но бог все же еще является учителем ремесел, он обучает Ноя, как строить первый корабль, дает ему точный план, как расположить отдѣленія внутри, как осмолить его смолою снаружи. Бог указывал Ною точную длину, широту и высоту ковчега, (ibid. 14—16) чѣм впервые встрѣчаемся в библіи с знаніем трех измѣреній. Там и искусство дѣлать отверстіе и дверь. Ной и первый построил жертвенник: очевидно, строительство еще было чисто божественным. И звѣроловство еще было геройским и, слѣдовательно, божественным искусством. О Нимродѣ говорится: „Он был героем—звѣроловом перед лицом Іеговы (ibid 10, 9)".

Все же и бог Ноя уже отчасти отказывается от міра, от земли. „Не буду больше проклинать землю за человѣка (ibid. 8, 21)". И тут же сказано, что впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холод и зной, лѣто и зима, день и ночь не прекратятся (ibid. 22)". Бог перестал вмѣшиваться в дѣла земли, он становится наполовину богом неба. И знаменіе его завѣта это лук—радуга (kescheth по-древне-еврейски лук) в облакѣ. Радуга это божій лук, божій герб. Хотя здѣсь не указано ясно, что бог на небѣ, все же дается понять, что он гдѣ-то на верху, в облакѣ над землею (al haazez, 9, 14 и нужно понимать: над землею, а не „на землѣ", как обыкновенно переводится).

Но вот, как только подвигаемся еще нѣсколько вперед, мы все видим возрастающее библейское удаленіе от земли и от земных дѣл. Опьяненіе, считавшееся у язычников божественным, уподобленіем богу на землѣ, т.-е. царю, соціомагу, мастеру, клеймится библіею как что-то не особенно возвышенное. Искусство дѣлать вино, как и насажденіе винограда уже приписываются самому Ною без божьей помощи. „Ной начал воздѣлывать землю, и насадил виноградник (9, 20)".

Но вот тот важный поворотный пункт, на котором мы и остановились выше. Это—исторія с вавилонским столпотвореніем. Алтари устроенные из камней, служившіе очагом божественнаго огня для кочующих племен, замѣняются кирпичными постройками. Дѣланіе кирпича, а, главное, обожженіе его огнем служило причиною развѣнчанія огня как бога, как соціомага, как пѣвца (гимнопѣвца—в Ведах), как царя, связи неба с землею (по Хаммураби). Огонь был низведен с божественнаго своего пьедестала, обезбожествлен. Ремесла стали бунтоваться.

Но и это еще не так важно. Самое характерное, что в разсказѣ это то, что бог, очевидно, уже окончательно утвердил свою столицу на небѣ, так что высокій конец башни, упершійся в небо, его безпокоит, veroscho baschamaim. И тут впервые встрѣчаемся с выраженіем: vajered, что означает: сошел. „И сошел Іегова посмотрѣть городъ и башню (ibid. 11, 5)". Значит, бог уже на верху, на небѣ. Удаленіе же бога обозначается как восшествіе. Так написано: „И бог перестал говорить с Авраамом; и восшел (vajaal) от него (ibid. 17, 22)". Хотя в другом мѣстѣ тут же (18, 33) еще говорится: „И пошел (vajelech) Іегова перестав говорить с Авраамом". Очевидно, этот разсказ, несмотря на то, что он помѣщен послѣ, болѣе ранняго періода или же „уход" объясняется тѣм, что бог еще имѣл разныя дѣла на землѣ, отправиться в лицѣ своих посланников (malachim, ангелов) в Содом и т. п., послѣ чего только он мог окончательно вернуться на небо, что, очевидно, представляло собою нѣкорую трудность, продѣлать большой такой путь. И послѣднее наше предположеніе самое вѣроятное, ибо тут же, в самом продолженіи этого же разсказа, мы находим ясное и опредѣленное указаніе, что бог на небѣ: „И пролил Іегова на Содом и Гоморру дождем сѣру и огонь от Іеговы с неба, meeth jehova min haschamaim (ibid. 19, 24)". Вулканическія изверженія разематриваются как божественныя и как сошедшія сверху, с неба, несмотря на то, что они происходят на землѣ. Очевидно, тут meeth jehova (от Іеговы) уже самим собою, в силу вещей, означает min haschamaim (с неба) А в соціомагическом миѳѣ разсказѣ, бывшем, по всей вѣроятности, древним заговором против бездѣтія, связанным с культом размноженія, с его половыми эксцессами, обиліем жертвоприношеній, и послѣдовавшими за обоими как результат необычайнаго изступленія мрачными кошмарами—мы находим впервые появленіе бога не на яву, а baschasch, что означает: в видѣніи, а так как упоминаніе о снѣ мы имѣем лишь дальше, то, очевидно, видѣніе сіе было галлюцинаціей, изступленіем, которыя почитались древними как божественныя. И далѣе бог впервые говорит Аврааму во снѣ, в диком кошмарѣ, на вѣянном темнотою, ночью, безумной оргіею (о которой библія преднамѣренно, как противница культа половых эксцессов умалчивает) и разстерзанными жертвами. Картина воистину ужасающая, потрясающая, способная ввергать человѣка в ужас. Это нелѣпая оргія была библіею истолкована как предвѣщаніе ужасов египетскаго рабства, как заѣт (ibid. 15, 7—21).

Для нас тут важен не плодородный миѳ и не завѣтный кошмар, а та трансцедентализація бога, лежащая в основѣ преобразованія этого миѳа и истолкованія этого сексуальнаго кошмара. И как признаки этой еле замѣтной трансцедентализаціи мы должны отмѣтить и новыя, до сих пор не бывшія в употребленіи выраженія о „явленіи" бога. Так 17, 1 сказано: „ и явился (vajera) Іегова Аврааму": то же самое и 18, 1: „и явился (vajera) ему Іегова у дубравы Мамре". Характерны и упаденія на лицо, дважды повторяемыя в одной и той же главѣ (vaipol abram al panav) с той только разницей, что в первый раз он еще назывался Аврам (17, 3), а во второй раз уже величаем, в

видах соціобіомагіи размноженія, Авраам (abraham), как и Сара (saraj) с той же соціобіологической цѣлью, переименовывается в Сарру (sarah) *). Все это признаки не простого стараго лицезрѣнія бога, а новаго эпилептическаго, экстатическаго, біопсихомагическаго, которое представляет собою, в одно и то же время, и стимулом и результатом зачаточной трансцедентализаціи бога.

Появленіе бога во снѣ мы находим и в разсказѣ об Авимелехѣ. „И пришел Элогим к Авимелеху ночью во снѣ (20, 3)". Но и там все же бог, как и Авраам являются соціобіомагами размноженія. „И помолился Авраам богу, и исцѣлил бог Авимелеха, и жену его, и рабынь его, и онѣ стали рождать. Ибо заключил (azor azar) Іегова всякое чрево в домѣ Авимелеха за Сарру, жену Авраамову (ibid. 17, 18)". Нѣт сомнѣнія, что молитва здѣсь не молитва в позднем значеніи слова, понятіе, которое не могло быть так рано, а в первичном. Молитва тут означает біомагическую формулу размноженія. Авраам же біомаг, соціомаг, логомаг, „пророк", nabi (ibid. 7).

А вот уже и ангелы божіи перестают гулять по землѣ как раньше. При первом побѣгѣ Агари ангел божій еще находит ее у источника (16, 7), а во второй раз, когда Авраам ее прогнал уже „ангел божій с неба воззвал к Агари (21, 17)".

Однако, и тут еще не только божій глаз и глас, да и рука бывает на землѣ, она обучает, направляет руку человѣка, когда тот напрягает лук. Мы тут находим, хотя лишь намекообразно, старое соціомагическое обученіе ремеслам богами-царями-героями, вродѣ Нимродов. „И был Элогим с отроком: и он вырос, и поселился в пустыню и сдѣлался стрѣлком из лука (ibid. 21, 20)". Если сравнить это со сказанным у Нимрода, то ясно станет, что библія тут указывает на переход от простого звѣроловства **), (zaid), которое требовало лишь силы и (потому Нимрод назывался силачем-звѣроловом; gibor zaid), к употребленію лука со стрѣлами, гдѣ дѣло уже не в силѣ, а в мѣткости, почему Измаил уже не называется силачем-звѣроловом, а robeh kaschath, стрѣлком из лука. И важно так же замѣтить, что связь между богом и этими искусствами все болѣе ослабѣвает. Тут уже не говорится: robeh kaschath liphne jehova, стрѣлком из лука перед Іеговою, а указывается лишь на предыдущую

---

*) Замѣчаніе. Присовокупленіе h от iehova означало присовокупленіе божьяго имени, а присовокупленіе божьяго имени, по магіи, было равносильно полового совокупленія с богом, который, во времена соціомагіи, был не иным, как героем, самым сильным и самым плодовитым в племени. Так что это было что-то вродѣ спариванія с знаменитым породистым жеребцом.

**) Практикуемое в коннозаводствѣ. Это реальное зѣрно соціобіомагія обнивала свѣтью нелѣпостей, доведя его до абсурда сексуальнаго сна, в котором женщина и мужчина имѣли половыя сношенія с богами, как богоматерь Марія, с героями, сынами божьими, с Геркулесами, силачами, прародителями плодовитыми. Средневѣковая мистика и вся іудейская каббала разсматривает ночныя изліянія сѣмени, поллюціи, как совокупленіе с демонами, с lilith, женою-красавицею Асмодея, княжной бѣсов. Неудивительно поэтому, что Сарра вѣрила, что она имѣла, вслѣдствіе соціомагіи переименованія, половое совокупленіе с богом во снѣ, как указывает стих: vajehova pakad eth sarah (21, 1), что значит: бог посѣтил, т.-е. имѣл половое сношеніе с Саррою.

связь с богом: vajehi elohim eth hanaar, „и был Элогим с отроком". Очевидно, при звѣроловствѣ требовалось постоянное присутствіе силы, бога, а тут видно, что человѣк не должен вовсе быть героем, gibor, силачем, а лишь умѣть попасть в цѣль, а в этом можно упражняться еще в отрочествѣ, еще не выходя на подлинную охоту. Стрѣлок не должен потому быть постоянно „перед Іеговою", достаточно, что старые боги Элогим, бывшіе соціомаги, искусники, старцы-учителя были с ним в отрочествѣ при игрѣ, при обученіи.

И при искушеніи Авраама ангел Іеговы дважды взывает к нему с неба (22, II и 15). И там бог, очевидно, говорит с ним во снѣ, ибо сказано послѣ. „И встал Авраам рано утром, (ibid. 3)", значит проснулся. А также Исааку бог появляется во снѣ, с чѣм ставится в связь устройство жертвенника, этого очага для огня, шатра и выкопаніе колодца. „И в ту ночь явился ему Іегова (26, 14)". Тут уже сказано: и vajera и, очевидно, во снѣ, вмѣсто болѣе грубаго: vajabo, „и пришел", как сказано у Авимелеха, в чем нужно усмотрѣть прогресс трансцедентализаціи бога, хотя все еще существует нѣкоторая отдаленная связь между ним и простыми ремеслами. „И он устроил там жертвенник, и призвал имя Іеговы (значит не принес никаких жертв, а лишь устроил очаг именем Іеговы. Б. Г.), и раскинул там шатер свой и выкопали там рабы Исаковы колодезь (ibid, 26, 25)". Церковный перевод, ставящій преднамѣренно точку между жертвенником и шатром, с цѣлью вызвать ложное представленіе о раздѣльности жертвенника от шатра, или невѣжество или фальсификація. Бог на небѣ, но все же он еще, очевидно, помогает, именно, своим жертвенником, своим ангелом, своим огнем — очагом и раскиданію шатра и дѣлу копанія колодцев.

Но уже сравнительно величественно трансцедентально, видѣніе Якова, без жутя кошмарных ужасов, обрисованное кратко, но мастерски в видѣ лѣстницы. „И увидѣл во снѣ: вот лѣстница стоит на землѣ, а верх ея касается неба, и вот ангелы Элогима восходят и нисходят по ней. И вот Іегова стоит на ней и говорит (28, II)". Тут полное сознаніе небесности бога и во снѣ, хотя его ангелы еще не ісаіевскіе или іезеккіилевскіе шестикрылые серафимы: безкрылым этим существам нужна лѣстница, чтоб восходить на небо и сходить на землю. И когда Яков проснулся, он со страхом сказал: „истинно Іегови присутствует на мѣстѣ сем; а я не знал! (ibid. 16)". Все-же бог лишь на небѣ, а тут на землѣ лишь дом божій и врата небесныя (17).

И дальше глава 31 раскрывает нам тайну божьих рѣчей с праотцами, что они всегда происходят во снѣ. Библія лишь не заботилась упомянуть об этом каждый раз, не считая это существенным, так как всякій сон считался от бога, как у Гомера он сам является богом, о чем нам повѣствует начало второй главы в Иліадѣ. И тут мы видим, что библія отожествляет сон с божьею рѣчью. Стих 3 говорит: „И сказал Іегова Іакову, возвратись в землю отцов твоих и на родину твою; и я буду с тобою". А стих II откровенно разсказывает нам, что это был ни кто иной, как ангел сна, греческій Ὄνειρος.

Перерасказывая его божественное видѣніе Рахили и Ліи в полѣ, Яков говорит: „Ангел богов (elohim) сказал мнѣ во снѣ: „Яков! Я сказал: вот я!“ И тут слѣдует пересказ сказаннаго богом в болѣе конкретной и внушительной формѣ. Очевидно, для того, чтоб повліять на своих жен, не бывших, как дочери Лавана, настроены „по-іеговски“, а болѣе склонны уважать старые полуязыческіе, менѣе національные Элогим (бога), Яков говорил от имени стараго двуединаго Элогима. Но важно и то, что Яков подчеркнул, что ему сказано во снѣ, значит одно из двух: или сон болѣе почитался божественным, был болѣе старой формою божественнаго появленія или же, что библія всегда считает лишним особенно отмѣтить это, прибѣгая к этому лишь в случаях необходимости особеннаго внушенія. А Рахиль и Лія, очевидно, были тронуты божественным сном и согласились удрать от своего отца, говоря: „И так дѣлай все, что Элогим сказал тебѣ (ibid. 16)“.

Знаменателен, сугубо знаменателен и сон Лавана, гдѣ пред нами вскрывается соціомагическій характер сна, как появленіе предка, как видѣніе во снѣ своего усопшаго патріарха, отца, праотца, родоначальника. Нам становится ясным, что перевод и толкованіе: бог Авраама, бог Исаака и бог Іакова есть простая фальсификація древнееврейскаго текста, в котором eloie abraham означает бог-Авраам, elohe abi (31, 42) означает отец-бог мой, как показывает нам слѣдующее слово pachad izechak, страх Исаака, которое означает страх Лавана перед самим Исааком, предком-богом. Так что elohe abraham также означает боги или бог-Авраам, а то, что написано elohe, родит. падежа, а не именительный: elohim объясняется тѣм, что по-древне-еврейски родительный падеж вовсе не означает принадлежности, а вещество, матеріал, из чего сдѣлано, так по-еврейски говорится elohe eben, значит бог из дерева и, слѣдовательно, бог-дерево, так и elohe masechah, значит бог из металла, бог из литаго (металла) и, слѣдовательно, бог-истукан.

Хотя древній отец-патріарх-бог-царь-страх-родоначальник-герой-евреполов-стрѣлок-мастер окончательно перебрался на небо и сталлишь воспоминаніем, памятью об усопшем, видѣніем, обликом его во снѣ, все-же сам он, в старом негліже простого кулака, вдруг появляется перед Яковом, с которым затѣвает отчаянную драку, из которой Яков выходит хромым. Что это был простой человѣк, но герой и но сказано: „И остался Яков один, и боролся человѣк (муж, герой, isch означает всегда не adam, человѣк, а мужчина, в отличіе от ischah женщины, значит воин герой) с ним до появленія зари (32, 24)“. Все же этот драчун, забіяка, воин называется вдруг богом, раз Яков не мог его побить „И нарек Іаков имя мѣсту тому Пенуэл (в оригиналѣ peniel, что значит буквально: лицо бога Б. Г.); ибо, говорил он, я видѣл Элогим лицом к лицу и сохранилась душа моя (ibid 30)“.

Больше мы от культа героев, от патріарха бога, от мужа бога, кромѣ еще в цѣсаѣ Моисея, гдѣ сказано: бог муж брани (ich milchamah) не находим. Бог все болѣе трансцендентализовался Но нам важно было указать, что іудейскій трансцендентализм не идет от язычества, от культа природы, солнца, луны и т. д.; нѣт! он идет прямым путем

от соціомагіи чрез нее, минуя язычество; он идет от предка-бога, соціомага, вождя, бога-патріарха, бога-Авраама, и трансцедентализуясь во снѣ, в памяти об усопшем праотцѣ, в воспоминаніи и страхѣ перед его воспоминаніем и обликом во снѣ, он становится мало-по-малу богом Авраама, Исаака и Якова.

Яков в послѣдній раз еще столкнулся с мужем-богом. Их не стало на землѣ. Герои-боги Элогим (ибо Яков тоже говорит об Элогим, значит: боги - герои - силачи, а не о національном трансцедентальном богѣ, Іеговѣ, который является изобрѣтеніем моисеевскаго генія, как укажем ниже) окончательно перекочевали на небо.

Люди потеряли всякую способность встрѣтиться с богами. Далѣе в библіи мы встрѣчаем одни божественные сны. Сон Іосифа, Фараона. И Якову бог показывается лишь во снѣ (46, 2). Мы видим, что все, что говорится в библіи о богѣ, все это видѣнія. Яков говорит перед смертью Іосифу, что бог ему открылся когда-то Belus, в Лузѣ (48, 3), там же (28, 12) сама библія разсказала нам, что это было во снѣ.

А когда сам Моисей видит бога, то уже в огнѣ, и то ангела (II, 3, 2), хотя библія спутала и в четвертом стихѣ говорит, что это был бог. А странное приключеніе в ночлежкѣ навѣрное же было сном, иначе почему же непремѣнно Bamalon, в ночлежкѣ!

Вот, гдѣ корень еврейскаго монотеизма: во снѣ. Он субъективен, погружен в себѣ. Его главная основа трансцедентальность. Во снѣ всѣ предметы безтѣлесны, одни души без тѣл. Тут и дан стимул к переселенію богов на небо: человѣк проснулся, кругом него был бог, ангелы,—куда же они исчезли эти легкокрылые? Навѣрно, на небо— он заключил. Как Яков сказал: стало быть тут врата неба.

Итак, главная особенность юдаизма это его трансцедентальность, а не монотеистичность. Единство является лишь производным из надчувственности. И поэтому вся библія полна предостереженій от изображеній, истуканов. Все вниманіе библіи сосредоточено на одном, на травлѣ изображеній и истуканов, на проведеніи принципа безтѣлесности, трансцедентальности, а из надчувственности уже получается единство. И это вполнѣ правильно, устраняя чувства, проводники и внушители множественности, единство получается самим собою. Какое же это единство, как его мыслить, мыслить ли его как абсолютное единство или множество в единствѣ—об этом библія оставляет нас в невѣдѣніи. Но есть основаніе предполагать, что библія, именно, мыслит бога, как множество в единствѣ. И тут самая главная суть расхожденія мозаизма с язычеством. Дѣло в том, что и язычество, на своих самых высших ступенях дошло до единства, но это было путем обобщенія, его путь от множества к единству. И вот ограниченные люди, ознакомляясь с этим видом язычества, с послѣдним, самым высшим его проявленіем, по ошибкѣ и в ограниченности своей, восклицают: вот мозаизм чистѣйшей воды. Но Моисей не пришел к единству, а вышел из единства, он вышел из себя, из единства субъекта, и как раз пошел к множеству. Путь язычества индуктивный, т.-е., конечно, не научно-индуктивный, а религіозно-индуктивный, точнѣе, не интеллектуально-индуктивный, а фантастически-индуктивный, что означает эпическій,

ибо эпика-индукція фантазія, как лирика-дедукція фантазіи. Язычество шло от міра к богу, а мозаизм—от бога к міру. Язычество шло от міра к себѣ, от объекта к субъекту, а мозаизм—от себя к міру, от субъекта к объекту.

И вот благодаря этому поверхностные изслѣдователи отожествляют послѣднюю ступень, высшую точку, конец язычества с первой ступенью, с низшей точкой, с началом мозаизма. Нѣт сомнѣнія, что эти два конца ближе друг к другу, чѣм далеко уходящіе друг от друга другіе звенья. Монистическій политеизм язычества легко переходит потому в политеистическій монизм первоначальнаго мозаизма. Что, именно, трансцедентальный монизм-мозаизм политеическій, что бог Моисея, бог пятикнижія, многоединый, — на это есть многія неопровержимыя доказательства, за это говорит и слово elohim, означающее боги-герои. Но поверхностные умы, возжелавшіе лишить Моисея и еврейской націи оригинальности, спутали многоединость Моисея и единомногость Хаммураби. Так Ану, верховное древне-вавилонское божество, бог неба, глава верховной тріады из Ану, Энлиля, бога земли и Эа, бога моря, является синтезом; его единство, как и единство других языческих верховных богов, есть результат обобщенія, значит множественность у язычества реальна, а единство воображаемое, кажущееся, а Іагве Моисея не синтез, а анализ, его множественность не результат обобщенія, а отвлеченія, значит множественность у мозаизма кажущаяся, воображаемая, а единство реально. В первом случаѣ—это спайка, искусственная склейка, в другом случаѣ, искусственное раздробленіе, раздѣленіе.

Таким образом, мы видим, что между язычеством и мозаизмом нѣт прямой преемственности. Тут обрыв, противоположность, полная перетасовка. Точка назначенія язычества, верх его служит точкой исхода и началом для мозаизма, а наоборот, верх мозаизма, точка назначенія служит точкой исхода для развитого высшаго язычества. Отсюда ясно, что язычество и мозаизм, правда, идут по одной линіи, но всегда в противоположном направленіи. О тождественности же не может быть и рѣчи.

Юдаизм, очевидно, идет самостоятельно от соціомагіи—миѳа, как христіанство выходит прямо из магіи, именно, из соціомагіи из культа героев.

Для болѣе яснаго пониманія сказаннаго, проведем параллель между верхом англійской философіи и низом нѣмецкой, т.-е. между Спенсером и Кантом. Не будем здѣсь останавливаться долго ни на доказательствѣ того, что Кант, трансцелентализатор и субъективизатор науки есть, в сущности, Моисей науки, а Моисей, этот трансцедентализатор и субъективизатор религіи есть, в сущности, Кант религіи,—это слишком ясно, ясно до очевидности, послѣ сказаннаго. Мы хотим лишь указать пока на то, что в данном случаѣ нам гораздо легче отстоять оригинальность Канта, как бы какому-то германофобу не хотѣлось бы доказать, что Кант-плагіатор, что он обобрал Спенсера. Канту посчастливилось жить перед Спенсером, что о Моисеѣ и Хаммураби сказать не можем с достовѣрностью, хотя мы не можем быть

увѣрены в противоположном. Но мы и без того видѣли, что идея о трансцедентализмѣ бога у іудеев восходит чуть ли не до преисторіи, до соціомагіи.

Бог у іудеев всегда был трансцеденталенъ, но смутно, не-критицистически. Можете ли вы отрицать факт, что природа у нѣмцев и до Канта мыслилась трансцедентальной. Монады Лейбница что-ли мало трансцедентальны. Нѣмецкая метафизика, рожденная в субъектѣ, всегда была трансцедентальной, но не сознательно, наивно, не критистически. Кант не создал нѣмецкаго трансцедентализма, он жил в каждом нѣмцѣ, проявлен во всѣх философских твореніях до Канта. Кант лишь очистил, окристаллизировал его, сдѣлал его критистическим. Дѣло в том, что всякая метафизика, как мы доказываем в нашем „Введеніе в философію" есть недифференцированность индукціи и дедукціи, есть дедукція в индуктивной формѣ, т.-е. дедукція, наивно принятая за индукцію. В метафизикѣ, слѣдовательно, трансцедентализм отожествляется, наивно принимается за реализм—эмпиризм. С этим Кант покончил: трансцедентализм в лицѣ Канта познал самого себя и утвердил свое право на существованіе, как таковой, именно, как трансцедентализм. Нѣмецкая же метафизика до Канта была трансцедентальной безсознательно, *психологически*, но не логически, и вот, Кант создал, выстроил трансцедентальную логику над трансцедентальной нѣмецко-національной психологіей метафизики. Нѣмцы, таким образом, в лицѣ Канта сразу перешагнули от метафизики, от дедукціо-индукціи, которую мы называем лиро-эпикой интеллекта, к дедуктивной наукѣ, т.-е. к критистическому трансцедентализму, иначе к лирикѣ интеллекта.

2. Первичные трансцедеталізм и монотеизм и критистическій.

Что Кант для нѣмцев, то Моисей для іудеев. И до Моисея іудейскій бог был смутно трансцедетальным. Беря свое начало во снѣ, в видѣніи предка, как мы уже указали, он не может не быть отчасти надчувственным. Начало всякой религіи в миѳѣ, если опустить магію-соціомагію, и начало всякаго миѳа во снѣ. Сон, как что-то субъективное, как мір в себѣ, т.-е. в фантазіи, принимаемое человѣком первобытным за мір внѣ себя, т.-е. в чувствах, как библія обыкновенно пишет: сон упал или бог, что означает внѣшній мір, внѣшніе предметы напали на человѣка,—породил анимизм, самую низшую форму трансцед-нтальности. Мы, таким образом, видим, что обыкновенный взгляд на трансцеденталыность как на что-то позднее, порожденіе поздней цивилизаціей, совершенно ошибочен. Напротив того, в древнѣйших памятниках религіи индусов мы сразу наталкиваемся на трансцедентализм и иллюзорность міра. Первобытный человѣк провел гораздо большую часть своей жизни во снѣ, чѣм современный (мы не говорим: „культурный", ибо настоящей культуры все еще нѣт) человѣк, и поэтому он гораздо больше современнаго был склонен к трансцедентализму, оккультизму и проч. Анимизм и культ предков

являются первичными формами религіи, миѳ—основное и первое выраженіе теоретической религіи, как метафизика есть основное и первое проявленіе теоретической науки. Трансцедентализм, слѣдовательно, предшествует эмпиризму. Монотеизм, т.-е. не чистый, а смутный, обывчивый, единство, не обобщающее, сводящее множество к единству, а по-просту не знающее множества, такой монотеизм гораздо раньше политеизма. Вот поэтому важно, когда говоришь о монотеизмѣ, знать, о каком монотеизмѣ: о томъ, который былъ передъ сознательнымъ политеизмомъ (несознательный же политеизм лежит скрыто в том же самом первичном моногеизмѣ: в его недифференцированности переплетаются монотеизм и политеизм вмѣстѣ) или о томъ, который идет за политеизмом, опровергая и критикуя послѣдній. Естественно, что когда люди знали только свою мѣстность у них был один только бог. Но это не монизм обобщенія, а монизм частности, не монизм единаго знанія, а однознанія, т.-е. результат незнанія, невѣжества. И поэтому нужно всегда различать между *однобожіем* и *единобожіем*, и между наивнчм и критистическим трансцедентализмом. Как однобожіе есть результат патріотизма мѣстности, слѣдствіе ограниченности в пространствѣ и числѣ, так *нечувственность*, анимизм, духотворенность, т.-е. наивный трансцедентализм, есть лишь результат *ена*, т.-е. созерцательности, бездѣятельности, неактивности, безволія, несозиданія, отсутствія техники. Наивный монизм и трансцедентализм миѳа и метафизики—это проявленіе ограниченности в пространствѣ, числѣ и дѣйствіи. Вникая глубже, мы видим, что послѣднее, т.-е. дѣйствіе, включает в себя и первое, так что первичный трансцедентализм и монизм имѣют одно общее начало—бездѣйствіе. Сон как бездѣйствіе, как необщеніе с внѣшним міром, и является источником обоих. Как однобожіе есть частность, одно передъ многим, так нечувственность есть неопредѣленность передъ опредѣленностью, смутность передъ ясностью.

От частнаго к общему, от неопредѣленнаго к опредѣленному, правила, легшія в основу педагогики, распутывают нам клубок ошибок, образовавшійся вокруг этих очень сложных вопросов. Этим сразу пресѣкается спор между религіозными и антирелигіозными. Послѣ сказаннаго ясно, откуда черпает силу библійское утвержденіе, что сначала был монотеизм, а послѣ пришел политеизм. Однобожіе, слѣдовательно, нужно строго отличить от единобожія, а нечувственность бога от нечувственности. Послѣдніе являются плодом критики многобожія и тѣлесности и потому их слѣдует называть критистическими. Анимичность бога, которая была слѣдствіем расплывчатости и некокретизаціи, не то, что сознательный критистическій трансцедентализм. Для нас атеистов и иннатуристов, или афизистов, т.-е. отрицателей и религіи и науки, особенно важен этот критицизм у Моисея и пророков, направленный против идолов, а у Канта и других нѣмецких философов—против наивизма, абстракцій.

3. Критицизм юдаизма и германизма, как могильщик религіи и науки.

Но как для Канта, так и для Моисея, центр тяжести лежал не в монизмѣ, а в критистическом трансцедентализмѣ, т.-е. в критицизмѣ.

Кантіанству посчастливилось в этом отношеніи больше чѣм мозаизму, который почему-то был глупо назван монотеизмом, как будто его сила и мощь в установленіи единобожія, в положительном, а не в отрицательном, в критикѣ, в разбиваніи язычества. А это есть полное непониманіе мозаизма, как чисто національнаго продукта еврейства. Почему именно у кантіанства еще не успѣли окончательно ступевать критистической его природы, к чему, однако, нѣкоторая тенденція уже имѣется в неокантіанствѣ,—объясняется тѣм, что эмпиризм еще живет, англійское язычество отчаянно борется за свое существованіе. Полемическій, разрушительный, негативный, духовно-анархическій характер кантіанства ясен для всякаго. Не то с іудаизмом. Не имѣя больше никаких врагов язычников кругом себя, и будучи окружен собственными противниками, т.-е. христіанами, он слишком налегает на положительном.

Но почему, именно, и юдаизм и германизм сильнѣе своим негативизмом, анархизмом, и, слѣдовательно, трансцедентализмом, т.-е. отрицаніем языческаго эмпиризма, нежели обоснованіем нѣмецкаго идеализма,—такой вопрос, с нашей точки зрѣнія очень легко разрѣшим. Виновником этому является наука, ея ложность. В ударѣ Канта на эмпиризм, в этом маленьком еще достаточно наивном критицизмѣ участвует и великій истинно-трезвый критицизм, разрушающій всѣ устои религіи и науки, для которой кантовскій критицизм—дѣтская игрушка, значит на англійскій эмпиризм, в сущности ударяет, хотя скрыто, та всесокрушающая сила, призванная все разрушить и все вновь создать—это панкритицизм пананархизма.

Почему же юдаизм и германизм сами налегают на их критицизм. За эту их ошибку они платятся своей жизнью, умирая скоропостижно. Юдаизм уже умер, а германизм скоро умрет. Гоняясь за легкой побѣдой, они лишь блестяще разбивают на голову своего врага. Но поднимающій меч критики от меча критики и погибнет. При первом натискѣ новаго своего домашняго врага, он опрокинут. Христіанство торжествовало побѣду, ибо іудейство никогда не думало о себѣ, о собственном укрѣпленіи, обоснованіи, оно никогда не доказывало своих собственных тезисов, а всегда лишь раздувало язычество, направляя всѣ стрѣлы своего ядовитѣйшаго сарказма против несчастнаго. Так поступает и христіанство. И вполнѣ естественно, в междуусобицѣ они лишь думали о врагѣ. Всѣ споры, войны вращались вокруг того, какая церковь права, права ли синагога или христіанская церковь. Что обѣ онѣ ошибочны, лживы—это им никак в голову не пришло. Отразить врагов безбожников—об этом не думали, ибо их не было или их было слишком мало. Неудивительно потому, что когда наука, новая конкурентка ударила на религію вообще, она оказалась совершенно беззащитной. Христіанство знало как побороть іудейство, лютеранство—католичество, но для борьбы с наукой у всѣх них никакого порядочнаго оружія не оказалось. Церквам некогда было обосновать идею существованія бога, ибо онѣ всегда заняты были доказательством того: каков собою бог, католик ли он, православен ли, лютеранин ли и т. д.

Так в наше время нѣмецкая „критистическая“ наука занята раскритикованіем англійской „наивной“ науки, англійская—отпариваніем; нѣмецкая наука уже защищается против своего внутренняго врага, новаго христіанства, против марксизма. Но есть ли, вообще, о чем спорить, существует ли вообще природа. Англичане говорят: она эмпирична, нѣмцы утверждают: она трансцедентальна—но есть ли она вообще, не является ли она мифом. Об этом „исторія“ их молчит. Но что из этого получится, видно для всякаго благоразумнаго. Когда ударит Техника, она опрокинет всѣ эти дѣтскіе игрушки, всѣ эти фигурки, ибо всѣ онѣ окажутся вродѣ китайских женщин, толстых на верху и тонких внизу.

Столько было церквей, столько было сект, каждая секта с ея истинной вѣрой. Гдѣ же онѣ? От них остались жалкіе вымирающіе остатки.

Столько у нас наук, столько научных школ, столько партій, каждая партія с ея теоріей! Что останется отъ них, когда очищающій ураган безвѣрія в науку пронесется над міром. Что станет с соціальными кумирками, с соціальными природами который каждый политик, т.-е. научный сектант, носит в карманѣ, в портфелѣ, как христіанин крест на груди.

От них останется то, что осталось и что еще скоро останется от Ватикана.

Но оставим наши предсказанія, оставим наши увѣщеванія насчет глупости, ничтожности и гибельности этого рода критицизма, занимающагося не самокритикой, не себякритикой, а всегда чужекритикой. При господствѣ религіознаго суевѣрія и научнаго суезнанія и то благо, что находятся люди, одаренные особым даром критики и сарказма, умѣющіе показать людям их ограниченность, разбивать в пух их идолы. От взаимокритики рождается новая истина: ложность обоих критиканов.

14. Національная психологическая подкладка критицизма.

Но почему это, именно, кантіанство не только называется критицизмом, но и отличается критицизмом, как и іудейство (библейское, конечно) необыкновенно богато изобличительной литературой. Почему критика нѣмецких философов поражает как острым мечем, и критика, изобличеніе пророков, как финскій нож или кавказскій кинжал. Почему критика нѣмцев сильнѣе, острѣе чѣм ответная критика англичан. Правда, во время послѣдней войны много было написано против нѣмцев, но это площадная ругань. Не характерно-ли, что нѣмцев ненавидят и нѣмцев ругают, так много ругают и так мало критикуют. Неужели Кант по-просту ругался. Он же лишь уничтожающе раскритиковал. Не интересно-ли, что и в этом нѣмцы раздѣляют участь іудеев, боровшихся с языческим міром. Они разили геройски мечом, но еще болѣе геройски словом. Греческая культура, вообще почти никакого мѣста не удѣлила іудеям, точно так же, как англійская философія никогда не удостоила вниманія нѣмецкой, между тѣм, как нѣмецкая

культура всасывала в себя все англійское, отчасти разбивая, отчасти продолжая и перещеголяя ее. Мы не знаем ни одного имени какого-то англійскаго философа, который бы устроил свою духовную карьеру на пораженіи нѣмцев, как, напр. Кант, основоположник новой нѣмецкой культуры, в основу своей геніальнѣйшей книги клал побѣду над англичанами. Так дѣлал и Моисей своим пятикнижіем, в котором центр тяжести лежит в объявленіи настоящей войны и духовной войны языческому міру. Чѣм объяснить этот критистическій задор и фанатизм у такого туза, как Канта, и отсутствіе такового даже у такого солиднаго энциклопедиста, как Спенсера. Сколько ничтожных строк послѣдній посвящает примиренію обѣих школ, англійской и нѣмецкой!

Все это объясняется различіем методов творчества обоих народов, вытекающим из противоположности их національных психик.

Кант критицист, потому что он аналитик. Заключительный аккорд англійской философіи это—синтез. Спенсер обосновал синтетическую философію. Синтез лежит в индукціи,—излюбленный конек англичан. Анализ—в дедукціи. Индукція широка, но плоска. Англійскіе труды массивны, как цѣпи гор, нѣмецкіе бьют как ключ, шипят как вино. Англичанин безпристрастен, объективен, нѣмец страстен и субъективен. Слова Берна: греческое искусство прекрасно, как мрамор. Англичанин пластик—индуктивист, нѣмец лирик—дедуктивист. Сколько Гёте не ломал из себя, в подражаніи Шекспиру и всему античному міру, язычника, ничего у него не вышло, все же остался лириком. Нѣмец, как лирик и дедуктивист, стремителен: стремителен в аттаках, стремителен в выводах, в этических принципах, стремителен и в злостной саркастической критикѣ. Он безпощаден, крвен, принципіален, послѣдователен, как субъективист, как капризный эгоцентрик. Он устраняет всѣх и все, стоящее ему по пути, уничтожает духовно и физически. Лозунг: не оставляй в живых ни одной души!—никто лучше него не исполнил, ибо он всегда умѣл это дѣлать во имя принципа. Он фанатик, ибо он монист, в нем живет единая мечта, единое стремленіе. Он не любит человѣка а абстракцію человѣка, человѣчество. И в этом он похож на іудея, т.-е. на іудея, представленнаго в библейской культурѣ. Он зоил критик, потому что он страшно субъективен, вѣчно роется, копошится в своей душѣ. Он умѣет сочетать самую высшую мораль с самыми низкими и безобразными поступками.

Таков отчасти прелестно плѣнительный, отчасти ужасающе-отвратительный облик нѣмца и іудея, отраженных и изображенных в своей національной культурѣ: один в библіи и в пятикнижіи Моисея, другой в нѣмецкой философіи и в „Критикѣ чистаго разума“ Канта.

XXXII.

Психологизм Моисея и Канта и социологизм Христа и Маркса.

В предыдущем мы видѣли, что основною чертою іудаизма вовсе не является, как общепринято утверждать, монотеизм. Наивный монотеизм вовсе не является продуктом послѣполитеистическим, а дополитеистическим, так что характерным признаком мозаизма является не монотеизм, а религіозный критицизм. В пользу этого взгляда говорит не только факт существованія первичнаго наивнаго монотеизма, установленіем котораго мы сразу разрѣшаем старый запутанный спор о первенствѣ политеизма или монотеизма, но и многія добытыя за послѣднее время археологіей данныя, устанавливающія с несомнѣнностью факт существованія почти у всѣх культурно-развитых языческих народов или стремленіе к монотеистической идеѣ или же настоящее проведеніе таковой. Вокруг этого разгорѣлся цѣлый сыр-бор, спор о том, имѣют ли евреи національно авторское право на монотеизм, принял очень ожесточенный характер. Между тѣм тяжба закончилась бы самым мирным образом, если бы страстно спорящія стороны дали себѣ труда глубже вникнуть в суть дѣла. Послѣ болѣе добросовѣстнаго и болѣе тщательнаго разбора вопроса, они бы нашли, что собственно спорить не о чем. Как одна, так и другая сторона совершенно права, хотя утверждают противоположное, ибо онѣ говорят на двух разных языках. Факт присущности монотеизма культурным языческим націям не подлежит никакому сомнѣнію, но, с другой стороны, заслуги еврейской націи от этого очень мало теряют в своем значеніи. Дѣло в том, что уже с внѣшней стороны сразу бросается в глаза то обстоятельство, что у языческих народов этот монотеизм является завершеніем, а у евреев лишь начинаніем, началом. Но и это не так важно, как второе различіе, что между іудейским монотеизмом и языческим, заключающееся в трансцедентальности перваго. Тут коренное расхожденіе, пропастное. Дѣло вовсе не в том, является ли еврейскій монотеизм болѣе чистым, т. е. болѣе единым, и языческій менѣе чистым, т.-е. на половину еще политеистическим, так как, с одной стороны, мы находим единобожныя формы у язычников и с другой стороны многобожныя формы у іудеев. Выше мы указали, как на характерный признак различія, на трансцедентальность, которую, разбираясь в ней поглубже, мы назвали критистической. Это, конечно, вѣрно, и нѣсколько ниже мы разберемся в этом еще болѣе подробно, т.-е. в отличіи критистической трансцедентальности от некритистической. Тут мы хотим сперва указать на самый главный внѣшній признак этой критистической трансцедентальности, именно, ея критистичности, не по отношенію к трансцедентализму, а к эмпиризму. Мы ударяем на „критистичность“, не только потому,—что она отдѣляет данную трансцедентальность от болѣе старых ея форм, т.-е. от анемической в религіи, и метафизической в наукѣ, и еще и потому, что и высшей формѣ

языческаго монотеизма и научнаго унинатаризма, просто названнаго монизмом также не чужда даже трансцедентальность. Возьмем для иллюстраціи спенсеризм. Этот научно-языческій эволюціонный монизм, устанавливающій свое единство посредством происхожденія, и этим вполнѣ подтверждающій свою параллельность с религіозно-языческим, именно, с греческим поздним монотеизмом, также основавшим свое единство на происхожденіи (на рожденіи),—является и трансцедентальным. Мы поэтому вынуждены для установленія твердых границ прибѣгнуть к критицизму, дѣлая его существенным признаком. Но вникая глубже мы видим, что и этот признак недостаточен, так как и религіозно-языческій эллинизм, и научно-языческій англизм обнаруживают, правда, лишь перед своим издыханіем, тенденцію не только к монизму и трансцеденталізму, из миѳическаго (эллинизм) и метафизическаго (англизм) лона которых вышли, но и к критицизму. Дѣло в том, что послѣднее слово, предсмертная агонія религіозно-языческаго эллинизма, утонченнѣйшее произведеніе его духа, хитрѣйшій его гокус-покус, который однако, не спас его от удушенія юданзмом, это его аллегоризм, аллегорическое толкованіе богов. Тут эллинизм объявил себя матом, идя на самоубійство под давленіем, под напором юдаизма. Этот великій Геркулес язычества наложил на себя и на всю религіозную культуру руку, опустошая свой Олимп за одно с іудейским Синаем и как іудейскій Самсон сказал: умри души моя, с филистимлянами!

Этим самым он признал свою капитуляцію, уходя на покой со сцены исторіи. И когда на эллинизм и юданзм накинулся Христос, то оба, будучи изнуренными, не могли устоять против него: язычество совсѣм приказало долго жить, ему кромѣ аллегоризма уж терять нечего было, а юданзм спасся лишь консервировкою в чисто-трансцедентальном его сокѣ.

Та же самая исторія разыгрывается на наших глазах в новом мірѣ. Англійскій эмпиризм, облизывая свои раны от нѣмецкаго критицизма и найдя их смертельными, сам огерманизировался, приняв защитительную краску монизма, в лицѣ Дарвина, и трансцеденталізма и критицизма, в лицѣ Спенсера. И как древній грек, убивая своих олимпійских богов, убил вмѣстѣ с ним и синайскаго бога, Іагве, своим *аллегоризмом*, так Герберт Спенсер со своим *символизмом*, убивая всѣх эмпирических англійских богов, убил и нѣмецкаго всемогущаго кенигсбергскаго Іагве-Представленіе, объявляя и его лишь символом, т.-е. аллегорическим миѳом, толкующим нам дѣйствительность. Таким образом, научный англизм (мы его больше не можем уже назвать эмпиризмом, как не имѣем права клеймить аллегорическій эллинизм идолопоклонством, а лишь греческой религіей) или англійская чистая наука сразу перещеголяла Канта, став критистичнѣе самого критицизма, чище самого чистаго кантовскаго разума, как греческая философская религія перещеголяла юданзм, став в аллегоризмѣ мозаистичнѣе Моисея. Но это „ожидовѣніе“ духом аллегорическим было лишь подготовкой к настоящему ожидовѣнію святым духом Христа. И англизма ждет нынѣ участь эллинизма. Когда эллинизм стал мертвой аллегоріей—пришел Христос и замѣнил ее живой аллегоріей, притчей, т.-е.

воплощенной аллегоріей, воплощенным символом—богом, воплощенным духом в соціологіи, в нравственности, в любви к ближнему. Иначе и не могло быть, религія, оскудѣя, теряясь в противорѣчіях, будучи растерзана нескончаемыми спорами между юдаизмом и язычеством, спорами отвлеченными, фарисейскими, казуистическими, вся разочарованная и разбитая на голову ударами с обѣих враждующих сторон, бросила, плюнула на *космическое* и перешла к *соціальному*.

Так во второй раз Маркс, будучи сам эмигрантом и видя потому, ознакомляясь различным пониманіем космическаго, тяготясь безконечными метафизически спорами между идеализмом и матеріализмом (который он отожествлял с англійским эмпиризмом, хотя первый, на самом дѣлѣ, уже представляет собою смѣсь эмпиризма с нѣмецким идеализмом), на манер Христа, плюнув на фарисеев, т.-е. на метафизиков, перешел к соціальному, к соціальной проблемѣ.

Шаг был довольно удачен, но опять только негативно, т.-е. постольку, поскольку он с отвращеніем отвернулся, вѣрнѣе, мечтал отвернуться, первый от фарисейства и обрядности, т.-е. от казуистики и ритуала, а второй от идеализма, и трансцедентальности, и утопичности, т.-е. от метафизики и мечтательскаго соціализма, но совершенно неудачен постольку, поскольку он был положителен, т.-е. создал новое фарисейство под именем христіанства.

Дѣло в том, что Христос и Маркс—увы—удрали от собственной тѣни, от своей болѣзни. Удирая, они унесли заразительные микробы в себѣ. Христу можно было спастись, его методом пренебреженія и оплевыванія, от казуистики, и Марксу—от метафизики, как чахоточному больному исцѣлиться посредством выплевыванія легких. Вспоминается нам, кстати народная шутка. Мальчик кричит: „Батька, я схватил медвѣдя!"—„Да чего орешь, отпусти его, и иди сюда",—слѣдовал нехитрый совѣт отца.—„Но он держит меня", —раздался опять пронзительный отчаянный крик мальчика. Такіе же выкрики „батька я схватил медвѣдя!" мы слышим в безжалостном яко бы бичеваніи и раздуваніи фарисейства и ритуала у Христа, и метафизики и идеализма-утопизма у Маркса.

Христос основал новый ритуал, новую церковь, и не одну, а много. Его церковь захватила власть, организовала крестовые походы, устроила инквизицію.

Маркс создал сам глупѣйшую в мірѣ метафизику под названіем историческаго матеріализма, новую церковь, т.-е. партію, соціал-демократическую, еще худшую, чѣм англійская тред-юніонистская.

Но его партія вырождается, с одной стороны, в фарисеев научнаго соціализма и, с другой стороны, в іезуитов. Марксистская іезуитско-ленинская научная церковь, захватив власть, превращает марксизм в пугало вѣков. Превратив диктатуру пролетаріата в диктатуру коммунистов, т.-е. ленинцев или карлистов, и творя неслыханныя безобразія, она превращает марксизм в чучело. Послѣдняя опора науки, таким образом, рушится. Наука оказалась неспособной дать человѣку даже соціальное счастье, соціальное благоустройство. Кругом царит разочарованіе и отчаяніе.

XXXIII.

Нарожденіе атеизма и противонаучнаго анархизма-техникализма-афизизма.

В этих муках в средніе вѣка родился атеизм. Крестовые походы, инквизиціи, религіозный фанатизм, грызня церквей выковали ему острое оружіе против религіи, против бога. Религія сама вырыла себѣ яму своими безчинствами.

Бог, изгнанный с земли чувственности и грязи, на небо, оттуда послал на голову несчастнаго, обманутаго человѣка свои громы и молніи (юдаизм). Стащенный человѣком опять с неба на землю общественной добродѣтели, бог еще пуще прежняго набѣдокурил, напакостил (христіанство, іезуитизм).

Человѣк хочет спасаться от ужаса, от бога, в лоно смерти, в аскетизм, в буддизм. Но и это не помогает.

Тогда человѣк стал атеистом.

Что было с религіей, нынѣ творится с наукой, во имя науки, во имя Природы.

Природа изгнана из англійской земли эмпиризма на небо надчувственности, в представленіе, но и оттуда она оправдывает всѣ безобразія современности, возстановляя монархію (германизм, кантіанство—гегельянство).

Тогда человѣк стаскивает ее опять на грѣшную землю, но уже на землю общественности (марксизм).

Но соціальная наука, соціализм творит ужасы. Научно соціалистическія партіи, из-за догмы, из-за буквы Маркса, рѣжут друг друга (меньшевики, большевики), как в средніе вѣка, догматики христіанства. Партія Маркса душит, травит и истребляет всѣх невѣрующих, всѣх еретиков, всѣх нехристов, т.-е. немарксистов, как, напр., анархистов, максималистов, лѣвых с.-р. Она устраивает вродѣ варѳоломеевских ночей то на язычников, то на еретиков, т.-е. на буржуазію, на нехристов-немарксистов справа, и нехристов немарксистов слѣва.

Человѣк хочет и еще захочет спастись от них в лоно соціальнаго аскетизма, уходя от жизни, от общественности, или уничтожая жизнь и общественность (Безмотивный террор, Нечаевская Анархія). Но и это не помогает: людей слишком много, общество слишком живуче.

Тогда человѣк становится или еще станет истинным *анархистом*, умным.

Истинный аскет это—атеист.

Истинный анархист это—пананархист—иннатурист-афизиет, противонаучник.

Из средневѣковых монастырей, из келій самых ярых отрицателей жизни, вышли ея лучшіе утвердители.

Монастырскій аскетизм довел христіанство до абсурда, и таким образом, спас себя и весь мір.

Он понял, наконец, что вмѣсто неудобнаго, невозможнаго и химеричнаго умерщвленія плоти лучше умертвить бога.

От собственнаго аскетизма он перешел лучше к *аскетированию* своего бога, от отрицанія прав плоти он перешел к отрицанію прав бога, к отрицанію прав своей химеры, своего божественнаго идеала.

Из террориста-разрушителя жизни, тѣла, он стал террористом-разрушителем смерти, террористом бога.

Из разрушителя дѣйствительности, он стал разрушителем фикціи, вымысла.

Он разрушал лучше религію и церковь.

Так нынѣ анархист—аскет жизни, общества, умерщвляющій общество, жизнь становится подлинным аскетом, пананархистом.

Он узнал, наконец, кого нужно терроризировать, кого нужно убивать; он узнал, что не плоть свою, а глупость свою, обман свой нужно истребить, на них нужно, в первую очередь, устроить покушеніе, им нужно объявить террор.

Он, первым дѣлом, объявляет террор наукѣ, марксизму, соціализму и собственному соціальному аскетизму.

Освобождаясь от науки, он освобождается и от собственных предразсудков.

Освобождаясь от религіи, от бога, человѣк освободился и от церкви, и от собственнаго сектантства, и от собственных мелких божков, от аскетических идеаликов.

Так нынѣ истинный анархист, пананархист, переростает свой мелко-отрицательный анархизм и, отрицая науку и соціальную науку, он тѣм самым отрицает и свои собственные божки, свои аскетическіе мелкіе идеалики, замѣняя их одним большим разрушительно-отрицательным стремленіем и разрушительно-отрицательной истиной, лежащей в самой основѣ его иннатуризма-афизизма, противонаучности.

Стал ли атеист безнравственным?

Нисколько. Отрицая и борьбу бога и дьявола в себѣ, он стал гармоничнѣе, нравственнѣе. Отрицая и борьбу со грѣхом, он стал гораздо чище и нравственнѣе, чѣм в своей бывшей кельѣ.

Мог ли дойти до атеизма мѣщанин?

Нѣт. Мѣщанин, как корова, жующая свою жвачку, не способен к бунту, к перевороту. Только монах, аскет, на современном языкѣ бунтарь-революціонер, самый высшій тип его — анархист, способен узнать лживость науки и современнаго божества—природы.

Атеист величайшій аскет, точнѣе, этик, не потому, что он умерщвляет свое тѣло, а потому, что он умертвил свой дьявол, т.-е. отрицал грѣхопаденіе и грѣховность человѣческой природы.

Так пананархист великий анархист не потому, что он имѣет собственную теорію, собственную партію, а потому, что он отрицает всѣ теоріи, всякую теорію.

Как атеист освободил мір от церковной одури и грызни, так анархист—от партійной.

Но как атеист был лишь отрицателем, разрушителем и разложителем религіознаго общества, так пананархист отрицает, разрушает и разлагает устои лишь современнаго научнаго общества, и все-равно

для него буржуазно ли оно или пролетарски, т.-е. загримировалось ли оно пролетарскими лживыми румянами соціализма.

Собственно Пананархист и не разрушает. Научное общество своими войнами народов, войнами классов и войнами партій, разрушает самое себя.

Пананархист лишь говорит: пусть оно сгинет—пусть сгинет то общество, в котором наука устраивает спеціально-научныя войны, войны теорій между собою, на манер средневѣковых религіозных боен.

Великій отрицатель будет великим созидателем, пантехником: софотехником, техником, біотехником, этотехником, антропотехником, физотехником и пр., и пр.

Пананархист разрушает одним своим отрицаніем, он лишает современнаго общества своего оправданія, он лишает классовую борьбу своего смысла, своей яко-бы прогрессивности.

Классовой борьбы, вѣдь, в сущности, нѣт и никогда не было. В средніе вѣка была грызня разных церквей из-за власти, но развѣ одна церковь была болѣе пролетарски, болѣе на сторонѣ угнетенных, чѣм другая. Борьба суевѣрій между собою прикрывалась именем Христа, называлась крестовой.

Так нынѣ никакой классовой борьбы нѣт. Существуют лишь научно-крестовые походы. Борьба научных суезнаній между собою маскируется именем Маркса, называется научно-крестовой, т.-е. красной. Так, вмѣсто святой Руси говорят большевики красная Русь, красная армія, красный флот, красный Петроград. Вспоминается нам „Сіон святой град" и *Κίλλαν τε ζαθέην* (*Il* I, 38). Какая же классовая борьба между семью рабочими, из которых: один меньшевик, другой—правый с.-р., третій—коммунист (большевик), четвертый—плехановец (единство), пятый—лѣвый с.-р., шестой—максималист, седьмой—анархист.

Очевидно, партіи ведут не классовую борьбу, а партійную, идейную,—это грызня научных церквей и сект между собою из-за научных догм, из-за теорій.

XXXIV.

Паденіе и вырожденіе религіи и науки.

Вот краткія черты паденія и вырожденія религіи и науки.

Мивологію вытѣсняет эпика, т.-е. религіозный эмпиризм, его разбивает лирика с критицизмом; эллино-эмпиризм, желая избѣгать ѣдкой критики критицизма, вырождается в его противорѣчіе—аллегоризм; гибкій іудео-лиризм, желая угодить эмпиризму, переходит в ритуализм, своего рода религіозный прагматизм.

Этим заканчивается період *космичности* религіи, который, очевидно, представляет собою трехступенную нисходящую деградацію. 1) Объективно-субъективная или физопсихическая космичность, ея выраженіе миѳ, индукціо-дедуктивная фантазія или эпо-лирика. 2) Объективная или

физическая космичность, ея выраженіе—эпика или индукція фантазіи. 3) Субъективная или психологическая космичность, ея выраженіе лирика или дедукція фантазіи.

Очевидно, первая ступень является наиполной, но зато и недифференцированной, слитной, смутной. Назовем ее синтетической, но слѣдует помнить, что это первичный синтез перед анализом, общее перед частным, т.-е. неопредѣленное. Из этого объекто-субъекта впервые выдѣляется объект, и таким образом нарушается бывшее единство объекта и субъекта в миѳѣ, т.-е. во снѣ или во снѣ на яву, в мечтѣ (по древне еврейски видѣть сон חלם означает и мечтать). Этот момент критическій, переход от пассивности сознанія к активности, к произвольности, которая современем порождает скептицизм, подготовляющій и будущую третью ступень субъективности, критической. Из перваго разложенія объекто-субъекта выдѣлился объект, нашедшій свое выраженіе в эпикѣ, субъект еще только смутно выдѣляется и лишь постольку, поскольку он нужен для объекта. Мне был разбит эпикой, объективизмом, чувством реальности. Но тут назрѣвает новый кризис. В своем ростѣ эпика сама отчасти переходит в лирику, смутный субъект начинает ярче вырисовываться, личность выявляется. Наука или физика фантазіи дополняется, так сказать, психологіей: индукція эпики оказывается лишь пригодной для настоящаго и прошлаго, для будущаго, для приведенія и предвосхищенія послѣдняго необходима лирика и Спенсер ради предвидѣнія призывает к примиренію индукціи с дедукціей.

Эпика остается для земли, для воспѣванія героев прошлаго, лирика—для пророчества. Получается дуализм. Тогда рождается критицизм Моисея. Он монистически—дуалистически. Он объект и субъект вмѣстѣ, но с преобладаніем субъекта. Он и эпик и лирик, но с преобладаніем лиризма. Повѣсти библейскія лирически-эпическія. Он разбивает эпику язычества и ведет свой монистическій дуализм прямо из миѳа, чрез голову эпическаго язычества. Моисей законодатель—эпик и пророк—лирик. Он еще не полный лирик, полные лирики идут за ним: они возстают против самого Моисея. Отрицая жертвоприношеніе и законы, они подготовляют путь для Христа. Дуализм земли и неба у Моисея, с преобладаніем, право, неба, сводится помаленьку все больше к одному небу. Лиризм переходит в чистый субъективизм, в своего рода солипсизм небеснаго и будущаго. Пророчество вырождается в запутанныя видѣнія Даніила.

Наконец, бывшій объект вырождается в аллегорію и мистику, физицизм—эпизм умер, психологизм—лиризм скончался, заглох.

Тогда намѣчается новая тенденція.

На смѣну физицизма (религіознаго язычества) и психологизма (религіознаго монизма) выступает соціологизм. Как психологизм или психизм совпадает со временем окрѣпленія психологіи и отдѣленія ея в особую науку, так соціологизм, иначе соціализм, совпадает с возникновеніем соціологіи. Психологія и соціологія, таким образом, растут и процвѣтают еще до момента объявленія их гегемоніи. Разница между новатором поборником психологизма (религіознаго, напр.,

Моисея, научнаго—Канта) это не открытіе и признаніе края психологіи, а объявленіе ея абсолютизма.

Психологія, жившая до сихъ поръ какъ придатокъ, какъ надстройка, объявляется основой, базой всему. В этом отношеніи характерно сравненіе Канта с Коперникомъ, защищаемое Ланге в его „Исторіи матеріализма". Так и до Коперника была и земля и солнце, Коперникъ лишь перевернулъ наши понятія о землѣ и солнцѣ, низведя землю, считавшуюся до него центром для солнца, до степени спутника солнца, и возведя солнце, считавшееся спутникомъ земли, в центр.

Равно так же соціальная религія, бывшая у Моисея лишь придаткомъ, так как законы о жертвах у него занимают больше мѣста, чѣм соціальные законы, начинающая переваливать у пророков, пріобрѣтает доминирующую роль у Христа.

Нѣт сомнѣнія, что психологизм подготовляет почву для соціологизма, показывая ему примѣр урѣзанной космичности или даже иногда давая дурной примѣр сведенія космоса на одно „я". Разъ можно так безцеремонно обращаться с космосом, почему же не продолжать эту безцеремонность дальше до полнаго пренебреженія всѣм міром, сведя все на общество. И тут опять еще раз перекувыркаться, повторяя манупуляцію, и свести и само общество к одному: т.-е. все соціальное поставить на одном нравственном. Но и в этом Христос уже был подражателем Моисея, который уже раньше продѣлал этот фокус с психологизмом, сведя все физическое язычество к психическому, а все психическое разнообразіе опять к одному (т.-е. трансцендентальному) теизму. А в свое время, не с религіей, как Моисей и Христос, а с наукой продѣлывали это Кант, а за ним Маркс, дѣлая каждый повторное сведеніе физическаго разнообразія: Кант—сначала на психологическое (мір—это мое представленіе), а психологическое, в свою очередь, на логическое, так что мір уже не мое простое представленіе, а *мое научное представленіе*; а Маркс сначала свел физическое на *соціальное*, а соціальное, в свою очередь, на *экономическое*.

Абсурдность всего этого становится ясной до очевидности, если переведем это на язык самого Канта. Христос утверждал, слѣдовательно: „*мір это—нравственность*", а Маркс: *мір это—экономика*. Но безсмыслица еще ждет своего завершенія, ибо мы пропустили еще третье сведеніе: у Моисея на свое религіозно—теическое, просто на своего Іегова, а у Христа на своего религіозно нравственнаго; у Канта на свое научно логическое, а у Маркса на свое научно-экономическое. Переведя эту „философію" на простой язык, она будет означать, что Моисей говорил, что мір это его бог, его тора, Христос—мір это мое евангеліе, любовь к ближнему, Кант: мір это мое кантовское ученіе о категоріях и проч., еще проще, мір это моя Критика чистаго разума, а Маркс: мір это моя экономическая система, проще, мною написанный „Капиталъ", гдѣ я открыл вѣчные законы.

Это тройственное сведеніе к одному, трекратное спекулятивное перекувыркиваніе, чтоб, под конец, стать на кончикѣ своего собственнаго носа ногами вверх, утверждая и умѣя уговорить и внушить другим, что не он, этот ловкій факир фантазіи (Моисей или Христос)

и интеллекта (Кант или Марке) своим духовным „я“ стоит на кончикѣ своего духовнаго носа, а вся грандіозная чувственная, грубая, неученая вселенная стоит на этом тончайшем носикѣ интеллекта, болѣе тонком, чѣм остріе иглы,—право, это сумазнаніе есть чудо-глупость двадцатаго вѣка.

Быть может, что этот утроенный фокус даже имѣет нѣкоторое мистическое отношеніе к троицѣ, к сумбуру тріединости, которым глупо-глупыя и умно-глупыя головы человѣчества были навязчиво одержимы чрез ряд тысячелѣтій, но этот вопрос для нас не представляет никакого интереса. Нам было важно указать внутреннее оскудѣніе, вырожденіе и доведеніе себя до абсурда-монизма, во всѣх его видах и проявленіях.

Очевидно, всѣ эти религіозныя ученія являют собою апофеоз прехитрѣйшей глупости, претендующей на мудрость; самая безпардонная благо-глупость почему-то уговорила себя, что она сверхмудрость. Хорошенько справляясь с противниками, не благодаря своему здравому смыслу, а благодаря полному своему одурѣнію и умопомѣшательству, одержимости и маніачества, уроднивѣйшей, неслыханной фанатичности, находящейся в прямой пропорціи с потерей нормальнаго разсудка, т.-е. способности к полиидеизму, каждая из этих монистических систем изображает из себя большую умницу и удачницу. Но ея мнимый ум есть истинное скопленіе духа, аскетическое умерщвленіе всего многообразнаго и разновиднаго в нем ради одной острой монистической крапивы. Ея побѣда это—результат ея уродства, заносчивости, самоувѣренности и опьяненности своим суевѣріем. Никогда не было таких безумных фанатиков своего идола, который назывался единобогом в языческом мірѣ, как у іудеев. Далѣе, никогда не было таких свирѣпых людоѣдских фанатиков среди іудеев, как христіане. Но христіанству со своим неслыханнѣйшим безудержнѣйшим фанатизмом принадлежит потому честь доконанія науки в Европѣ. Соціальная религія (христіанство) не только убила саму себя, но и религію вообще. Никто столько не дѣлал в пользу атеизма, как инквизиція. Ошалѣвшее христіанство, рубя одинаково справа и слѣва, справа язычников и слева еретиков, оставило такое острое оружіе борьбы для невѣрующих, какого никто им бы не выковал, так что христіанство оправдало пословицу, что сам себѣ человѣк нерѣдко вредит больше, чѣм самый страшный врагъ.

Так нынѣ на наших глазах в Россіи (и если бы даже в Россіи и провалился бы соціализм, все равно свое истинное лицо он уже успѣл показать) соціализм не только безобразит себя, но и науку. Соціальная наука, в лицѣ марксизма, дискредитирует, убивает и себя и науку. Соціалистическая власть, ошалѣв, творит ужасы, перед которыми блѣднѣют безобразія буржуазных властей. Она без всякаго разбора косит, рубит своих же рабочих, своих же коммунистов, как нѣкогда инквизиція, сначала устроенная лишь для еретиков, в концѣ обратилась против самих христіан, окружая всѣх такой удушливой атмосферой лліонажа и нетерпимости, при которой жизнь совершенно стала не втерпеж. Рубя направо и налѣво, она стала послѣ простым орудіем

мести и подвоха, которое разило всѣх и все, преслѣдуя свои личные счеты и цѣли. Нерѣдко она возстала и против самых высших чинов духовенства.

А нынѣ в Петроградѣ и Москвѣ свирѣпствует Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ с контр-революціей. Она присваивает себѣ нерѣдко верховную власть. Так в лицѣ предсѣдателя Урицкаго, соединяется комиссія с Охраной города Петрограда. Одно лицо нынѣ бывает и инквизитором, главой *духовной власти*, т.-е. предсѣдателем научно-марксистско-революціонной инквизиціонной комиссіи и предсѣдателем Комитета Охраны, *главой свѣтской власти*.

XXXV.

Безчинства партіи как научной церкви.

Мы видим нынѣ в Россіи, что злосчастная диктатура пролетаріата вырождается в диктатуру большевиков, которая, в свою очередь, вырождается в диктатуру нѣсколькихъ „лидеров" партіи, т.-е. в диктатуру кардиналов церкви, в диктатуру епископов и попишек, в лидеризм. Мы живем в научное средневѣковье, все дикое, варварское воскресло. Нѣкоторыя из буржуазных газет и „Новая жизнь" нѣсколько раз выразили мысль, что мы вернулись обратно в средніе вѣка. Но эти люди наивны и темны, они воображают, что все это от злых козней большевиков. В этом не большевики виноваты, а наука. Не инквизиція была виновата, а христіанство. Марксизм это—яд, отрава; кромѣ своей лживости, он носит с собою *озвѣрѣніе* человѣчества путем озвѣренія яко-бы классов; но, в сущности, это не классы грызутся как голодныя собаки, а священники из-за прихода. Этого не способна понимать „Новая жизнь", которая сама чисто-марксистская, т.-е. чисто-христіанская, не признающая папизма или, вѣрнѣе, пожелавшая, чтоб папу выбрали из ея среды, ну примѣрно ватиканско-марксистскую комиссію с Базаровым во главѣ. „Новая жизнь" в оппозиціи за то, что Ленин невѣрно толкует священное писанія Карла Маркса. Базаров лучше знает, что вожстану думал Карл Маркс. Быть может, что если посадят Базарова на мѣсто Ленина он будет таким же строгим фанатичным папой, как Ленин, но и быть может, что он останется болѣе нетерпимым, хотя, безсомнѣнно, лишь с одной стороны, по отношенію к буржуазіи, т.-е. к язычникам, но по отношенію к еретикам к анархистам, отрицающим всѣх и все,—их он будет преслѣдовать, терзать, травить не менѣе, чѣм Ленин. И факты у нас налицо. Развѣ Керенскій не посадил анархистов в тюрьмы (автор просидѣл цѣлый мѣсяц). Очевидно, эти меньшевистскія папы марксизма мягки, гуманны, либеральны, нетерпимы лишь к язычникам, но не к еретикам. Возврат к демократической власти, к меньшевистской, означал бы лишь возврат к

полуязычеству, значит к старому варварству. Если же мы бы вернулись к чисто-буржуазной власти, то это было бы—возврат к полному научному язычеству, значит нисколько не к общей, всенародной власти, а к такой же научно-фанатичной, научно-кастовой, научно-лидерской, как власть большевиков. Ибо на дѣлѣ, как при большевиках нѣт диктатуры пролетаріата и даже не большевистской партіи, так тогда не будет ни диктатуры буржуазіи, ни даже диктатуры к.-детской партіи,—все это научныя фикціи и абстракціи, в дѣйствительности же будет диктатура кадетских лидеров.

Какая же тут разница?

А разница вот какая. При большевиках научно-папская власть, преслѣдующая всякаго нехриста, т.-е. немарксиста или неправильно толкующаго Карла Маркса, а при к.-детах, научно-жреческая власть, сожигающая христіан и еретиков, т.-е. и марксистов-соціалистов, и анархистов. Разница, как видите, очень маловажная, ибо обѣ сожигают еретиков, только одна сожигает их вмѣстѣ с язычниками, а другая вмѣстѣ с соціалистами. Иначе и быть не может. Всякая религіозная или научная власть будет сожигать еретиков, как всякая церковная власть всегда преслѣдовала не—господствующую церковь, так всякая партійная власть всегда будет преслѣдовать своих партійных врагов. Даже до момента захвата власти какой-нибудь партіею, она всегда борется не с классовыми врагами, а со своими партійными врагами. Никакой класс ей не так опасен, как другая партія. Истинный опасный соперник церкви, это другая, именно, христіанская, церковь или секта, которая может оспаривать у нея ея первенство, ея правоту, ея правильное толкованіе Христа. Так и партія. Она всегда ссорится с сосѣдней, самой близкой партіей. Никогда христіане не боролись с язычниками, как между собою. Меньшевик и большевик всегда были и будут на ножах. Лѣвые с.-р., как самые близкіе, самые страшные нынѣ враги большевиков.

Так было, так будет всегда до тѣх пор, пока не исчезнут партіи или ослабнут, т.-е. пока окончательно не сгинет вѣра в науку или-же, по крайней мѣрѣ, ослабнет эта вѣра, размножатся еретики в науку, которые умѣрят пыл дерущихся одним своим существованіем, но которые и не успокоятся, пока не искоренена будет наука с ея церковью,—Партіей, с ея звѣрскими *жертвоприношеніями*, заключеніем людей в тюрьмы и т. д.

Но и до момента полнаго исчезновенія суевѣрія и глупости науки и паденія партіи мы должны вести самую отчаянную борьбу против партіи. Всякій человѣк не научный звѣрь, не тигр „марксистских“ лѣсов и ленинскаго звѣринца, должен ратовать за лозунг науко-терпимости, проповѣдывать научно-партійную терпимость; как в темные религіозные вѣка свѣтлыя, благородныя души, в коих не обитает бѣстія научной партійности, должны гордо и самоотверженно носить великій свѣточ противо-научной безпартійности. Для слабых умов и сердец, неумѣвших отказаться от науки, тут лежит путь спасенія их от одичанія и озвѣрѣнія. Конечно, как безцерковность это лишь первый этап безбожія, так безпартійность лишь первый шаг по великому

пути безприродія, безнаучія, но он и первый луч восходящаго солнца очеловѣченія человѣка, спасенія его если не от научнаго суевѣрія, то, по крайней мѣрѣ, от научнаго озвѣрѣнія.

Второй лозунг этих свободомыслящих и свобододѣйствующих людей будет: *отдѣленіе партіи, как научной церкви, от государства.* Пока у человѣчества существует государство, т.-е. принудительная власть, то оно, по крайней мѣрѣ, должно быть безпартійным. Это страшное опасное оружіе нельзя дать в руки изувѣров научной марксистской церкви.

Свѣтская власть, ненаучная власть—вот клич, который вырвется из груди всякаго рабочаго, всякаго человѣка, еще не окончательно озвѣрѣвшаго за страшный період наших новых религіозных, т.-е научных войн, называемых революціями. Долой власть теоретиков, бѣсноватых догматиков!

Долой партію, научную церковь!—вот клич всякаго разумнаго человѣка, задыхающагося в удушливой атмосферѣ человѣконенавистничества,—клич рабочаго класса, клич Угнетенных, захлебывающихся в собственной братской своей крови.

Безпартійная власть, не церковно-научная власть! — но нѣт! это будет лишь новый обман, новая кабала, новое звѣрство, новая инквизиція.

И наука шла раньше под маской свѣтской власти, для того, чтоб побороть церковь. Но как только она окрѣпла, она бросила личину свѣтскости, она обнажила свое *истинно-научное*, фанатически-звѣрское лицо.

Нѣт. Достаточно обмана и одурачиванія. Пусть клич к безпартійности, провозглашаемый и анархо-синдикалистами послужит переходом, подготовкой сердец и умов к послѣднему всеосвободительному, освобождающему всѣх и все, освобождающему от всякаго стараго суенаучія и науки, за которыми уже не послѣдуют новыя—кличу:

Долой и саму науку, виновницу всѣх послѣдних кошмаров, ужасов, грызни и рѣзни, отупѣнія и озвѣрѣнія. Долой науку — символ войны, апофеоз войны,—царство духовнаго разбоя. Долой науку, оправданіе и опору всѣх соціальных зол, пяти угнетеній, всѣх войн, національных и гражданских!

И долой всякую власть, всякое угнетеніе. Долой и духовное угнетеніе, насиліе наукою, обманом, лжеубѣжденіем!

Долой научно-теоретическій фанатизм, источник ненависти и раздоров, причина несговорчивости и неуживчивости людей!

Долой науку, духовное государство и ея логическую власть и армію, логическое насиліе—опроверженіе и ея вѣчныя научныя войны и раздоры!

Долой соціальную науку с ея теоріями, партіями, „діалектикой", и ея неугасаемым ауто-дафе полемики, Агитаціи и Пропаганды!

XXXVI.

Неопапизм и неотеократія-натурорегія.

Октябрьскій переворот, совершенный всѣми лѣвыми элементами страны, былъ монополизированъ одной партіей большевиков, переименовавшихся в коммунистов. Расправляясь со всѣми своими противниками слѣва, обезоруживая и разгромляя сначала анархистов, а послѣ и лѣвых с-р. и максималистов, устанавливают (что сами уже нынѣ признают и провозглашают и от чего сначала открещивались, когда противники их в этом обвиняли) диктатуру ленинской партіи, диктатуру теоріи Маркса в толкованіи его намѣстника Ленина. Сдавая завоеванныя от буржуазіи позиціи, сведя на нѣт соціалистическія реформы, они низводят октябрьскую революцію на степень научно партійнаго переворота. Это не было торжество рабочих, а победа ленинскаго ватикана, большевистскаго Ц. К. Диктатура Ленина не есть обыкновенная диктатура какого-то деспота, скажем, Николая, Вильгельма или даже Керенскаго. Нѣт. Кто так смотрит на дѣло совершенно ошибается. Ленин уже не деспот божьей милостію, а соціалистической марксовой милостію. Ленин и не простой деспот, а папа.

Перед нами новый папизм и новая теократія. Но ея бог не бог научнаго язычества, бог естественных наук, бог Англіи, не физическая Природа; это и не бог наук о духѣ, психологическая природа научнаго юдаизма, т. е. германизма. Это натурорегія соціальной природы. Физическій бог господствовал у греков, физическая природа—у англичан, психологическій бог—у іудеев, психологическая природа—у нѣмцев (натурфилософія и науки о духѣ). Соціализм же означает господство соціальной природы. У англичан, в классической политической экономіи, и у Герберта Спенсера преобладает физическая природа, законы природы управляют обществом; у Спенсера, как синтетика, соціологія являетс я надстройкой над физикой, біологіей, и психологіей. Право, физическая природа нѣсколько болѣе милостива, чѣм у Мальтуса не так свирѣпа, включая в себя, наверху в соціологіи, и элементы этики. Физическая природа Спенсера уже не ньютоновская, не инертная, в ней преобладает уже не матерія, а сила, и этим она приближается к нѣмецким ненатурфилософам вродѣ Оствальда, старающагося так же как Спенсер примирить нѣмецкую философію с англійской наукой. Это примиреніе идет с обѣих сторон, и вся англійская культура,, как нѣмецкая, почти всецѣло стоит под знаком примиренчества с тою только разницей, что каждая сторона кладет свое в основу, а чужое как надстройку, как уступку. Мы видим потому, что англійская наука (даже в Америкѣ) старается стать „философіей“, все же сохраняя основныя черты науки, кладя в основу своей философіи принципы естественных наук, а нѣмецкая философія пытается стать „наукой“, сохраняя неотъемлемые признаки своей философіи. Так Майер положил основу нѣмецкой наукѣ, и Юм—англійской философіи. Тѣм не

менѣе нѣмецкая тяга к психологическому, хотя она преобразовалась из спекулятивно интеллектуальнаго в экспериментально-волюнтаристическое, живет даже в англозированном нѣмцѣ Вундтѣ, как тяга к физическому, к естественно научному, хотя оно здорово отдается мистицизмом и разочарованіем в науку вообще, дает себя чувствовать хоть бы в отчасти германизованном американцѣ, Джемсѣ, глашатаѣ прагматизма, представляющем собою послѣдній аккорд пропѣтой пѣсни англійскаго эмпиризма и первый безсознательный стыдливо робкій предвозвѣстник новой американской практической, т. е. технической цивилизаціи, с трудом пробирающійся чрез густыя могилы стараго міра, обросшія мхом англійскаго эмпиризма и огороженныя колючей проволокой нѣмецкаго трансцедентализма. Но по существу своему англійская природа остается физической, сначала собственно физической, а нынѣ біологической. Нѣмецкая же природа психологическая (логическая, этическая и, т. д.), а исторія и соціологія являют собою лишь матеріализацію духа—матеріализированную психологію. Государство, по Гегелю—олицетворенный разум.

Как видно, обѣ спорящія стороны, отстаивающія одна первенство физики, а другая гегемонію психологіи, сходятся в одном, в помѣщеніи соціологіи на заднем планѣ, в разсматриваніи ее, как завершеніе и конец научнаго знанія.

Но вот тут пришел Маркс и перевернул все вверх дном, ставя соціалнисе, как нѣкогда Христос, во главу угла. Конец объявлен началом, вершина горы науки основой, купол научной церкви фундаментом.

Не очевидно-ли, что учителем Маркса по переворачиванію, по факирству, по спекулятивному гокус-покусу является Кант и Гегель. Очень просто: раз космос может быть поставлен на инфузоріи представленія или на кончикѣ иглы логоса, почему бы его не помѣстить верхом на палкѣ экономики, почему бы его не заставить, этого многолапаго медвѣдя, танцовать на канатѣ историческаго матеріализма.

Конечно, матеріалистическая оболочка этой ультраметафизики нас мало введет в заблужденіе. Для нас ясно, что духовный авантюризм, ухарство казуистики, удаль софистики, безшабашный разгул самой нелѣпой, безудержной и безпардонной спекуляціи, достиг здѣсь своего апогея. Тѣм, что тонкая золотая лента мага Гегеля превращена Марксом в палку, в видах доступности ея болѣе грубым чувствам и умам, суть дѣло не мѣняется, не улучшается, а напротив того, скорѣе ухудшается. Несмотря на его внѣшнюю матеріалистическую маскировку, он является идеализмом самой высшей марки, перещеголявшим даже самого Гегеля. Не говоря уже о самой сверхидеалистической сверхутопической сущности марксизма, о которой еще рѣчь будет ниже, одной своей соціальвой гегемоніей он превзошел всѣ извращенія, кувырканія—коверканія самаго рыцарскаго идеализма, ставя пирамиду науки на самой ея вершинѣ, грандіозный небоскреб на последнем, еще недостроенном его этажѣ.

XXXVII.

Человѣкоподобіе и ученоподобіе, антропоморфизм и автобіографоморфизм.

Если вникнем глубже в это явленіе, то увидим в нем, что личныя антипатіи и симпатіи ученых к разным отраслям, питаемая ученым слабость к своей спеціальности, возводится ими тут в міровое начало. Маркс, занимаясь экономикой, будучи поглощен этой наукой, в наивности своей, предполагал, что космос или, по крайней мѣрѣ, общество занимается, интересуется, как он, одной политической экономіей. В этом и лежит ключек объясненію того страннаго столь обычнаго факта переворачиванія ногами вверх, наблюдаемаго нами как в религіи, так и в наукѣ и практикуемаго, главным образом, выдающимися умами. Дѣло в том, что таланты обыкновенно устремляются не в старыя, густонаселенныя страны, гдѣ их ждет ожесточенная конкуренція, а во вновь открытыя заокеанскія земли, гдѣ их ждут непочатые края, интересныя приключенія, лишеніе и мытарство, но конечное торжество и неувядаемая слава новаторов. Эти рыцари славы тяготѣют к новому, обѣими руками ухватываются за всякое новшество. Они не любят рыться в могилах прошлаго, не находят удовлетворенія в том, чтоб своей жизнью, длинной томительной работой, служить каким то кирпичиком башенки уж давно выстроеннаго законченнаго великолѣпнаго замка. Они жаждут быть началом, а не концом, по крайней мѣрѣ, срединой. Эти страстныя натуры, полныя силы и предпріимчивости или основывают новыя отрасли науки или же работают в молодых, еще не разработанных, не установленных. Как в первом, так и во втором случаѣ, выводя новый этаж на старом зданіи науки или помогая достраивать его, всецѣло уходя в эту работу, вкладывая в нее всѣ силы, возлюбя ее всѣм своим сердцем и всей своей душою, они, увлекаясь, забывают, что это лишь верхній этаж и все болѣе и болѣе склонны принимать его за фундамент. Как возлюбленный видит в предметѣ своей любви центр міросданія.

Что лилія между терніями, что возлюбленная моя между дѣвицами (Пѣсня пѣсней Соломона 2, 2), так влюбленный в свою спеціальность ученый видит в ней основу міросданія. И если вы его спросите: чѣм возлюбленная твоя лучше других возлюбленных? то услышите от него такую же панигирику, как от Суламиты.

Возлюбленная моя лучше десяти тысяч других. Есть шестьдесят цариц философіи и восемьдесят наложниц метафизики и дѣвиц без числа. Но единственная—она, голубица моя, чистая моя.

Ekonomik über alles—скажет Маркс.

Біологія выше всего—обоснует Спенсер.

Transcedentale Logik это мір—выведет Кант.

Нравственность, любовь начало всего—скажет Христос.

Тора моя выше всего—заповѣдает Моисей.

Так каждый восхваляет свою возлюбленную. И его приверженцы страдают той же односторонностью постольку, поскольку и они влюблены в тот же предмет.

Так апостолы и Каутскіе тащатся за Христом и Марксом, плѣненные той же красавицей, открывая в ней все новыя красоты.

И эти ограниченные люди, в своей суобъективности, упоенные своей любовью, одержимые своей страстью, думают что всѣ люди, всѣ поголовно видят и обязаны видѣть в обожаемой своей особѣ весь мір, в ея глазах—море, небо и рай.

В наш вѣк, вѣк терпимости по отношенію к сердцу, к чувствам, влюбленная парочка не станет навязывать кому бы то ни было свои переживания. Как шиллеровскій юноша, влюбленный будет переполнен небеснѣйшими мелодіями, которых ни чье ухо не услышит. Если он поэт, то он может обезсмертить его Нину или Клару дивнѣйшими твореніями, выстроить в стихах как Шелли великолѣпнѣйшій мраморный дворец на островѣ. Если его душа будет разъѣдаема печалью неудовлетворенности, то он споет нам как Гейне о сфинксѣ, полульвѣ и полуженщинѣ. Но никто не вызовет как средневѣковый рыцарь, фанатик сердца, монист чувства, всѣх, непризнающих за его дамой сердца первенства на бой.

Но тот дикій фанатизм, от котораго уже исцѣлились рыцари сердца и фантазіи, еще является удѣлом рыцарей ума, рыцарей интеллекта в наше научное средневѣковье.

Как дикарь, безумец, весь ярость и гнѣв, с искаженным от страсти лицом, он вступает в бой с первым встрѣчным, нераздѣляющим его взгляда насчет единственности, монистичности, красоты, лилеобразности своей науки или, еще хуже, теорій и безобразности наук и теорій других.

Это порождает ту ожесточенную идейную борьбу, борьбу всѣх ученій, наук, систем и теорій против всѣх других, которой характеризуется современная „цивилизація“, которая вряд ли достойна даже нести названіе „неоварварство“.

Но об этой всеобщей идейной свалкѣ, которая, главным образом, сбивает с толку и дѣлает своим пушечным мясом, и идейно и физическим, несчастныя взбудораженныя блуждающія массы, увлеченныя мутным потоком демагогіи лидеров, теоретиков и партій, сдѣлавших из них жертвою мессіански-соціалистическаго психоза,—будет рѣчь во второй полуглавѣ.

Тут мы хотѣли лишь указать, что как религіозный и научный монизм является продуктом, отображеніем личной жизни их творцов, юродивых, экстатиков религіи и науки.

Этот монизм—это чистый автобіографоморфизм его авторов.

И послѣдній с тѣм большей силой проявляется, чѣм больше *оригинальности* и *личности* данный новатор вкладывает в дѣло своего творчества.

Предаваясь всецѣло своей идеѣ, посвящая ее проповѣди, обоснованію или пропогандѣ всю свою жизнь, он объективирует, косми-

зируетъ, переноситъ въ внѣшній міръ свою любовь, страстность, исключительность и единственность.

Будучи моноцентрикомъ, какъ оригинальная страстная натура, подчиняя все въ своей личной жизни одной своей идеѣ, сведя все многобразіе своихъ мечтъ юности, страстей возмужалости и достиженій преклонности къ одной единой центральной точкѣ, эти монизаторы своей личной жизни, монобіисты-моноидеисты лелѣятъ себя гордой наивной мечтою монизировать, свести къ одному и безконечную, а что главное—*абсолютно несоотносительную вселенную*, „*вселенную въ себѣ*“, которую мы, лишь въ видахъ не менѣе наивной, но нѣсколько съ виду смягченной субъективности, называемъ, ради неимѣнія другого выраженія, для сугубаго оттѣненія всей абсурдности монизма - безконечно-образной.

Эти деспоты, централисты, абсолютисты своей собственной жизни создали намъ, по образу и подобію своему, т.-е. по образу и подобію ихъ личной (по большей части у нихъ семейной жизни нѣтъ) жизни религіозно или научно монистическія системы.

Тѣ же изъ нихъ, которыя наряду съ моноцентрическими тенденціями сумѣли сохранить въ личной жизни нѣкоторую сдержанность, съ оглядкой уходя въ самого себя, въ свою идееупоенность, создали нами плюралистическія религіозныя или научныя системы.

Эти послѣднія натуры, если они находятся подъ властью внутренняго міра ближе соприкасающаго (или создающаго иллюзію близкосоприкасательства) внѣшняго міра, тогда ихъ объективизмъ, называемый обыкновенно эмпиризмомъ или позитивизмомъ, слѣдуетъ разсматривать какъ низкопробный, а ихъ самихъ какъ недорослей духа, неподнявшихся до второй ступени сознательнаго освобожденія отъ поверхностныхъ впечатлѣній. Если-же, наоборотъ, ихъ объективность есть не рабство (кажущихся) внѣшнихъ впечатлѣній, а сознательное подчиненіе послѣднимъ для придачи единственно возможной на ихъ взглядъ объективности своимъ твореніямъ, тогда они представляютъ собою уже наивныхъ эмпириковъ, а эмпиріокритицистовъ.

Но мы не намѣрены войти тутъ въ критику какъ однѣхъ, такъ и другихъ, хотя всѣ онѣ, на нашъ взглядъ, одинаково ошибаются.

Тутъ намъ важно указать, что какъ тѣ и другіе представляютъ собою лишь различные психологическіе типы, вѣрнѣе различные искусники творчества духа, различные художники, мастера, работающіе различными способами, и воображающіе каждый, въ наивности и фанатичности своей, что его способъ не только единственно плодотворный, но и единственно возможный.

Но и это является лишь побочнымъ мимоходнымъ нашимъ разъясненіемъ; главнѣйшая же наша задача это выяснить, что какъ первый монистически-дедуктивистическій типъ, такъ и второй плюралистически-индуктивистическій типъ, представляющіе собою лишь выработанные ставшіе привычками методы творчества, и являющіеся, нерѣдко, первый—противовѣсомъ противоразсѣянности и другой—продуктомъ излишней сосредоточенности, возводятъ свои личныя наклонности и устройство ихъ жизни въ міровое начало.

Наши теоретико-познавательныя изслѣдованія (см. вторую часть

Соціофилософію) показывают нам наивность обоих міровоззрѣній, что как это единство, так и множественность есть лишь собственное единомысліе или многомысліе, но нисколько не космическое единство или космическая множественность. В космосѣ, в вещи или явленіи в себѣ, которыя вполнѣ абсолютно доступны нам (не как думали наивные позитивисты и критицисты), т. е. не нашему интеллекту, а нашим мускулам-чувствам. Мір в себѣ это мір доступный техникѣ, а в нем нѣт, абсолютно нѣт, ни единства ни множества, так как он внѣ, точнѣе, несоотносителен с числом. Число, понятіе о числѣ, создает лишь техника, технизація міра означает, нѣкоторым образом, и математизація его. Создавая искусственно предметы, мы создаем именованныя числа, отвлеченія лишь от которых суть неименованныя числа.

Тут не мѣсто и нам нѣкогда остановиться на этом колоссальной важности вопросѣ, одним махом разсѣкающем тот грандіозный гордіев узел, в котором запутались лучшіе умы человѣчества от политеизма до монизма. Отсылаем читателя к отдѣльным мѣстам соціофилософіи и к спеціальной нашей работѣ по теоріи познанія. Но мимоходом бросим лишь нѣсколько слов, которыя сразу показывают всю абсурдность понятія числа, чистый антропоморфизм и техноморфизм и соціоморфизм, в нашем перенесеніи его на мір. Дѣло в том, что понятіе о числѣ, как всѣ другія понятія науки: время, пространство, причинность и т. д., страдают наивным дуализмом, эклектичностью, противорѣчивостью, устраненіе которых возможно лишь с устраненіем самих этих понятій. В данном случаѣ, понятіе о числѣ также неизбѣжно терпит полное крушеніе, колеблясь между его нулевыми предѣлами: абсолютное тожество, с одной стороны, и абсолютное различіе, с другой. И как всѣ научныя понятія, по указанію Гегеля, стремятся к своему противорѣчію, т. е. доведенныя до логических своих предѣлов самоуничтожаются, так и монизм. Монизм послѣдовательный, полный, подрубает сук, на котором сидит, покушается на самого себя, доведенный до конца он упраздняет, уничтожает число, так как полнаго единства, разумѣется, считать нечего и нельзя. То же самое произойдет с полным плюрализмом. Всякій знает, что считать можно лишь однородное; плюрализм, признавая лишь разнородность, тѣм самым также упраздняет число и, слѣдовательно, и свой плюрализм.

Очевидно, монизм невозможен без плюрализма, без своего противорѣчія, и плюрализм невозможен без своего противорѣчія, монизма.

Откуда происходят всѣ эти понятія, абсолютно антилогическія, эклектическія?

Отвѣт возможен лишь один: источник всѣх этих понятій наивное хватаніе логической палки за два конца; все это алогизмы, абсурды, софистически-иллюзорныя понятія, получаемыя от различнаго комбинированія наивнаго непослѣдовательнаго эмпиризма с раціонализмом, мнимо-бытія с слабомышленіем.

Но это их логическая, вѣрнѣе, анти-логическая природа. Гдѣ же их психологическое оправданіе?

Их оправданіе, кромѣ обыкновенно нами указываемых техноморфизма и соціоморфизма, это—прибавим здѣсь—выше описанный *бо-*

графоморфизм, который и есть, в одно и то же время, техноморфизм софотехники (искусства умнаго) и частичный соціоморфизм (личная жизнь в общесоціальном).

XXXVIII.

Научная война народов и классов.

Вышеуказанное зло научной борьбы из-за разных монистическихъ теорій-Дульциней усугубляется еще и тѣм, что за истинными рыцарями длинными вереницами тянутся лже рыцари, Дон-Кихоты интеллекта, каждый со своей дѣвкой постоялаго двора, объявленной принцессой, Дульцинѣйшей Дульцинеей, т. е. теоріей, объявленной наукой, и за ними цѣлыя полчища Санчо-Панчо, стремящіеся всѣ к губернаторству. Это „лидеры", и „партіи". Словесные громы Дон-Кихотов сопровождаются орудійной пальбой Санчо Панчо. Лѣса трескучих фраз лидеров замѣняются внизу лѣсами штыков, направленных друг против друга. И все это из-за разных Дульциней... Губернаторства всѣ дают одинаковыя. Но Дульцинеи у них другія.

У Ленина—Троцкаго одна Дульцинея, „большевистская".

У Спиридоновой—Камкова другая Дульцинея, лѣво—с.-ровская.

Но изложенное отчасти неточно. Вѣрнѣе, Ленин с Спиридоновой боролись из-за губернаторства, из за власти, но обманутыя массы, красноармейскія части, эти Санчо-Панчо, которыми всѣ помыкают, кровь которых всѣ лидеры партій, всѣ патріархи научных церквей, пользуют как мазь для колес своих неподвижных телѣг—теорій, как раз боролись из за Дульцинеи их вождей.

Так велись религіозныя войны когда-то: главы церквей говорили о богѣ и помышляли о Маммонѣ, а массы, обманутыя, умирали за гроб Господень или за Церковь свою. Так ведутся нынѣ научныя гражданскія войны в Россіи. Такую двуобразную подкладку имѣет и кошмарная полуміровая бойня, длящаяся уже больше четырех лѣт.

Вильгельмы, Гинденбурги, Вильсоны воюют безсомнѣнно из-за соперничества, из за тщеславія, но народы, из крови и мяса которых изготовляется этот міровой бифштекс и которые в сущности ничего друг против друга не имѣют—эти несчастныя жертвы воюют не из-за матеріальных благ (ибо если разсуждать марксистски—*матеріалистически*, то им выгоднѣе было лучше бороться со своей буржуазіей, и если разсуждать не историко-матеріалистически, что означает идеалистически-матеріалистически, а попросту грубо-матеріалистически, по настоящему матеріалистически, то им слѣдовало бы вообще лучше каждому сидѣть дома, спекулировать насчет войны, если бы нашлись дурачки, которым схота умереть, или же так мирно копить деньги), а из-за идеализма. Онѣ умирают за свою культуру, а так как во главѣ культуры стоит наука, которая и считается квинт-эссенціей первой, то можно сказать достовѣрно, что народы воюют за науку: нѣмцы за

нѣмецкую науку (вѣрнѣе философію или философо-науку) и англичане—за англійскую науку и науко-философію.

Мы дошли, таким образом, до очень важнаго заключенія, что виновницей полумірової бойни является наука, и что настоящая война, в отличіе от других, является *научной*.

Нѣкоторые скажут нам, что борется нѣмецкій имперіализм с англійским или что нѣмцы и англичане борются за рынки.

Но люди, утверждающіе так или дурали или клеветники. Они дураки, потому что они хватаются за оболочку, пренебрегая ядром, и пожевывая первую, воображают, что жуют послѣднее. Мы же не оспариваем, что Вильгельм и его камарилья воюют из за мірового господства, из за имперіализма. И если мы бы утверждали, что Вильгельм борется за нѣмецкую дедукцію, за трансцедентализм и критицизм, мы были бы так наивны, как наши противники, которые говорят, что нѣмецкіе рабочіе или нищіе борются из за мірової германской монархіи. Это абсурд, химера, ибо им столько же до мірового имперіализма Вильгельма, как Вильгельму и юнкерству—до нѣмецкаго трансцедентализма и монизма. Человѣк, способный настаивать на такой нелѣпости, сам выдает себѣ аттестат бѣдности. Но это не только наивность, но и клевета, клевета на Угнетенных, на обманутых, на дважды Угнетенних, угнетенних экономически и к тому еще—духовно. Несчастная голытьба всегда умирала за кусок хлѣба, который ей подбросили, как собакѣ кость, и из-за Бога, которым ее обманули и к которому ей дали пріобщиться лишь своей смертью.

Что общее имѣл средневѣковый крѣпостник с Богом, что он знал про него. Развѣ его обучали слову божьему. Нѣт. Его обучали смерти божьей. Этого от него требовали, это он с радостью дал, жизнь народу никогда не дорога была. Несчастными они рады умереть за бога: они считают это великой честью для себя умереть за того, котораго почитают богатые, бароны, князья, цари. В смерти они удостаиваются великой чести.

Нынѣ пролетаріи и люмпенпролетаріи Германіи, Англіи и прочих стран умирают за свою „родину“. Но родины конкретной, реальной у них нѣт. У пролетаріев и голышей Берлина и Лондона каменных домов нѣт, земли даже величиною в могилу у них тоже нѣт. За что же они умирают? Неужели за право быть эксплоатируемым, угнетенным. Они умирают не за землю-ренту и не за капитал, которых у них нѣт и которые они ненавидят всѣми фибрами своей души. Они умирают за рынок—лживо говорит политическая экономія. Но какой же рынок, что они будут там продавать? свою рабочую силу. Так ее можно продавать вездѣ и всюду, хоть на краю земли, когда в ней нуждается капитал, и она лишня вездѣ и всюду, хоть в своем родном углу, когда в ней не нуждается капитал. А развѣ капитал національен. Напротив, он скорѣе рад эксплоатировать чужеземцев, китайцев, негров и проч. предпочитая их своим. Из них легче выжать послѣдніе соки, и менѣе совѣстно. Тѣм менѣе может умереть за рынок нищій, голыш, безработный. Нищенствовать, влачить жалкое существованіе можно опять-таки вездѣ и всюду.

Так за что же умирает пролетаріат и люмпенпролетаріат?

За „территорію"—отвѣчает политологія (наука о національной политикѣ). Но за какую территорію, за географическую, за конкретную территорію—вѣдь ея у него нѣт. Имѣній и земли он вѣдь не имѣет.

Не за *географическую территорію, а за юридическую территорію*, служащую базой для управленія данным обществом за пространственное протяженіе права управленія—послѣдует разъясненіе политологіи. Одно государство, воюя с другим, захватывает ея территорію, т. е. не землю, не географическую, а юридическую территорію, что означает право распоряжаться в данной области—получим еще болѣе тонкое и глубокое объясненіе со стороны той же политологіи.

Но вѣдь несчастный рабочій, бѣдняга и батрак никѣм не распоряжается, а им распоряжаются, никѣм не управляет, а им управляют. Неужели ему слаще оттого, что Вильгельм его бьет кнутом? Неужели пріятнѣе тебѣ, если твой „брат" служит надсмотрщиком над тобою? И неужели ты можешь смотрѣть, послѣ этого, на него как на брата. Так за что же пролетарій и босяк умирает—все же остается вопросом, как было. За юридическую территорію. Но у него вѣдь и юридической территоріи нѣт.

На это есть один отвѣт: пролетаріат и люмпенпролетаріат умирает за трансцедентальную территорію, за трансцедентальную родину, за науку.

А эту родину, эту мачиху-колдунью, пролетаріат любит, по ней тоскует, о ней он грезит; эту розгу он цѣлует, на эти цѣпи он молится. Так заповѣдали ему его мнимые друзья. С малых лѣт его пріучили к страху перед этим грозным богом, его священников он слушается. Вундты, Оствальды, жрецы науки, его звали на смерть, а он идет. Священники соціальной науки, т. е. лидеры соціалистических партій, не отстают от жрецов. И льется кровь океанами во имя новаго бога, во имя науки...

Но если научный характер нынѣшней войны затуманивается в Германіи, гдѣ во главѣ стоит Вильгельм, человѣк, правда, умѣющій играть на научную струнку, выѣзжать на „философіи" Фридриха, все же *простой кровожадный*, по существу, простой кровожадный звѣрь имперіализма, то яснѣе яснаго это выступает наружу в русской гражданской войнѣ, которая, в послѣдней своей стадіи, на глазах у всѣх, превратилась в партійную войну. В Россіи, в этой странѣ чудес, нынѣ многія возлелѣянныя вѣками мечты-идеалы облеклись в плоть и кровь, и на ужас и удивленіе многих, стали на ноги, как реальныя существа, оказываясь—увы!—чудищами, с острыми клыками, ядовитыми зубами и когтями. Тот идеал, с которым носились якобы лучшіе сыны человѣчества от Платона до Сен-Симона стал реальностью, правда, в не очень-то привлекательной формѣ. Вряд ли Платон удовлетворился бы „философіей" самого Маркса, а не то его намѣстником—Лениным, вряд ли Сен-Симон нашел бы в послѣднем достаточно „учености". Но это нас мало безпокоит. Мы знаем, что папы нерѣдко были круглыми невѣждами. Но это им нисколько не мѣшало быть пастырями народов на славу бога и во имя религіи.

Так нынѣ и Ленин. Учен ли он или нѣт—это не наше дѣло. Но на что он претендует? На званіе теоретика марксизма. В этом вся его сила, всѣ его заслуги. Он правильнѣе всѣх—по мнѣнію его единомышленников—толкует священное писаніе Карла Маркса. Он „теоретик“ партіи, другими словами, глава нынѣшней господствующей научной, марксистской церкви.

Не подлежит никакому сомнѣнію, что нынѣ в Россіи научная теократія, как мы это называем, натурорегія, господство Соціальной Природы Маркса, словом, Марксократія, в лицѣ его намѣстника Ленина. И все что сейчас творится в Россіи, творится по Марксу, т. е. по соціальной наукѣ, по теоріи партіи большевиков, т. е. по вѣрѣ их научной церкви. А гражданская война в Россіи на самом дѣлѣ научная борьба научных церквей, т. е. партій между собою.

XXXIX.

Монизм и фанатизм.

Откуда берется этот неимовѣрный фанатизм новаго соціалистическаго средневѣковья?

Его начало в *монистической теоріи*, в монистической вѣрѣ, и монистической *тактикѣ*, т. е. в монистическом ритуалѣ, в монистической обрядности. *Все, всякіе помыслы твои*, малѣйшее движеніе твоей мысли, всѣ твои дѣйствія, малѣйшій шаг, ничтожнѣйшій росчерк пера под декретом—буквально все тяготѣет к Марксу. Вот вам точный духовный облик Ленина, Плеханова, Каутскаго и прочих пигмѣев марксизма.

Жизнь для этих мономанов имѣет лишь один смысл: *жить для Маркса и в Марксѣ*.

Бог или дьявол, Маркс или буржуа—мелкобуржуа—так дѣлится для них общество, народы, человѣчество, земли, части свѣта, звѣзды, солнечныя системы, космос.

Все прочее от лукаваго.

Может ли быть граница их ограниченности, предѣл их безпредѣльному фанатизму?

Нѣт, быть не может!

Христіанство не знало соперника по юродивости, по ограниченности, по нетерпимости, по фанатизму. Его и не знает соціализм.

Мог ли быть таким фанатиком язычник, исповѣдующій многобожіе. Он почитал, боялся и уважал и богов других народов, кромѣ своих. Он имѣл своих мѣстных, но страшился и чужих, иногородних и чужеземных. Плюралист не может быть таким безумным фанатиком. Достаточно уж одно то, что он не мономан. Его пыл, его огонь, его ревность разсѣивается, раздробляется на множество. Имѣющій много жен не будет так ревнивым к одной.

Безпримѣрным фанатизмом уже дышет ветхій завѣт. Рубя, жги,

сокрушай, уничтожай все что попадется тебѣ подъ руку несогласное с твоими убѣжденіями, несоотвѣтствующее твоим національнымъ вкусам. Читайте библію и вы увидите, что она вся дышет злобой, ненавистью против инакочувствующих, инаковѣрующих.

„Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканы (богов) их сожгите огнем (Второзаконіе, 7, 5)".

Но что значит этот фанатизм Моисея в сравненіи с фанатизмом пророков. Будучи не только пророком (т. е. лириком, дедуктивистом фантазіи), но и законодателем, эпиком (индуктивистом фантазіи), он не мог быть так фанатичен, так субъективен, так „внѣ міра сего". Но пророки, эти вѣчно волнующіеся, вѣчно экзальтированные, вѣчно одержимые, ничего не видящіе кругом себя, ничего не разбирающіе в современности, махнув рукою на „закон", на ритуал, т. е. на программу минимум, на мелочную обыденщину, жили одной своей мечтой, своей идеей, страстно-буйной и отвлеченно-призрачной. Убѣгая от дѣйствительности, уходя в себя, он стал еще фанатичнѣе.

„Тогда из мѣсяца в мѣсяц и из субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред лице Мое на поклоненіе, говорит Господь. И будут выходить, и увидят трупы людей, отступивших от меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостію для всякой плоти".

Какой изувѣр, безумный фанатик это говорит?

Это слова одного из величайшаго пророков, слова Исаіи. Перед его лиризмом фанатизмом блѣднѣет законодательный и заповѣдническій фанатизм Моисея. Величайшій из лириков неминуемо должен был быть величайшим монистом, величайшим субъективистом и, слѣдовательно, величайшим из фанатиков. Моисей же как законодатель, как человѣк дѣйствительности, как частичный реал-политик не мог же быть так свирѣп. Моисей, как человѣк настоящаго, слово котораго было закономъ, не мог так бросаться словами, он был скупѣе. Бьющая ключом фантазія Исаіи не знает предѣлов житейских, про нее никакіе законы не писаны, его эмоціи, гнѣв и любовь, вольны как вольны средины моря, не знающія берега. У него внутренность стонет, как гусли (16, 11) и сердце трепещет (21, 4).

Но и величайшій лирик-пророк еще живет на землѣ.

„Небо—престол мой, а земля—подножіе ног моих (66, 1)—говорит его бог. Небесное—небу, а земное—землѣ. Он живет как простой смертный, рождает сына, хотя его имя уже служит лишь знаменіем. „И приступил я к пророчицѣ, и она зачала, и родила сына (8, 3)". Человѣк земли еще имѣет снисхожденіе к земному. Зная борьбу неба и земли, добродѣтели и грѣха в нем самом, он еще дуалистичен, не окончательно монизирован, и, слѣдовательно, не совершенен в своем фанатизмѣ. К тому пророк своими корнями прикрѣплен к опредѣленному мѣсту, к опредѣленной націи, отчасти даже к семьѣ. При всей своей экзальтаціи, при всей своей бурливости и пѣнистости, он еще сравнительно беззастрастен, при всей своей единственности и одержимости, он еще многогранен, многообразен.

Но вот приходит предвозвѣщанный им, его идеал, приходит то безтѣлесное, тот святой дух, о котором он грезил. Приходит то якобы чисто универсальное, чисто космополитичное. Это чистѣйшее небо, небо без земли, добродѣтель без грѣха. Этот еще большій монист. Он весь ушел в одно, в единое. Его множественность, его тройственность лишь призрачна: она существует лишь для того, чтоб единое издѣвалось над множеством. Это вызов и издѣвательство и поруганіе над числом! Он един даже будучи утроен, единый, несмотря на трех его образах. Это полнѣйшая мономанія. Это доведеніе монизма до умопомѣшательства, до попиранія ногами всѣх человѣческих, логических, математических понятій! Вот истинная природа христіанской троицы. Іудей восторжествовал над эллином: одержимость над безпристрастіем, единица над множеством! Повержен в прах эллинизм, растоптано язычество. На сцену выступает Іесус с его евангеліем.

Тут суевѣріе и фанатизм достигает своего апогея. Огненная геенна так и горит постоянно перед его глазами. Религіозный изувѣр страдает маніей преслѣдованія. В ушах у него стоит гул ада, глаза его ослѣпляет вѣчный огонь. Религіозная идея поглотила всю его жизнь. Моисей еще жил земной жизнью. У него была жена и дѣти. Моисей же вначалѣ был простым пастухом, и пас он овец настоящих, а не божью паству, не был сразу словцом человѣков.

Прекрасная библейская идиллія рисует нам его встрѣчу с дочерями священника Мадіамскаго. Как он начерпал им воду, защитил их, словно рыцарь. Библія любит в таком свѣтѣ представить своих героев. И Яков выступает, как защитник слабаго прекраснаго пола. Но вот у Моисея происходит перелом, уединяясь в пустынѣ, он обращается от земного к богу. Он бросает жену и дѣтей, хотя вначалѣ берет их с собою. Мы присутствуем как совершается это погруженіе в бога у Моисея. Изгнанный, преслѣдуемый, на чужбинѣ одинокій и среди своих, он мечтательствует, уединяется со своей взлелѣянной мечтою, своим отлеченным, отвлеченным богом. И хотя талмуд утверждает, что Моисей, сдружаясь с богом, отказался от семейной жизни, мы этого в библіи не видим. То мѣсто (числа 12, 1), гдѣ Маріам и Аарон жалуются на Моисея за Еѳіопіянку, которую он взял, и которое талмуд толкует как раз в противоположном смыслѣ, а именно, что они жаловались на него за его отказ от семейной жизни, лишено всякаго основанія, хотя за него говорит слѣдующій стих. Моисей связан со своим народом, а Христос без роду и племени. Он не признает никакого родства, ибо для него его идея выше всего.

„Когда же он еще говорил к народу, матерь и братья его стояли внѣ дома, желая говорить с ним. И нѣкто сказал ему: вот матерь твоя и братья твои стоят внѣ, желая говорить с тобою. Он же сказал в отвѣт говорившему: кто матерь моя? и кто братья мои? И указав рукою своею на учеников своих, сказал: вот матерь моя и братья мои, ибо кто будет исполнять волю отца моего небеснаго, тот мнѣ брат, и сестра, и мать (Матѳей, 12, 46—50)".

Трогательно-милы простыя слова, слова влюбленнаго в бога. Как это не льстит нашему стремленію к возвышенному, прекрасному, мы

должны сказать правду, что пред нами маніак, юродивый. Любовь к богу превратилась у него уже в аномалію, в страсть. Это уже своего рода недерастія. Тут пахнет половым извращеніем и сумасшедшим домом. Все же мы преклоняемся пред этой трогательной аномалией! Когда мы видим как безумно изступленно пылкій эротическій юноша влюблен в свое обожаемое существо, мы не можем не сочувствовать ему. Как не спит по ночам, грезя ею, утром, бѣгая к ней, осѣдомляясь о здоровьѣ, о ночных ея снах. Всегда готов услужить, доставить удовольствіе, отдать себя всецѣло, жертвовать своей жизнью. Это так прекрасно, хотя аномалія.

Но когда мы его видим, ревнуя. Как это отвратительно, мерзко, низко и пошло. Всегда подстерегая ея шаги, вѣчно томляясь терзаясь подозрѣніем, шпіоня и выслѣживая. Не позволяя никому посмотрѣть на нее ласково. Ея смѣх в кругу родных или чужих звенит в его ушах, подмеченная улыбка ея кому бы то ни было наполняет его душу ядом, радостный ея взгляд, хоть бы ея родному отцу, сожигает его сердце. Тут пред нами вышеупомянутая аномалія, но в отвратительной формѣ. Маніак становится в тягость всѣм, превращая самую радостную, радужную, цвѣтущую жизнь, что кругом него, в пустыню с одинѣми ядовитыми змѣями.

Таков всякій монист, когда он начинает ревновать. Никто не может ничего имѣть против него, когда он приносит в жертву себя, но когда он неистово требует жертвы от других. Когда он уродует себя во имя своего вымысла, своей навязчивой идеи, он симпатичен, порою даже величествен. Но как мерзок он, когда он ревнует, когда он критикует других, насилует людей, не могущих и не желающих жить маніаками, как он.

Вот берите Христа, как он симпатичен был, когда он отрекся от матери и братьев: мы как бы чувствуем вмѣстѣ с ним его страданія. Вот сочится кровь из ранѣнаго его сердца, глубокую біологическую привязанность он вырвал с корнем, это—корень дарованной ему жизни. Что ему несчастная мать, когда она в состояніи дарить ему лишь бренное тѣло. Три компаньона есть у человѣка—говорит талмуд—отец, мать и бог. Христос признает лишь одного компаньона—отца небеснаго, т.-е. святого духа. И как не коверкали троицу совершенно оторвавшіеся от іудейскаго ствола христіанскіе вѣтви, для объективно читающаго евангеліе всегда будет ясно, что у мертвых христіан преобладал святой дух. Евангеліе, это царствіе небесное, царствіе святого духа. И потому нам вполнѣ понятны слова: „Посему говорю вам: всякій грѣх и хула простятся человѣкам, а хула на духа не простится человѣкам. Если кто скажет слово на Сына человѣческаго, простится ему, если же кто скажет на духа святого, не простится ему ни в сем вѣкѣ, ни в будущем (Матѳей, 12, 31, 32)".

Но все это понятно и простительно. Маніак прикрыт неуязвимым щитом трансцедентальности и моралізма. Но когда он ревнует, тогда мы вдруг, к великому ужасу, видим отвратительный лик. В нашем взятая святых пред глазами у нас не воркующій голубь любви,

а шипящая змѣя. Уже, во всяком случаѣ, не агнец, а разъяренный бык или жеребец, изступленно преслѣдующій самку...

Дико и свирѣпо, фанатично-звѣрски звучат ревнивыя слова: „Кто любит отца или мать болѣе, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь болѣе, нежели меня, не достоин меня (Матѳей, 10, 37)". Тут мнимый агнец выдал себя с головой, выдал свои припрятанные когти, выдал свое каменное сердце... Урод, маніак стал ревновать, и всѣ блага его назойливой нестерпимой любви сразу превратились в тягости, в муки, в терзанія—тиранію. Самомученик становится мучителем, аскет волею-неволею превращается в деспота, инквизитора.

Мы ничего не знаем про юность Христа. Возмужалым, грозным, суровым он предстает пред нами. Безумный монизм, мономанія Христа была удѣлом всѣх его апостолов. И как Каутскій не может не видѣть вездѣ и всюду экономических условій, так Матѳей не может отдѣлаться от преслѣдующих его нравственных условій. Ради *монизма*, ради нравственной взвинченности, в цѣлях *агитаціи*, называвшейся тогда *проповѣдью*, ради господства единой тенденціи, пожираемый вѣчным внутренним огнем, находящійся в постоянной экзальтаціи, в одном безпрерывном соціально-этическом экстазѣ, апостол обходит молчаніем, отбрасывает, как лишнее, дѣтство и отрочество Христа. Мы бы видѣли его, быть может, играющим ребенком, копирующим в своих играх окружающую жизнь самих же—о ужас!— фарисеев, священников и даже язычников, без всякаго страха попасть за то в огненную геенну. Мы бы видѣли его по дѣтски плачущим, как Моисея. Право, есть ли что-нибудь болѣе человѣчески-безпомощное, как naar bocheh (плачущій ребенок), и есть ли что-нибудь болѣе человѣчески-мощное, как строящій ребенок!

Но евангелист прекрасно знал (или может ничего и не знал, ибо характерная черта апостола это то, что он ничего не знает, кромѣ своей неотвязчивой идеи), что такая библейская эпизодичность может погубить все дѣло „агитаціи", низведя евангеліе на степень библіи, т.-е. на что-то сравнительно *нетенденціозное*, на что-то среднее между евангеліем и Иліадой-Одиссеей. Но это-то и есть самое страшное для апостола, для жреца соціальной религіи, ибо главная суть, душа религіи третьей стадіи и второго паденія, т.-е. религіи соціальной, это ея тенденція, пристрастіе, агитаціонный дух. Его задача, это электризовать, настраивать читателя на извѣстный лад во что бы то ни стало; „апостолу" никакое чистое искусство ни почем, как для „агитатора" чистая наука— выѣденное яйцо.

И в этом заключается самая существенная разница между пророком и апостолом. Пророк творец, а апостол—балагур. Если пророк—геній, то апостол—его умопомѣшательство. Физическая религія обладает самой прекрасной внѣшностью, эллинизм обезсмертил себя своей пластикой. Психологическая религія отличается красотой содержанія, богатством души. Если первая вас поражает своим благословенным изобиліем, благодатью избытка, разнообразіем своих форм, тут и зодчество, и скульптура, и живопись, и эпика, то вторая, являясь, право,

оскудѣніем, и меленіем и даже вырожденіем первой, еще блещет внутренней милостію: суженіе окупается хотя, в нѣкоторой степени, углубленіем и усиленіем. Юдаизм уже эллинизма, Іегова—жалкій выродок пестрокрылых муз, но он обезсмертил себя дивным лиризмом.

Что же есть в евангеліи? Ни эстетической формы, ни эстетическаго содержанія, ни эпики, ни лирики. Гдѣ массивный гранит Гомера, гдѣ греческое искусство? Оно было предано анаѳемѣ фанатизмом Моисея. „Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что в водѣ ниже земли (20, 4)“. Одним ударом рѣзца по скрижалям фанатизма поставлен был крест над античным прекраснѣйшим міром. Нѣт больше великолѣпных статуй, картин. Нѣт больше прекраснѣйших богинь. Сказано „да не будет“—и баста. Бог дик, свирѣп, ревнив, не желает, не терпит соперничества. „Ибо твой творец есть супруг твой—господь саваоѳ—имя его (Исаія, 54; 5)“. А этот супруг страшно ревнив. „Да не будет у тебя других богов пред лицом моим (Исход, 20, 3)“. Но ревнивость супруга у Моисея дополняется ревнивостью и супруги у Христа. Моисей лишь был моноандристом, но не моногамистом. Моисей разрѣшил не только многоженство, но и взять плѣнницу. „И увидишь между плѣнными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять себѣ в жены. То приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою и обрѣжет ногти свои и т. д. (Второзаконіе. 20, 11, 12)“. Послѣ этих обрядов по истеченіи мѣсяца траура по отцѣ и матери своей она может стать его законной женой. Мы видим, что Моисей не был еще строгим монистом в семьѣ. Христос же ушел гораздо дальше в своем ревнивом монизмѣ. „Сказано также, что, если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную (Втораз. 24, 1)“. А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тот подает ей повод прелюбодѣйствовать, и кто женится на разведенной, тот прелюбодѣйствует (Матѳей 5, 32)“. Моисеевскій монизм мужа, запрещеніе поліандріи, простирается и на жену. Единый муж и единая жена. Еврейскій монизм, представляющій собою соціоморфизм еврейской семьи с единым патріархом во главѣ: бог Авраама, бог Исаака и бог Якова, достигает свою кульминаціонную точку во Христѣ—едином сыночкѣ единосупружной семьи, семьи строго единой, с единым отцом и единой матерью. Это идеализированный облик бѣдной еврейской семьи богобоязненнаго плотника времен Христа. Что христіанство есть соціоморфизм семьи ясно для всякаго и каждаго, ибо что такое троица, если не точное изображеніе семьи. Мы должны лишь подчеркнуть, что и моисеевскій монотеизм есть то же изображеніе семьи, но лишь патріаршеской, богатой. Первообраз же христіанства—это бѣдная семья, но в ней ревности еще больше: муж ревнует женѣ, а жена мужу. Фанатизм христіанства потому еще выше мозаизма, как выше и единство перваго. Моногамная семья связнѣе, единѣе полигамной, потому и связь между богом и христіанской общиной уже, прочнѣе, ревностнѣе. Моисей, право, говорит: „Итак, если вы будете слушаться гласа моего и соблюдать завѣт мой, то будете моим удѣлом из всѣх народов: ибо моя вся земля. А вы будете у меня царством священ-

ников и народом святым (Исход, 19, 5, 6)". Однако, что значит это мозаическое избранничество в сравненіи с христіанским! Избранничество перваго блѣднѣет перед избранничеством второго, как и блѣднѣет фанатизм перваго перед фанатизмом второго. Христіанство как болѣе юродивое, как еврейство, доведенное до логическаго послѣдовательнаго абсурда, как второе паденіе язычества, всегда болѣе крайне, болѣе выдержанно, болѣе страстно, болѣе цѣльно, болѣе едико, болѣе монотеистически и болѣе моноидеически; в нем, как в большевистском, максималистическом юдаизмѣ всѣ пороки еврейства увеличены и выпуклены потому и избранничество христіанское, во всяком случаѣ, граничит с маніей величія, если оно только не представляет послѣднюю. Христіанин живет не только под крылом Шехины, как гласит еврейская молитва: „И да спрячет он нас под сѣнью его руки под крыльями его духа (Шехины)", не только за пазухой Христа, но и во Христѣ. „У вас же и волосы на головѣ всѣ сочтены (10, 30)". „Именем моим будут изгонять оѣсов: будут говорить новыми языками; будут брать змѣй; и если что смертоносное выпьют, не повредит им, возложат руки на больных, и они будут здоровы (Марк, 16, 17)". Ничего подобнаго такому фанатизму у Моисея не найдете. С ним может лишь соперничать псалом 90. „Живущій под кровом всевышняго, под сѣнью всемогущаго покоится. Он избавит тебя от сѣти ловца, от гибельной язвы. Падут подлѣ тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебѣ не приблизится. Ибо ангелам своим заповѣдает о тебѣ—охранять тебя на всѣх путях твоих. На руках понесут тебя, да не проткнешься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона".

Но тут в псалмѣ, кто прочтет его со вниманіем, увидит не изувѣра, а поэта, играющаго образами. Евангелическое сувѣріе, имманентно, поражает вас своим отвратительным реализмом. Так и слышны меж строк хохот сатаны и скрежет зубовный. Вас поражает эта непримиримая двойственность этой книги. Она напоминает лицо, половина которого улыбается, а половина скрежещет зубами. То „мед и молоко под языком его", мед и молоко любви ко врагам, то от него отдается сѣрой. То яко бы восходит солнце всеобщаго братства, но над самым кругом сгущенная тьма, которую не в силах освѣтить и вѣчно горящая огненная геенна.

Дальше нам еще придется говорить об этой двойственности и показать, как легко в ней ненависть берет верх над любовью. Тут мы опять видим одну из характернѣйших черт, сродняющих Христа с Марксом. В Марксѣ, как мѣтко замѣчал Туган Барановскій, преобладает ненависть к буржуазіи над любовью к пролетаріату. Классовая борьба, отрицательно—разрушительный фактор, доминирует над положительно созидательным, над солидарностью. Лозунг: пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь! не есть самоцѣль, не столько важно как воспитаніе соціальнаго инстинкта симпатіи, взаимопомощи, как оно служит кличем к борьбѣ, к ненависти, к цементной спайкѣ и желѣзной дисциплинѣ. Так оно и у Христа. Напрасно старался Толстой искоренить его, используя для его проповѣди непротивленія.

XI.

Непониманіе христіанства.

Мы должны во всеуслышаніе заявить, что христіанства никто собственно не понимает. Одни безсмысленно порицают, а другіе еще болѣе безсмысленно обожают.

Кругом него всегда сыр-бор, вавилонское столпотвореніе, и, именно, такое же непониманіе не только друг друга, но и предмета. Впрочем, ничего удивительнаго нѣт, ибо культуропониманіе еще только нарождается. Ея первый восходящій луч неминуемо долженъ совпасть или, еще больше, слѣдовать за закатом науки. Только с отреченіем—хотя бы временным и условным, в видах лишь объективно-историческаго изслѣдованія; от науки начинается объективно безпристрастное отношеніе к религіи. Эта истина должна стать достояніем всякаго культурнаго человѣка, что как изувѣр-буддист не способен изучать и понимать христіанства, и, наоборот, христіанскій изувѣр никогда не поймет Будды, и как оба фанатика никогда не вникнут в талмуд или в коран и, наоборот, вѣрующій талмудист или кораниет никак не в состояніи вынести безпристрастное сужденіе о Христѣ или о Буддѣ,—так вѣрующій в науку никогда не поймет религіи, и религіозному фанатику всегда останется чуждой наука. Ибо для пониманія религіи в цѣлом и для глубокаго осмысленія отдѣльных ея форм необходимо ея безпристрастное сравненіе с наукой. Только этот историко-сравнительный метод разсѣивает густую туманную завѣсу, за которой скрывается древній мір. И этот-же метод, и только он, дѣлает возможным истинное пониманіе роли, смысла, значенія и науки в современном обществѣ. И для нас ясно, что даже тѣ, которые не будут согласны с нашими выводами, не смогут не прибѣгнуть к помощи нашего культурно-сравнительнаго метода, которым мы, однако, лишь пользуемся для достиженія нѣкоторых положеній, послѣ установленія которых всякое изслѣдованіе теряет, вообще, свой специфически-научный характер, превращаясь в особый вид искусства, что мы здѣсь обходим пока молчаніем.

Непониманіе христіанства является, таким образом, результатом непониманія религіи вообще, которое лишь усугубляется особым пристрастіем к своей религіи. И так как, к несчастію, европейскіе ученые, почти всѣ бывшіе христіане, что они обладают, помимо отсутствія единственно правильнаго сравнительнаго (с наукой) методом, еще специфическим предрасположеніем к непониманію христіанства. Но как ни скверно обстояло и обстоит это дѣло, то к нему прибавилось еще одно затрудненіе. Нѣкоторые апостолы, т.-е. агитаторы, даже нѣкоторые из теоретиков утопистов соціализма, желая вліять на массы популярностью Христа, причислили его к лидерам соціализма. Послѣднее совершенно лишено всякаго смысла и способно внести путаницу в головы, в видах ея мнимой правдоподобности. Дѣло в

том, что Христос ничего общаго с современным научным (под научным слѣдует понимать и утопическій, ибо всѣ утописты обосновали свои ученія на наукѣ, и всѣ они были крайними приверженцами науки, именно ея „пророками") соціализмом не имѣет и имѣть не может, но, с другой стороны, он имѣет свой религіозний соціализм. Выше мы уже старались показать, что Христос является главным, самым крупным и замѣчательным основоположником соціальной религіи, ставшим крупным соціальным движеніем. С его именем связывается самое количественно-крупное—наиболѣе нам близкое и извѣстное (в отличіе от неменѣе грандіозной, но менѣе нам знакомой соціальной религіи и религіозно-соціальнаго движенія буддизма) религіозно соціальное движеніе, как нынѣ такое же научно-соціально движеніе связано с именем Карла Маркса. Этим *главным образом* отличается Христос от пророков, которые в других отношеніях и были сильнѣе его, а, главным образом, оригинальнѣе его, как Маркс от утопистов. Знаменіем времени и единственным маловажным расхожденіем между Марксом это болѣе рѣзкое себяотмежевываніе послѣдняго от предшествующих ему утопистов в то время, как Христос частехонько выѣзжал на законѣ и пророках. В наше время, позволяющее болѣе свободное отношеніе к авторитетам, такія раболѣпныя ссылки были бы не кстати. Возможно, что тут дает себя чувствовать еще одно обстоятельство, а именно, что утописты были не одноплеменниками Маркса. Сен-Симон и Фурье были французами, сынами той страны, которая сыграла для Маркса роль Александріи для Христа, дала послѣднему не пророков, а новое интернаціональное, болѣе широкое, и глубокое толкованіе их.

XLI.

Пророки и Христос. Нѣмецкіе философы и Маркс.

Но мы, были неправы, сопоставляя пророков с утопистами. Дѣло в том, что пророки по отношенію к Христу явились как раз чѣм-то обратным утопистам. Тут Маркс, во всяком случаѣ, сильнѣе их не только как политик, как отец соціальнаго движенія, но и как ученый, а там как раз наоборот. То что приписывается Христу, евангеліе, гораздо, несравненно слабѣе, чѣм псалмы или пророчества Исаіи. Это быть может, объясняется тѣм, что евангеліе составили ученики, и поэтому мѣстами напоминают писанія Каутскаго и других апостолов марксизма, вѣчно-повторяющихся, точь-в-точь как Матеей, Марк и др. Если же, с другой стороны, станем на историческую, болѣе правильную, точку зрѣнія сравненія плеяды іудейских пророков со славной плеядой нѣмецких философов, также геніально-оригинально создавших нам дивное собраніе неувядаемых безсмертных образцов лирики интеллекта, хотя порядочно-ограниченной суженной, но зато усиленной, заостренной и болѣе творчески-уносящей этической науки,—если усвоим себѣ этот

взгляд,, то, кажется, все нам станет яснымъ. Нѣмецкая натурфилософія, в сравненіи с англійской классической физикой, такое-же субъективно-типичное хрупкое созданіе, как божественные все же нѣсколько скучно-однообразные псалмы или же пѣнящіеся бурно-страстныя, пронизывающія горы и времена лирически-психическим токомъ видѣнія Исаіи, острыя как кантовскія категоріи или гегелевская діалектика, в сравненіи с греческим искусством, воплощенія котораго, право, болѣе слабы, в отдѣльности взятыя, но в своей совокупности, необозримым богатством своих форм, своей архитектурой, скульптурой, живописью и проч., схваченныя вмѣстѣ, далеко оставляют за собою геніальную безпримѣрную іудейскую лирику.

Во всяком случаѣ, эти творенія еврейскаго національнаго генія, разсмотрѣнныя с их чисто-художественной точки-зрѣнія, занимают настолько же высшее мѣсто в скалѣ творчества по сравненію с евангеліем, насколько нѣмецкой философіи слѣдует оказать предпочтеніе пред марксистской „почти-философіей“ „и даже наукой“. Как нельзя поставить на одной доскѣ творчества массивную, высѣченную из скалы пустыни пѣсню Моисея, в которой музыка мышц десницы Іеговы пресверливает оглушительный рев волн Чермнаго моря и знойное восточное ея дыханіе расплавляет горы, с слабенькими, блѣдненькими, еле-дышащими проповѣднически-агитаторскими притчами Іисуса, в которых и так часто повторяемая, и кстати и некстати всегда фигурирующая огненная геенна болѣе смахивает на цирк, чѣм на ад, как сам Христос—на юродиваго, на факира, чѣм на мощнаго пророка, и уже нечего говорить, что он нисколько не похож, такой жаленькій, несчастненькій и немощный, на сына бога. Так рѣдко, очень рѣдко Маркс поднимается до высоты настоящей безпристрастной учености основоположников науки, столпов научнаго эллинизма, т.-е. англо-саксонизма, и никогда, абсолютно никогда—до орлинаго полета нѣмецкой истинной философіи: непостижим ему путь орла на небѣ трансцедентальности—Канта, молніеносный танец гегелевской діалектики превращается под его историко-матеріалистической рукою в медвѣжью пляску и огненныя вспышки в фейерверк. Творческая, очаровательная, плѣняющая, граціозная психологическая серна діалектики Гегеля метаморфизирована в жвачную корову агитаціи и пропаганды, достигающей верха своей худости и отвратительности у апостолов, разных Каутских и Плехановых, к тому еще к довершенію своего уродства, страшно бодливую, крикливую полемически.

И воистину, нѣт ничего болѣе анти-эстетичнаго, противорѣчащаго самому элементарному хорошему тону, чѣм марксистская грызня, громко называемая критикой. Нѣт ничего заносчивѣе, грубѣе, фанатичнѣе, и циничнѣе, чѣм, напр., Анти-Дюринг, который написан другой „половиной“ марксистскаго божества, самим Энгельсом. Но и сам бог Карл Маркс не был разборчивѣе и скупѣе в простой ругани, и не только в своих публицистических газетных статьях, гдѣ это, к стыду нашей „культурности“, общепринято, но и в своем самом строгом, яко-бы объективном безпристрастном трудѣ в „Капиталѣ“.

Наука (о марксистской философіи,—смѣшно и говорить, ибо ея

нѣт, она существует лишь для уродов, вродѣ Плеханова, предполагающаго, что рефератская дребедень перед „товарищами рабочими“ есть философія), таким образом, выродилась у Маркса в „теорію“, а теорія в свою очередь, выродилась, отчасти у него самого, а, еще болѣе, у его апостолов, в агитацію, в пропаганду, и что есть самое мерзкое—в полемику, в ругань.

XIII.

Критицизм и національный шовинизм.

Но и своей полемикой марксизм проявляет свою преемственность—дегенеративную, конечно—от кантіанства-гегельянства, преемственность соціальной науки от психологической. Психологическая наука, являясь преимущественно философской и аналитической, как и психологическая религія, отличается особым даром критицизма, усиленіем критически опровергательных элементов. И это вполнѣ естественно, ибо психологія, как рефлексія, как основанная на самонаблюденіи, по существу, является или критикой или самокритикой. Но этот критицизм, сам являясь слѣдствіем и проявленіем монизма-фанатизма, с своей стороны дает толчек к культивировкѣ критическаго духа, т.-е. психоборчества, поощряя и порождая еще болѣе уродливыя доселѣ в физической религіи небывалыя и ей незнакомыя формы идейной грызни. Своим критицизмом, служащим стягом и кличем к свирѣпой психологической войнѣ, к неустанной идейной борьбѣ и войнѣ, которая хотя сама является соціоморфизмом политической войны народов, с своей стороны идеоморфически (или психоморфически) споспѣшествует возникновенію войн, служа им причиной и поводом к успѣшному веденію, служа им необходимой идеальной окраской, идеологическим ореолом. Войны нынѣ—не то, что гражданскія, т.-е. революціи—окрашены в научный цвѣт, носят оттѣнок борьбы двух культур, т.-е. двух наук, или как принято варварски говорить: борьбы за культуру, ибо научные народы-варвары, как былые религіозные народы-варвары взаимно не признают друг друга, считая каждый культуру другого некультурой. Так нѣкогда каждый фанатичный народ считая бога другого народа дьяволом или по-библейски по просту—мерзостью (schikuz) или испражненіем (gilulim от gelalim=испражненіе скота, от глагола galol—катать, в виду его круглости).

Но вот этот нѣмецкій фанатизм—критицизм превращается в брызжущій мутью и грязью поток—в гнусную полемику. Будучи орудіем возстановленія и ожесточенія народов друг против друга, критицизм своим шовинизмом приносит страшный вред, пагубен для мирной цивилизаціи. Мы, конечно, не говорим о сознательном критицизмѣ, который дѣлает нас болѣе глубокими, и потому болѣе снисходительными и терпимыми, а о том уродливом критицизмѣ, который стал удѣлом широких слоев нѣмецкаго народа. Этот критицизм, как он в древ-

вости создал уродливѣйшее из всѣх избранничествъ, именно, іудейское, нынѣ произвел на свѣт божій, помимо отвратительнѣйшаго общеевропейскаго избранничества и пошлаго патріотизма, свойственнаго нынѣ всѣм господствующим народам-угнетателям и который пытаются переусердствовать, в несчастной безсознательности своей, народы угнетенные (Итерриторіаліат), жертвы этого же патріотизма, еще особое специфически-нѣмецкое, шовинистическое угарнокошмарное, милитаристическое, желѣзно-дисциплинарное нѣмецкое избранничество: Deutschland über alles. Этот критицизм, это уничтоженіе всѣх народов, эта манера смотрѣть на всѣх не-нѣмцев свысока, это самомнѣніе, этот нѣмецкій острый, как его философія, задор топит нынѣ всю Европу в крови.

XLIII.

Марксизм и партійный шовинизм или партія выше всего.

Но еще худшее всеобщее одичаніе и озвѣрѣніе критизизм носит нам впереди. Монопсихологизм, вырождаясь в моносоціализм, другими словами, психологическій моноалеизм (единоправдіе) переходя в соціальный моноалеизм, обезображивает критицизм, критику, низведя ее на степень полемики. Уж одно слово „полемика", означающее по-гречески сраженіе, показывает нам, что она является также соціоморфизмом войны, но идеоморфизм ея уже не война народов, а гражданская война, т.-е. не психологически-соціальная война, а чисто-соціальная война, т.-е. революція.

И мы должны здѣсь раз навсегда установить, что чисто-соціальных войн народов почти что не бывает, ибо у народов, как особых психологических коллективных индивидуумов, всякая война сопровождается психологическими моментами. Особенно это видно на примѣрѣ религіи, как на старой уже давно вполнѣ опредѣлившейся психологически-соціальной разновидности. Мы видим, что когда воюют, даже нынѣ еще, несмотря на упадок религіозности, двѣ націи различных вѣроисповѣданій или даже церквей, религіозно-психологическій мотив дает себя чувствовать. Нынѣшняя война англичан с нѣмцами, безсомнѣнно, является не только экономической, но и психологической, скажем больше, даже логической войной. Это—война индуктивной науки с дедуктивной.

Пусть никто нас не злотулкует, что мы так наивно-монистичны, как марксисты, утверждающіе, что война вращается вокруг единой точки, вокруг захвата рынков. Что этот взгляд ошибочен,—доказать это не требует особых трудов. Для всякаго ясно, что, помимо экономическаго фактора, тут дѣйствует и политическій, и можно с увѣренностью сказать, что во всяком случаѣ не меньше экономическаго, ибо захват территоріи, как базис управленія и власти, выступает во время войны гораздо ярче. Воля к власти, стремленіе к угнетенію и обладанію чужими народами, дает себя чувствовать во время войны

гораздо острѣе, чѣм рынкоискательство. Во всякомъ случаѣ, захваченная территорія, лишь при доставленіи полнѣйшей автономіи, будет служить одним рынком, т.-е. чѣм-то чисто экономическим, и отнюдь не политическим. Чистый рынок можно имѣть в чужом, абсолютно самостоятельном государствѣ; чистый рынок, таким образом, лишь абстракція, ибо даже в вполнѣ самостоятельных государствах он всегда является с примѣсью политики. А что уже говорить о захваченных территоріях, онѣ не рынки, а первым дѣлом, являются предметами власти. Кажется, что самое свободное отношеніе между метрополіей и колоніями представляет собою Англія, и то во время войны колоніи доставляют ей войско, слѣдовательно, онѣ не являются одним рынком.

Нас, как крайнѣйших плюралистов *), нельзя, слѣдовательно, приписать мысль, что народы воюют лишь из-за различій національных психик, выражающихся в языках и в науках. Мы не говорим: европейская война только научная война, мы лишь говорим она и научная. Вѣдь мы и не отрицаем факты, что народы иногда воевали исключительно из-за религіозных предразсудков. Так и нынѣ возможно, что в войнѣ между Англіей и Германіей научный момент играет очень важную роль. Сказать же, что только из-за одного этого происходит полумірова свалка, мог бы лишь монист-идеалист, уродливость, обратная экономическому матеріализму.

Одно для нас ясно, что дешевый соціализм Маркса породил чудище теоретизма. Соціальная теорія есть вещь страшно дешевая, это верх верхоглядства, апогей легкомыслія и поверхности. Не имѣя никаких глубоких индивидуально-психологических и обоснованно-логических корней, соціальныя или соціалистическія теоріи, представляя собою наихудшаго пошиба специфическую соціальную софистику, вынуждены всегда налечь на полемику, в виду отсутствія положительнаго. Как церковный догматизм ничего общаго не имѣл с истинной глубокой религіозностью, не имѣл никакой точки опоры в дѣйствительности, а был лишь специфическій, суевѣрный, сфабрикованный, церковный продукт, бурливая муть в головах средневѣковых схоластиков, так и нынѣшняя партійная теорія есть накипь головомутов и языкобаудов современно-средневѣковых научных схоластиков, т.-е. партійных политиканов.

Но мы, право, очень мало безпокоились бы о подобной глупости: пусть глупые травят глупых. Пусть грызутся политиканы между собою, яко-бы из-за бога, а не из-за власти. Пусть и глупые люди, идущіе за ними, испытывают особое удовольствіе от этого носоводительства. Пусть два средневѣковых богоугодника, сцѣпившись, разомнут друг друга в порошок—нам-то какое дѣло! Наше дѣло сторона. Мы бы обошли их кругом, говоря: это спор фанатиков между собою. Но бѣда в том, что всѣ эти партіи, всѣ эти научныя церкви и секты, помимо взаимной травли, всѣ вмѣстѣ единодушно ополчаются против еретиков-безбожников и, вообще, людей индиферентных к их соціальным ну-

*) Замѣч. Наш плюрализм здѣсь лишь полемическое средство для усиленнаго оттѣненія нашего отрицательнаго отношенія к монизму.

марксам. Кто не идет в церковь их, т.-е. не записывается в партію, преслѣдуется, третируется как низшее существо, как что-то, не заслуживающее носить человѣческій образ. И как в религіозные средніе вѣка не требовалось ни истинной вѣры, ни знакомства с религіей, а лишь механическіе отвѣты на извѣстные вопросы, так и нынѣ никому никакого дѣла нѣт до твоих убѣжденій, ты можешь быть в душѣ чѣм угодно, главное, чтоб ты записался в „партію". Вот что показал нам октябрьскій переворот в Россіи, он развернул перед нами ужасающую картину новаго научнаго соціалистическаго средневѣковья. Люди не принимаются на должность, нельзя поступить на завод рабочим, словом, ни один жизненный акт не совершается без санкціи партіи. И горе человѣку, который, возненавидѣв всѣ сектантскіе дрязги, остался внѣ всей этой партійной одури,—как некрещеный в религіозное средневѣковье он лишен права жить, и скоро, надѣемся, он будет лишен и права умереть, без партіи он будет схоронен гдѣ-то без вѣсти и почести. Но и горе тому человѣку, который, не желая торговать своими убѣжденіями, попал в негосподствующую партію, и он будет преслѣдуем, гоним как диссидент.

XLIV.

Гегемонія націи и гегемонія церквей и партій.

Мы видим, что господство партіи, провозглашенное марксизмом, неизбѣжно ведет к господству одной партіи, „моей партіи" и к преслѣдованію всѣх остальных. И мы, таким образом, имеем перед собою характерные симптомы соціалистическаго монистическаго одурѣнія. Монизм бога ведет к монизму націи, к избранничеству національному, как идеоморфизм, как избранничество націи ведет к монизму бога, как соціоморфизм. Монизм бога и монизм народа, как религіозный психомонизм, приводит, наконец, к религіозному соціомонизму, проявляющійся также в двух видах: монизм вѣры, религіозно-нравственное избранничество вѣрующих, спасенных, и монизм церкви, избранничество торгашей тѣлом и кровью Христа, избранничество священников, сконцентрировавших в своих руках огромныя богатства и большія имѣнія. Тут, слѣдовательно, мы имѣем не только полное вырожденіе и извращеніе теоретическаго монизма, который, суживаясь и сживаясь, окончательно порывает, как с настоящей космичностью язычества, так и с призрачной космичностью юдаизма, предпочитая и объекту язычества и субъекту юдаизма какую-то жалкую смѣсь, по ихнему синтез объекта и субъекта в обществѣ, что означает предпочтеніе отраженія объекта, т.-е. внѣшняго міра и субъекта, т.-е. внутренняго міра самому объекту и субъекту и переломленія обоих в общественной средѣ. Помимо этого вырожденія содержанія пред нами ясно и отчетливо выступает и дегенерація формы, точнѣе, практики, т.-е. полнѣйшая извращенность того соціальнаго института, служащаго реально-конкретным воплощеніем

научно-соціальнаго монизма, в одном случаѣ, а именно в марксизмъ, и религіозно-соціальнаго монизма, в другом случаѣ, а именно в христіанствѣ. Національное избранничество Моисея, полунаціональное и полусоціальное избранничество пророков, окончательно переходит в избранничество церкви у Христа. Так національная нѣмецкая идея, идея національнаго объединенія и возрожденія, нѣмецкое избранничество Фихте, наперстничество философіи, педагогическое избранничество нѣмцев, провозглашенное Дистервегом, вырождается в классовое избранничество, т.-е. національный монизм переходит в классовый. Это одно уже есть сугубое суженіе и вырожденіе. Напрасно нѣкоторые усматривают в этом яко-бы расширеніе, денаціонализацію, космополитизм. Пора возстановить попранныя права истины и раз навсегда выяснить, что христіанскій, как соціалистическій космополитизм не есть истинный космополитизм, космизм, интернаціонализм, т.-е. освобожденіе всѣх націй, а лжекосмополитизм, т.-е. подчиненіе всѣх націй одной. Этот космополитизм несет духовное и политическое рабство всѣм націям. Соціализм, как и христіанство, принимая вид класса—партіи и церкви—секты, космополитичен лишь тѣм, что он одинаково порабощает всѣх народов, что он несет чистонѣмецкія національныя цѣпи кантовско-гегельянской государственности всѣм народам.

XLV.

Лжелюбовь христіанства и лжесолидарность марксизма.

Мы уже нѣсколько раз подчеркнули, что по отношенію к христіанству существуют самыя чудовищно-уродливыя понятія. Христіанство раздѣляет участь марксизма: раньше с ним отчаянно борются, потом мирятся, раньше презирают, послѣ обожают. Но как раньше, так и послѣ, не понимают.

И мы уже нѣсколько раз подчеркнули, что понимать христіанство можно лишь сравнительным методом, сопоставляя его с марксизмом, как понимать, глубоко вникнуть в послѣдній можно лишь, сличая его с религіозным его первообразом, с первым. И поэтому, каждое слово, сказанное про христіанство, слѣдует примѣнить и к соціализму, и все сказанное, буквально каждое слово, малѣйшая деталь, ничтожнѣйшая указанная нами черточка, должны, безусловно, быть отнесены и насчет христіанства. Мы поэтому позволяем себѣ говорить об обоих без всякой послѣдовательности в изложеніи, круто переходя от одного к другому. Не имѣя возможности ежеминутнаго перехода, который придал бы еще большую пестроту и без того причудливопестрой темы, опасаясь создать совершенно не разбираемую путаницу, мы вопреки необходимости, властно требующей постояннаго параллелизированія, все-же временами останавливаемся преимущественно то на одном, то на другом, послѣ чего позволяем себѣ, ради ясности, опять говорить об обоих зараз. Но даже, когда совершенно умалчиваем

об аналогонѣ, все-же мысленно, читая нас, слѣдует всегда имѣть его пред собою, как мы всегда имѣем в виду этого близнеца, и даже тогда, когда не говорим о нем открыто, то намеками всегда обращаемся в его сторону. Ибо, как мы много раз указали и еще больше будем указывать, абсолютно ничего понимать нельзя в этих интереснѣйших явлениях без их сличенія. Ни еврейскаго избранничества, ни пророческаго универсальнаго національнализма, ни христіанскаго церковнаго космополитизма этих религіозно-психоэтнологических и соціальных явленій — этих твердых орѣхов не раскусишь без молота сравненія.

Обыкновенно, о христіанствѣ слышно столько глупостей, сколько, именно, только и слышишь од одном марксизмѣ. Стало уже чуть ли не аксіомой то утвержденіе, выявляющее всю ограниченность, пристрастность, субъективность так называемаго христіанскаго міра, не менѣе суевѣрнаго, не менѣе страдающаго маніей величія и избранничества, изступленной себя-переоцѣнкой и не знающим никаких границ самомнѣніем, чѣм „іудейскій мір".

Первым дѣлом, всѣ эти зіяющія пропасти между іудействомъ и христіанством до имовѣрности раздуты. Фанатики и изувѣры обѣих сторон употребили весь свой талант измышленія разных тонких и толстых ухищреній; эти отвратительные науки церкви и синагоги вложили всю свою жизнь в удаленіи этих двух близких, сначала так тѣсно спаянных и сродных сект. Талмуд с одной стороны в лицѣ своих танаитов всячески старался отмежевываться от христіан, обзывая их minim, клеймя позором, не щадя никаких бранных эпитетов и слов для несчастной головы в терновом вѣнцѣ. Но что такое страшное было для них в Христѣ? Развѣ мало в нем суевѣрія, мало юродивости, мало чисто-національнаго монизма, трансцедентальности, критицизма, полемическаго задора. Он замѣнил національно-психологическое космополитически-соціальным! но развѣ в этом соціальном мало національно-психологическаго. Вѣдь, в сущности, его *соціальное* есть полное изуродованіе соціальнаго *психологическим*, его космополитичное искалѣчено чисто іудейско-національным духом! И посмотрим, с другой стороны, чего же хотѣли эти соборы, которые всячески старались отгородиться от евреев. Догматизм ритуализм — но развѣ христіанство было чисто от них, развѣ оно не создало, на манер отрекшихся от талмуда караимов, которые составили свой собственный ничтожненький своего рода талмуд, свой христіанскій талмуд, т.-е. схоластику и казуистику.

И тѣм болѣе поразительно это внѣшнее все увеличивающееся расхожденіе, все ожесточающееся враждованіе с обѣих сторон, принявшее все болѣе грозный характер настоящей войны, в которой христіане сначала были слабой обороняющейся стороной, а под конец, на всем протяженіи длинной свышетысячелѣтней исторіи нападающей, тираническої, жестокой, кровожадной и инквизиторской, в которой, безсомнѣнно, проглядывала черта торжествующаго раба, все это имѣло мѣсто с внутренним все болѣе сближеніем и сродненіем, вліяя друг на друга, несмотря на гоненія одной стороны и отплаченныя за них презрѣнія другой стороны. Но болѣе чѣм простое вліяніе подра-

жанія и взаимодѣйствія тут играла главную роль: языческая верую-лимость. И христіане, которые признали, что мессія пришел, значит большевики религіознаго соціализма, вынуждены были изъ поэзіи и фантазіи к прозѣ и дѣйствительности, которая нисколько не была мессіанской, так что пришлось ограничиться одним политическим переворотом, захватом власти, оставляя экономику, хозяйство, которую они раньше намѣревались превратить в царство божіе, хоть кое-сколько, примѣрно как Ленин говаривал: дѣлать нѣкоторые шаги к соціализму. Полное же торжество царства божія они отложили сначала до второго пришествія Христа, отчего вскорѣ, устроившись хорошенько на теплых мѣстечках у власти, совершенно отказались. Так блаженный Августин, жившій во 2-ой половинѣ 4-го и в первой половинѣ 5-го вѣка (умер 430 г.) впервые выступил против этого неудобнаго ученія, опровергая его рядом софистических истолкованій Апокалипсиса. С того времени хиліазм слывет „ересью". (Каутскій, Исторія соціализма). Большевизм, таким образом, вынужден был стать меньшевизмом, создавая, как послѣдній догматизм и ритуал, т.-е. погрузиться всецѣло в обыденщину, в мѣщанство. Не умѣя взлетѣть к солнцу царства божія, не будучи в состояніи скакнуть в него, он волею-неволею погряз в трясину повседневности и измельчался; его большевизм, будучи фантастическим, выдохся в реальное топтаніе на мѣстѣ, удовлетворяясь тѣм, что мѣстечко было тепленькое: церковь богатѣла с каждым днем.

Іудейство-же, будучи сразу склонно к меньшевизму, к будничной прозѣ, не увѣровавшее, что мессія уже пришел, уж этим выиграло, что ему не нужно было выдумать второе пришествіе. Меньшевик всегда осторожнѣе, он боится разочарованія, он трусоват, но зато не сворачивает ни себѣ, ни своему идеалу шеи. Меньшевик не Эгмонт. Он держится за настоящее, за земное, за реальное, за національное. Но тут с ним случается курьез. Цѣпляясь за настоящее, за національное, за реальное, не желая рискнуть, он теряет и настоящее. Его побивает большевизм, который у него отнимает все земное, реальное. Вот так повторяет исторія свои шутки, свои козни. Реалист-іудей становится оплотом мессіанства. Фантазер-христіанин прибирает все к своим рукам. У меньшевика и у с.-р. (праваго) идеал соціализма остается цѣл, невредим, избѣгая крушенія, но он у него, как у нѣмецкой соціал-демократіи, національно-соціалистичен, как еврейское мессіанство. Но большевик, захватывая власть, становится ультра-патріотичным, постоянно говорит о соціалистическом отечествѣ; значит его интернаціонализм совершенно выдохся, превращаясь в національ-соціализм, а так как конечный идеал соціализма, т.-е. мессіанство, пришествіе мессіи, совершенно улетучивается и опошляется уже одним этим, что он говорит, что соціализм уже отчасти осуществлен, довольствуясь, конечно, словами вмѣсто реальностей, называя, как древній христіанин, царством божіим тот же міровой римскій имперіализм, принявшій лживое крещеніе,—черносотенных генералов, чиновников—большевиками, если только они записались в партію, называя буржуазный, развратный,

Петроград, улицы котораго кишмя-кишат днем спекулянтами хлѣба, а вечером—торгующими своим тѣлом проститутками—коммуной.

Лживый космополитизм христіанства и большевизма (истиннаго марксизма) вырождается в еще худшій патріотизм, чѣм у евреев и меньшевиков. И если мы пожелаем узнать, почему это так, чѣм это объясняется, то нам остается лишь вскрыть его. Что такое этот космополитизм? Развѣ он означает свободу всѣх народов жить по-своему, свободу всякаго поступать так как ему вздумается. Если бы он это признал, тогда мы бы могли его противопоставить как что-то противоположное патріотизму или міровому имперіализму. Но его космополитизм лжив; лишь до поры до времени, большевизм-марксизм не имѣет отечества, пока другіе у власти, но когда он начинает хозяйничать, тогда уже есть отечество, да еще какое! Міровой имперіализм скверен, но лишь потому, что Вильгельм затѣвал эту бойню, а не Карл Маркс или Ленин. По существу, міровой имперіализм прав, его нужно лишь перевернуть, как гегелевскую діалектику. Государство, имперіализм, отечество, шовинизм, фанатизм лишь скверен, когда они у буржуазіи; у пролетаріата все это превращается в добродѣтель, в самую высшую мораль. Кнут лишь скверен, когда меня бьют им, когда же я бью им, тогда он хорош, прекрасен, благословен. Диктатура скверна, когда она в руках буржуазіи, в руках пролетаріата она мила и благодѣтельна. Свобода печати, собранія и т. д., все это было хорошими святыми лозунгами для нас, когда нас гнали, травили. Когда закрыли наши газеты, тогда было нехорошо, они не имѣли права, когда мы закрываем газеты, тогда это хорошо, мы имѣем право на это.

Эта готтентотская мораль, которая нашла свое выраженіе в классической сентенціи: когда сосѣд отнимает у меня жену, то это зло, когда я отнимаю у него его жену, тогда это добро—является альфой и омегой всего міровоззрѣнія двух больших готтентотов, схваченных, замученных, распятых или изгнанных. Это их зачумленная психологія!

И мы увѣрены, что как первый готтентот, по дикому идіотскому суевѣрію, уважающему и боготворящему всякаго мертваго и загрызеннаго пса больше, чѣм живого льва, попал в бога любви, так и второй готтентот. Дикарь, который учил любить лишь своих, свою братію, юродивый мономан, деспот, не терзавшій и не убивавшій лишь потому, что он был слишком слаб, повелѣвавшій возненавидѣть родного отца, мать и братьев по одному тому, что они его не признают. Безумец, искусившійся в изгнаніи бѣсов из людей в свиней. Шальной изувѣр, вѣчно грозившій огненной геенной, глупый фанатик, вѣчно коверкавшій и искажавшій пророков, сравнительная бездарность, которая и перед смертью своей не могла создать ни одной пѣсни, как Моисей, ни одной сильной фразы вродѣ: Внимай, небо! я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих (Второзаконіе, 32, 1)". Бездарность, которая не могла создать ни одного псалма, а лишь переживывать: „Или! Или! лима савахѳани?" (Матѳей, 27, 46), стала у европейских варваров богом! Какой аттестат бѣдности эти народы себѣ выдали. Ничего удивительнаго послѣ этого, что их новые божки, божки науки, такіе же глупцы. Им мало одной бездарности, вот им нужна вторая

бездарность. И мы уже предвидим и видим, что ни англійскій геній от Бэкона до Спенсера, ни нѣмецкій геній от Канта до Гегеля, не станет кумирствовать над землею, а лишь послѣдняя сравнительная бездарность—Маркс уже обнаруживает тенденцію стать „божком". Очевидно, аттрибут божества-авторитета это—отсутствіе геніальности.

И мы увѣрены, что и другой готтентот, мизантроп, человѣконенавистник, в котором сидѣл демон злобы, станет богом любви у изувѣров будущих поколѣній. Склонность наша к романтикѣ, окружает их, по мѣрѣ удаленія от них, божественным сіяніем. Хохот сатаны и скрежет зубовный евангелія уже почти совсѣм не доходит до наших ушей, и если он иногда, докатившись до нас, наполняет нашу душу ужасом, то лишь безсильным скрежетом зубовным церкви, но когда и она исчезнет, вмѣстѣ с послѣдними ея мерзостями, то чистым ярким солнцем возсіяет свѣтлый образ Христа, как ангела любви, как агнца кротости, как солнца без пятен.

Но это лишь иллюзія разстоянія. За туманом отдаленных вѣков, потухших своими вулканами страсти, злобы, ненависти и изувѣрства, из гущи мрака демономаніи, из смрада жаренаго религіей „любви" человѣческаго мяса, встает нам заря, свѣжая как дитя, и улыбающаяся предвосхищеніем новой цивилизаціи, это Культ Ребенка. Безсмертными, вѣчно-цвѣтущими останутся слѣдующія слова евангелія:

„В то время ученики приступили к Іисусу и сказали: кто больше в царствѣ небесном? Іисус, призвав ребенка, поставил его посреди их, и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дѣти, не войдете в царство небесное. (18, 1—3)".

Если Христос тут противопоставил ветхозавѣтному: „почитай отца твоего и мать твою (Исход 20, 12)" свое: „почитай сына, ребенка", как символ и воплощеніе новаго завѣта, завѣта новой жизни, как призыв к освобожденію ребенка, то с нѣмым благоговѣніем мы преклоняем пред ним свои колѣна, как пред Исаіей, возмечтавшем о сожительствѣ волка с ягненком.

Но, быть может, это, как обыкновенно бывает, внесеніе, втолковываніе субъективнаго, собственнаго, современнаго в старые тексты. И тут пред нами самый обычный христіанскій призыв к смиренности, на что, впрочем, наводит слѣдующій стих: „Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в царствѣ небесном (ibid, 4)". Такого рода проповѣдь, как и другія ей подобныя, вовсе не так безкорыстны и чисто-моральны. Она преслѣдовала простую практическую цѣль: усиленіе церкви. Эта смиренность служила хорошим фиговым листом для проведенія контрабандой идеи о полнѣйшем единеніи, сплоченіи вокруг церкви. Она имѣла в виду предупрежденіе тѣх ссор, дрязг и споров о главенствованіи, по винѣ которых впослѣдствіи и погибла церковь. Это была тонкая дипломатія, чисто-кастовая мораль. Эта смиренность проповѣдывалась низшим, не долженствовавшим соблазняться преимуществами верхних, главарей церкви. Она была обращена и к главарям, чтоб они умѣли тонко совмѣстить фактическую привилегированность с кажущимся равенством, притом сумѣли бы придать любовный семейный характер церкви, связывая тѣсными узами родства и

братства самые разнородные элементы. Это тѣм болѣе необходимо было церкви, чѣм больше обрушились на нее извнѣ враги ея. Это тѣсное смыканіе своих рядов в виду внѣшней опасности свойственно всѣм обществам, и в этом ничего особеннаго, особенной склонности к любви усматривать нечего. Любовь и симпатія внутри, ненависть и вражда извнѣ—это характернѣйшая черта всякаго варварскаго общества, не чуждая, болѣе того, играющая весьма важную роль и в нашем якобы цивилизованном обществѣ. И нынѣ, как двѣ тысячи лѣт назад человѣчество раздираемо на враждующія націи, классы, группы, церкви и секты, классы и партіи—фракціи, словом на „своих“ и „чужих“. Кто не знает этой истины ничего не поймет в нашей общественности. Тѣм болѣе никто ничего не разберет в древнем мірѣ, если не усвоит себѣ этой элементарной истины.

Все это хорошо извѣстно по отношенію к языческому міру, хотя бы к такому чарующе-прекрасному, как эллинскому; мы не дѣлаем исключенія и для іудейства, хотя и пятикнижіи и пророки изобилуют столь горячими словами и рѣчами в защиту пришельцов. Но почему-то по какому-то недоразумѣнію или недомыслію установилось мнѣніе, что евангеліе яко-бы нерослo это подраздѣленіе на *своих* и *чужих*. Между тѣм, кто придерживается такого взгляда никогда евангелія не понял, да и не поймет Пусть тот, кто с молоком матери или с ядом школьнаго религіознаго воспитанія, всосал этот предразсудок, попробует, отрѣшаясь от предубѣжденій и внушеній, снова прочесть евангеліе с открытыми глазами и открытым сердцем, и он убѣдится, что и евангельскій ново-завѣтный мір, не менѣе чѣм старо-завѣтный, расколот на два лагеря: на „своих“ и „чужих“, на спасенных и осужденных, на братьев во Христѣ и на нехристов, которые „подлежат огненной геенне“.

Напрасно думают, что эта двойственность присуща лишь старому завѣту. Нисколько! Объективная историческая правда говорит совершенно другое. Правда, Моисей был строгим по отношенію „к своим“, он и их не щадил. Христос же, право, к своей паствѣ, к послѣдователям и ученикам был гораздо снисходительнѣе, но зато на неувѣровавших в него, он метал громы и молніи, их он прямо „терроризировал“. Говорит ли это в пользу Христа? Безусловно нѣт. В пятикнижіи мы находим только там и сям разныя похвалы насчет Моисея: „сіяніе лица его (Исход 34, 30), Моисей же был кротчайшій из всѣх людей на землѣ (Числа, 12, 3) „И не было болѣе у Израиля пророка такого, как Моисей (Второзаконіе, 34, 10). Но такого исключительнаго фанатизма и суевѣрія, которым окружено имя Христа, мы в пятикнижіи не найдем. Еще менѣе мы найдем что-нибудь сходное у пророков, людей особаго геніальнаго дарованія, которым, если судить по таланту, то Христос, выражаясь евангельски, не достоин был и развязать ремень их обуви или, выражаясь талмудически, нести платья за ними в баню.

XLVI.

Соціальная озлобленность и соціальный фанатизм.

Очевидно, как психологическій фанатизм, т.-е. фанатизм психологической религіи превосходит физическій фанатизм, т.-е. фанатизм физической религіи, так соціальный фанатизм, т.-е. фанатизм соціальной религіи, превышает оба названных вида, далеко оставляя за собою даже послѣдній.

И не мудрено. Христіанство, как религія исключительно соціальная, религія угнетенных, религія низов, не могло быть иначе. Как люди отторгнутые, лишенные всякой культуры, настрадавшіеся и намучившіеся, озлобленные, затравленные и отравленные ядом отчаянія, люди с мрачными душами, они не могли не создать мрачную религію, аскетическую, проповѣдующую умерщвленіе плоти. Эллинскій веселый дух, невозмутимый, мирящійся и со злым неумолимым роком, превращающій и катастрофы в предмет искусства, забавы, был проникнут, смутно или ясно, сознаніем, что всѣ несчастія обрушиваются на низы, на бѣдных, на рабов, что означало тогда, на слабыя покоренныя им племена и народы (*ибо* тогда экономическое угнетеніе вполнѣ совпадало и совершенно прикрывалось національным угнетеніем, так что *классовое*, класс эксплоатирующих, растворилось в *групповом*, в группѣ господствующих націй). Угнетенная или слабая к тому времени еврейская національность, а главным образом, ея низы, недовольные жизнью, настоящим, были пессимистически настроены, носились идеями о кончинѣ вѣка, о катастрофах, о міровой гибели и конечном их торжествѣ. Это, с одной стороны, психологія отчаянія, выражающаяся в мрачной самсоновской формулѣ: „умри, душа моя, с филистимлянами“, на двѣ которой все-же теплится искорка избавленія. Эти же низы, загнанные в соціальный тупик, отрѣшенные от жизни, от сладостей жизни, от ея веселаго пестраго разнообразія, выработали в себѣ тот мрачный скучный монизм, который лег в основу монотеизма и, еще болѣе, христіанства. Однообразная подневольная жизнь, представляющая собою одну горечь, одно страданіе, не может не создать монистов, углубленных в себѣ, вѣчно роющихся в своей душѣ, в своих страданіях. Как физически больной всегда является *монистом*, его вниманіе сосредоточено на причиняющем ему страданіе органѣ, так соціально угнетенный, соціально-больной одержим и мучим соціальным вопросом: его ничего не интересует кромѣ его страданія. Но как в первом случаѣ, болѣзненная психологія, этот патомонизм, это патологическое единство мысли, не только не является фактором, содѣйствующим выздоровленію, а наоборот, отягощая больного скверным настроеніем, мѣшает его леченію и, принимая острый характер, даже превращается в особый добавочный психо-патологическій недуг, так и во втором случаѣ, при соціальном страданіи, „угнетенная психологія“, т.-е. психологія угнетенных, психологія замученности, мрачности, пессимизма, озлобленности, монизма и фана-

тизма, не только не является фактором освобожденія, а усиленнаго закрѣпощенія. Сознаніе болѣзненности постольку, поскольку оно служит призывом к лѣченію, полезно, являясь проявленіем инстинкта самосохраненія, когда же оно принимает характер исключительности, *монистичности*, налагая особый болѣзненный отпечаток на все мышленіе человѣка, оно превращается в горе, в порок. Так и сознаніе угнетенности. Постольку, поскольку оно служит побужденіем к пріисканію средств освобожденія, оно благо, но как только оно коверкает, извращает психику человѣка, дѣлая из него духовнаго калѣку, маніяком, неспособным мыслить ни о чем другом, кромѣ его недуга, поражая его глаза слѣпотой, неспособностью видѣть ни одного цвѣта, кромѣ чернаго, его уши—глухотой, неспособностью слышать других звуков, кромѣ рыданій, его рот—нѣмотой, неспособностью говорить что-нибудь, кромѣ проклятій, его руку—окоченѣніем, неспособностью осязать, обнять, кромѣ сжатія в кулак, его сердце — окаменѣніем - озвѣрѣніем, неспособностью переживать что - нибудь, кромѣ ненависти и злобы, — облекая весь мір в траур, изображая ход всей міровой исторіи одной похоронной процессіей, оно дѣлает из сознательнаго угнетеннаго могильщиком, но не только могильщиком счастья других, но и своего собственнаго. Оно дѣлает из него, при своей односторонности, дикаго изувѣра и фанатика, какого мір никогда не видывал.

XLVII.

Національное избранничество и соціальное.

Психологическій фанатизм, человѣческая природная ограниченность, субъективность, національная ненависть и самомнѣніе, суевѣрное избранничество и превосходство—одне ничто в сравненіи с соціальным фанатизмом, соціальным избранничеством. Оно превращает угнетеннаго в урода, дикаго фанатика, тирана.

Никакая религія в мірѣ не так была фанатична, как чисто соціальная религія, т.-е. христіанство. Никакая религія в мірѣ не страдала такой маніей величія, как христіанство. Что значит іудейское избранничество в сравненіи с христіанским! Старый завѣт ясно говорит, нисколько не льстя національному самолюбію, что евреи не лучше других народов. „Не потому, чтобы вы были многочисленнѣе всѣх народов, принял вас Господь и избрал вас; ибо вы малочисленнѣе всѣх народов. Но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которую он клялся отцам вашим (Второзаконіе, 7, 7). Напротив того, в библіи мы находим очень много крѣпких ругательных слов по отношенію к іудеям. „Вы народ жестоковыйный"—говорит оог Моисею (Исход, 33 3) „Народ, услышав грозное слово сіе, возрыдал, и никто не возложил на себя украшеній своих (ibid, 4 "). Этот эпитет „жестоковыйный" частенько повторяется в библіи. Народ с нечистыми устами (Исаія 6, 5) ругает его пророк.

Народ с заблуждающимся сердцем клеймит его псалом (94, 10). Однако, несмотря на всѣ эти изобличительныя мѣста, еврейское избранничество красной нитью проходит через всю еврейскую письменность, молитву и жизнь. Этого оспаривать нельзя. Но почему-то христіанство считается чистым от этого порока. А между тѣм евангеліе говорит: Вы соль земли (Матѳей, 5, 13), „вы свѣт земли“, (ibid, 14). „Так да свѣтит свѣт ваш пред людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили отца вашего небеснаго (ibid. 16)“

Мы, таким образом, видим, что избранничество іудейское не только не упразднилось, но еще сугубо укрѣпилось, а если что-нибудь произошло, так это лишь видоизмѣненіе. Мѣсто націи заняла *церковь*, но манія избранничества не только не убавилась, да еще прибавилась. По отношенію к послѣдней, безсомнѣнно, примѣнимы слова Христа: я не пришел убавить, а прибавить. Воистину, нѣт такого ревнителя, как Христос. Старый іудейскій Іегова, будучи физико-психологическим богом, естественно, должен был избрать себѣ народ, психологически-культурную единицу, и его базисом сдѣлать какую-нибудь опредѣленную освященную или обѣтованную землю, в сердцѣ котораго должен был быть храм, средоточіе, воплощеніе или обиталище его. Христос же как соціальный бог, точнѣе антропо-соціальный, естественно, должен быть дѣлать объектем своего избиранія *не храм с жертвоприношеніями*, слѣдовательно, *физическій институт*, и не высота, холм божій с пророчествованіями, слѣдовательно, *психологическій институт*, а лишь церковь, что означает собраніе, слѣдовательно, *соціальный институт*. Но оттого, что церковь стала вмѣсто націи избранничество и фанатизм, т.-е. манія величія и преслѣдованія, кичливость собственным превосходством и нетерпимость по отношенію к другим не стало меньше. Тут произошла лишь перемѣна декораціи: избранничество *происхожденія* перешле в избранничество *убѣжденія*. Было ли этим достигнуто какое-то послабленіе и смягченіе еврейской ревнительности? Нисколько. Ненависть и презрѣніе к необрѣзанному, которая и понынѣ выражается у еврея старовѣра в кличкѣ arel, бывшая когда-то обще-національным ругательным прозвищем не-еврея в самыя отдаленныя и раннія времена, так что Моисей и пророки употребили его и в переносном смыслѣ, клеймя нечестивцев названіем arle leb, что означает „необрѣзанные сердцем“,—весь этот человѣконенавистническій шовинизм, вся эта дикая экзальтированность и эгоцентричность, вся эта необузданная страстность и ярость, вся эта нетерпимость с инакочувствующими, инаковѣрующими получили в христіанствѣ еще большую силу, большую исключительность, большую огненно-геенность, чѣм в іудействѣ, замѣняя лишь необрѣзанность крайней плоти необрѣзанностью сердца, т.-е непризнаніем Христа. Кому неизвѣстно, сколько ненависти и презрѣнія христіанин вкладывает в слово „нехрист“. У кого волосы не стали дыбом от ужасов инквизиціи.

Мы, конечно, не можем говорить о терпимости язычества и іудейства, ибо всякая религія и всякая наука фанатична по существу. В основѣ всякой религіи и науки лежит принцип моноалеіи, т.-е. одноистинности, в которой берет свою необходимость вѣчная идейная

борьба в двух ея видах, в религіозном и научном. Борьба сект и борьба на тѣй, без всякого соціальнаго различія интересов или же, по крайней мѣрѣ, со слабым недостаточным для такого ожесточенія расхожденіем интересов,—в порядкѣ вещей у религіи-науки. При этом уже не может быть рѣчи о терпимости, о мирѣ. Однако, и эта внутренняя грызня имѣет разныя степени ожесточенности, она различна в разныя эпохи. И если разсмотрим их, то, к удивленію нашему, замѣтим, что сѣв обладают восходящей тенденціей. Мы увидим, как это ни странно, что язычество — эллинизм — гораздо терпимѣе іудейства, а іудейство несравненно терпимѣе христіанства.

Легко убѣдиться, что наиболѣе толерантныя, наиболѣе безобидныя религіи это тѣ, которыя нам трактуются, как самыя низшія. И уж это одно дает нам достаточно основанія для утвержденія нашей точки зрѣнія о постепенном извращеніи, одичаніи и вырожденіи как религіи, так и науки. Ибо, как эллинская культура и религія свободнѣе, и политически и духовно, іудаизма, так англійская культура, вообще, и наука, в частности, далеко оставляет за собою нѣмецкую культуру, вообще, и философію, в частности, в своей невозмутимости, объективности, нестрастности. Нужно умѣть понимать, что политическая терпимость, политическая свобода в древнем мірѣ совпадает с религіозной терпимостью с сравнительной свободой совѣсти, точно так же, как у нас та же самая совпадает с научной терпимостью. Нѣмецкій экономическій протекціонизм имѣет свое духовное отраженіе в нѣмецкой философіи и культурѣ. Экономическій протекціонизм и политическій централизм совпадают с философским трансцендентализмом, дедуктивизмом, критицизмом и монизмом. Шовинизм и національное изступничество: Deutschland über alles является вѣнцом, возглавляющим нѣмецкую культуру. В основѣ всякаго монизма (религіозный-ли, научный-ли) лежит фанатизм, шовинизм, централизм, имперіализм и протекціонизм. Что является главным фактором и что второстепенным, не входит здѣсь в задачи нашего разсмотрѣнія. Очевидно, тут соціоморфизмы и идеоморфизмы переплетаются друг с другом, образуя пеструю соціальную мозаику. Но одно ясно, что англійская свобода торговли, как и ея сравнительный децентрализм, послабленный имперіализм и не столь рѣзкій патріотизм находятся в связи с англійским эмпиризмом, индуктивизмом и плюрализмом.

XLVIII.

Три ступени фанатизма.

Мы, таким образом, установили три ступени возрастанія фанатизма. Это повышеніе ревнивости и нетерпимости является результатом все возрастающаго суженія кругозора все усиливающагося монизма, все болѣе обостряющейся ограниченности. Три ступени фанатизма соотвѣтствуют трем стадіям вырожденія религіи и науки. Каждая из этих

стадій знаменует собою все дальше уходящее отреченіе от міра, от его анархичности, от его абсолютной свободы, самостоятельности. Отреченіе от чувственнаго, от даннаго, от объективнаго, от многообразнаго, от частнаго и индивидуальнаго порождает субъективизм, отвлеченность, генерализм (дух обобщенія), и, наконец, монизм, как обобщеніе всех обобщеній и отвлеченность всех отвлеченностей. А в этом монизмѣ ядовитый источник всякаго фанатизма.

Но рост фанатизма происходит не только оттого, что каждая ступень является надстройкой, продолженіем предыдущей, что дѣлает ее роковым образом неизбѣжной уж по одному тому, что кто сказал *а* не может не сказать *б*, а начавшій дѣло отреченія от чувственнаго, техническаго, практическаго, должен неминуемо довести это до конца, до полнаго извращенія всего элементарнаго, нормальнаго, а еще и потому, что каждая из послѣдующих ступеней *имманентно* фанатичнѣе, представляя собою, так сказать, „фанатизм в себѣ“, т.-е. фанатизм особаго высшаго типа.

Чисто-фактическая культура, чистая, без всякой примѣси научнаго техника, чисто объективное данное, представляет собою то идеально-безпристрастное, к которому мы стремимся, но которое никогда еще не было, ибо нам неизвѣстно пока существованіе искусства, техники, не уснащеннаго и опутаннаго научно-теоретическими или религіозно-магическими элементами. Но для лучшаго уясненія наших мыслей представим себѣ, что она когда-то была, эта техника в нулевой степени субъективнаго. Тогда первоначальный культ, даже самый „физическій“, еще всецѣло переплетенный с трудом, с охотой, рыбной ловлей или земледѣліем, уже представляет собою извращеніе труда, закабаленіе техники, *фантастификацію*, слѣдовательно, уже и *субъективацію* ея, и пусть в самой малѣйшей степени.

Очевидно, чѣм больше „религіи“, чѣм больше, фантастически вымышленнаго, вносится в труд, в культуру *культом*, тѣм *фанатичнѣе* она становится, и чѣм ближе физическая религія еще стоит к техникѣ, к искусству, хотя коверкая и превращая ее в псевдотехнику, в магію тѣла, тѣм терпимѣе она.

Хотя тут не мѣсто остановиться об этом подробнѣе, но мимоходом не можем не указать, что в предѣлах самого физическаго періода, слѣдует различать два подпериода, а именно, тот, который ближе лежит к сравнительно-чистой техникѣ, період чистой магіи, точнѣе, чистаго мнеа,—он первый во времени, а второй, когда к чисто-вымышленным продуктам начинает предъявляться требованіе удовлетворенія принципу красоты. Особой яркости и процвѣтанія этот період достиг у эллинов. Мы его обыкновенно называем эллинизмом или каллизмом, иначе каллилогическим.

Разумѣется, что этот второй період первой стадіи не может уже считаться идейно-мирным. Требованіе красоты уже вносит элемент борьбы в мирно идиллическій характер древних вѣрованій. Тѣм болѣе, выработка особых правил изящества и создаваніе искусства не могла не расколоть древній мір и на идейно, по искусству религіи (оба тогда еще совпали), враждующіе лагери.

Когда же наступила эра психологизма, началась полоса психологической религіи, то вражде и пролитой крови не было конца. Враждовал физицизм с психологизмом, но враждовал психологизм, в свою очередь, не только с физицизмом, но и с самим собою. Отдѣльные его виды не могли уживаться вмѣстѣ. Нас, конечно, это удивлять не может. Психологизм, вѣчно углубленный в себѣ, страстно бурный, пламенный, экзальтированный, егоцентрическій, пренебрегающій внѣшним міром и, слѣдовательно, и своим сосѣдом (т.-е. сосѣдним народом), разсматривая его, как объект внѣшняго міра, должен был дойти до того національнаго солипсизма, до котораго дошли древніе іудеи. Утверждая единобожіе на небѣ, древне-іудейскій народ, послѣдовательным образом, пытался утвердить и единонародіе на землѣ, истребляя всѣх „необрѣзанных“.

Что нѣмецкій идеализм и трансцендентализм есть результат національнаго угнетенія, ясно станет для каждаго, который даст себѣ труда сравнить эвдомонистическій характер Парижа, родины матеріализма, с родиной трансцедентализма, с Кенигсбергом. Мы, конечно, не имѣем здѣсь в виду матеріализма философскаго, который, как еще укажем, является помѣсью пуританскаго, напоминающаго спартанскаго эмпиризма и нѣмецкаго ригористическаго идеализма, не этого полуэмпирическаго, полутрансцедентальнаго матеріализма, а простого, грубаго, чувственнаго. Париж и Кенигсберг, разсадники салонов и скромный провинціал — какая пропасть между ними. Только провинціал приниженнаго народа был способен создать эту отвлеченную уходящую в идею, в небо представленія, мірокартину. Что видѣл Кант вокруг себя? скромное, ничѣм не манящее житье в захолустьѣ, развѣ ему трудно было отречься от этого медвѣжьяго угла для созданія трансцедентальнаго воздушнаго замка.

Интересно, что и библія, окружая своего любимаго Моисея легендарным рожденіем в царском домѣ, заставляет его скитаться по-бѣлу-свѣту, осѣсться послѣ в глухом Мадіамском углу. Не в роскошном дворцѣ нашел Моисей своего трансцедентальнаго бога, а в пустынѣ, будучи бѣдным пастухом. Здѣсь одинокій и заброшенный, полный горести о народных страданіях, у него впервые зародилась мысль о трансцелентальности бога. Это был первый проблеск. Пустыня, своей однообразностью предрасполагает к монизму, к отреченію от земли. К тому еще гора божія. Пустыня и гора — вот два главных внѣшних географических фактора моисеевскаго трансцедентализма.

Но вот психологизм смѣняется соціологизмом и тут-то, вопреки обѣщанному освобожденію из пут національной вражды и ограниченности и ожидаемому убавленію ненависти, фанатизм достигает своей кульминаціонной точки.

Психологизм с его національной враждой, основываясь на внѣшних признаках, не так назойлив, придирчив. Психологизм религіозный антропологичен, но и научный имѣет внѣшніе признаки, имѣет конкретное выраженіе, как разноязычіе.

Психологизм, обыкновенно, служит идеѣ національнаго объединенія, его монизм и есть соціоморфизм, образ и подобіе осуществлен-

наго національнаго объединенія, с одной стороны, и идеоморфизм, идеал, стремленіе, исканіе и укрѣпленіе національнаго единства, с другой стороны. Таков религіозный психологизм іудеев, таков и научный психологизм нѣмцев. Трансцедентальность же вытекает, как из основных свойств психологизма, так и из идеоморфичности, неосуществленности національнаго идеала. Нѣмецкій зарождающійся имперіализм дик и свирѣп, фанатичен, как неудовлетворенная любовь. Англійскій имперіализм хладнокровнѣе и степеннѣе уж по одному тому, что он факт, дѣйствительность, а не идеал: англійское владычество на морѣ не встрѣтило очень больших препятствій и не стоило Англіи особенно больших жертв. Напротив того, нѣмецкое національное объединеніе стоило нѣмецкой націи неимовѣрных усилій. О колоссальных же жертвах нѣмецкаго имперіализма уж и говорить не приходится. Нынѣшняя, так называемая, всемірная война неоспоримо является преступной затѣей нѣмцев, в лицѣ своего монарха, олицетворяющаго собою нѣмецкій политическій монизм, но с другой стороны, так же неоспоримо для нас то обстоятельство, что не меньшія преступленія совершила Англія, осуществляя свое міровое господство, с большим, правда, тактом, умѣньем, степенностью и некрикливостью. Весьма возможно, что нѣмцы, в общем, объективно разсуждая, не больше имперіалистичны, чѣм англичане, но вся же их бѣда в том, что то, что Англія сумѣла дѣлать безшумно, припрятав, как кошка, свои когти, нѣмцы творят так скандалезно, так шумливо и кичливо и так быстро-стремительно, что всѣх возстановляют против себя; Англія уничтожила буров не милосерднѣе, чѣм нѣмцы Сербію, но не так воинственно-вызывающе и не так показно. Далѣе весьма возможно, что и англичанин в глубинѣ души не менѣе патріотичен, и может еще больше кичится своей принадлежностью к англійской націи, чѣм нѣмец, но он и тут уравновѣшен, умѣет не выказывать своей утаенной надменности, и потому она не так внѣшне рѣзка, не так задѣвает за живое, и, слѣдовательно, не вызывает такой сильной реакціи. Нѣмец потому ненавидим в новом мірѣ, как іудей в древнем мірѣ. И древній грек, пользовавшійся гораздо лучшей репутаціей, в сущности, был, может, еще большим шовинистом, чѣм іудей, но нужно отдать ему справедливость гораздо умѣлѣе. Самая ужасно-преувеличенная сам увѣренность, если она только тиха, невозмутима, уравновѣшена, то она дѣйствует так внушительно и неотразимо, что не вызывает почти никакой злобы.

Нѣмецкая озлобленность, манера ни с кѣм не считаться, завзятость опять-таки является не только психологической національной особенностью, т.-е. результатом психологизма, но и продуктом національно-политических своих условій. И знаменательно, что и в этом отношеніи судьба нѣмецкой націи вполнѣ аналогична іудейской. Мощь идеи національнаго объединенія, как и особенная тяга к національной обособленности, обусловливается у нѣмцев, как у іудеев, своей исторіей угнетенности. Іудеи и нѣмцы освободились из своего Египта, лишь благодаря особой интенсивизаціи національной идеи. Національная идея потому и приняла у них характер навязчивости. Сугубость іудей-

сказа и нѣмецкаго, религіознаго и научнаго фанатизма имѣет, слѣдовательно, свое начало в угнетеніи, к их психологизму, таким образом, уже с самаго начала примѣшивают соціальные ростки, из которых впослѣдствіе вырастает грандіозное дерево соціальности, соціологизма. Будучи приниженны, они воспитали в себѣ презрѣніе и озлобленіе против всѣх. Будучи приниженны и презираемы, они создали себѣ идеологію первенства и избранничества. Она законное дитя рабства и угнетенія, простительное и даже похвальное при преслѣдованіях и гоненіях, и мерзко отвратительно преступно и лишне при господствѣ. Мы потому и видим, что христіанство при его окончательном восторжествованіи забросило эсхолатическую идею. Муча, терзая всѣх, властвуя над всѣми было бы смѣшно носиться к этому еще и вторым пришествіем Христа, каким-то отдаленным хиліазмом. Евреи же, гонимые и преслѣдуемые, цѣпко держались за мессіанство, которое пышным цвѣтом расцвѣло у них, давая обширную богатую литературу с заманчивыми красочными изображеніями будущаго пришествія мессіи и вецаренія справедливости на землѣ.

Еврейскій монизм ясно, до-очевидности, зародился в національном горѣ. Он, как уж сказано, отчасти соціоморфизм и соціоидеализм, т-е. изображеніе національных чаяній, стремленій к освобожденію от иноземнаго ига, к огражденію от нашествій путем сплоченія разрозненных частей. Единый бог—это изображеніе фактически уже отчасти объединенной, или же мысленно-фантастически возлелѣянная мечта, идея объединенія. Из этого источника національнаго униженія и горя черпает и еврейскій *трансцедентализм*, в его религіозной формѣ: лиризм, который есть не что иное, как трансцедентализм в фантазіи. Эти нотки обиды, за которую, по справедливости, должно слѣдовать возмездіе, звучат в библейской легендѣ о бездѣтности патріархов. Мы их видим скитальцами в то время, когда другія семьи и племена уже успѣли опочвиться, стать земледѣльцами. Авраам покидает родную сторону по-божьему повелѣнію, так нам повѣствует библія, но для того, кто умѣет проникнуть в тайники древняго способа выраженія ясно, что это означает—попросту был изгнан. Это изгнаніе было истолковано, как обѣтованіе. Соціальный элемент, очевидно, здѣсь не отсутствует, хотя над ним преобладает біологически-антропологическій. Бездѣтность есть біологическій фактор древняго національнаго угнетенія. Размноженіе, считаемое и нынѣ ортодоксальным еврействомъ величайшей добродѣтелью, возвеличиваемое и библіей, но достигшее своего апогея идеализаціи, культивировки в талмудѣ, предписывающем продать тору, чтоб выдать дочку, должно было служить залогом конечнаго національнаго торжества. Поразительно, что этот культ размноженія поощряется нынѣ так же, как у іудеев, у современных германцев, гдѣ он достигает так же, как у первых, обратных результатов. Чрезмѣрное размноженіе привело іудеев к разсѣянію, к коловіальной политикѣ, от которой еврейство политически и погибло. Мы не беремся быть предугадателями судьбы нѣмецкаго народа и потому нами аналогіи, слѣдуя историко-сравнительному методу, мы строим не на догадках, а на фактах и, слѣдовательно, на прошлом и настоя-

щем. Вездѣ и всюду в прошлом и настоящем мы замѣчаем аналогичность культуры и національной психологіи нѣмцев с іудеями, и англичан с эллинами. Мы и видим, что нѣмецкая нація занята своего рода идеей о kibuz galujoth (собраніи разсѣянных) как іудейская, но, конечно, пока лишь в том видѣ, в каковом мы встрѣчаем ее у пророков, когда еврейская нація имѣла еще центр, который она мечтала сдѣлать метрополіей. И нынѣшніе нѣмецкіе философы, ученые, обращаясь к нѣмецкой націи, имѣют в виду и нѣмецкую „діаспору“. К ней и о ней всегда говорит Вильгельм, который взлелѣял мечту стать нѣмецким Мессіей, сразу міровой бойней, вродѣ библейскаго боя Гога и Магога, разрѣшить вопрос о колоніях, о нѣмецком разсѣяніи,—что может, если не сейчас, то со временем, привести к тому, что Германія, как Іудея, останется при своих колоніях“, при своем разсѣяніи в Америкѣ и т. п. Но оставим будущее для будущаго. А в прошлом опредѣленно сказывается вліяніе угнетенія, приниженіе и страданіе на зарожденіе и развитіе монизма, трансцедентализма, фанатизма, как у іудеев, так и у нѣмцев.

Бездѣтность Авраама и Исаака является символом племеннаго порабощенія. Гоненія, скитанія и голод были участью патріархов. Разрозненность и раздробленность их семей прекрасно иллюстрирует нам раздѣл с Лотом. „Отдѣлись же от меня. Если ты налѣво, то я направо; а если ты направо, то я налѣво (Бытіе, 13, 9).“ Чѣм объясняется эта крайняя разъединенность? Тѣм же еврейским субъективизмом. Субъективизм (іудейство) первоначально индивидуален, а потом національнален, а под конец, соціален. Он идет от единства к множеству, все покоряя первому: единый человѣк-патріарх, едино колѣно, едино племя, единый народ, единый космополитизм (монокосмополитизм, поліокосмополитизм, т.-е. замаскированный імперіализм, моно-космотерриторіализм). Объективизм (язычество) идет как раз наоборот от множества к единству. Так нынѣ нѣмецкая культура идет от полнаго индивидуализма к полному десиндивидуализму. Мы потому у нѣмцев находим таких индивидуалистов, как Штирнер и Ницше, подобія которым не знает никакая из нынѣшних культур. Нѣмцы ожглись на индивидуализмѣ, они испытывали горечь національнаго угнетенія и приниженія при своих кюрфирстах и потому ударились в другую крайность, в другой желѣзно-дисциплинированный монизм. Нѣмецкому духу нужен монизм, быть единым во множествѣ, соединить, синтезировать диференціацію с интеграціей он не в состояніи. Или индивидуальный субъект, или національный или соціальный, но все же монистично, ибо он понимает лишь единаго человѣка (анархо-индивидуализм), абсолютно единую націю (шовинизм, імперіализм) или абсолютно единое человѣчество (соціализм). От дедукціи нѣмец идет к индукціи, насильственной дедуктивизаціи индукціи, в философіи и наукѣ, а от индивидуализма к націонализму, к полнѣйшему поглощенію индивидуума націей, в своей политикѣ, и от націонализма к космополитизму, опять-таки к полнѣйшему поглощенію націи человѣчеством. Но как у іудеев окаменѣлый ритуал и закон, под конец, взяли верх над божественным лиризмом, хаотичное множество над стройным

единством, горы нагроможденных фоліантов разных респонсов, безсмысленной дребедни, безобразной схоластики и казуистики, сборничество и компилятчество раввинской литературы, так уже нынѣ у нѣмцев замѣчается полнѣйшій упадок великаго философскаго духа, наводненіе книжнаго рынка несмѣтным числом произведеній исключительной бездарности. Так и в области политики здоровая сначала идея національнаго объединенія выродилась в неслыханный шовинизм и десиндивидуализм, сводящійся уже не к объединенію вокруг одной національной идеи, и представляющій собою даже уже не поглощеніе всѣх личностей націей, а поглощеніе всѣх личностей одной монархической особой. Націонализм, шовинизм, монархизм—вот три ступени паденія нѣмецкой политики. Этой же участи не минует нѣмецкій соціал-космополитизм, вырождающійся на наших глазах в его противоположность, в поглощеніи *одной нѣмецкой націи всего человѣчества*.

Гдѣ же корень зла? Корень вот гдѣ — в нѣмецком монизмѣ и трансцедентализмѣ. Гегелевская діалектика, возмечтавшая стать принципом вселенной, в сущности, является прекрасным изображеніем нѣмецкаго духа, всегда монистичнаго, всего перехватывающаго через край, бросающагося из одной крайности в другую, скачущаго из огня в полымя. Не индивид и общество, а или индивид или общество и т. д. Таков нѣмецкій дух, таков всегда был еврейскій дух.

Эта аномалія моничности и трансцедентальности рождается в страданіи, в горѣ. Его фанатизм есть озлобленность обиженнаго. Его критицизм — это раздраженность оскорбленнаго. Почему нѣмецкая нація не имѣет права стать тѣм, чѣм была и есть англійская нація. Почему с англійским господством всѣ мирятся, и против нѣмецкаго всѣ возстали, ополчились, оглушая весь земной шар одним „туа“!

Кто нас читал до этого мѣста, легко найдет надлежащій отвѣт. Англійская нація, единству которой содѣйствовало ея географическое положеніе, не нуждалось в выработкѣ такой пламенно-жгучей національной проповѣди. Будучи защищенной, непобѣдимой у нея как бы на роду написано быть владычицей міра. Расширяя свои владѣнія чрез море она сравнительно меньше наталкивается на препятствіе и ненависть сосѣдей. Она может быть порядочным сосѣдом. Нѣмцы-же были раздроблены на кюрфирства, слабы и беззащитны. В горнилѣ національнаго угнетенія они выковали себѣ острое оружіе своей національной миссіи.

XLIX.

Вред избранничества.

Мы видѣли, что монизм іудейства и христіанства это монизм горя и страданія, это истеченіе крови всѣх спин под одним общим кнутом египетскаго или римскаго надсмотрщика. Это аномалія, яд для вылечиванія болѣзни. Но этот яд впослѣдствіи дает себя чувствовать. Правда,

он сначала освобождает от недуга, но послѣ сам сводит больного в могилу своей отравой.

Посмотрите, вникните и найдите, какую цѣль преслѣдует библія, с первых же ея строк. Она національно-соціальная псевдотехника, полезная вначалѣ, и гибельна, под конец. Цѣль библіи—это освобожденіе евреев—соціально-техническая задача. Методы ея—психологизм, углубленіе в національную психику, ставит все внѣшнее в зависимость от внутренняго, от національной воли, желанія и напряженія. Отчасти соціоморфически (собственно національформически) и отчасти идеоморфически (собственно національдеалистически) она создает образ Іеговы, бога неба, невидимаго и единаго. Его монистичность есть частично уже достигнутое національное объединеніе и частично еще устремленное. Идеологія избранничества служит средством воодушевленія, одухотворенія, призыва к подвигам и жертвам. Это положительно.

Отрицательно же весь монизм является болѣзненной наклонностью всегда размышлять об одном: о своей болѣзни. И Іегова является исключительно богом - освободителем, в чем каждый может убѣдиться из одного того, что бог на горѣ Синая, начиная свои десять заповѣдей, не нашел для себя другой рекомендаціи, другой похвалы, кромѣ того, что он вывел іудеев из Египта. Такой бог—урод, аномалія. Он урод національнаго угнетенія. Не созданіе земли и неба вмѣняет себѣ бог в заслугу, об этом бог роняет пару слов дальше по отношенію к субботѣ, а освобожденіе какого-то народца из рабства—такой эгоцентризм болѣзнен и ненормален.

Пусть никто не думает, что мы его не понимаем, не сочувствуем. Пусть проклят тот, у кого очерствѣло сердце, что не чувствует, какая здѣсь бездна національной скорби, грусти и страданія. Это как бы предзнаменіе будущих потоков крови, жертв инквизиціи и погромов. Но симпатія—симпатія, а объективность—объективность. Мы можем сочувствовать неудачной попыткѣ созданія религію національно-угнетеннаго народа, религію освобожденія народа или народов, но не будем же фанатиками, монистами. Пусть это не мешает нам видѣть всю ненормальность и уродливость даннаго явленія, тѣм болѣе, что мы, прослѣживая дальнѣйшее ея развитіе, видим, что эта же религія, мнящая себя быть освободителем народов, стала поработителем всѣх народов и могильщиком своего собственнаго носителя.

Религія угнетеннаго, Религіозный Націонализм—это огонь, священный огонь подвига и жертвы, но и поганый огонь ненависти и злобы. Это змій и голубь. Она проповѣдует мир и любовь внутри, (аналогично солидарности пролетаріата) и меч и ненависть внѣ (аналогично классовой борьбы) и потому идеологія избранничества, прогрессивная покуда данная нація не стала господствующей, не освободилась, становится тормазом прогресса, самым страшным недугом, когда эта нація, добившись свободы, берется наложить ярмо на всѣ народы.

Еврейская религія, как религія угнетенной національности (как національная религія) есть страшнѣйшее зло, бич человѣчества. Би-

Русь показала нам, как этот божій народ грабил, убивал, пьянѣя от крови и горя вѣчной жажды добычи, когда он вырвался на волю.

Вскармливая своей грудью змій шовинизма и избранничества, угнетенная національность умирает от его укуса. Отрава шовинизма горит в ней, толкает ее на такую кровожадность и свирѣпость, какой не знала язычество, религія господствующаго народа. Избранничество, полезное сначала, дающее хорошіе результаты в виду ея эффектности и дѣмагогичности, ведет, наконец, народ к гибели, изчезновенію или еврейскому замораживанію, к заживо погребенности.

Эта же погоня за легкими дешевыми побѣдами, которыя толкали Христа-Маркса на путь демагогіи, разжиганія низших инстинктов, проповѣди ненависти и злобы не только к богатым, но и к инакомыслящим, ко всѣм, которые его не признали, поощренія лѣни путем забастовок, хоронит тѣх же побѣдителей на наших глазах. Избранничество пролетаріата, дозволительное при угнетеніи, превращается в мерзкое, гнуснѣйшее и подлѣйшее ученіе, в классовый шовинизм, а послѣ и в партійный шовинизм, отравляющій своим смрадом и себя и все общество. Равно так же проповѣдь лѣни, пріученію рабочаго к лѣнтяйничанію, признаніе труда злом, от котораго нужно убѣгать, породила тот голод, разруху, безработицу, от которых нынѣ погибает революція.

I.

Конверсализація как магія избранничества, избранничество глупости, смерти и одичанія.

Если присмотримся ближе, то увидим, что все указанное сводится к магіи. Что такое избранничество? магія. Как она возникает? посредством переворачиванія. У язычников существует изобранничество господствующих, сильных, угнетателей, рабовладѣльцев, буржуа, аристократін. Что же дѣлает юдаизм, как идеологія угнетенной національности? Приходит ли он и говорит: нѣт, всѣ народы равны, нѣт избранничества. Этого юдаизм не дѣлает. Юдаизм переворачивает: на мѣсто избранничества угнетающаго народа—он ставит избранничество освободившагося народа,—не заботясь о том, что этим же самым юдаизм стал опять-таки религіею господствующих, угнетающих.

Тс же дѣлало христіанство по отношенію к бѣдным. Если язычество было полным избранничеством богатых, то юдаизм был этим лишь наполовину. Как національна ярелигія, религія всей націи, и тѣм болѣе как религія угнетенной національности, она уже не могла стоять всецѣло на точкѣ зренія богатых, а вынуждена была занять срединную позицію, позицію „реформы“, частичной защитницы вдов и сирот. Христіанство же окончательно перевернуло язычество, став обратным язычеством не только по отношенію к угнетенной національности, как юдаизм, но и

по отношенію к бѣднымъ. Христіанство провозгласило избранничество бѣдныхъ.

Но тут христіанство, как нынѣ большевикам своей диктатурой пролетаріата, впадает в страшное заблужденіе. Дѣло в том, что избранничество юдаизма, как религіознаго націонализма, и христіанства, как религіознаго соціализма, как и германизма, научнаго націонализма и марксизма, научнаго соціализма, неизбѣжно терпит крушеніе. Одно из двух: если и пока угнетенные, нація и человѣк, прибиты, несчастны, то это избранничество есть лишь издѣвательство и обман, а если и как только угнетенные становятся властителями, то как же они могут быть избранниками.

И исторія нам и показывает, что как національное, т.-е. психологическое избранничество, основанное на яко-бы существующих духовных преимуществах, на миссіи, исполнить каковую мнили себя іудеи и нѣмцы, так и соціальное, т.-е. политико-экономическое избранничество рабочаго класса, единственно творящаго трудовыя цѣнности, вредно, до неимовѣрности вредно. Изранный народ или класс продолжает нагло издѣваться над всѣми, попирать все своим каблуком и тогда, когда он давным давно уже перестал быть угнетенным. Безчинства іудеев в Палестинѣ, нѣмцев в послѣдней войнѣ; безчинства буржуазіи—вчерашней рабыни феодалов—по отношенію к пролетаріату послѣ захвата ею власти; безчинства большевиков—вчерашних рабов буржуазіи—против своих же бѣднѣйших рабочих, против босяцкаго пролетаріата, их глумленіе над анархистами, матросами, красноармейцами и т. д.,—все это нам показывает, какую нравственную опасность одичанія и озвѣренія несет эта магія.

Далѣе, интересно указать на усиленія магическаго элемента в національном избранничествѣ юдаизма и германизма и соціальном избранничествѣ христіанства и марксизма. Дѣло в том, что языческое избранничество не только менѣе кричаще, вслѣдствіе своей апостеріорности и фактичности, но и менѣе магически. Англичанин сравнительно мало говорит о націонализмѣ, не выставляет на показ свое избранничество, хотя считает себя безусловно первым народом в мірѣ. Почему? потому что он фактически міровой имперіалист. Он эпик, хладнокровен, и его *избранничество*, в сущности, почти не есть избранничество, это не магія, а *факт*. Это не избранничество англійскій націи и буржуазіи — а привилегированность англійской націи и буржуазіи. Это тишина, спокойствіе и хладнокровіе эпизма-индуктивизма англійскаго имперіализма и, как націи, буржуазіи, как класса.

У нѣмцев, как у пролетаріата, избранничество это писклявое, вздутое, взвинченое. Почему? потому, что это—a priori, как всѣ продукты нѣмецкаго духа. И даны они круто насильственно, *аподиктично*, критистически-задорно, с пылом, шумом, гамом, криком, визгом, с философско-лирической пѣной во рту. Читайте Фихте о нѣмцах—он и обожает и проклинает своего народа, как Исаія, и плачет и рыдает—настоящій Іеремія. Читайте других нѣмецких философов, вездѣ и всюду одно и то же: нѣмецкій народ—это сверх-народ, Завѣт Народов, Соль Цивилизаціи, Человѣчества, — он должен освободить человѣчество.

Словом, исторія возложила на нѣмецкаго народа миссію. Эта же миссія пронизывает сочиненія Гегеля.

Этот нѣмецкій неомессіанизм—*миссіонизм* чрез Гегеля перешел к Марксу, который, денаціонализуя его, как Христос мессіанство, создал из него избранничество—миссію пролетаріата освободить все человѣчество.

Но иной скажет нам: что за бѣду вы видите в этих невинных дѣтских забавах. Да я вижу, что пролетаріат не Мессія, не спаситель, он лишь партіею, как Христос церковью, захватил и еще захватит власть. Но к чему возстать против „утопій"... пусть тѣшатся дѣти. Пусть бѣдные упоятся новым евангелизмом, как нѣкогда старым.

Но нѣт! *магія пагубна, смертоносна.* Развѣ не Смерть гуляет нынѣ по улицам Москвы, мня себя новым Христом, соціалистическим Мессіею!

Всякія такого рода химеры губят людей, толкают их в мессіанском психозѣ не только на Голгоеу—это хотя и больно видѣть, но зато величественно—но и на инквизицію, на чрезвычайку.

Всякая магія смертоносна. Как магія пьянства, магія кокаина, как другіе дурманы, так и мессіанскій и соціалистическій дурман, дурман „конца дней" и несбыточных химер міровых революцій, послѣ временнаго искусственно созданнаго подъема, вызывают отчаяніе и ужас. Как и в средніе вѣка послѣ психоза крестовых походов, отрезвляясь от кашмара освобожденія какого-то гдѣ-то находящагося гроба человѣка, который, если и жил, то безусловно никогда не был там похоронен, массы, голытьба, увидѣли себя болѣе еще нагими, голодными и несчастными. Кромѣ безчисленнаго множества жизней, унесенных в могилу, нам ужаснѣе жертвы одичаніе и озвѣрѣніе. Оно грознѣе смерти.

Мы и нынѣ, послѣ краха послѣдняго из мессіанских обманов соціалистической міровой революціи спрашиваем себя, при видѣ тріумфальнаго шествія сыпного тифа, торжества голода и смерти: все-же что страшнѣе, метла смерти, очереди на кладбищах или студенты, когда-то рвавшіеся на служеніе народу, убѣгающіе из лазаретов...

Нѣт. Магія, кромѣ союза со смертью и одичаніем нам ничего другого дать не может.

Или пошляковское мѣщанско-мессіанское выжидательство или мессіанскій массовый психоз.

Да, магія дает нам избранничество смерти голода, тифа и одичанія.

LI.

Трансцедентализм, идеализм и угнетеніе.

Уже выше мы показали, как угнетеніе вызывает и создает аномалію монизма. Больной человѣк способен думать лишь о своей болѣзни. Но не менѣе ясна и связь трансцедентализма, вообще идеа-

лизма, с угнетеніем. Не находя удовлетворенія в настоящем, человѣкъ уходит в будущее, отворачиваясь от земного, он устремляет свой взор в небо, оборачиваясь спиною к наслажденію, он носится со своим идеалом.

Не можем не отмѣтить, что тут поворотный пункт в библіи. Раньше мы нигдѣ не находим никакого намека о божественности гор. Как уже указали, до Моисея всѣ божественныя видѣнія были во снѣ: когда бездѣйствовали чувства, разыгралась фантазія. Моисей был, по свидѣтельству самой библіи, первым говорившим с богом лицем к лицу не во снѣ. „Если бывает у вас пророк господень, то я открываюсь ему в видѣніи, во снѣ говорю с ним. Но не так с рабом моим Моисеем... Устами к устам говорю я с ним, и явно, а не в гаданіях, и образ господа он видит (Числа, 12, 8)“. То же самое подчеркивается и в другом стихѣ, гдѣ говорится, что бог знал Моисея лицом к лицу (Второзаконіе, 34, 10). Это означает, что Моисей имѣл искусственно вызвать божественныя видѣнія, т.-е. фантазировать, видѣть сны на яву. Для этого ему лишь нужно было уединеніе, но еще лучше, на горѣ. Гора как посредник неба и земли, является родиной уранизма (небеснаго), который для религіи был тѣм, что для науки субъект, „представленіе“. Уранизм и субъективизм лишь два вида трансцедентальности: первый религіозный, а второй—научный. Что, именно, здѣсь впервые на горѣ (горизм) родился уранизм, иначе, религіозный трансцеденталізм, видно из того, что Моисей закрыл свое лицо, и, как библія объясняет, „потому что боялся воззрѣть на бога (Исход, 3, 6). Опять нигдѣ ничего подобнаго в библіи до этого мѣста не находим. Правда уже Яков говорит: я видѣл бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя (Бытіе, 32, 30). Но уж весь характер яковскаго видѣнія ясно отличается от моисеевскаго: Яков борется с богом и побѣждает его, а Моисей боится даже воззрѣть на него. Это нас заставляет заключить, что если это не сон, чему противорѣчит хроманіе, то это встрѣча-борьба с каким-то полубогом, героем.

LII.

Соціальный момент монизма.

С соціальным характером монотеизма, несмотря на его чисто-психологическую основу, мы встрѣчаемся с первых же глав библіи, посвященных его сподвижникам и носителям. Предтечи еврейскаго монотеизма—это патріархи. Их монизм—это грубый индивидуализм, не доросшій до сознанія общественности. Их семья заслоняет собою пред ними весь мір. Отсюда монотеистическій характер их семейнаго культа. Бог Авраама, Исаака и Якова есть своего рода патріарх.

Эта соціоморфическая сущность всякой религіи дает себя чувствовать вездѣ и всюду, с той только разницей, что в іудаизмѣ она начинает проникать в сознаніе и, таким образом, дѣлается сознатель-

ным фактором, что на нашем языкѣ означает: соціоморфизм становится идеоморфизмом, а для данной психологической ступени вѣрнѣе будет если скажем, что націоформизм переходит в идеалоформизм, т.-е. что національный идеал, продукт народнаго творчества и изображеніе жизни націи становится фактором и поощренія и измѣненія самой народной психики и жизни.

Библія нам рисует первоначальную разрозненность и раздробленность патріаршеских семей. Междуусобица и вражда является отличительным признаком их. Крайній сепаратизм доводит их до полнаго изнеможенія. Бездѣтность, а главное, семейные раздоры неизбѣжно ведут к катастрофѣ. И вот библія с самаго начала показывает нам, гдѣ нам искать начало монотеизма. Завѣт, заключенный богом с Авраамом, вращается вокруг освобожденія от національнаго порабощенія.

Читайте мрачную нѣсколько даже жуткую картину заключенія завѣта и вы найдете ядовитый корень монизма. Болѣзненная психологія, страсть к рефлексіи, склонность рыться, копошиться в своей душѣ, вѣчно няньчиться со своим уродливеньким, страшно самолюбивым „я“. Болѣзнь, страданія угнетают дух настолько, что человѣк становится мнительным, ищет болѣзненности, считает себя опасным, будучи вполнѣ здоровым. Будучи преслѣдуемым, он считает себя преслѣдуемым, мучеником и послѣ, когда он мучает других.

Таковыми рисует нас библія іудеев. Раньше были рабами, но освободившись стали такими тиранами, которых и языческій мір не знал. Угнетенный народ перещеголял своих угнетателей. И как же могло быть иначе? вѣдь, он на то был избранником, свѣточем, и раз трудно быть самому народом факелом, то он избрал жечь других, истреблять всѣх своих сосѣдей.

Таковыми были христіане. Раньше были сынами бога, свѣтом земли, но в избранничество свое они продолжали вѣрить и тогда, когда господствовали над міром, когда увѣковѣчили себя неслыханным потѣшным фанатизмом, объявляя непогрѣшимость римско-католической церкви в лицѣ папы. Своим звѣрством, своим душеспасом, они далеко оставили за собою іудеев.

Таковыми на наших глазах стали большевики, объявляя непогрѣшимость „коммунистической“ своей партіи, которая, в конечном счетѣ, свелось к непогрѣшимости Ленина.

Но об этом неизбѣжном вырожденіи монизма, всегда неизмѣнно имѣющаго носителя и, конечно, лишь одного „избранника“, „помазанника“, другими словами, Мессію или Христа, нам еще придется говорить. Вернемся, однако, к данным.

Библія дает нам богатый матеріал соціально-національной основы монотеизма. Этот монизм, как уже сказано, с одной стороны, является соціоморфизмом и, с другой стороны, соціоидеализмом или идеоморфизмом. Он отчасти изображеніе націнальной жизни и отчасти воплощеніе (инкринація) національнаго идеала, точнѣе идеализація національно-политическаго стремленія Таким образом, он еще не *соціализм*, а *націонализм*, который всегда служит предтечей и прообразом соціализма или, как выше было выражено, психологизм подгото-

являя социологизм. Но это уже было нами указано, а если остается нам еще прибавить так это лишь то, что психомонизм обыкновенно является политоморфизмом (но не политики вообще, а національной политики, Nationalpolitik), социомонизм же представляет собою *экономизм*.

Итак психомонизм состоит из двух моментов, из момента *угнетенія* и момента освобожденія. Как видно, один, а, именно, первый, отрицательный, а другой положительный; один мрачно-пессимистическій, а другой свѣтло-радужный. Эта двойственность присуща всѣм монистическим ученіям угнетенных. Он одинаково присущ національному разумѣется, угнетенно-национализму, ибо другого національнизма нѣт или не должно быть; как нѣт буржуазнаго социализма, хотя социализм, означая общественность, вообще, мог бы быть приложим и к буржуазному обществу, так нельзя примѣнить слово національнизм к господствующей имперіалистической націи, а если это дѣлается так это лишь злоумышленное или безсознательное злоупотребленіе *), как социализму. Таков был національный монизм іудеев. Таков національный монизм нѣмцев. Іегова потому грозный бог мести, свирѣп и милосерден, отец сирот и судья вдов. Он жесток против „чужих“ и голубит „своих“. Он жесток и против своих собственных измѣнников, національных провокаторов, т.-е. преступающих его закон. Эта двойственность удѣл нѣмецкой культуры, нѣмецкой этики. Самая высшая нравственность соединяется у них, как у іудеев, с самым высшим разбоем: нравственность для себя, для своих, Крупп и пушка-колоссал для чужих, для французов. Нравственность у них такое же орудіе борьбы, как пушка: она помогает сплоченію, объединенію внутри, она повышает жертвоготовность. Нравственность Іеремій со всеистребленіем у іудеев, и этика Гербарта с разореніем Сербіи.

Это двуличіе смотрит на нас и из евангелія. Несмотря на фальсификацію евангелія разными благонамѣренными людьми, вродѣ Толстого, прибѣгающими для распространенія своей идеи к дикому пріему древности и средневѣковья, такому же подлому, как плагіат, и представляющему собою, в сущности, обратный плагіат, т.-е. подкидываніе своего духовнаго ребенка, не имѣя ни мужества защищать его, ни желаніе страдать за него, ни возможности кормить, богатому человѣку,—несмотря на фальсификацію и с разных других сторон; мы имѣем в евангеліи точный портрет двуликаго Іисуса, с его проповѣдью любви к признающим его, все равно язычник ли он, самарянин, мытарь, грѣшник, вор, разбойник и т. п., соединенные всѣ под одним крылышком теплаго слова „ближняго“, что означает близкіе к нему и ко всѣм признающим его,—и с змѣиной ядовитой его рѣчью, мечущей громы и молніи, грады проклятій и угроз на головы

*) Это смѣшеніе понятій обусловливается тѣм, что нерѣдко нація, угнетенная становится господствующей, но, во-первых, группа угнетенных національностей от этого отнюдь не становится господствующей, как от разбогащенія одного рабочаго класса эксплуатируемых не легче становится, и, во-вторых, на примѣрѣ хрітіан и большевиков мы видѣли и видим, что чуть ли не весь класс или часть его то же может перейти из состоянія угнетеннаго в положеніе господствующаго, угнетателя.

невѣрующих в него, рѣчью, дико-изувѣрской, в которой так и слышны вопли сатаны и скрежет зубовный, рѣчью, в которой так и пышет огненная геенна ненависти и злобы, равной которой не знает ни одна религія до христіанства, обѣтованная на небѣ при своем второмъ пришествіи и уготовляемая им на землѣ послѣ, при захватѣ власти его приверженцами.

Этот религіозный Янус злобы и любви в научном образѣ опять предстал предъ нами в марксизмѣ. О нем нам распространяться не слѣдует. К счастью, мы слишком близки к первоисточнику, и потому знаем, что это был человѣк суровый, безумнѣйшій маніак, фанатик, который буквально готов был растерзать всякаго человѣка, который не признал его мессіей, спасителем пролетаріата. Однако, уже и по отношенію к Марксу сглаживаніе углов его характера идет во всю. Марксисты не могут мириться, что их спаситель вовсе не был агнцем, а умѣл оклеветать Бакунина, смѣшать с грязью и смутить разных Вейтлингов и проч. и проч. И характерно, что как христіанам для украшенія своих крестовых походов и инквизицій нужен был все-таки бог-агнец, так и марксистам, нынѣ свирѣпствующим и, разверзающим огненную геенну под ногам всѣх еретиков, нехристов, т.-е. немарксистов, и не фигурально, а буквально, красноармейскими пушками и штыками, бомбардируя, не марксо-ленинскими тезисами, а шрапнелями анархистов, лѣвых с.-р., т.-е. всѣх не спасающихся во Марксѣ,— этим обезумѣвшим инквизиторам все же нужен божок любви, божок солидарности всѣх рабочих, и на утѣху и недоумѣніе и заблужденіе будущим вѣкам всѣ их изданія носят надпись: Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

Большаго кощунства над возвышенными чувствами симпатіи и взаимопомощи, которым, безсомнѣнно, предначертано быть регуляторами будущаго общества и, при желаніи и соціотехническом умѣніи, и настоящего общества, никто никогда и придумать не мог!

Впрочем читайте Луначарскаго о Карлѣ Марксѣ, и вы увидите ангела во плоти, кроткаго Маркса. Современники Маркса хохотали бы до упаду или возмущались бы всѣм своим существом против такой фальсификаціи. И если мы бы могли воскресить мертвых, что яко бы дѣлал дикій изувѣр Христос, то мы бы слышали что нибудь подобное и про Христа. Да что мы медоточим? нѣт, гораздо худшее, мы бы услышали про него всю истину, что это был самый дикій изувѣр, вѣнец фанатизма Іудеи.

Откуда вся эта тьма, этот мрак и смрад, эта клоака полемики, вѣчной собачьей грызни между Христом и фарисеями и между Марксом и идеалистами, буржуазными экономистами? Откуда эта бездна фанатизма и озлобленности? Откуда этот черный ужас сивѣрѣвшей фантазіи, рисующей нам землетрясенія, крахи, катастрофы, концы дней, эсхатологіи, страшные суды, сожиганіе неувѣровавших как соломы, весь этот горячечный бред пророков, мессіанистов, хиліазмистов, даніильцев, апокалиптиков мракобѣсія Христа, с одной стороны, и минимумы заработной платы, пролетаризація, пауперизація (древняя пророчески-христіанская религіозная эвіонизація в новом научном

облаченія!), концентрація капиталов, и т. д., всѣ эти шопенгауэровскія, гартмановскія и марксистскія самоубійства человѣка и общества.

Все это—болѣзненная психологія угнетеннаго духа, угнетеннаго настроенія нѣмецкой націи, берущая свое начало в національном угнетеніи и приниженіи и свой конец в неудовлетворенном національном разыгравшемся самолюбіи, разжигаемом сначала в видах освобожденія и всепожирающе-пламенѣющем нынѣ в цѣлях всеистребленія, покоренія, разоренія и порабощенія.

Никто не поймет нѣмецкой жажды власти, упоенія властью, если не увидит ея мутнаго источника „угнетенія“. Это мстит зло. Обвинять ли нѣмцев? Нѣт. Это французы платятся за свои старые грѣхи, за униженіе Германіи. Ни один народ в мірѣ нормально не дошел бы до нѣмецкаго звѣрства, тѣм болѣе народ философов и поэтов. Это каторжник, кинжалорѣз, сорвавшійся с цѣпи. Он мстит за все перенесенное. В отуманенное жаждой мести сознаніе гвоздем засѣл одна мысль: „не оставляй в живых ни одной души!“ одно упованіе, что, быть может, скоро всѣ народы будут истреблены и нѣмецкій геній расправостерет свои критицистическія-кантовскія крылья, свое фихтіанское національное „я“, свою шеллинговскую натурфилософію над окровавленной землею.

Восторжествует нѣмецкій дух, воля к власти его Ницше, воля к истребленію, воля к смерти Шопенгауэра,—взорвать весь мір, весь космос.

Послѣдним, на закатѣ, над міром, озаренным кровью, станет нѣмецкій народ с юнкерской шпагой в рукѣ, вспоет нѣмецкую бетховенскую вагнеровскую Аллилуію! и тут же зарѣжет и себя.

Иначе эта нація садист покончить не может, если в ней не возьмет верх соціальное и накопленная національная ненависть не разрядится. Deutschtum'у нужно sich austoben. Если он не покончит с другими, он покончит с собою.

Слишком много національной крови, полнокровіе и манія величія не дают ему жить по-обывательски, по англійски.

Он раньше был слаб, весь мір был его представленіем, а нынѣ он окрѣп и его мір „воля“.

Соціоморфистическій, вѣрнѣе, психоморфическій, еще точнѣе національноформическій характер этой культуры ясен до очевидности.

Его монизм это или идеал національнаго объединенія или изображеніе этого объединенія. Его свирѣпость и жестокость результат угнетенія и созданнаго им идеологіей нѣмецкаго національнаго избранничества. Его пессимизм, жажда истребленія, мрачная психологія угнетеннаго, преслѣдующаго его и при его господствѣ. Это месть, это національный чисто разрушительный анархизм.

Раб, ставшій царем, не знает предѣла власти, не скажет довольно. У него ненасытимости двѣ дочери: „давай!“ „давай!“

Освободившійся раб видит вездѣ крамолу, контр-революцію, заговоры и т. д.

Он жертва угнетенія и при власти своей. Таков был іудей, таков нынѣ нѣмец. Таков был христіанин, таков нынѣ марксист-большевик.

Власть стоила ему всего. Вся его психика, вся его душа сосредоточена на ней, и глаза у него залиты кровью, пребывая в вѣчном страхѣ потери своей власти. Он свирѣпѣе, кровожаднѣе всякаго наслѣдственнаго властелина. Кому незнаком духовный облик Ирода, про котораго правильно говорили, что лучше быть свиньей при его дворѣ, чѣм сыном У него психологія узурпатора, его символ—собака, грызущая кость, обступленная цѣлой стаей, пожирающей ее глазами.

Большевика безпокоят мнимыя выступленія анархистов, лѣвых с.-рев. и т. п. Манія преслѣдованія не оставляет Вильгельма: французы все готовятся, Россія мобилизуется, Англія замышляет...

Больной, малокровный, чахоточный должен стремиться лишь к выздоравливанію, а не к жирному брюшку, к новой болѣзни ожирѣнія.

Такими перескочившими от національнаго малокровія посредством избранничества, т.-е. разжиганія и раздуванія національнаго самолюбія и страстей, к національному полнокровію, к разжирѣнію, являются нынѣ Нѣмец и были когда то іудеи. От одной болѣзни к другой. Из огня да в полымя.

Угнетенному народу нужно только освобожденіе, но не міровое господство. Освободиться, защищаться, но не обижать других, истреблять, рубить.

Іудеи не так дѣлали. Освобождаясь, они угнетали других. Это привело их к гибели.

Нѣмцы идут по тому же пути. Культивируя національное свое чувство, взвинчивая національные нервы, они, расходившись, уже не могут остановиться. Нельзя остановить поѣзд на полном ходу.

Соціалисты проповѣдуют ненависть, захват власти, сокращеніе рабочего дня. Когда они захватывают власть, они пожинают то, что сѣяли: ненависть, злобу, кровожадность, алчность, взяточничество, всеобщую погоню за наживой, стремленіе к разбогащенію, всеобщую спекуляцію, всеобщее разгильдяйство, разврат, пьянство и т. д. Им угрожает вѣчная контр-революція, заговоры и проч. и проч.

Авантюристам угрожает авантюризм, захватчикам—захват. Это старая исторія.

А между тѣм угнетенному классу нужно лишь освобожденіе себя, не угнетать других, ему нужна солидарность, любовь к своим, к пролетаріям, к угнетенным, а нисколько не ненависть к буржуазіи и т. д.

Ему нужна свобода— ему дают диктатуру.

Ему нужна духовная свобода безвѣріе в буржуазную науку. Ему нужно безначаліе, чтоб его нельзя было обмануть, закабалить, сковать духовными цѣпями.

Ему, таким образом, нужны были *освобожденіе* и *отрицаніе*. А ему вмѣсто освобожденія дают власть, т.-е. новое угнетеніе, угнетеніе других, которое всегда, в конечном счетѣ, есть и угнетеніе своих. Вмѣсто отрицанія—новую науку, науку пролетаріата, новое духовное рабство, новый обман, науку партіи, науку Маркса.

Таким образом погубили когда-то религіозный націонализм, погубили іудеев. Так нынѣ губят научный, точнѣе психологически-фи-

лософскій націонализмъ, т.-е нѣмецкую націю, носительницу національной идеи.

Такъ губили эвіонизм, превращая его в христіанство, в спасающихся во Христѣ. Эвіонизм, как простой реальный, внѣшній признак мог бы, в дѣйствительности, объединить все человѣчество. Эвіонизм был атеистичен, еретически-епикурейски, во всяком случаѣ, он мог стать общечеловѣческим, истинным космополитизмом, стать единым, но без „единаго стада“ и без „единаго пастыря“, отвергая и стадность, т.-е. и храмность, и синагогальность, и церковность.

Под знаменем атеизма и эпикурейства, кажется, было бы весьма легко объединить всѣх бѣдных, как их догадался нынѣ вербовать соціализм. Вѣдь, рабочих, во всяком случаѣ, не заманивает тяжеловѣсное неудобоваримое ученіе Маркса. Бѣдное крестьянство и рабочіе Россіи мало знакомы с его діалектикой, метафизикой и его схоластикою: он слишком тонок для них. Их объединяет атеизм и эпикурейство, земное, а не небесное, конкретное, а не отвлеченное, практика, а не теорія.

Эту же практику, без примѣси проповѣди, без евангелія, без нагорной дребедени, без чепухи о страшном судѣ, без дурацких притч о том, который придет и соберет пшеницу и сожжет солому, можно было сразу дать бѣдным, этим іудейским эвіонам, без цитат из Исаіи, без чуши о мессіанствѣ. Но для этого нужно было быть здоровым, с ясной головой, нужно было бы быть греком, освободившимся от гречества, от эллинизма, прикрывшаго принципом красоты и искусства неправильности, мерзости, несправедливости, рабства. Для этого нужно было не быть изувѣром, юродивым, полоумным, цадиком, старцем, маніаком, помѣшанным, не уговорить себя, помѣшаясь на мессіанствѣ, начитываясь библейских пророчеств, как Дон Кихот от чтенія рыцарских романов, не нужно было быть бэшгом, чудотворцем, факиром, чревовѣщателем, фокусником, не глупым религіозным болтуном, а мудрым практиком, человѣком дѣла и истинной любви, человѣком положительнаго без отрицательнаго. А глупенькій, маленькій ничтожненькій фанатик, маніак, бѣсоман, главной спеціальностью котораго было изгоненіе бѣсов из людей в свиней, трус, мутившій народ, а все-таки не рѣшившійся на возстаніе, трижды сам отрекшійся от своих слов на судѣ, как всѣ маніаки мессіи, вродѣ Саббатай-Цеви, принявшій магометанство, и все же попавшій на крест благодаря своей нерѣшительности, непрямолинейности, кривлянію и ломанію— этот темный невѣжественный галилеянин не мог стать истинным простым спасителем человѣчества. А если он все же прослыл спасителем на протяженіи двухтысяч лѣт у народов Европы, так это говорит нам лишь об их варварствѣ, некультурности и ограниченности.

Так нынѣ Маркс становится на наших глазах богом пролетаріата, лишь благодаря некультурности и невѣжеству пролетаріата, усматривающаго в нем, послѣднем самом ничтожнѣйшем ограниченнѣйшем философѣ (т.-е. юродивом интеллигента) Германіи, колосса, гиганта, цѣпляясь за него, благодаря своей убогости, угнетенности и презираемости, ухватываясь за него, как утопающій за соломинку, как нѣ-

когда эвіоны-бѣдняги ухватились за самаго послѣдняго, самаго слабаго мерзка (т.-е. юродиваго фантазіи) Іудеи.

Как можно было воистину „спасти“ рабов и всѣх „эбіоним“ древняго міра?

Не духовной диктатурой Христа, не обратным язычеством, а свободой, т.-е. отрицаніем, атеизмом.

Язычество было религіей господствующих народов и богатых. Чтоб освободить угнетенных народов и бѣдных, нужно было создать не новую религію, а не-религію, нерелигію угнетенных народов и бѣдных. Но на это не хватало ни у Моисея, ни у Христа ни ума-разума, ни смѣлости—дѣйствія. И вот Моисей, чтоб освободить свой угнетенный народ, создал ему новую религію *психологическую*, религію угнетеннаго народа, а Христос—*соціальную*, религію бѣдных.

Но что стало с обоими мечтателями. Они и не оправдали возложенных на них надежд, т.-е. обманули угнетенных, Моисей не дал „земли, гдѣ течет молоко и мед“, а Христос—царства божія.

Почему они не дали? Потому что религія есть обман, фантазія, а не реальность. Религіозное измышленіе, мечтательство способно одухотворить, увлекать наивных, глупых, довѣрчивых, но оно разбивается в пух о холодный гранит дѣйствительности, оставляя горечь разочарованія и немощь онанизма. Этот обман сладок сначала, даже лучше и удобнѣе дѣйствительности, как онанизм лучше обладанія реальной женщиной, так религіозный суррогат дает мимолетное мнимое удовлетвореніе, но разстраивая организм, подтачивая силу и волю, в конечном счетѣ, сводит в могилу, в лучшем случаѣ, приводит к дряблостя.

Это с одной стороны, весьма важно, с точки зрѣнія идеала. А с точки зрѣнія реальных достиженій?

Эти реальныя достиженія, хотя мизерны, но уже постольку, поскольку они все же *реальны*, они являются не только не *частичным осуществленіем* идеала, что дало бы повод к соблазну—обману приближенія к идеалу, а прямо діаметральной противоположностью предшествующаго идеала, что, однако, не мѣшает слѣпым фанатикам, уже нынѣ садисты, насильники, мнить себя спасителями, мучениками, страстотерпцами, неуклонно слѣдующим по пути их идеала.

Это и есть в одно и то же время и самое трагичное и самое преступно-возмутительное, что в этом поразительном явленіи. Факты нам показывают, что эти агнцы пріобрѣтая рога и копыта, болѣе насилія радостны, болѣе упоительны, чѣм предшествовавшіе им тираны, угнетавшіе их народ или класс.

Факт таков, никакая религія в мірѣ не так кровью опьянена и упоена, как еврейская, никакая книга в мірѣ не так идеализирует разбой, как священное (как это цинично звучит, когда мы вспоминаем об омерзительнѣйшем lo thechaje kol neschamah) писаніе.

Еврейская кровожадность наряду со стражайшей нравственностью и нѣмецкая кровожадность, совмѣщающаяся с возвышеннѣйшей этикой.

Кто даетъ этой книгѣ, библіи, моральное право быть такой кровожадной? откуда эта смѣлость?

Это Каиново чело, увѣнчанное ореолом мученичества, украшенное лаврами освобожденія.

Как соединяются, уживаются эти противорѣчивыя, взаимоуничтожающія черты?

Наш отвѣт: увы! они не только не противорѣчат, но и дополняют, округляют друг друга. Эта противорѣчивость замѣтна лишь нам, обладателям этих черт она недоступна. Как народы субъективисты они очень мало считаются со всѣм тѣм, что говорят про них, что думают другіе. Главное, это их собственное мнѣніе, а у них все это безпощадное истребленіе дѣтей и старцев, вся эта безпримѣрная жестокость согласуется с высшими принципами морали, во имя которых они яко-бы и совершаются.

Исключительность, крайность, преданность цѣлому, идеализм, альтруизм, пренебреженіе общественным мнѣніем, т. е. мнѣніем чужих не „своих", господствующих народов и классов—всѣ эти плюсы превращаются послѣ освобожденія, на второй день послѣ національнаго освобожденія или соціальнаго переворота в минусы.

Мог-ли еврей считаться с мнѣніем египтянина или другого народа, который душил его, порабощая его постоянно или временно, совершая на него от времени до времени набѣги. Но еще не в том сила. Главное, это слѣдующее: чему его учили во весь період доосвобожденія. Не старались ли лучшіе сыны нѣмецкаго народа развить в нем самомнѣніе и пренебреженіе, отвращеніе и ненависть „к иностранцинѣ" (фихтевскій термин). В нем на протяженіи вѣков культивировали змѣю—что диво, что она нынѣ кусает. Развѣ ему проповѣдовали „не угнетай!"

Какую пѣсенку тянули в теченіе нѣскольких поколѣній нѣмецкіе философы, педагоги, эти большіе Фихте, Шеллинги, и маленькіе Дистервеги.

Развѣ они говорили ему: нѣмецкій народ такой же, как французскій, и поэтому он имѣет такое-же право на существованіе. Нѣт, ему говорили: нѣмецкій народ исключительный, всѣ народы отбросы, нѣмецкій—соль человѣчества. И вот он нынѣ проявляет свою *исключительность*, ибо всегда легче быть исключительным негодяем, чѣм исключительно добродѣтельным.

К чему сводятся безсмертные категорическіе императивы Канта? Поступай так, чтоб твой поступок мог стать всеобщим законом. При угнетенности это означало: поступай так, чтоб твой поступок был бы как бы сигналом ко всеобщему возстанію. При господствѣ же нѣмцев это означает: руби француз, англичан, сербов и, вообще, всѣх, кромѣ нѣмцев, или Bundesgenossen руби безпощадно, руби так, чтоб ты стал общим примѣром, заслужил бы похвалы от начальства, удостоился бы представленія высшему начальству.

К чему сводится вся нѣмецкая Tugend, готовность к жертвам, и выдержкѣ?

это выдержка в бою, в рѣзнѣ, в истребленіи всѣх других народов. Tugend значит рубить так, как можно рубить лишь во имя большого идеала, великой добродѣтели. Руби так, чтоб это было противно человѣческой природѣ, чтоб этого не мог дѣлать обыкновенный народ, неодержимый маніей величія, маніей наставленія всѣх на путь истины. Руби так, чтоб это невозможно было дѣлать без этическаго напряженія, воодушевленія и усилія. Руби так, свирѣпствуй так, расходись так, чтоб всѣ народы убоялись тебя, чтоб всѣ народы знали, что ты народ исключительный, избранный.

Итак, на заданный нами вопрос, как это сочетается проповѣдь высшей нравственности со всеистребленіем на дѣлѣ, мы дали самый простой отвѣт. Но „как это возможно“ мы отвѣтили: только так и возможно. Мы показали, что только народ избраннический, народ с миссіей способен совершить такія подлости. Сверх-народ дѣлает сверх-подлости. Народ исключительной философии берет себѣ право быть исключительно *жестоким*, кровожадным.

Будьте исключительны, возвышенны, как исключителен, возвышен ваш нѣмецкій дух

Будьте тверды, смѣлы, рѣшительны, крайни, энергичны, стремительны, отчаянны, отважны—таков клич нѣмецких пророков, пророков интеллекта.

Будьте отважны, ибо мы были отважны и неустрашимы и задорны—таково завѣщаніе нѣмецкаго интеллектуальнаго профетизма.

Развѣ нѣмецкая философія не один вѣчный вызов. Развѣ она не дон-кихотична. Она лѣзет в драку с сильнѣйшим, с тяжелодоспѣхной англійской наукой. Нерѣдко нѣмецкая мозька лает на слона, а все-же, наконец, докучает этому великану жизнь своим вѣчным приставаніем, своими вѣчными критицизмом и критиканством, своим писклявым пронзительным трансцедентализмом.

Развѣ не один риск, не игру ли смѣлаго биржевика, не имѣющаго за душою ни копѣйки и спекулирующаго на милліоны представляет собою чистая нѣмецкая философія.

Это дерзость, наглость, смѣлость, еврейская хунца, которая взяла города неувядаемой красоты эллинизма. Сарказам пророков, псалмов — это террор кучки смѣлѣйших Анархистов Духа, наводящих ужас на властелинов міра. Это—анархисты язычества.

С одной стороны величайшія сокровища архитектуры, скульптуры, живописи и эпики, а с другой стороны—горсть іудейских духовных бомбометчиков. И они безпощадно сокрушили все. „Истребите всѣ мѣста, гдѣ народы, которыми вы овладѣете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким вѣтвистым деревом. И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от мѣста того (Второзаконіе, 12, 2, 3)“.

Какой безумной злобой, каким безудержным фанатизмом дышат эти строки. Так и дымятся пред глазами развалившіеся жертвенники, стелется дым, брызжет кровь застигнутых на мѣстѣ преступленія-жертвоприношенія и убитых жрецов...

Откуда этот безподобный фанатизм?

Въ избранничествѣ, въ избранничествѣ народа, въ избранничествѣ его культуры, въ единственности его правды, единственной законности его желаній, чаяній и т. д.

Но есть ли там больше, чѣм избранничество, есть ли там что-нибудь кромѣ этой безумной самонадѣянности, самовоспѣванія.

Но незѣроятности очень мало. Единственно положительное это *геніальнѣйшее, сверхъестественное,* непостижимое самоопьяненіе и самоодурманиваніе. Ненормальное, юродивое, маніаческое упоеніе самим собою! своей геніальностью:

Плач Іереміи и псалмы, эти душираздирающіе крики о національном позорѣ, о гнетѣ, о приниженіи.

Это безумно-геніально, это страшно, это безподобно,—но это же ненормально.

Псалмы стали книгой скорби всѣх обиженных. Не евангеліе, а, именно, псалмы, замѣчаем мы мимоходом, ибо псалмы—геніальны, а евангеліе—сравнительно бездарно: ни скорби угнетенных, о том что царства божія так медленно приближается, близится—близится, по обѣщаніям пророков и приближается, по благовѣстіям разных мессій, а все же его нѣт,—ни радости избавленія и искупленія, о том что уже яко бы пришел спаситель. Ни одной нотки національной скорби плакальщика Іереміи, ни одного вздоха сокрушеннаго сердца псалмопѣвца, даже ни тѣни ропота и жалобы бѣдствій и страданій индивидуальнаго существованія книги Іова, ни одной философской мысли вродѣ Екклезіаста, ни идиллій Руфи, ни сладострастія, сказ-таки ненормальной бѣшеной и в своей любви, пѣсни пѣсней.

Что мы можем сказать по поводу четырех, вѣчно повторяющихся, пережевывающих друг друга, поглощающих друг друга, как фараоновы коровы, к тому тощих как послѣднія, и, в добавок, сонливых, как сам фараон первой книги, запутанных и бѣсноватых. Недаром глупые фарисеи говаривали, что в Іисусѣ бѣс сидит... Но этот-же бѣс полемики, задора маніачности и критиканства сидѣл и в пророках с той лишь разницей, что и бѣс был талантливѣе...

Сарказм пророков, псалмов нельзя не назвать бѣсовским.

Злой критик сам писать не умѣет, но раздувать, разносить в пух—это его стихія, его радость, его мисія.

Эту мисію взял на себя еврейский народ в цѣлом, по отношенію к религіи. Вопреки установившемуся предразсудку, что евреи дали бога міру, мы увѣрены, что еврей его лишь отняли. И это единственная их заслуга. И своим *критицизмом,* т.-е. разрушеніем и отрицаніем всѣх других культур, своим анархизмом, и своим фанатизмом національнаго (юдейство) и своим фанатизмом соціализма (христіанство) они погубили религію. Честь и слава им за это, хотя они не вѣдали, что творили.

LIII.

Миссія еврейства и миссія нѣмцев.

Они исполнили свою миссію. Кто оспариваетъ еврейскій миссіонизмъ! Кто оспариваетъ еврейское избранничество?

Покрывая голову, по азіатскому обычаю, одѣвая филактеріи (thephilin) на голову и руку и окутываясь весь в „талис", мы вдохновенно восклицаемъ: Слушай, Израиль, не-господь, не-богъ нашъ, не-господь единъ есть.

Ты избранникъ атеизма, избранникъ не-религіи, избранникъ доведенія религіи, психологизма-націонализма до абсурда, до его вырожденія, до остервенѣнія и до акаменѣнія, до его противоположности. *Ты избранникъ антипсихологической, антинаціональной религіи.*

Израиль, ты избранникъ доведенія соціализма, космополитизма-евангелизма до крестовых походов, до папизма, до инквизиціи. Ты избранникъ *антисоціальности* религіи.

Израиль, вправду, ты избранникъ, избранникъ невозможнаго фанатизма, монизма, дегенеризма. Это твое тріединое единство. Тору, фикцію, созданную для націи, ты возвелъ в самоцѣль. Націю, реальность, ты низвелъ на средство для торы. Это дѣло рук твоего монизма. Его формула: тора, богъ и израиль—одно цѣлое. Первое мѣсто занимаетъ в ней тора (ученіе, религія), второе—богъ, третье только отведено Израилю.

Первоначально: богъ далъ Израилю тору, послѣ богъ далъ Израиля торѣ, затѣмъ: тора дала Израиля богу, а на послѣдок: тора дала бога Израилю.

Послѣдній шагъ есть верх безумнѣйшаго фанатизма, а как ни странно, это и есть атеизм. Верх фанатизма всегда совпадаетъ с первым проблеском религіознаго или научнаго всеотрицанія.

Тора была перед богом, она создала бога. Богъ исполняетъ предписанія торы, богъ сидитъ и занимается торой. Небесная фамилія превращается в небесный ешибот (университет).

Еврейская нація—длинный шлейф андерсеновскаго сказочнаго невидимаго платья короля.

Еврейская нація—рубашоночка, в которую одѣвают тору.

Вот как евреи исполняют свою миссію. Они стали ужасом, предостереженіем окаменѣлости от религіи. Они символ религіозной язвы религіознаго паденія.

Воистину сбылось реченное: „Итак храните и исполняйте их; ибо, в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые услышав, о всѣх сих постановленіях, скажут: „только этот великій народ есть народ мудрый и разумный (Второзаконіе, 4, 6)". Но уже Маймонид в его сводѣ законов говорит, что исполнилось как раз обратное: вмѣсто: „этот великій народ есть народ мудрый и разумный", получилось „этот маленькій народец есть глупый и развратный народ".

Но виноваты ли евреи?

Нисколько. Виновата лишь их мнимая послѣдовательность, доводящая их до противоположности.

Если евреи избранный народ, центр міра, народ-краса, то он должен быть цѣлью всего, а не та религія, которую он создал. Если он господин всего, то он не должен стать рабом торы. Но еврейскій народ избранник—избранник духовнаго рабства. С одной стороны, главное народ, нація, а с другой стороны, говорят: выше всего тора. Іерусалимскій талмуд говорит, что только раб торы, занимающійся торой, воистину свободен.

Из-за этого противорѣчія погиб еврейскій народ. Он создал себѣ тору, религію угнетеннаго народа, религію, которая была призвана его освободить. Он был цѣлью, тора—средством. Главное была нація, національный идеал лишь спаиваніе и укрѣпленіе націи. Но когда он измѣнил національному идеалу, он стал господствующим, кровожадным, развратным народом, а идеал его был—освободительный. Освобожденіе себя и всѣх своим доблестным примѣром, чистотой своей жизни, красотой и возвышенностью своего нравственнаго идеала.

В душу его вкралось отчаяніе. Оно его разъѣдало. Лучшіе сыны его начали проповѣдывать господство торы над націей, фикціи-идеала над дѣйствительностью, религіи над политикой,—и вот он потерял политическую самостоятельность, превратился в „вѣчный жид", в легендарнаго Агасѳера, в религіозную тѣнь,—в странствующую, скитальческую тору, в призрак чистаго монизма, безтѣлеснаго, безплотнаго духа религіи.

Еврейская ортодоксія—не нація, она—мумія, тѣнь бывшей націи, переставшей существовать, умершей свыше двух тысяч лѣт тому назад. Еврейская ортодоксія это жалкая тѣнь усопшей еврейской націи, это старо-еврейскій дух чистой трансцедентальной внѣжизненной религіи блуждающій, ищущій бывшей юрты еврейской націи. Этот дух плачет рыдает о юртѣ, в которой нѣкогда жило національное тѣло, національная плоть, о каком-то Сіонѣ. „И да узрят наши глаза, когда вернешься в Сіон милостію". „Из-за грѣхов наших мы изгнаны из нашей страны"—так плачет чистый дух ортодоксальнаго Израиля, давно-давно умершаго, как нація и живущаго, как религіозная секта.

Итак, мы видим в чем еврейская миссія—достигнуть обратных результатов!

Его миссія распространеніе монотеизма, так знайте: он, своей жизнью, самим своим существованіем миссіонер атеизма. Всей своей тысячелѣтней *діаспорной* (не, конечно, палестинско-завоевательской) исторіей он одно свидѣтельство: нѣт бога! Был бы бог, то он заступился бы за его Израиля, всецѣло отдавшагося ему. Его мартирологія безпримѣрна, его страданія безконечны. Голус („изгнаніе") это двухтысячелѣтняя рѣка слез и крови, но не слез и крови чужих жертв, коими орошены поля библіи, а собственными слезами и собственной кровью.

О чем вѣщают эти рѣки слез и крови? об атеизмѣ.

Израиль стремился к богу, и достиг— безбожія. Вот ответ на вопрос Фоерберга „Куда"?

Израиль стремился в страну, которая течет медом и молоком и попал—в гетто.

Израиль стремился и говорил о наивысшей нравственности и святости, а достиг и творил безподобную жестокость и мерзость.

Он стремился быть свѣточем народов, и стал омрачителем народов.

Он стремился раскрыть глаза слѣпым, а он слипал глаза зрячим.

Он мнил себя быть самым лучшим и был самым скверным.

Он хотѣл быть факелом, и стал чучелом.

Но он нам показал всю негодность религіи, всю неприложимость ея к *соціальному*. Физически-локальное он опроверг, а національное и соціальное дискредитировал. Он стал жертвою религіи, религіозной лжи.

Он мечтал быть факелом религіи, и стал чучелом религіи.

Был бы бог, он бы не дал Израилю, первенцу своему, так пасть. Была бы религія не-ложной, еврейскій народ, всецѣло отдавшійся ей, не мог бы стать так несчастен.

Вся исторія Израиля есть нынѣ урок атеизма, одна живая иллюстрація паденія народа, ушедшаго от жизни к богу, от свѣтскости к религіозности.

Она и показывает всю неприложимость, заблудительность, совратительность религіи, религіозных національных или соціальных, по отношенію к практической соціальной и національной жизни.

„Земная религіозность приводит к народоистребленію (библейская исторія), к поголовной рѣзнѣ во имя торжества религіи, а „небесная" религія со смиренностью и безропотным выжидательством Мессіи (исторія евреев в діаспорѣ) приводит к самосхороненію, к китайщинѣ, к окоченѣнію и вымиранію, к вырожденію,

В первом случаѣ, сосѣди-народы становятся жертвою его идеала, во втором случаѣ—он сам.

Или или. Или безпощадное истребленіе всѣх других народов или самоистребленіе, самосожиганіе, самопожираніе безумным огнем фанатизма и аскетизма.

Вот альтернатива религіознаго идеала, все равно національнаго-ли или яко-бы общечеловѣческаго.

Он химера, безплодная мечта, а главное у него нѣт моста от фантазіи к дѣйствительности, от *воображаемаго* к сотворяемому.

Его реализм—дикое всеистребленіе, его идеализм—безсмысленное себяистребленіе.

Крах его неминуем. Или весь мір, все окружающее, народы или слои, ополчаются против него и его осаждают (как нынѣ „мір" возстал против нѣмцев, а в древности против іудеев) или он сам возстает против себя, послѣдній остаток плоти бунтуется и, наконец, ниспровергает его. (Таково возстановленіе прав плоти и свѣтской власти, в христіанствѣ, и ассимиляція и сіонизм, оба противника мессіонизма, в еврействѣ).

Религіозный идеал, т.-е. національный или соціальный идеал, руководимый религіей, не в состояніи осуществиться. Зачатый в во-

ображеніи, он не может родиться к реальной жизни. Его приходится, если желают быть реальным, вытащить посредством щипцов жестокаго насилія и звѣрства, но тут или ребенок или мать или оба умирают. Умирает, вырождается или національный идеал или нація, или соціальный идеал или класс или оба вмѣстѣ.

Это в случаѣ, если к идеальному идеалу примѣняется метод осуществленія *реальный*, т.-е. религіозно-фантастическій идеал реализуется посредством дѣйствительных—увы! слишком дѣйствительных!—мѣр вродѣ войны, крестовых походов и инквизиціи. Это мы называем другими словами: *идеальный идеал* с реальной—увы! ультрареальной—*тактикой*.

Если же религіозный идеал осуществляется *идеально*, то это вродѣ вѣчнаго зачатія святым духом,—зачатіе безплодное, вѣра безсильная. Она вѣра без дѣл, которая мертва есть. Это в сущности идеал без тактики, ибо идеальная тактика все-равно, что не тактика, она лишь продолженіе идеала. Это закуска с закуской. Идеал с идеалом—два мертвеца.

Таково еврейское мессіанство и отчасти толстовство.

Этот гиперидеализм нерѣдко уживается с низкопробным мошенничеством, т.-е. с примиреніем с дѣйствительностью, что отчасти наблюдалось и оправдалось даже у самого Толстого.

Религія не могла дать и не дает сочетанія или даже оплодотворенія дѣйствительности религіозным идеалом.

Или он губит дѣйствительность, или дѣйствительность—его или же он остается „идеал в себѣ“, идеал никогда недостижимый, химерой.

Такова и религіозная миссія: или миссія губит-пожирает народ или народ—миссію или же она остается „миссіей в себѣ“, т.-е. миссіей для миссіи, вѣчно неисполнимой, несбыточной химерой.

LIV.

Синагога и университет, церковь и партія, как институты соціомагіи.

Религія всегда была или бездѣтной или же плодила бѣсов заблужденія. Когда она была физической, чистым культом, чистым трудом, то она была магія, т.-е или вообще вымысел, чепуха или извращеніе труда, техники практики, извращеніе охоты, рыболовства, скотоводства и хлѣбопашества, уснащеніе этих практических дѣятельностей сумбурными уродливыми химерами.

Когда же религія, вытѣсненная из этих областей, укрѣпленій, скрываясь все выше на горы, в небо и в глубь человѣческаго „я“, кратко говоря переходя из физицизма в психологизм-націонализм и

соціализм-космополитизм, она опять таки создает психо-магію и соціо-магію, психологическую и національную или соціальную и общечеловѣческую магію.

Институтами этой магіи являются храм, синагога и церковь. Храм,—правда, еще стоит на перепутьи между физо-магіей и психо-національной магіей. Храм это подобіе англійскаго эмпирическаго College, гдѣ наука еще отчасти переплетается с техникой, связана опытом. Синагога, beth midrasch это подобіе нѣмецкаго университета,—это институт психомагіи и этномагіи. Церковь это продолженіе и преобразованіе іудейской синагоги, как партія продолженіе и преобразованіе нѣмецкаго университета. Партія и лидер, теоретик, а церковь с ея отцом. Во всѣх этих трех институтах, представляющих собою в разных видах и степенях разложеніе первоначальнаго единства и физомагіи и психомагіи и соціомагіи в одной первобытной неопределенности нехрамового культа, напр., культа самой охоты во время охоты и т. п. существует уже особая отдѣлившаяся магія, т.-е. прикладная религія. С ростом психологизма и соціологизма растет и критицизм, исчезает старый наивизм неопредѣленности и отожествленія, расширяется пропасть между отвлеченной религіей и прикладной, и эта пропасть становится особенно глубокой, даже бездонной, при соціологизмѣ или соціализмѣ. Идеал и тактика особенно и коренным образом расходятся в церкви и партіи. Религіозная и научная соціомагія совершенно идут в разрѣз с религіозной и научной соціологіей, церковная и партійная *тактика* исключает всякую возможность достиженія религіознаго или научнаго идеала соціализма.

Но о научной соціомагіи с ея главными бреднями: *идеалообществе, катастрофа буржуазнаго міра, контценграція капиталов и т. д.* которыя, очевидно, являются лишь переименованіем центральнаго безумія и маніи религіозных суевѣрій, пугала вѣков, бича всеобщаго одуренія, ужас психоза масс и народов: *избранничество* (миссія), конец міра (эсхатологія), бой Бога с Магогом и т. д.—эта научная соціомагія есть дочь старой нашей знакомой религіозной соціомагіи, которая, в свою очередь, является дочерью древней еще до-миѳической соціомагіи, неотдѣленной слитной части магіи вообще, или точнѣе, мать послѣдней.

Но так как наивысшаго своего выраженія и силы эти почти что патологическія и варварскія явленія достигли в реакціонном анархизмѣ, то мы откладываем окончательный разбор и критику послѣдних до разбора анархизма в другой части.

LV.

Юдаизм и германизм.

Еврейскій дух, будучи крайне замкнут в себѣ, крайне субъективен, оригинален, своеволен и пренебрежителен к внѣшнему міру, дает нам самый рѣзкій и яркій образец антропоцентризма и в своей космогоніи. И в сущности, если присмотрѣться хорошо, то библія вся, с начала до конца, сводится к одному, к антропоцентризму, возглавляемому этноцентризмом: избранничество из живых тварей человѣка является основой, пьедесталом, для возведенія на нем избранничества одного народа из всѣх народов.

И все в библіи клонится к этому одному, все стремится к этой основной точкѣ. Эта основная идея представляет собою точку исходе и точку возврата всей библіи: красной нитью она проходит через вса пятикнижіе, начиная с первой строки книги бытія и кончая второзаконіем, выражаясь языком талмуда, что означает: от слова „В началѣ (Бытіе, 1, 1)“ до „пред глазами всего Израиля (Второзаконіе, 34, 12)“.

Впрочем, удивляться этому нечего, так как и эта тенденціозность, выдержанность, болѣзненная послѣдовательность, эта чрезмѣрная концентрированность опять-таки является характерной чертой библіи и еврейскаго духа, переходящей потому нерѣдко в свою противоположность, отсутствіе всякой связи, полный идейный разброд. Idee fixe и манія чередуются у еврейских пророков, как у нѣмецких философов точь-в-точь. как в политикѣ: у евреев, крутые прыжки от „анархіи“, національной формулой которой является библейское: (mi schaucha) что означает „кто поставил тебя начальником“ и т. д. к самому безудержному деспотизму — мелихизму, т.-е. к царистическому абсолютизму. Или „В тѣ дни не было царя у Израиля; каждый дѣлал то, что ему вздумалось (Судей, 21. 25) или же: „кто говорил: „Саулу ли царствовать над нами?“ дайте этих людей, и мы умертвим их (Царств, 11, 12)“.

Это—своеобразные гейновскіе прыжки от серьеза к юмору является альфой и омегой и нѣмецкой политике: из кюрфирстерства в гогенцоллеризм, из абсолютной обособленности антинаціональнаго и антисоціальнаго федерализма к кайзеризму. Из огня да в полымя, точнѣе. из холода в жар, точь в точь копія крутого перехода у евреев от судей к царям, от генусизма (колѣнства) к ультранаціонализму.

Незнаніе никакой мѣры — національная черта евреев и нѣмцев Манія преслѣдованія еврея и нѣмца это—непослѣдовательность. Бич пугало обоих это—эклектизм.

И как могут знать мѣру эти два народа — геніи содержанія и невѣжды формы, мастера сути, сущности, всяких субстанцій и субстильностей и неумѣйки внѣшняго, „бреннаго“, тѣлеснаго, „преходящаго“. Гдѣ же знать мѣру тѣм, главной задачей которых было горѣть, пламенѣть, бѣситься, волноваться, говорить с пѣной у рта, порой невпопад, таять „как от плавящаго огня“, бурлить „как кипятящаяся вода“, чьи слова: „пожирают, как пламя и как молот дробят скалу (Іеремія, 28, 29)“. Гдѣ же знать мѣру нѣмецкому духу, пьянѣющему

и душу отводящему в безудержной спекулятивной философіи, фихтовской, шеллинговской и гегелевской, для котораго Кант слишком груб, слишком эмпиричен. Нельзя этого сказать, но Кант еще пахнет „иностранщиной". Если нѣмец не убоялся бы согрѣшить против своего перваго и главнаго пророка интеллекта, то он бы его отлучил от „университета", от нѣмецкаго духа. Мы увѣрены, что и іудей в тайникахъ души испытывал нѣкоторую антипатію к мозаизму; конечно, рѣчь идет о іудеѣ, славной эпохи профетизма. Нѣт сомнѣнія, что пророки не были довольны Моисеем, его сравнительной эпичностью. Как подпавшаго под вліяніе „иностранщины" (пугало Фихте), как о нем и выражается Мидраш, пророки старались его исправить, как Канта—нѣмецкая плеяда философов-самобытников, которые уступали ему по талавту или лишь по первенству.

Во всяком случаѣ и Моисей страдал обще-національной болѣзнью. Иностранное вліяніе выразившееся в его натурализмѣ, реализмѣ, и энциклопедизмѣ на лад англичан, все-таки не могли стереть у него національнаго духовнаго лица, хотя он носил чужеземное египетское имя.

Как нам разсказывает библія, и Моисей сам с младых лѣт прошел „развитіе чрез крайности": из фараонова дворца в пустыню: там вдали от разнообразія міра он постиг единство, в тиши единенія он узнал причину паденія своего народа, отсутствіе общенаціональнаго закона вдали от сует міра сего, он нашел трансцедентальнаго бога.

И с внѣшней діалектикой совпадает и внутренняя діалектика — от умственной отсталости, о которой свидѣтельствует его косноязычіе, он перескакивает к умственному переразвитію. Эту же черту мы кстати наблюдаем и у Канта: скверный ученик становится геніальным философом, воплощеніе разсѣянности — идеалом концентраціи и аккуратности.

Этой скачкообразностью нѣмецкаго духа и жизни, психоморфизмом и соціоморфизмом (политоморфизмом) которой является гегелевская діалектика, страдает вся библія: слишком цѣль-и центростремительная в одном мѣстѣ, в одной книгѣ, и совершенно неупорядоченная, в другой книгѣ или мѣстѣ.

Но если этого упрека не может избѣгнуть отчасти книга Левит и Чисел и из послѣдующих Паралипоменом и др. и даже самые лучшіе из пророков: Ісаія, Іеремія и Іезекіиль, то во всяком случаѣ книга бытія в этом отношеніи почти безупречна.

Дух Моисея, дух концентраціи, так и витает над этой книгой: страдая, как Кант, особой разсѣянностью в молодости, Моисей перешел чисто-еврейским или чисто-нѣмецким путем к другой противоположной крайности, как бы по гегелевской діалектикѣ, к концентраціи, монизму и написал ли Моисей эту книгу или нѣт, и был ли, вообще, библейскій Моисей исторической личностью, это нас мало интересует, но что пятикніжіе, в особенности книга Бытіе, Исход и Второзаконіе составлены чисто-моисеевски, не подлежит малѣйшему сомнѣнію. Если библія и не составлена Моисеем, то — по крайней мѣрѣ, моисеевцами или неомоисеевцами. Нѣт сомнѣнія, что лозунг „обратно к Моисею",

раздался также звучно по всей іудейской землѣ, как недавно вихрем пронесся по всей культурной Германіи клич: обратно к Канту. У кого глаза, тот ясно видит, что Канту, как бы фатально-національно (заслуженно ли или незаслуженно—нас тут не интересует) предопредѣлено стать духовным Моисеем нѣмецкой націи. И потому, как, с одной стороны, для пониманія историческої роли Моисея необходимо всегда прибѣгнуть к единственно плодотворному и распутывающему всѣ узлы сравненію его с Кантом, так, с другой стороны, никто не поймет, как слѣдует, того значенія, которое Кант уже имѣл и которое ему суждено имѣть для нѣмецкой націи. Без этого истинно-сравнительнаго метода, т.-е. метода сравненія религіи с наукой и, наоборот, религіознаго с научным и, наоборот, взаимоосвѣщенія и освѣщенія между религіозной эпохой и аналогичной ей научной эпохой и, наоборот и, наконец, сопоставленія религіозных героев с им подобными научными, и наоборот,—словом внѣ этого аналогизма и параллелизма, мы увѣрены, нѣт никакого вдумчиваго, глубокаго и—что выше всего — объективнаго, т.-е. исторически-объективнаго, пониманія как религіознаго творчества, так и научнаго. На самом дѣлѣ, мог бы кто-нибудь бросить хоть кой-какой свѣт на это, внѣ нашего культурнопониманія, совершенно нѣ-объяснимаго явленія, обратнаго возврату к Моисею, к торѣ, послѣ великой эпохи пророков, если бы не аналогично замѣтное тяготѣніе обратно к Канту послѣ великаго побѣдоноснаго шествія нѣмецкой философіи, окончившагося крахом лишь потому, что нѣмецкій великій національный геній уже слишком далеко ушел в своей субъективности, слишком высоко воспарил над міром фактов, не заботясь и не умѣя создать такую же иллюзію реальности, какую в состояніи вызвать у обыкновенных смертных языческій эллинскій и англійскій эмпиризм. Слишком окрыленный геній пророков псалмопѣвцев и нѣмецких философов недоступен был массам, низам, как чистый психологизм, как чистый святой дух он рѣял над еврейской бѣдностой, осѣняя, беря под свое орлино-голубиное крыло и сирот и вдов, и дѣтей и юнцев, и бѣдных и угнетенных, ограбленных и притѣсненных (Іеремія, 22, 3), создавая, вырабатывая образ бога „прибѣжища угнетенному, прибѣжища во время скорби (Псалом, 9, 10)". Этот профетизм, как чистый психологизм, нуждался в демократизаціи-вульгаризаціи, которой он, впрочем, достиг вмѣстѣ с его полной социологизаціей в христіанствѣ. Так и нынѣ верх нѣмецкой философіи, діалектика Гегеля, вершина нѣмецкаго національнаго генія, глубоко ушедшая вверх, ввысь, теряясь в заразумных, надразумных сверх-логических эмпиреях, опустилась марксовским крылом в низы, опошляясь и вырождаясь, таким образом, в самое острое духовное орудіе гражданской войны, в митинговые драки, дискуссіонные пѣтушиные турниры, в Комиссаріаты Агитаціи и пропаганды.

В коронѣ іудейскаго профетизма сіял алмаз, маняющій, мерцающій дивным, не міра сего, свѣтом, затемняющій солнце здраваго смысла у богов и людей. Это мессіанство, мечта о послѣдних днях, когда „перекуют мечи свои на орала, и копья свои—на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут болѣе учиться воевать

(Исаія, 2, 4)". Этот дивный безсмертный этомиѳ, греза о днѣ, когда „волк будет жить вмѣстѣ с ягненком, и барс будет лежать вмѣстѣ с козленком; и теленок, и молодой лев, и волк будут вмѣстѣ, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медвѣдицею, и дѣтеныши их будут лежать вмѣстѣ; и лев, как вол, будет ѣсть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнѣздо змѣи. Не будут дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ моей, ибо земля будет наполнена вѣдѣніем Іеговы, как воды наполняют море (Исаія 11, 6—9)". Мог ли притти на воображеніе дивнаго фантаста Исаіи, что его сказаніе не только не превратит волка в ягненка, но, наоборот, мирных ягнят народных низов обратит в диких, ярых, рокочущих львов, да еще похуже, в грызущихся псов церквей и сект. Он столько же мог подозрѣвать об этом, сколько Гегель о том, что его миротворящая, мирящая всѣх со всѣми діалектика станет таким ядовитым оружіем в руках Маркса и Энгельса и, что еще хуже, в руках изувѣров, лидеров сектантов, марксят.

И тут оправдывается сказанное нами выше о монизмѣ и его практическом противорѣчіи. Чѣм выше, трансцедентальнѣе наука, тѣм сама по себѣ развитѣе она, ибо тѣм ближе она к становленію самоцѣлью, к искусству умнаго. Но именно тѣм самым, именно тѣм, что наука становится наукой, она перестает быть пригодной для практики. Наука, таким образом, отмирает для жизни, для практики, чѣм научнѣе она становится. И иначе быть не может. Смерть науки для цѣлей практики неизбѣжна, неумолима и непредотвратима, она заложена в самом ростѣ и развитіи науки. Рост и развитіе науки означает ростъ ея теоретичности, значит, ея отвлеченности и, слѣдовательно, ея удаленности от жизни, от примѣненія, от практики. С развитіем теоретической науки даже вырастает необходимость науки в двух посредниках, с обѣих сторон. С одной стороны она не может больше черпать матеріал из самой жизни, из практики, из ремесел, из техники, из наблюденія, а ей необходима особая посредница, как искусственная доставщица искусственнаго, фальсифицированнаго, так сказать, процензурированнаго матеріала—это так называемая экспериментальная наука. С другой стороны, для примѣненія чисто отвлеченных положеній науки требуется особая іерархія прикладных наук, так что между богом чисто-теоретической науки и міром с обѣих сторон уставливается посредничество ангелов, полу-практиков. Наивысшее развитіе науки означает наименьшую ея практичность, ея теоретичность идет в разрѣз с ея практичностью.

Из сказаннаго слѣдует, что чѣм выше и развитѣе религія сама для себя и сама в себѣ, тѣм дальше она от жизни, от практики, от ремесел, от техники. Трансцедентализація религіи совпадает потому с усиленной культивизаціею. Для установленія связи между богом и человѣком, для наполненія пропасти между человѣком и богом требуется очень сложный специфическій и даже мистерическій, посреднический культ в виду отсутствія прямого сообщенія.

Магія, миѳ, язычество, юдаизм, профетизм, мессіанство—вот восходящія ступени трансцедентализаціи религіи, ея ухода от жизни

удаленія от практики, но и возвышенія к самоцѣли, приближенія к идеалу совершенной религіи. Наше обыкновенное двойственное отношеніе к культурно-религіозным формам, разсматривая их, то как усовершенствованныя, то как дегенеративныя формы, вытекает из двойственности нашей точки зрѣнія. Когда разсматриваем религіозныя формы как таковыя, внѣ их отношенія к бытію, т.-е. внѣ созданія ими иллюзіи бытія, тогда то юдаизм, профетизм и т. д. трактуются нами как высшія формы религіи, как освободившіяся от грубых элементов, как вполнѣ ставшія самостоятельными проявленія творчества духа. Когда же тѣ же формы взяты нами под другим углом зрѣнія, оцѣнивая их по степени их дѣйствительнаго или кажущагося отстоянія от жизни, от техническаго, от мускульнаго, или же по силѣ создаваемой ими иллюзіи адэкватности бытію, то приходится нам объявить их, эти верхи возможной религіозной изощренности и наивысшія ступени достижимаго мастерства в области чистаго духа дегенеративными, духовно гипертрофированными, оторванными и лишними.

Мессіанство, как верх освободившейся от міра, от настоящаго, от существующаго лирики, само по себѣ, как вид искусства как мессіада, как лирос—достойно восхищенія и удивленія и благословенія, оно драгодѣнно, как рѣдкій алмаз, но оно так же *лишне*, оторвано от міра, являет собою такой же предмет роскоши, так же *безполезно* и самоцѣлино, как послѣдній.

Когда же Христос, в первый раз, и Марке, во второй раз, взяли этот алмаз и, размѣняя его на бусы, дѣлали из него ходкій демократическій товар, когда мессіанскими, никогда не закатимыми солнцами и луной они думали воистину освѣтить темныя лачужки бѣдных, сварить или выпечь что-нибудь на внутреннем божественном, горевшем в их костях іереміеском огнѣ, когда они пожелали утолить жаждущих тѣла вѣдѣніем Іеговы, долженствующим заполнить мір как воды море—а вот главное—когда они стаю грызущихся из-за кости псов, волков и геенн рабовладельческаго и буржуазнаго міров запрягли в воз угнетенных, поставив на нем в качестве мессіанскаго возницы полосатаго тигра с церковными и партійными когтями, между которыми стиснут гигантскій міровой кнут.—Закон, объявленный пальмовой вѣтвью в руках малаго дитяти, ведущаго и пасущаго всѣх в едином католическом стадѣ единаго папскаго пастырства и единой фенеративной рабоче-крестьянской совѣтской республикѣ,—то мір никогда не видывал—безумія—, пошлости и звѣрства повыше этого.

LVI.

Іудеи и нѣмцы.

Все, что говорится мною евреях во всей нашей книгѣ нужно всегда мысленно относить и насчет нѣмцев, и наоборот, так же, как все, что говорится у нас в критикѣ Маркса всегда должно быть применяемо к Христу, и наоборот.

Самыми яркими носителями національной идеи в новом мірѣ это нѣмцы, каковыми в древнем мірѣ были іудеи. Язычники были не менѣе жестоки и свирѣпы, но их жестокость и свирѣпость была попросту жестокость, которая не облекалась в мантію вѣчных идеалов морали, каков случай у евреев и нѣмцев. У них был грубый національнзм, мѣстный, который скорѣе должен быть назван локализмом или же географизмом.

Англичане рубят так себѣ, не во имя обиженнаго, притѣсненнаго національнаго духа, бога.

Англичане знают мѣру, такт, умѣют это дѣлать без особой рѣзкости, без особаго шума.

Нѣмцы же поднимают такой шум и гвалт, что взбудораживая весь мір, всѣх возстановляют против себя. Так, во время послѣдней войны своим незнающим предѣла задором, Германія разсердила и Америку, сначала сочувственно относившуюся к первой.

Завзятость, задорность, излишняя самоувѣренность губят Германію и, быть может, доведут ее до той гибели, до которой тѣ же манеры, тѣ же психологически-національныя черты нѣкогда довели Іудею.

Маленькая страна как Іудея, окруженная со всѣх сторон врагами, вѣками не бывшая в состояніи одолѣть свою разрозненность и раздробленность, наконец героическими усиліями объединилась, но объединившись она стала ужасом всѣх окружающих ее народов. Она им грубо, безпощадно, безпримѣрно жестоко мстит, как нѣкогда Іудея.

Объединенная она всегда на готовѣ (schlagfertig), всегда готова разить, истреблять, сокрушать.

Малая страна, но скученная, полная не разразившейся энергіи. Вѣчно страдающая гипертрофіей милитаризма, централизма, національнзма, гипертрофіей живого ударнаго матеріала. Тѣснонаселенная страна для быстроразмножающагося народа служит клѣткой, из которой он пытается вырваться.

Тѣснотою своей страны и быстрой размножительностью нѣмецкій народ опять-таки схож с іудейским.

Как страна, так—и культура. Послѣдняя так же крошечна, но густо сплоченная вращается вокруг одной національной идеи. Психологія, право и этика становятся національными науками, нѣмецкой Торой. Но выше всего, вѣчную славу, недосягаемой никѣм высоты она достигает своим научным профетизмом, т. е. философіею.

Кто сможет отрицать, что философія у нѣмцев—это любимая немецкая тора, вѣрнѣе, нѣмецкій профетизм, т. е философизм. Какой нѣмецкій мыслитель вам не скажет, что нѣмцы народ философіи (Denkervolk). А страсть нѣмцев к праву—развѣ это не легко-узнаваемое, неистребимое еврейское тяготѣніе к закону, которое впослѣдствіи, разростаясь и измельчаясь, заостряясь все больше и одновременно все болѣе костенѣя, создало талмуд и безконечную раввинскую литературу.

Острѣе лезвія, колчѣе иглы и тверже камня—характеристика нѣмецкаго права, находящагося в таком же отношеніи к французско-

наполеоновскому, так еврейское племя к римскому. Оба обладают тѣми же національными чертами, являлось законными дѣтищами національной психологіи. Нѣмецкое упорство и упрямство развѣ это не еврейская жестокосвятость. Am kesche oref.

Мягкій матеріал можно лишь лѣпить. Евреев лѣпить нельзя было, для этого они были слишком строптивы и непоклонны. Моисей, бѣлоручка, здорово натерпѣлся прежде чѣм обуздал еврейскій характер. Но из твердаго матеріала хорошо сѣчь. Это символ еврейских скрижалей завѣта. Неимовѣрно трудно сѣчь, приходится натуживаться, в работѣ нерѣдко постигает тебя неудача, но зато высѣчено—и дѣло обезпечено.

Нѣмецкія кюрфирства, как еврейскія колѣна очень туго поддались объединенію національному. Для их розни требовалась особая твердость и Rücksichtslosigkeit.

Для объединенія еврейских колѣн требовалось созданіе Іеговы, единаго бога. Он вынужден был быть *трансцедентальным* для того, чтобы быть *національным*, ибо если он бы был конкретным, эмпирическим, он бы был лишь *колѣнным*.

Нравственность пророков, их моноэтизм также является соціоморфизмом и идеалсморфизмом, диктуется необходимостью отречения в видах спайки от *индивидуальнаго и колѣннаго* эгоизма.

Такова соціально-національная сущность нѣмецкой философіи и права. Как в іудаизмѣ „закон“ есть лишь внѣшняя спайка, обличеніе и воплощеніе единства націи. Номизм, законность есть соціально-національная объективація монизма, как монизм, с своей стороны, есть соціоморфизм монономизма, т.-е. господства единаго закона, точнѣе единаго права единой націи. Chukim umischpatim, соотвѣтствующіе нѣмецким Gesetz und Recht, были вожделѣніями еврейских объединителей-освободителей. Таким же обожанием и любовью пользуется у нѣмцев право, и еще больше этика. Какой нѣмецкій философ не составил Rechtslehre. А если и это случилось в видѣ исключенія, то без Sittenlehte уже никакой нѣмец, не то философ, не может мыслить себѣ философіи. И это вполнѣ правильно. Іудей так же, безсомнѣнно, не мог себѣ представить пророка *не моралиста*. Для спайки націи еще выше, чѣм право и грубое принужденіе, необходимо добровольное подчиненіе. Оно удобнѣе, так как оно требует меньше затрат сил. Юридическій закон встрѣчает противодѣйствіе и поощряет преступленія и обход, не то моральный закон. Никто лучше не понял этого, чѣм пророки. Они были потому всѣ противниками царей: не государства, а царей, т.-е. управленія одним правом без этики. Всѣ пророки были теократами, что равнозначуще этократам. Они знали, что никакой Моисеев закон не может заставить труса и эгоиста сражаться геройски и самоотверженно за благо націи. Они тѣм болѣе это прекрасно знали из моисеева закона: Моисей, не будучи, в состояніи побороть этот порок, приказал гнать этих трусов в шею, ибо в разгар битвы они „смягчают сердце“ самоотверженных. Пророки, чѣм дальше, тѣм больше налетали на нравственность: только она могла спасти іудаизм, т.-е. еврейскій психологизм націонализм, от тлетворнаго вліі-

нія дезорганизаторскаго язычества, т. е. от финицизма-локализма, географизма. Отожествляя mischpat и zedek право с нравственностью, пророки создали мессіанство, которое в началѣ у евреев мыслилось, как земное царство небесное, т. е., именно, как царствіе божіе на землѣ, как теократія. Пророки послужили потому главной базой для христіанства. И, именно, только послѣ духовнаго краха христіанства, во избѣжаніе разочарованія в мессіанствѣ евреи отложили мессіанство до далекаго будущаго. Первоначально же мессіанство было идеалом, стремленіем, хотя будущаго, но близкаго будущаго.

Мессіанство, таким образом, вначалѣ было своего рода слитностью, в которой понятія настоящаго и будущаго были не строго разграничены. Как марксизм до его раскола на меньшевиков и большевиков, он путал, отожествляя, не только настоящее и будущее, но и національное с интернаціональным, таково было и христіанство первых вѣков до попыток захвата власти.

Если хорошенько проанализировать мессіанство и пожелать по нашему культурно-сравнительному методу найти что-нибудь аналогичное, найти ему анологон в современной или в близсовременной культурѣ, то наше вниманіе остановится на національной идеѣ, на *національмѣ*.

Напрасно нѣкоторые усмотрят в этом униженіе мессіанства. Дѣло в том, что оставаясь вѣрным исторической правдѣ, никто не сможет отрицать, что мессіанство у пророков не чисто *національный идеал*, тоже старое моисеевское избранничество, но еще болѣе утонченное, возвышенное. С другой стороны, мы не можем согласиться с тѣми, которые разсматривают націонализм, как что-то безусловное реакціонное. Правда, націонализм нерѣдко вреден, но тогда он не чистый націонализм, который и есть лишь, в самом худшем случаѣ, идеализація своей индивидуальности, самое большее, супер-индивидуализм, а переходит, вырождаясь в шовинизм. Противники чистаго нормальнаго націонализма забывают, что в послѣднем лежит и соціальное ядро, освобожденіе угнетенной національности, так что націонализм, правильно понятый, нисколько не противорѣчит соціализму, а лишь дополняет его, как за послѣднее время и понимают сами соціалисты. Не нужно забывать, что отказ от національности у соціалистов пахнет, в самом возвышенном случаѣ, національным аскетизмом, и как всякій аскетизм он безнравственен, ибо задача морали, как этотехники лишь возвышать плоть, пересозданіе плоти, а не уничтоженіе ея. Здоровая соціотехника не должна строиться на безусловном уничтоженіи національности, а лишь на возвышеніи ея от національнаго к соціальному, от народнаго к человѣчественному.

Та-же сублимація національнаго до человѣчественнаго отчасти находится, как в мессіанствѣ так и в націонализмѣ, если из обоих исключить шовинистическіе элементы.

Но наше дѣло здѣсь не защищать націонализм и не обличать его, а лишь провести параллель между ним и мессіанством. Как пророческое мессіанство, будучи національным, все же сумѣло подняться над народами, так и философскій нѣмецко-національный идеал, на-

національнаго Фихте и др. нѣмецкихъ философовъ, во всякомъ случаѣ, не простой нѣмецкій шовинизмъ. В немъ, какъ в пророческом мессіанизмѣ преобладаютъ элементы Этизма надъ шовинизмом, если даже он кое-гдѣ и проглядываетъ.

Какъ бы то ни было, но благотворность и полезность нашего культурно-сравнительнаго, в смыслѣ его поднятія надъ предразсудками современности и достигаемой имъ объективаціи субъективнаго оправдывается и тут. Наше сравненіе національнаго съ мессіанством открываетъ намъ новые горизонты для лучшаго пониманія и оріентировки в нашей культурной полосѣ. Дѣло в том, что касательно культуры, мы как раз похожи на того, который ничего подъ собственнымъ носом не видитъ. Мы, так сказать, из-за деревьев не видимъ лѣса. Из-за свалки и шумихи, из за фанатическаго искусственнаго отмежеванія, из-за ссор и раздоров мы нерѣдко проглядываемъ родственную преемственную связь между двумя сторонами, теченіями. Примѣром вѣрности сказаннаго может служить хоть бы лютый спор между націонализмом и соціализмом. Разошедшіяся страсти, пыл и увлеченіе не дают обѣим сторонам замѣтить то общее, что между ними, не дает и нам столько объективности, чтоб разглядѣть тѣсную, родственную, преемственную связь между обоими. А между тѣм, не дали культуры, примѣняя наш культурно-сравнительный метод, это сразу становится ясным. По отношенію к мессіанству вряд ли найдется нынѣ хоть один добросовѣстный изслѣдователь, который отказался бы от разсмотрѣнія христіанства как законнаго дѣтища мессіанства. С нашей же точки зрѣнія, мессіанство есть тот край чистаго психологизма, тѣсно соприкасающійся с новой культурной полосой, с соціологизмом, внѣ связи с которым многое в послѣднем осталось бы для нас совершенно непонятным. И тѣм болѣе нам необходимо установленіе непосредственной преемственности между послѣдними, в цѣлях выясненія государственнической их сущности, без чего опять-таки многое в христіанствѣ было бы для нас совершенно неопостижимым. Захват власти, цезаріопапизм, всѣ эти козни ультра-государственничества со стороны церкви остались необъяснимыми, если не привести их в объяснительную связь с сущностью ученія Христа о царствѣ божіем, в теократической природѣ котораго лежит смѣшеніе двух несоединимых понятій: права с моралью, насилія и свободы, которое опять-таки окончательно выясняется, когда оно преслѣдуется до своих первоистоков в пророческом мессіанствѣ, представляющем одну злосчастную путаницу mischpat (права) и Zedek (справедливости).

Точно также современный соціализм будет нам темен во многих своих фигурах, линіях и точках, если не преслѣдить его начало в націонализмѣ германизма, если не добраться до его точек исхода в полосѣ психологизма. Одной из задач первой части нашей книги, которую считаем уже выполненной, было доведеніе соціалистическаго марксистскаго монизма до нѣмецко философскаго монизма, вообще, который, в свою очередь, старались довести до абсолютизма, доведя единство мыслей до единства государства (см. главу VI. Монизм и абсолютизм), усматривая в первом соціоморфизм послѣдняго. Этот

соціоморфизм есть и націоформизм, образ и подобіе національнаго единства, осуществленнаго или устремленнаго, так что нѣмецкая философія образует одно неразрывное цѣлое с нѣмецким націонализмом и абсолютизмом, с нѣмецким государственничеством. Нѣмецкій марксизм есть, таким образом, лишь заключительное звено старой цѣпи психологизма, служащее началом новой цѣпи соціологизма, остающаяся в своем существенном при старом, сохраняя государственническія и національныя тенденціи первой. Марксизм есть, слѣдовательно, лишь видоизмѣненный нѣмецкій націонализм, ставящій партію вмѣсто націи, как нѣкогда христіанство—церковь.

Только обнажая в марксизмѣ его чисто-нѣмецкіе національно-философскіе корни, мы доберемся и до истинно-нѣмецкой національно-психологической и соціальной основы его, до того антиморальнаго морализма, морализма юридическихъ категорическихъ императивов, образующаго основу всей нѣмецкой культуры и вмѣстѣ с тѣм и марксизма. Только докапываясь до ядовитаго источника наивысшей нѣмецкой неопрофетской морали, до роковой для всей нашей варварской цивилизаціи идентификаціи всею нѣмецкою так высоко моральною философіею морали с правом, мы сможем выявить то двоедушіе нахальничества и свободы, которое живет в марксизмѣ, как в законченном продуктѣ нѣмецкаго морализма-штаатизма-юридизма, разъѣдающее его до самих основ, и создающее нам такія чудища как диктатуры, чрезвычайки (в Россіи) и измѣна и братоубійства (в Германіи, убійство Либкнехта и Розы Люксембург), как нѣкогда синтез царя с богом в пророческом мессіи создал нам христіанское безобразіе папы-царя-бога-спасителя.

Все это из-за власти, все из-за царства!

Словом, „царство“ это тот рок, одинаково тяготѣющій как над юдейским профетизмом, так над нѣмецким философизмом, как над мессіанством и христіанством, так над націонализмом и соціализмом (марксизмом), как над юдаизмом, так над германизмом.

Языческій мір был далек от „божьяго“, он его и не искал, „мір“ был для него божьим. Но юдаизм стремился к богоуподобленію, к морали, но—увы!—его мораль оказалась не-моралью, его специфическая теократія, мессіанство, разбойничій давидизм и христіанское царство божіе оказались царством дьявола, царством католических безчинств, царством озвѣрѣлых, оголтѣлых разбойников-инквизиторов.

Это трагедія юдаизма и христіанства.

Эта трагедія разыгрывается вторично—как бы вторая новая постановка классической трагедіи, трагедіи націи и культуры.

Буржуазный мір не гонится за моралью, он антиморален по существу. Борьба за существованіе, выживаніе наиспособнѣйших—мальтузіанскіе дарвиновскіе безнравственные (мнимо существующіе) законы природы управляют обществом. Эти законы, этот географизм, неумолимый свирѣпый бог—обман, вымысел, не меньшій, чѣм нѣмецкій націонализм и морализм, чѣм нѣмецкій Іегова и соціалистическій Христос. Во внѣшнем мірѣ, в дѣйствительности, как нѣт мальтузіанства и дарвинизма, так нѣт и кантіанства, там нѣт ни англійской

имморали, ни языческой морали. Всѣ эти культуры обманны, лживы, ибо всѣ до сихъ поръ бывшія цивилизаціи ложны. Грекъ обманулъ себя и другіе народы, когда создалъ себѣ боговъ-развратниковъ, боговъ-рабовладѣльцевъ, и іудей ошибся, когда создалъ себѣ боговъ-Элогим или бога-Іегову, святого (hakadosch baruch hu), моральнаго и соціальнаго отца сирот и судью вдов (abi jethomim vedajan almanoth), бога-Освободителя из дома рабства, из Египта (mibeth abadim, mikur habarsel), бога Угнетенной Національности, ошибся и послѣдній іудей, создавая себе бога Бѣдныхъ, бога эбіоним.

Ошибся англичанин, создавая себѣ свирѣпую Природу языческую, ошибся нѣмец, создавая себѣ Моральную Природу; ошибся и послѣдній нѣмец, создавая себѣ Природу Бѣдныхъ, Природу Пролетаріата, Защитницу его интересов, концентрирующую для него, для его спасенія, капиталы.

Всѣ они одинаково ошиблись и ошибаются. Нѣт никаких боговъ и никаких природ,—все это наши созданія и наши субъективныя пожеланія.

Однако грекъ, и англичанин не трагичен. Онъ искалъ в природе имморали, но и этого нѣт. Тѣм лучше для него... Что же онъ потерялъ? Вѣдь имморалъ, грубое наслажденіе их и терять нельзя. Язычник живет чревоугодничеством, наживой, колоніальной политикой—что же он может потерять!

Но іудей и нѣмец, христіанин и соціалист, воистину искавшіе и ищущіе бога и природы, спасенія для своей націи, обиженной, и спасенія для всѣх Угнетенных,—они трагичны, глубоко трагичны.

Бога, Мессіи, Спасителя, Царства Свободы они не найдут, никогда, ибо их нѣт, ибо они их собственныя эклектическія понятія, созданныя путем дѣтскаго наивнаго примиренія желательнаго с существующим.

Они могут успокоиться или на юдейском пассивистическом мессіанствѣ, на выжидательствѣ и прозябательствѣ меньшевизма или на теплых мѣстечках у власти большевизма или же—уйдя от жизни, в монашество, толстовство, в соціальный аскетизм.

Все это безпутица. Единственный реальный путь к новой жизни, минуя старыя развалины, могилы и трясины, это—путь соціотехники.

LVII.

Христіанство и марксизм, как критические и прикладные монизмы.

Уже выше мы выяснили крайне монистическій характер христіанства, сводящагося к *этомонизму*, и марксизма, провозгласившаго *экономомонизм*. Но суть христіанства и марксизма, конечно, не в том, что они монизмы, а в том, что они *соціальные монизмы*. Дѣло в том, что и физицизм, полоса естественных религій и естественных наук,

на вершинѣ своего развитія склонится к монизму. Однако, это монизм— это единство обобщенія частностей. Это заостряющійся купол на толстостѣнном зданіи. Отличен от него психологическій монизм, превращающій конец физицизма в начало, купол в фундамент, апостеріоризм в апріоризм. Но самый уродливый, в смыслѣ его удаленія от бытія, это *соціальный* монизм. Если психологическій монизм, говоря: „мір—это мое представленіе", вызывает недоумѣніе, все-же ему удается смягчить свою абсурдность той иллюзіей прикрыванія и совпадения физическаго с психологическим, міра с представленіем, бытія с мышленіем, Но что же может дѣлать соціальный, нелѣпость котораго сразу бросается в глаза всякому здравомыслящему. Всякому видно, что соціальный монизм урѣзывает вселенную, укладывает мір в прокрустово ложе общества, сводит космическое к соціальному, несовпаденіе и неприкрываніе которых ясны всякому не кастрированному уму. И если психологическій монизм отчасти возвращает нас к психологіи анимизма, к панпсихизму, к одухотворенію космоса, то соціальный монизм идет вплотную к первобытному панполитизму, к обобществленію природы, к наивной соціализаціи космоса, к древней первичной соціомагіи.

Соціальный монизм есть, таким образом, устроенное „на-зло" здравому смыслу и очевидности. И сам физическій космическій монизм в достаточной степени коверкает, антропоморфизирует вещи, мір. Каково бы ни было наше отношеніе к плуральности міра, будем ли мы и его считать лишь реалистическим, т. е. наигрывающим на реализм наивным антропоморфизмом, одно не подлежит сомнѣнію, что единство, назѣрное, есть лишь продукт человѣческаго духа, воображаемое (в религіи) и мыслимое (в наукѣ) желательное (в обѣих), перенесенное нами изнутри во внѣ, так что монизм, во всяком случаѣ, есть болѣе *очевидный*, болѣе бьющій в глаза антропоморфизм, чѣм плурализм. Психологическій монизм, таким образом, придется уже разсмотрѣть, как удвоенный антропоморфизм. Кантовскій критицизм это сознающій себя как таковым антропоморфизм, иначе, антропоморфизм, прикрытый аподиктичностью. Марксовскій экономомонизм, очевидно, уже есть утроенный антропоморфизм. Он представляет собою верх издѣвательства над чувствами, здравым смыслом, в смыслѣ объявленія экономики чуть ли не міровым началом.

Что Кант для представленія, т.-е. для психологіи, точнѣе, логики, то Маркс для общества, т. е. для соціологіи, точнѣе, для экономики. Кант реставратор логики, как мірового начала, вопреки протестующему критическому собственному сознанію, похож на того сумасшедшаго, который откусывает палец только для того, чтоб показать свое безуміе. Он возвращается к раціонализму, несмотря на полное сознаніе безсмысленности этого шага.

Маркс, как Кант полосы соціологизма, совершая третій переворот, предначертанный для науки, совершающій свой круговорот, круговорот религіи, круговорот культурных полос и циклов, *реставрировал* соціологію экономику, возвращаясь опять-таки как бы к древнему отожествленію міра с обществом, физическаго с соціальным, к панпо-

лигизму или пансоціализму соціомагіи, как Кант к метафизикѣ и психофизомагіи, отожествленію психическаго с физическим.

Но Маркс так же не наивный пансоціалист, т.-е. панэкономист древней соціомагіи, а новый критистическій. Он панэкономист с полным сознаніем абсурдности своего міровоззрѣнія. Но опять-таки, как Кант, прикрывает свою *абсурдность* аподиктичностью. Маркс знает, что всѣ научныя понятія являются лишь продуктом общественных отношеній, отображеніем соціальных форм, формы научнаго мышленія по Марксу—это общественныя формы; отсюда кажется вывод один: ложность научных понятій и науки. Но тут Маркс тупо останавливается, как Кант. Это грань его дерзаній. Это так и все-же, вопреки моему здравому смыслу, моему критицизму, нашептывающему мнѣ ложность науки, наука истинна, абсолютно истинна во вѣки вѣков, аминь.

Мы видим, что как Кант, так и Маркс и, слѣдовательно, и Моисей и Христос (согласно нашему культурно-сравнительному методу), чуть-чуть не дошли до роковой грани отрицанія религіи (Моисей и Христос) и отрицанія науки (Кант и Маркс), сознавая абсурдность и нелѣпость своих религіозных и научных построеній, но тут, доходя до роковой черты повернули обратно, ударяясь в самое непростительное суевѣріе (Моисей и Христос) и суенаучіе, (Кант и Маркс).

Если Моисей был бы послѣдователен, то отрицая всѣ языческіе боги-идолы, отрицал бы и своего Іегову, которому он боялся посмотрѣть в лицо. Сведя физическое к трансцендентально-психическому, множественное к единому, Моисей должен был понять, что все дѣло с богами одна иллюзія психологическаго. Точно также Христос, сведя все к общественному, был близок к разгаданію той тайны, что вся религія—это соціоморфизм, что бог это лишь подобіе отца земного, родоначальника племени, патріарха, царя, соціомага, завоевателя и создателя родной цивилизаціи, жизни рожденных.

Но всѣ они: Моисей, Христос, Кант и Маркс будучи близкими к логическому или фантастическому предѣлу доведенія до абсурда или химеры своего фантастическаго или интеллектуальнаго міра как бы по злому року, тяготѣющему над человѣчеством, отвернулись от истины, повернули вспять, и как бы убоясь своих дерзновеній, как бы для искупленія своих критических грѣхов, водрузили знамя самаго безсмысленнаго суевѣрія, дѣлаясь символами нелѣпаго безцеремоннѣйшаго извращенія ума и здраваго смысла, какіе только исторія культуры знает.

Критистическій монизм у Моисея, и Христа, и Канта, и Маркса есть усугубленный грѣх: если критицизм, то не монизм, а если монизм, то не критицизм. Монизм, который как раз есть первичное состояніе неаналитичности и акритичности и, как указали, был в самом началѣ цивилизаціи и всегда бывает обычным состояніем примитивизма, это единство, являющееся слѣдствіем незнанія и незнакомства со множественностью, с безконечным многообразіем міра—вдруг содружился с его противорѣчіем, с критицизмом. Никто не был лучше Канта и Маркса при полном сознаніи безконечнаго многообразія міра, и никто не больше их пренебрегал им! Это нам свидѣтельствуют всѣ их про-

изведенія, как и говорят вам об этом, хотя не так ясно, творенія Моисея и Христа.

Вот первое основное противорѣчіе моисеевскаго и кантовскаго монизма, утроенное, как указано, у Христа и Маркса.

Но сугубая противорѣчивость христосовскаго и марксовскаго монизма не исчерпывается одной его *критичностью*, общей ему с моисеевским и кантовским монизмом. Христосовскій и марксовскій монизм богат еще большим, особым, внутренним противорѣчіем, которое, хотя отчасти также свойственно и моисеевскому и кантовскому монизму, все же особенно проявляется в христіанствѣ и марксизмѣ и к тому еще с такой выразительностью и яркостью, которыя дѣлают их неотъемлемыми признаками послѣдних—это их практичность.

Практичность и монизм это второй культурный курьез соединенія несоединимаго. Это своего рода огненная вода. Как же может верх трансцедентализма быть практичным, земным. Как же может нѣмецкій народ соединить такую практичность и метафизичность—это интересная проблема современной психологіи народов, точно так же, как та же проблема смотрит на нас чрез еврейскую библейскую и талмудическую культуру, также странным образом сочетающая верх отвлеченности, небеснаго с земным.

Так этомонистически практичен был Христос.

Так экономомонистически практичен был Маркс.

И, правда, католическая церковь захватом власти была практичной, но была ли она тогда этомонистической.

И опять-таки, правда, коммунистическая партія в Россіи и соціалисты в других странах очень *практичны*, беря или захватывая власть, но осуществляют ли они марксовскій экономомонизм!

Но марксовскій, как нѣкогда христіанскій, монизм уж одним этим становится „двуединым“, и включая в себя троицу, в одном случаѣ и діалектику, в другом, превращает себя в верх нелѣпости, в диковинный „тріединый монизм“, в единство, достигнутое отрицаніем числа...

И этот тріединый монизм к довершенію еще и практичен...

Впрочем, именно, его абсолютная химеричность диктует ему практичность. Это нашептываніе инстинкта самосохраненія.

Тріединость это разгул перед смертью, это удаль отчаянія, скок религіи и науки в бездну атеизма.

Как ни сверх-суевѣрно христіанство, в особенности католицизм, от него до атеизма один только шаг.

Как ни страшно суевѣрен, необыкновенно фанатичен марксизм, он все-же послѣдній этап науки.

Если все в христіанствѣ (в теоріи, конечно, не на практикѣ, у власти) сводится к любви к ближнему, то, слѣдовательно, вся религія есть продукт общественных наших отношеній, соціоморфизм, и бог лишь олицетвореніе нашего моральнаго воображенія. Это лежат на ладони христіанства, а если близорукіе апостолы этого не замѣтили, то это разоблаченіе дѣлали шедшіе за ними еретики и атеисты.

Такое же всеотрицаніе науки напрашивается из самого марксизма, как послѣдняго своеволія научнаго суевѣрія.

вся история—есть классовая борьба. „Борющіеся другъ съ другомъ классы общества являются въ каждомъ данномъ случаѣ продуктами существующихъ условій производства и обмѣна, одними словомъ, продуктомъ экономическихъ условій своей эпохи"... „данная экономическая структура общества образуетъ реальную основу, которой только въ конечномъ счетѣ объясняется вся надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, а также *религіозныхъ и философскихъ и тому подобныхъ представленій* (курсивъ наш. Б. Г.) каждой исторической эпохи (Анти-Дюрингъ, стр. 27)". А если такъ, то вѣдь вся наука лишь продуктъ, отображеніе экономики. Наше представленіе о вѣчномъ бытіи, о физическомъ есть лишь извращенное изображеніе нашего соціальнаго (по Марксу лишь экономическаго; по нашему—соціальнаго во всѣхъ его видахъ) порядка. Какая же это наука?! Это же чепуха. И все же безусловно вѣрить въ истинность науки, да еще какъ. И быть при этомъ при полномъ сознаніи ея абсурдности и чепухообразности. Словомъ, кантовскій аподиктизмъ въ новомъ соціальномъ видѣ. „Міръ, это моя экономика"—и все-же онъ истинен. Аподиктъ!

Вотъ странныя колебанія, толчки и скачки марксизма отъ самаго проницательнаго *критицизма* къ самому фантастичному наивизму. Отъ *критицизма* къ абсурдизму.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ такого діалектическаго механизма страсть къ власти, къ безобразіямъ, къ безчинствамъ возгорѣлась небывалымъ образомъ. Это трагизмъ безвѣрующихъ фанатиковъ, религіозныхъ маніаковъ атеистовъ, и научныхъ мономановъ-діалектиковъ.

Отъ критицизма къ абсурдизму, а отъ абсурдизма (аподиктизма) къ прагматизму—къ соціальному прагматизму.

Критистическій, діалектическій, монистическій, абсурдистическій и т. д., и т. д., метафизическій, раціоналистическій и т. д., и т. д. (прилагательныхъ можно прибавить до безконечности) соціальный безпринципный прагматизмъ—вотъ основныя черты самыхъ яркихъ изъ христіанскихъ и марксистскихъ теченій: католицизма и большевизма.

Куда зовемъ?

Наше вниманіе въ этой первой части нашего труда, главная задача котораго это критика прикладной (а не теоретической) соціальной науки, было потому, первымъ дѣломъ, посвящено самому христіанству и марксизму, *какъ прикладнымъ соціальнымъ системамъ*, а послѣ католицизму и большевизму („коммунизму"), какъ самымъ *практичнымъ*, антитеоретичнымъ, точнѣе, самымъ „тактичнымъ" (но не въ обыкновенномъ значеніи слова, а въ противоположномъ, означающемъ: наиболѣе налегающимъ на тактику, на стратегію, на революцію и захватъ) и потому и самымъ фанатичнымъ ихъ проявленіямъ.

С методологической точки зрѣнія мы пренебрегли всѣми специфическими особенностями какъ христіанства, такъ и марксизма, всѣмъ сингуляристическимъ, ради оттѣненія и выявленія общаго и существеннаго, въ чемъ мы руководствовались нашимъ культурно-сравнительнымъ методомъ.

С точки зрѣнія нашего заданія мы и не сочли нужнымъ какъ удѣлить тутъ вниманіе тѣмъ чисто-теоретическимъ изслѣдованіямъ объ обществѣ,

которым не суждено на наш взгляд, стать общественными факторами, т.-е. перейти из теоріи в соціальное приложеніе, или как это обыкновенно называют стать „движеніем“. Такія теоріи и ученія имѣют лишь чисто-научное значеніе и потому посвятим им одну из слѣдующих чисто-теоретическихъ частей. Христіанство и марксизм мы потому и выдѣлили особо, посвящая им особую часть и открывая им наше изслѣдованіе, потому что мы глубоко убѣждены и предвидим—и если нѣкоторые слѣпцы этого еще не видят, то жизнь им скоро откроет глаза, — что марксизм в скором времени займет мѣсто христіанства, став второй религіей, на этот раз уже наукой бѣдных, и, слѣдовательно, и вторым обманом угнетенных и оплотом міровой реакціи, словом, угостив нас новым средневѣковьем. Так что с марксизмом нужно бороться не на шутку, не только чисто теоретически. Его нужно вытравить как чуму, как заразу, его нужно задушить в соціалистическом корнѣ. Нужно стараться всѣми силами побороть массовый психоз и одержимость новым мессіанством, и если не удастся дотушить плевками благоразумія и антинаучности его ауто-дафе, то уменьшить число его жертв.

Нѣт сомнѣнія, что со стороны многих глупых людей посыплются на нашу голову упреки и проклятія. Одни суевѣры, христіане, найдут поруганным своего Христа и главным образом, не смогут простить нам нашего сопоставленія его с таким ничтожеством, как Карл Маркс, но мы увѣрены, что другіе суевѣры марксисты, усмотрят в проведенной нами аналогіи Христа с Марксом и Маркса со Христом профанацію своего истиннаго Бога, спасителя пролетаріата, Маркса, поставленнаго на одной доскѣ с диким изувѣром старой Іудеи.

Но кто прочтет со вниманіем хоть бы эту часть нашего труда, простит нам многое. Тѣм болѣе он проникнется уваженіем к нашему ученію по ознакомленіи с другими болѣе философскими работами. Оно поднимет его над всем современным соціальным суевѣріем, от котораго мы так много страдаем. Поднимет его над всѣм этим клокочущим, бурлящим океаном ненависти, озлобленія, фанатизма, одури, драчливости, одичанія и озвѣренія, угрожающим захлестнуть всю нашу и без того убогую, мизерную и нецивилизованную цивилизацію. Оно поднимет его одним взмахом крыл отрицанія над всей колоссальной мутью, засасывающей нынѣ цѣлые народы, над тратящими милліоны Комиссаріатами печати, агитаціи и пропаганды, долженствующими быть названы комиссаріатами народной отравы. Поднимет его над всей этой псовой грызней, драпирующейся в громкое имя „классовая борьба“, научит его сорвать дымку человѣчествоспасительства с послѣдняго оплота соціальнаго суевѣрія—Партіи. Оно подготовит его ум, сердце и дѣло к новой технической цивилизаціи, гдѣ счастье строится на созиданіи и изобрѣтеніи, гдѣ сожительство людей основано не на грызнѣ партій, не на магіи голосованія, а на реальной Соціотехникѣ. Оно научит его разглядѣть змія власти, государственническаго насилія и мерзости в воркующем по голубиному соціализмѣ.

И лозунгом всякаго такого честнаго, воистину желающаго счастья для всѣх, человѣка, станет: пора уже отрубить послѣднюю голову гидрѣ власти, голову мессіанства, голову соціализма.

Куда же мы зовем в нашей борьбѣ с соціализмом, с марксизмом?

Пусть не уговорит себя трусливый читатель удрать из соціалистической пустыни обратно в буржуазный Египет. *Нѣт, не обратно к язычеству, даже не обратно к юдаизму*—мы зовем *от новаго христіанскаго средневѣковья.*

Нѣт! не обратно к научному язычеству *либерализма* англичан, даже не к научному юдаизму *Націонализма* нѣмцев—мы зовем из глубин, из бездны большевистскаго одичанія и меньшевистскаго одурѣнія.

Вперед—к *атеизму* и *афизицизму*, к безбожію и безприродію!

Вперед—*к вѣчному идейному міру* народов, классов, к полной свободѣ—*к Анархіи.*

LVIII.

Наша задача.

(ПРЕДЗАКЛЮЧЕНІЕ).

Тут мы должны, наконец, предъявить оправданіе, почему мы наши изслѣдованія об обществѣ начали с критики христіанства и марксизма, а не как принято начать с того, как произошло общество, семья, что такое общество и т. д. Всѣм этим вопросам будет посвящена одна из послѣдующих частей. Но почему мы не начали с нея? почему мы не начали с политики Аристотеля, еще страннѣе, даже не с Огюста Конта, Спенсера?

Кто дал себѣ труда вникнуть в наше міровоззрѣніе, возстающее даже против самого слова: „міровоззрѣніе", против самого себя, и стремящееся к замѣнѣ самого себя другим словом, говорящим всѣм своим существом о необходимости коренного переворота всѣх наших понятій и переоцѣнки всѣх наших мнимых цѣнностей, — „міроизмѣненіе", тот, надѣемся, поймет нас, почему мы сразу, без всяких околичностей, приступили к тѣм вопросам, стоящим на очереди исторіи, волнующим умы, сердца современных людей, жизнь которых буквально зависит от рѣшенія этих вопросов.

Уже не говоря о том, что как педагоги, желающіе, связать безинтересное с интересным, далекое и отвлеченное с близким и конкретным, мы с самаго начала должны были поставить злобу дня во главу угла нашего труда. Пусть нѣкоторые усмотрят в этом профанацію, вульгаризацію, мы же в этом видим ожизненіе, и первым дѣлом, апперцепцію.

Чисто-спекулятивные вопросы, как проблемы познанія, единства и множества (монизма и плурализма), многих не интересуют, нѣкоторых отталкивают и запугивают, а между тѣм эти же „практическіе"

люди отдают всю свою жизнь, все свое счастье, на служеніе разным небылицам, мнѣам, вымыслам, из под власти которых они бы легко освободились, если бы дали себѣ труда продумать до конца нѣкоторыя основныя проблемы.

Пора заявить, что эта тупая мѣщанская практичность, этот даже джемзовскій прагмаматизм по большей части служит оплотом суевѣрія, и что он ничего общаго не имѣет с той истинно-философской практичностью, для которой так же не существует никаких міровых загадок и проблем, но не из-за тупого равнодушія к ним, равнодушія жвачной коровы, а из-за сверх-философичности, из-за достигнутаго наивысшаго абсолютнаго познанія или не-познанія, еще лучше и выше, сознанія абсолютной несоотносительности бытія и мышленія, по ту сторону котораго всѣ міровыя проблемы и загадки теряют, первым дѣлом, свое бытіе, и, вторым дѣлом, свой смысл, превращаясь в сладкогорькій самообман, в игру собственных тѣней с собственным свѣтом собственнаго ума.

Почему же мы такіе враги лжепрактичности?

Потому что мы такіе приверженцы истиннаго прагматизма, который только и дает техникализм.

Но всѣ эти прагматизмы, позитивизмы, матеріализмы, одинаково или еще больше и еще чаще бывают прикрытіем для самаго безшабашнаго суевѣрія, в двух его видах, в религіозном и в научном.

В лицѣ Джемса, Спенсера, Тиндаля и др. англійских ученых до Ньютона мы имѣем яркіе примѣры уживанія религіознаго суевѣрія с научным. Но главнѣйшая задача даннаго нашего труда это не борьба с физическим суевѣріем, обыкновенно попросту называемым суевѣріем, а с соціальным.

Наш вѣк — вѣк соціальнаго вопроса — это уже знали и знают многіе.

Но мы пришли прибавить—вѣк соціальнаго кошмара, соціальнаго одичанія, соціальнаго психоза, соціальнаго суевѣрія.

Для людей с ясным умом с открытыми глазами и не окаменѣвшим сердцем рѣшеніе соціальной проблемы есть чуть ли не вопрос бытія или небытія нашего общества.

Так жить больше нельзя! Общество раздираемо на партіи и партишки, с остервѣненіем дерущіяся между-собою.

Но по мѣрѣ углубленія в соціальную или соціальныя проблемы перед нежелающим обмануть себя встает другой неотвязчивый вопрос: *быть или не быть нашей культурѣ*. Всякому нехватающему вершки и не ищущему успокоенія и почиванія на мякоти предразсудков и суевѣрія должно стать ясно, что *соціальная проблема это культурная проблема*.

Мы не можем рѣшить соціальной проблемы, никоим образом не можем, без рѣшенія проблемы культуры, ибо иначе рискуем строить на пескѣ, или вѣрнѣе, рубить реальныя дрова мнимым мнѣическим топором.

Соціальный вопрос сложный вопрос, гордіев узел—но чѣм-же мы его разсѣчем? не мнимым ли мечом религіи или науки!

Мы тонем в своей крови, но виновнѣе его и страшнѣе его это тот океан мрака, суевѣрія и безобразнаго одичанія, угрожающаго захлестнуть нас своими варварскими волнами, всѣх нас, и грызущих и грызомых, распинающих и распятых.

Пора положить конец соціальной одури, соціальным миѳам и анти-миѳам, топящим мір в крови.

В центрѣ міровогo суевѣрія стоит нынѣ соціальное суевѣріе — *соціализм.*

Новое мессіанство, *національизм - соціализм*, соціальный красный красный кошмар давит нас снынова, взамѣн крестоваго средневѣковаго.

Наша задача—быть непримиримым, неустрашимым—разоблачать и разоблачать...

Сорвать терновый вѣнец с голов палачей, опрокинуть новые красные кресты—разсѣивать тучи-дурман міровых соціалистических революцій, обнажать звѣрскій лик внимо - классовой, в дѣйствительности, научно-партійной войны—и звать к новой анти-научной мирной положительно-созидательной цивилизаціи.

Довольно суевѣрія, довольно химер, довольно миѳов — пусть вступит в свои права реальная обладательница соціальными благами Соціотехника.

Довольно топить мір в крови богов и красных миѳов—должен стать лозунгом всякаго благоразумнаго и дальневидчаго человѣка, который должен одинаково возстать против буржуазнаго и соціалистическаго міров, одинаково безразсудных, отрицательно-разрушительных, варварских, соціомагических.

Борьба с новым мессіанством, с новым христіанством—с соціальными психозами—должна быть задачею всякаго соціотехника. Пока человѣчество не излѣчится, как от буржуазной мерзости, так и от соціалистической одури,—нѣт ему спасенія. Одно приволит к другому. Из огня в полымя.

Борьба с наукой в послѣдней своей фазѣ, с соціальной наукой, и на прикладной почвѣ, и в центральных своих пунктах, в основных двух главных предразсудках: *в теократизм и организм* (в государственничествѣ) в своей варварской и наивной вѣрѣ в спасительность двух фикцій—научнаго закона и юридическаго закона — была для нас не только культурно-философской задачей, но и темою дня, диктованной самими событіями,—уроком русской революціи.

Эту задачу ставили перед нами соціальная жизнь, наши кошмарные дни, и давно обанкротившаяся наша культура-наука.

Монизм наивысшая форма теоретизма, и *диктатура*, наихудшая форма власти, словом, психологическій и соціальный монизм— насильственное подчиненіе всѣх и всего одному единому —этот неизбѣжный конечный пункт и крах всей нашей варварской лжецивилизаціи, — вот главный враг, с которым боремся во всем нашем трудѣ.

Міровая революція — это второе проявленіе того-же суевѣрнаго монизма.

„Міровой имперіализм"—это политомонизм полосы психологизма-націонализма.

Міровая революція это тот же политическій монистическій мигъ в полосѣ соціологизма-лжеинтернаціонализма.

Усиленіе теоретизма и завершеніе его в монизмѣ ведет к усиленной соціомагіи по практикѣ: утонченіе на верху монистической теоріи влечет огрубѣніе и озвѣрѣніе внизу практики.

Магія это послѣдній и самый вредный врагъ культурнаго человѣчества.

Выбить послѣднюю из самаго сильнаго своего укрѣпленія, из области соціальнаго раскрыть и довести до сознанія несознательнаго соціальнаго самообмана, разоблачать соціальные мнѣнія и вымыслы в их практическом примѣненіи, обнажать их глазный питательный корень—*соціальное самовнушеніе*.

Все это входит в задачу нашего труда, первую часть котораго мы сейчас и заканчиваем.

LIX.

Заключеніе (резюмэ).

Нам приходится тут лишь суммировать сказанное и изложенное в первой части нашего сочиненія.

Нѣт сомнѣнія, что мы не исчерпали нашей темы. Да и не возможно. Отдѣляясь от религіи, мы вовсе не даем себѣ труда раскритиковать всѣ религіозные обряды. Достаточно с нас, если опрокинем основныя положенія религіи, если нам удастся разорить фундамент, и все зданіе религіи рухнет. И в данном отношеніи нѣт никакой возможности разбирать и остановиться подробно на всѣх марксистских заблужденіях, исчерпать маленьким произведеніем ту колоссальную пропасть суевѣрія, которая зіяет на нас из соціалистическаго научнаго психоза, охватившаго цѣлыя части свѣта. Мы увѣрены, что соціалистическое мессіанство даст не менѣе интересный матеріал, чѣм средневѣковое. Оно будет не менѣе ингересно и с психопатологической точки зрѣнія, чѣм бичевальщичество. Цѣлый ряд монографій придется издать для разоблаченія этого обмана, для развѣнчанія новых кумиров-лидеров—святых—мощей и критики новых „священных писаній". Но наша задача была не столько раскрытіе спеціальных ошибок марксизма, сколько обнаженія его лживаго общенаучнаго корня.

Нам достаточно было указать, что марксизм, как таковой, как научная теорія ошибочна, уже, конечно, одним тѣм, что наука ошибочна; но мы не удовольствовались этим. Мы показали, что марксизм является отродьем науки, конгломератом, по винѣ его автора. Мы показали, что марксизм есть один из послѣдних этапов науки, что он

знаменует собою один, собственно предпослѣдний моментъ агоніи науки.

Будучи конгломератомъ онъ въ одно и то же время является и дегенеративнымъ съ одной стороны, и прогрессивнымъ факторомъ, съ другой, именно, съ точки зрѣнія науки въ себѣ. И такъ же какъ христіанство онъ служитъ переходомъ къ Идейному міру къ примиренію враждебныхъ національныхъ культуръ: англійской, нѣмецкой и французской. Но будучи конгломератомъ онъ носитъ въ себѣ отчасти всѣ язвы всѣхъ составляющихъ его культуръ: оправданіе дѣйствительности, что въ научномъ классицизмѣ (Англія), разрушительно-пессимистическій характеръ германизма и утопизмъ французскаго. Такимъ злымъ синтезомъ было и христіанство съ преобладаніемъ римскаго въ католицизмѣ. И нынѣ, очевидно, въ марксизмѣ возьметъ верхъ наигосударственническая тенденція.

Мы указали и на то внутреннее противорѣчіе, что въ марксистскомъ идеалѣ: „царство свободы“, которое мы прослѣдили до его истоковъ, указывая, что марксизмъ-соціализмъ беретъ свое начало въ національномъ-германизмѣ, даже пангерманизмѣ, какъ христіанство въ мессіанствѣ, которое вначалѣ было чѣмъ-то вродѣ панюдаизма.

Будучи смѣсью трехъ культуръ, какъ христіанство, онъ все же устанавливаетъ монизмъ, и въ одно и то же время желаетъ быть практичнымъ, претендуя быть прикладной наукой. Примѣняя діалектику Гегеля въ своеобразномъ значеніи, онъ чуть ли не доходитъ до отрицанія всей науки и все же сохраняетъ безпримѣрнѣйшій гносеологическій догматизмъ.

Провозглашая строгій детерминизмъ въ экономической теоріи, онъ осуществляетъ полный индетерминизмъ, въ политической практикѣ, строя партіи, хватая власть и т. д.

Будучи теоретиченъ, строгонаученъ, онъ пассивистъ, выжидатель, вырождается въ ничегонедѣланіе мессіанства (меньшевизмъ); будучи же практиченъ, онъ демагогъ, тиранъ насильникъ, захватчикъ, банкротчикъ, обманщикъ, вырождается въ католицизмъ (большевизмъ).

Своимъ неумѣніемъ и нежеланіемъ строить, создать, проповѣдь лѣни, высмѣиваніемъ соціальнаго изобрѣтенія — онъ сынъ буржуазнаго міра, въ особенности національзма, лишь замѣняя войну народовъ войной граждан, грабежъ — захватомъ, національной ненависти раздорами партій.

Вѣря въ мнимое всемогущество государства, научнаго закона, государственнаго закона, теоріи, живя въ мірѣ грезъ и мечтаній, руководствуясь ими въ практикѣ—онъ *соціомагиченъ*.

LX.

Космологія или культурологія—Формы бытія или формы культуры.

(Гносеологическое, точнѣе агносеологическое послѣсловіе).

Послѣ долгих и тщетных исканій разгаданія тайн бытія человѣк, наконец, обратился к самому себѣ, послѣ долгих блужданій средь безконечных міров вселенной, человѣк обратил свой взор на внутренній его мір. „Познай самого себя!“ стало новым болѣе скромным лозунгом, замѣняющим старый, „познай вселенную!“

Послѣ долгих блуждавій неудивительно, что человѣк начал подвергать сомнѣнію и сам путь, по которому он шел. Послѣ неудач и крушеній, постигших построенія его духа, нѣт ничего мудренаго, что человѣк взялся за обслѣдованіе матеріала, а главным образом, орудій духовнаго строительства.

Из этих мук сомнѣнія родилась теорія познанія.

И человѣк, наконец, понял, что в „далеком“ он видит лишь свое „близкое“, что в „мірѣ“ он видит лишь „самого себя“.

Теорія познанія и есть та философская скромность послѣ вѣковых дерзаній. *Мѣсто космологіи заняла гносеологія.*

Прежде чѣм приступить строить воздушные замки воздушными инструментами—слѣдует подвергнуть критикѣ методы и орудія строительства.

Таков призыв Канта.

Но человѣк и тут попал впросак. И трижды провѣренные методы и орудія оказались, наконец, проваленными.

Как раньше одна космологія замѣнилась другой, так послѣ одна гносеологія смѣнилась другой. И увѣренности нѣт, как не было.

Тогда человѣк, наконец, догадался, что ему ни космологія ни гносеологія не даст истины. Он догадался, что и гносеологія есть лишь скрытая космологія.

Гносеологія есть лишь критистическая космологія, значит сознающая свою нелѣпость, шаткость, безпочвенность и оторванность от міра космологія!

Человѣк, наконец, догадался, что если космологія это наивность, то гносеологія—абсурдность.

Если космологія это неопредѣленность, воображаемая, мнимая слитность человѣческой фантазіи и интеллекта с міром, если космологія это не анализ, то гносеологія синтез двух противорѣчій.

Гносеологія это желаніе быть „я“—и сознательно критистическим—и „не-я“ в одно и то же время.

Гносеологія это хитрость, желающая быть глупостью.

Тогда человѣк вмѣсто старой наивной космологіи и наивно-хитрой гносеологіи поставил *культурологію.*

Вмѣсто; „познай вселенную!“ или „познай самого себя!“ она обращается к человѣку с новым призывом:

Познай свою культуру! Познай свое заблужденіе!

И познаніе своей культуры показывает человѣку, что и „мір“ и „он сам“, и бытіе и мышленіе, есть лишь бытіе и мышленіе в культурѣ.

Познаніе культуры показывает человѣку, что у него столько *космологій, сколько культурных разновидностей*; что вмѣсто познанія міра и самого себя, он познает лишь культуру, т-е строит воображаемый мір и тѣло, и дух, и общество.

Культура познает культуру. Культура о мірѣ, культура о самом себѣ (культура о тѣлѣ, культура о духѣ) и культура об обществѣ

Все это: и формы бытія, и формы мышленія, и формы общества—лишь формы культуры

Нѣт этих форм ни в бытіи, ни в мышленіи, ни в мірѣ, ни в обществѣ—онѣ лишь продукты—формы человѣческой культуры.

Но что такое культурныя формы? Это воображаемыя формы бытія, воображаемыя формы міра, воображаемыя формы общества, воображаемыя формы тѣла, воображаемыя формы духа. Но воображать мы можем двояко, фантазіей или интеллектом, и потому богатое разнообразіе культурных форм, дѣлится на два типа, одинаково ложных на культурныя формы фантазіи и культурныя формы интеллекта

1. Два основных типа культурных форм.

Культурных форм безконечное множество И не мудрено: среди них, вѣдь, и безконечная вселенная... которая вся цѣликом, всей своей безконечностью, опять-таки помѣщается в человѣческой культурѣ, ибо внѣ человѣческой культуры нѣт ни конечности, ни безконечности.

Таким образом, всѣ человѣческія культурныя системы, как и „конечныя“, так и „безконечныя“, всѣ наши вѣрованія, как самыя первобытныя, так и самыя послѣднія, модерныя помѣщаются в исторіи культуры.

Из всѣх наших религіозных и научных вѣрованій, послѣ окончательнаго провала всѣх их, у нас уцѣлѣла, нам удалось спасти лишь одну исторію культуры. Мы можем отрицать нынѣ и религію и науку, но у нас остается фактъ нашего прошлаго, наивнаго, дѣтскаго вѣрованія, у нас остается исторія, воспоминаніе потерянной вѣры

Исторія культуры это исторія нашего суевѣрія—она и есть нынѣ [illegible] стоящая твердо на собственных своих ногах наука. Пока человѣчество еще не потеряло интерес к своему прошлому, к своим заблужденіям, тѣм болѣе пока еще есть *вѣрующіе*, *исторія культуры* будет тот арсенал, куда всѣ спорящіе обратятся за оружіем. Исторія культуры, [illegible] владыки новой цивилизаціи, Пантехники, будет единственным маяком, к которому взоры сомнѣвающихся и колеблющихся будут устремлены вопрошающе. От нея они получат укрѣпленіе и подтвержденіе, и избавленіе от разъѣдающих их сомнѣній.

Исторія культуры уже однажды исполнила свою высокопочтенную роль могильщицы религіи, служа ей и гробницей. Она должна и бу-

дет это исполнить и по отношенію к наукѣ. Послѣ краха науки, послѣ разочарованія в ней, как в истинѣ, послѣ ея угашенія, как „цивилизація“, она должна стать „культурой“, отправиться на покой в архив человѣческаго суевѣрія.

Раз находятся люди, переросшіе науку,—а это факт!—то для них наука, со всѣм ея громоздким скарбом, должна умѣститься в соціологіи, в исторіи культуры, в исторіи бывших человѣческих вѣрованій. Пусть возмущаются суевѣры науки, но мы имѣем на это полное право. Как послѣдователи науки вполнѣ правильно помѣстили религіозныя системы в соціологію (Леббок, Тайлор, Спенсер), так мы вправѣ помѣстить туда, в исторію культуры, в соціологію—и религію и науку, как исторію человѣческаго заблужденія.

Исторія человѣческаго суевѣрія дѣлится у нас на два главных періода: *на религіозный и на научный*. И основных культурных типа, таким образом, два: религія и наука, продѣлавшія, в общем, тѣ же стадіи развитія и вырожденія, развитія в себѣ, к самоцѣли, и вырожденіе, как средство, как оторванность от бытія, от практической культуры, от техники.

Вѣра в фантазію и вѣра в интеллект—это два основных заблужденія человѣчества и потому два основных типа культурных форм.

2. Четыре отрасли научнаго суевѣрія.

Итак, исторія культуры это исторія религіознаго и научнаго суевѣрія.

Но суевѣріем, обыкновенно, принято называть практическія народныя вѣрованія, которыя представляют собою уцѣлѣвшіе остатки древней магіи. Однако, наши изслѣдованія и религіи, и науки нас привели к тому убѣжденію, что пренебрежительная в устах ученых и религіозных кличка: „суевѣріе“, есть лишь самомнѣніе суевѣров, увѣровавших в свое суевѣріе. Никакой разницы между вѣрой и суевѣріем, как и между наукой и суевѣріем нѣт, — вот слова, которыя говорит всякому безпристрастному вся исторія культуры.

Что такое суевѣріе?

Суевѣріе—это примѣненіе воображаемаго на дѣлѣ, приложеніе продуктов вымысла к реальному. А это есть, в конечном счетѣ, задача всякой религіи и науки. Так что в существенном, в основной своей сущности, всякая религія и наука есть магія или стремится к ней, если она высоко отвлеченна. И эта магичность религіи и науки возрастает, поднимается сообразно ея степени отвлеченности, так что высшія формы религіи, іудаизм и христіанство еще болѣе магичны, чѣм язычество, в том отношеніи, что они примѣняют высшіе продукты воображенія в своей практикѣ, как, и в свою очередь, нѣмецкая наука и философія (германизм) и марксизм, примѣняя наивысшія обобщенія, вѣрнѣе, отвлеченности в своей практикѣ еще болѣе, магичен, суевѣрен и фанатичен в своей науко-вѣрѣ.

Мы, таким образом, имѣем полное право, в *общем*, всю религію и науку в цѣлом, всѣ ея виды, без исключенія разсмотрѣть как одну

магію, хотя *спеціально* религію как и науку мы разбиваем на особые періоды: 1) собственной магіи, первичной магіи, соціомагіи (в наукѣ — періодъ искусства и торговли), 2) мина (в наукѣ: метафизика), 3) язычества (в наукѣ: естественно-научность), 4) юдаизм (в наукѣ: германизм) и 5) христіанство (в наукѣ: марксизм).

Включая всю науку в область магіи, на простом языкѣ, суевѣрія, мы собственно ничего особеннаго не дѣлаем, мы лишь возстановляем старую родительскую связь, что между физикой и метафизикой (а чрез нее с религіей), между астрономіей и астрологіей и, между химіей и алхиміей и т. д. Словом, мы напоминаем старую непріятную связь низкаго происхожденія.

Еще болѣе, почти что все остается по старому — даже классификація наук. Нам придется лишь прибавить слово „суевѣріе". Остается старое четырехдѣленіе: вмѣсто науки о природѣ — суевѣріе о мірѣ; вмѣсто наук біологических — суевѣріе о тѣлѣ; вмѣсто психологіи, науки о духѣ — суевѣріе о духѣ. и, наконец, вмѣсто соціологіи или науки об обществѣ — суевѣріе об обществѣ.

3. Христіанство и марксизм, как культурныя формы.

В предыдущем уже выяснилась характерная особенность нашего разсмотрѣнія марксизма. Культурно-сравнительный метод, разросшійся до *культурологіи*, до охватыванія, — всасыванія и критической оцѣнки всей человѣческой культуры, одним взмахом разсѣкает запутанные узлы познанія и культуры. Религія поднимается до науки, наука опускается до религіи, так что между обѣими существенной разницы нѣт. Как религія была лишь культурной формой, ошибочно связываемой и порою даже отожествляемой с бытіем, в данном случаѣ, в христіанствѣ, с соціальным бытіем, так и наука. И послѣдняя, будучи лишь формой культуры, ошибочно отожествляется и связывается с бытіем. Марксизм, таким образом, уж одним тѣм, что он является научной формой, формой культуры не может быть, никоим образом не может быть формой соціальнаго бытія. И в этом основная ошибка наивных фанатиков марксизма, раскрытію которой в существенном посвящена вся эта первая часть нашей книги. Недуг суевѣрнаго отожествленія *культурных соціальных* форм с самим соціальным бытіем может излѣчить воистину лишь наш культурно-сравнительный метод, показывающій воочію всю безсмысленность этой идентификаціи на примѣрѣ уже опровергнутых культурных форм. И, в дѣйствительности, по отношенію к христіанству никто нынѣ не станет больше отожествлять его с соціальным бытіем, между тѣм как марксизм, по глупому соціальному суевѣрію, налагает нынѣ руку на исторію, как нѣкогда христіанство. Но вот, будем надѣяться, что культурно-сравнительный метод раскроет и этот послѣдній обман лживо созданной иллюзіи тождественности с бытіем и в области соціальной, гдѣ он опирается на благопріятствующій моментъ самовнушенія и на соціальный психоз. Будем надѣяться, что *культурно-сравнительный метод излѣчит*, наконец, *человѣчество и от соціальнаго суевѣрія, черпающаго свою силу и оправданіе в соціальном психозѣ.*

4. Марксизм, как послѣднее, именно, соціальное суевѣріе.

Исходя из абсолютной непознаваемости и не-непознаваемости міра, т.-е. из абсолютной несоотносительности бытія с мышленіем, и вытекающей отсюда абсурдности всякой, какой бы то ни было попытки познанія міра, безразлично с помощью ли фантазіи или интеллекта, иллюстраціею и подтвержденіем чего служит вся исторія культуры, самим собою разумѣется, что мы всякія попытки теоретическаго познанія общества считаем обреченными на самообман.

Если физическій мір несоотносителен с познаніем, то тѣм болѣе общество, т.-е. соціальный мір. Уже не говоря о том, что нѣкоторые, вообще, отказываются признать за исторіей право на названіе науки, в виду индивидуальности и неповторяемости, на их взгляд, ея явленій, сам факт спора, во всяком случаѣ, говорит о слабости соціальной науки, как таковой. И сами приверженцы соціальной науки не признают за своими законами той всеобщности и неизбѣжности, которыя им обыкновенно приписываются в естественных науках.

К этому, крайне интересному вопросу, мы еще вернемся нѣсколько раз. Мы его разсмотрим, как в соціофилософіи, так и, еще подробнѣе, в соціомиѳологіи, т.-е. в той части, которую посвятим чисто-теоретической соціальной наукѣ.

Интересен этот спор для нас не только противоположностью своих взглядов, не только тѣм, что он, как всѣ научные споры выявляет нам слабую позицію обѣих сторон, ибо из уст естественников мы слышим порицаніе и осмѣяніе соціологіи и из уст соціологов—порицаніе и осмѣиваніе метафизических естественных наук с их небылицами: атомы и т. д. Он интересен для нас тѣм культурно-историческим курьезом, который кроется в нем. В то время, когда исторія является праматерью всѣх наук, еще болѣе, прообразом всѣх наук, кладовой, из которой черпались всѣ научныя понятія, и математическія и физическія, как понятія о времени, о пространствѣ и причинности, которыя всѣ они вначалѣ были соціальными понятіями, соціоморфизмами: понятіе о времени было время царствованія царей-богов,-предков-родоначальников, создателей людей и вселенной, пространство—территорія их владѣній также историческое понятіе и, наконец, причинность, понятіе о законѣ же, безсомнѣнно, является отображеніем историческаго закона, т.-е. закона, о котором разсказывает нам исторія, значит государственнаго, юридическаго, царскаго, бывшаго вначалѣ божье религіозным и, подконец, природно-научным. Несмотря на все это культура готовит нам курьез непризнанія за самой исторіей права на званіе науки.

Для нас становится ясным, что естественныя науки как бы боятся разоблаченій исторіею естественно-научнаго обмана, возвращенія к тому первоисточнику науки и религіи, человѣческому обществу, уродливым отображеніем котораго, в сущности, является и яко-бы идеально-точная астрономія.

И соціальныя науки, в дѣйствительности, приближают нас к афизизму, к безвѣрію в науку и религію тѣм, что они показывают нам как образуются научныя понятія под вліяніем соціальных условій и,

слѣдовательно, прототипов, что религіозныя и научныя понятія лишь *культурныя понятія*, а культурное всегда есть соціальное

Таким образом, мы тут близки к разгаданію тайны возникновенія всѣх наших заблужденій. Тут лишь не хватает поставить вмѣсто термин „условія", который придает заблужденію,—уродливости суевѣрію вид законности,—термин „прототип", „образец", и раз навсегда объявить, что вся религія и наука не только находится под вліяніем соціальных условій, не только является продуктом, как учит марксизм, а простое копированіе, подражаніе, и, слѣдовательно, извращеніе, уродливое зеркальное отображеніе в культурѣ, которое, сначала переносится на физическій мір, а, послѣ, к довершенію своей нелѣпости на сам соціальный мір.

Нелѣпость соціальнаго суевѣрія, называемаго наукой, заключается как в его удвоенном извращеніи, так и в его пребываніи в здравом умѣ.

Соціальная наука как бы нормальна, как бы критистически—и все же суевѣрно нелѣпа.

Она преподносит человѣческому обществу, оригиналу, его обезображенный чрез прилѣпливаніе к міру, и передергиваніе, и передразниваніе послѣднего, снимок—и притом еще, сохраняя сознаніе, что он обезображенное и исковерканное этой естественной наукой (метафизической и отвлеченной, и по ея понятіям) чудище, объявляет его обязательным для оригинала, претендуя на преобразованіе этого оригинала согласно чудищу-снимку.

Нелѣпѣе этой трехэтажной нелѣпости, трехкратнаго перекувырканія, чтоб стать на собственном своем каррикатурном красном носу—нелѣпѣе этого марксистскаго финала треска—вывода из марксистских, порою довольно трезвых предпосылок никто, кромѣ этого иллюстратора послѣдняго научнаго банкротства, никто, конечно, придумать не мог бы.

5 Статистика и число.

Чтоб довершить свою нелѣпость, современная наука стараясь быть чисто-описательной, своим феноменализмом возвращается к старой памяти исторіи. Что такое исторія, если не праматерь и первообраз описательной науки.

Я есмь первая и послѣдняя—она могла бы сказать словами бога. Она и богиня всѣх наук, показывая нам истинную безпомощность всѣх богов и богинь.

Наука, таким образом, *вышла из исторіи и вернулась в исторію*.

Но еще поразительнѣе дальнѣйшій возврат к первоначальному.

Вторая за исторіею наука это математика. Начало числа это царская десятина, оброк, подсчет голов, слѣдовательно, соціальная математика.

Соціальная современная наука, желая быть индуктивной, точной, соперничать с естественными науками, основывает все на статистике

Но что такое статистика, сознавая абсолютную непознаваемость и не-непознаваемость бытія, абсолютную несоотносительность и соціальнаго бытія с нашей „культурой", как продуктом нашего творчества,—

что такое статистика, если не обезображенный исковерканный чрез переламливанія в воображаемой физической средѣ, извращенный, воображаемый лживый, снимок, предъявленный оригиналу для замѣны его.

6. Абсурдность марксизма.

Если *числа* в реальном и дѣйствительном не существует, если мы нынѣ знаем, что всѣх этих понятій нѣт в „мірѣ в себѣ“, и тѣм болѣе его нѣт в „обществѣ в себѣ“, то что толку и проку в статистикѣ, в подсчетѣ того—чего нѣт, в подсчетѣ того, что, в дѣйствительности, несоотносительно, как с временем, пространством, причинностью, числом и т. д.

Пора понять, что мір, тѣло, дух, общество сами в себѣ и не в пространствѣ, во времени, в причинности, в числѣ и т. д. и не внѣ них. Самое возможное, самое мыслимое, самое удобовыразимое—и то лишь антропоморфически и соціоморфически!—это то, что они несоотносительны со всѣми этими нашими понятіями.

Послѣ этого что за смысл во всѣх наших теоріях, ученіях, науках о мірѣ, тѣлѣ, духѣ и обществѣ!

Науки о духѣ показывают, что наши научныя теоріи, построенія—продукт нашего творчества, нашего вымысла в двух формах: в фантазіи и интеллектѣ.

Вот первое паденіе науки.

Науки об обществѣ показывают, что наши теоріи, построеніе—продукт общества, не истины, а культура, слѣдовательно, суевѣріе, самовнушеніе и самообман.

Вот второе паденіе науки.

Науки о духѣ это, слѣдовательно, одно лишь подрываніе престижа и вѣры в науку. В этом их сила и заслуга, их сила—самоотреченіе, самоубійство.

Науки об обществѣ, далѣе, второй раз подрывают и без того подорванный престиж вѣры в науки.

Их сила и заслуга—доконаніе науки.

Марксизм, слѣдовательно, может лишь убить науку—и это его задача!—но никоим образом сам стать наукой.

Христіанство, упраздняя язычество и юдаизм, упразднило само себя. Христіанство упразднило религію.

Марксизм, упраздняя естественныя науки и науки о духѣ, доказывая, что и послѣднія являются лишь „продуктом“ экономических условій,—упраздняет самого себя, науку вообще.

Кантіанство—это первая *анти-наука* и пожелав сама стать наукой стало первым абсурдом.

Марксизм—это вторая *анти*-наука. И пожелав сам стать наукой (да еще какой! опять аподиктично!) стал вторым немыслимым абсурдом.

Марксизм—это удвоенный и т. д. абсурд!

Его задача — убійство науки. Его добродѣтель — самоубійство, упраздненіе самого себя.

Положительное и жизненное—даст Соціотехника. За нею идет Пантехника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Соціомагія и соціотехника или обществознахарство и обществостроительство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Христіанство и марксизм.

		Стр.
I.	Обман міровой революціи. Вступление.	3—5
II.	Христос и Маркс.	6—10
III.	Основное заблужденіе Христа и Маркса	11—13
IV.	Эволюція как крах англійской науки.	14—15
V.	Эмпиризм и трансцедентализм.	15—16
VI.	Монизм и абсолютизм	17
VII.	Нѣмецкій монархизм.	18
VIII.	Монизм Христа и Маркса	19—21
IX.	Этическій матеріализм Христа и историческій матеріализм Маркса	22—26
X.	Мнимый интернаціональный характер и значеніе христіанства и марксизма	26—31
XI.	Колоссализація и конверсализація, как соціомагія	31—33
XII.	Ленинизм, іезуитизм, или кто виновный?	34—39
XIII.	Папизм, большевизм	39—42
XIV.	Деноминилизація, как один из видов марксистской и христіанской соціомагіи	42—47
XV.	Заклинаніе и запугиваніе, как виды соціомагіи, фобомагіи.	47—89
	1. Моисеев закон, как магія проклятія и благословенія:	49—66
	2. Закон Хаммураби и магія запугиванія	66—73
	3. Насиліе закона над техникой и убиваніе в корнѣ соціотехнику закономъ.	73—79
	4. Христос и Маркс, как государственники, т.-е. соціомаги	79—80

5. Инквизиція, как царство божіе Христа, и чрезвычайка, как царство свободы Маркса. . . . . 80—82

6. Государство или соціотехника. . . . . 82—89

XVI. Безнравственность христіанства. . . . . 89—92
XVII. Монизм и его практическое противорѣчіе. . . . . 93—94
XVIII. Безцерковность и безпартійность. . . . . 94—95
XIX. Магія реакціи. . . . . 95—99
XX. Вперед и назад. 100
XXI. Толстой и техника. . . . . 100—102
XXII. Освобожденіе техники . . . . . 102—103
XXIII. Пренебреженіе техникой-соціотехникой . . . . . 103—105
XXIV. Трагизм Толстого. . . . . 105—106
XXV. Отказ от европейской культуры. . . . . 106—107
XXVI. Аскетизм и монизм . . . . . 107—108
XXVII. Соціальный аскетизм или соціомагическій революціонизм. 108—111
XXVIII. Монизм и пессимизм. . . . . 111—112
XXIX. Умерщвленіе духа—единство духа—Христа и Маркса. . 113—116
XXX. Наша культурно-сравнительная схема . . . . . 117—118
XXXI Точка исхода Моисея и Канта. . . . . 118—132

1. Постепенная трансцедентализація бога . . . . . 119—128

2. Первичные трансцедентализм и монотеизм и критистическія. . . . . 128—131

3. Критицизм юдаизма и германизма, как могильщик религіи и науки . . . . . 129—131

4. Національная психологическая подкладка критицизма. 131—132

XXXII. Психологизм Моисея и Канта и соціологизм Христа и Маркса . . . . . 133—135
XXXIII. Нарожденіе атеизма и противонаучнаго анархизма техникизма, физизма . . . . . 136—138
XXXIV. Паденіе и вырожденіе религіи и науки. . . . . 138—142
XXXV. Безчинства партии, как научной церкви. . . . . 142—144
XXXVI. Неопапизм и неотократія-натурократія . . . . . 145—146
XXXVII. Человѣколюбіе и ученоподобіе . . . . . 147—151
XXXVIII. Научная война народов и классов . . . . . 151—154
XXXIX. Монизм и фанатизм. . . . . 154—160
XXXX. Непониманіе христіанства . . . . . 161—162
XLI. Пророки и Христос. немѣцкіе философы и Маркс. . . 162—164
XLII. Критицизм и національный шовинизм . . . . . 164—165
XLIII. Марксизм и партійный шовизм или партія выше всего . 165—167
XLIV. Гегемонія націи, гегемонія церквей и партіи. . . . . 167—168
XLV. Лжелюбовь христіанства, лжесолидарность марксизма. . 168—173
XLVI. Соціальная озлобленность и соціальный фанатизм.. . . 174—175

XLVII. Національное избранничество и соціальное. . . . . 175 –177
XLVIII. Три ступени фанатизма. . . . . 177—183
XLIX. Вред избранничества. . . . . 183—185
L. Конверсализація как магія избранничества, избранничество глупости—смерть и одиченія . . . . . 185—187
LI. Трансцедентализм, идеализм и угнетеніе . . . . . 187—188
LII. Соціальный момент монизма. . . . . 188—198
LIII. Миссія еврейства и миссія немцев. . . . . 199—202
LIV. Синагога и университет, церков, и партія, как институты соціомагіи . . . . . 202—203
LV. Юдаизм и германизм. . . . . 204—208
LVI. Іудеи и немцы. . . . . 208—214
LVII. Христіанство и марксизм, как критическіе и прикладные монизмы . . . . . 214—220
LVIII. Наша задача . . . . . 220—223
LIX. Резюме . . . . . 223—224
LX. Космологія или культурологія—формы бытія или формы культуры. . . . . 225—231
1. Два основных типа культурных форм . . . . . 226—227
2. Четыре отрасли научного суевѣрія . . . . . 227—228
3. Христіанство и марксизм, как культурныя формы . 228—229
4. Марксизм, как послѣднее, именно, соціальное суевѣріе. 229—230
5. Статистика и число. . . . . 230—231
6. Абсурдность марксизма 231
Оглавленіе . . . . . I—II—III

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

Замѣчаніе.

Из-за разных технических причин, в книге осталось много опечаток. Слово „трасценденттный“ везде напечатано отибочно „трасцеденттный“.